1 р. 25 к.

Индекс 70544

1991

2

*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Константин Васильев. Поединок

МГ 1991 2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

*Москва, ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»*

В НОМЕРЕ:

● ПОЭЗИЯ

Иван САВЕЛЬЕВ. **Поднимайте красные знамена.** Стихи. — 3

Слово об Отечестве

Компартия России — партия возрождения. Беседа с первым секретарем ЦК Компартии РСФСР И. К. Полозковым. — 8

● ПОЭЗИЯ

Евгений КУРДАКОВ. **Ты — звезда.** Стихи. — 19

● ПРОЗА

Н. ЗАДОРНОВ. **Какой просторный мир.** Рассказ. — 26

● ПОЭЗИЯ

Станислав ЗОЛОТЦЕВ. **Ты слышишь, береза...** Стихи. — 39

● ПРОЗА

Дмитрий МИЩЕНКО. **Лихолетье Ойкумены.** Исторический роман. — 44

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» — 97

● НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Иван ИЛЬИН. Мысли о России. Окончание. 195

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

А. КУЗЬМИЧ. Россия и рынок 207

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ШИПИЛОВ. Кто дал право быть равнодушным к судьбе Отчизны? 216

Юрий КАЛАБУХОВ. Белые пятна и мифы истории. Троцкизм и перерождение «старой ленинской гвардии». 221

Николай СЕМЕНОВ. Мы смерти смотрели в лицо. 237

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Читатели о повести Николая КУЗЬМИНА «От войны до войны». 245

За правду — на скамью подсудимых. В. ЗАРУБИН. Стриптиз «демократа». В. КРУГЛОВ. Под огнем «пятой колонны». РУССКИЙ ОБЩИННЫЙ СОЮЗ. Коль у нас насаждается капитализм — народ должен позаботиться о себе сам. Сергей КОРШУНОВ. Найти свою дорогу.

Ироническим пером
Никто не забыт, ничто не забыто, или Актуальное интервью с Лейбой Бронштейном. 261

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виталий КАНАШКИН. О национальном отступничестве. 265

Владислав ШАПОВАЛОВ. Кто нас учит русскому языку. 272

● РОССИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 282

Первая страница обложки журнала: Рис. Г. Комарова
Четвертая страница обложки журнала: Фото Г. Бибика

«Молодая гвардия», 1991, № 2, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Иван САВЕЛЬЕВ

ПОДНИМАЙТЕ КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА

ПО ЭТАПУ

Чтобы выжить у нас —
И кретином к тому ж
Не остаться,
Надо уши заткнуть
И глаза поплотнее закрыть...
По утрам просыпаюсь
С трудом —
Не хочу просыпаться,
Чтоб не видеть дурдом
И с кликушами
Рядом не быть.
Приучите меня на разбой
Реагировать слабо,
Научите молчать,
Когда поезд идет

Под откос.
Я на кухню приду —
Слышу вещее слово
«Прорабов»,
Я газету куплю —
Прорицают с газетных
полос.
А верховная власть
Беспокойный народ
Успокоит:
«Это новый этап,
Судьбоносный этап.
Поднажмем!..»
Мы, устав нажимать,
Подтянули затянутый пояс.
Все этапы пройдя,
Всей страной
По этапу бредем...

ПЕТЛЮ НА ШЕЮ

Замордовали старшего
брата.
Это за дружбу настигла
расплата.
Младшие братья, как воры
в законе.
Гонят его из Баку
и Эстонии.
Как милосердны вы,
младшие братья,
Как удивительно стройно
запели, —
Брат вылетает из сонной
постели.
В платье Адама,
в Евином платье.
Ах, до чего они стали
лихие!
Ленину — все, поголовно
наглея! —
Дети Бандеры,
«братья лесные» —

Петлю на шею!
Петлю на шею!
Так вот история
переиначивается,
Входит в сознание
с черного хода.
Кровное ль братство кровью
расплачивается,
Вызрев нарывом на теле
народа?

* * *

Мы раздаем налево
и направо
Все, что держали
в волевых руках...
Стоят в глазах развалины
державы —
Я на ее скорблю
похоронах.
И нет войны — а кровь
людская льется.
И мой народ —
уже полуживой.
И это все, родное
руководство,
Заносится в твой список
послужной.

* * *

Пускай стригут другие
дивиденды —
У нас вознагражденье
по труду, —
Я ничего не жду
от президента,
И вообще я ничего не жду.
Когда под флагом
нагнетают страсти,
Да так, что, сокрушающе
сплотясь,

Встает народ
против
своей же
власти, —
Хочу спросить я:
Чья же это власть?

ПОДНИМАЙТЕ КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА

Поднимайте
красные знамена
Временем
униженных сердец, —
Наступает пятая колонна,
Чтоб России наступил конец.
У России вера иссякает,
Перед взором —
Не видать ни зги, —
Пятая колонна наступает,
Те же, что у Ленина, враги.
Били их — но и теперь
в избытке
Лицедеев, окруживших трон.
Поднимают саван недобитки
Для Руси последних похорон.
Где река, чтоб к берегу
прибиться,
Воздухом надежды
подышать, —
Захватили — разом! —
две столицы,
Чтоб Россию как Христа
распять.
Я не слышу песен,
Слышу стоны —
Не хватает слез у синевы.
Наступает пятая колонна —
Начат шаг у черного Сиона,
Утвержден — на улицах
Москвы.
До верхов уже
не достучаться,

Только Русь огонь несет
в очах.
Тяжко прогибается
брусчатка —
Пятая колонна держит шаг...

* * *

Нечего на близкий свет
рассчитывать,
Если день, как человек,
ослеп,
Хочется высокого
и чистого —
Вечного, как музыка и хлеб.
На просторах,
злобою очертанных,
Исказивших светоносный
путь,
Хочется щекой надежд
исчерпанных
К радости невидимой
прильнуть.
Хочется. Но силы,
что лепили
Столько лет провидцев
образа,
Человечество лица
лишили —
Из-под маски
корчатся глаза...

ПОЭТ

Дела его, кажется, плохи —
В открытую прет на рожон...
Поэт — летописец эпохи
И, значит, на смерть обречен.
Политик — пропьется. Проспится,
Уйдет, промотавший страну.
Поэту ничто не простится —
И гибель поставят в вину.

Москва

КОМПАРТИЯ РОССИИ — ПАРТИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

БЕСЕДА С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КОМПАРТИИ РСФСР **И. К. ПОЛОЗКОВЫМ**

— Иван Кузьмич, как известно, после Учредительного съезда Компартии РСФСР и XXVIII съезда КПСС Вы провели немало встреч с партийным активом различных районов Москвы, побывали на предприятиях и в учреждениях. Что дали Вам эти встречи для оценки нынешней ситуации в стране, в частности в России, в партии!

— Встречи с людьми, с «живым», так сказать, залом — вещь очень полезная. Слишком много разного рода организационных и прочих фильтров всегда отделяет нас от непосредственного бурления страстей и как-то искажает, а точнее говоря, сглаживает картину умонастроений. А тут — все открыто. И главный же вывод, что напрашивается, — люди плохо осведомлены о реальном состоянии дел в партии, они весьма односторонне знают и о происходящем в стране. Вещь парадоксальная: казалось бы, в условиях гласности всякий человек должен быть во всеоружии сведений и оценок, может буквально купаться в широчайшем спектре мнений, выбирая более близкое для себя. Ан нет. Часто, очень часто материалы эти тенденциозны. Скажем, очень большое хождение в коллективах получил усиленно подбрасываемый многими органами массовой информации тезис о якобы «незаконном» создании КП РСФСР. Начинаешь выяснять, откуда такое взято, а человек этот ничего толком ответить и не может — сам партийные документы не изучал, в решениях наших форумов (конференций, съездов) не разбирается. Читал, мол... Вот так и создается общественное мнение.

Подобных примеров привести можно много. Главное не это. Очевидно, что подобные наскоки чаще всего — дело наносное, чуждое глубинным настроениям людей. Приходишь в тот или другой коллектив и начинаешь беседу с весьма взбудораженным, даже враждебным залом, а заканчиваешь с чувством, что побывал в общем-то в среде единомышленников. Наверное, это самый важный итог такого рода встреч. А значит, больше надо контактировать с людьми, шире знакомить россиян с точкой зрения партии. А это трудно. Нас не жалуют в большинстве средств массовой информации. Создание же собственной сети газет, журналов, телевизионных каналов — дело сложное, сразу его не поднять. Вот и получается нечто вроде замкнутого круга. Хоть листовки печатай да расклеивай, как в старину делалось!

— Охарактеризуйте, пожалуйста, сегодняшний момент. Какие политические силы действуют в России!

— Ну, сказать, что момент сложный, даже трагический — значит ничего не сказать. Это уже практически все понимают. А вот суть этих трудностей выявить — задача интересная и сложная. Думаю, что определить нынешнюю ситуацию можно по-разному, но в том числе и так: старое мы развалили, нового же, жизнеспособного, пока не создали. Все еще продолжается и без того слишком затянувшаяся стадия разрушения, так сказать, «расчистки» строительной площадки под нечто новое. А жить на развалинах, как известно, — дело, мягко выражаясь, некомфортное. В целом же в центре повестки дня, на мой взгляд, стоит вопрос, кто поведет страну, Россию дальше. Претендентов на эту роль хватает — уже несколько десятков партий образовалось. Однако, похоже, ни у кого из них сил для такого дела нет. Нравится это кому-то или нет, но осью общественной жизни остается Компартия. (Заметьте, кстати, выход из нее идет совсем не так, как это предсказывалось, более того — приток новых членов нередко компенсирует потери.) КПСС переживает сейчас свой катарсис — очищение. В условиях острейшего кризиса снова начал возрождаться ее демократический, народный характер. Хотя процесс этот развивается совсем не просто — слишком много накопилось у нас старых, омертвелых традиций, изживание которых идет болезненно.

— Как Вы относитесь к созданию новых партий! Услышим ли мы, в частности, хотя бы от КП РСФСР, оценку программ этих партий, об их деятельности! Люди хотят определенности, они желают знать, что собой представляет та или иная партия. Они не могут взять в толк, как, например, Н. Травкин, народный депутат СССР и РСФСР, и Г. Каспаров, чемпион мира по шахматам, собирают под свои знамена антикоммунистов. Трудно эту информацию затолкнуть в голову, зная, что и тот и другой совсем недавно были членами КПСС и благодаря этому членству, по сути дела, добивались высот и положения в обществе. Откуда у нас антикоммунисты! А сколько новых партийных образований, прикрывающихся прекрасными лозунгами, ведут в стране подрывную работу! Охарактеризуйте антикоммунистические и антисоциалистические силы, действующие в стране.

— Ну, такого рода задача, если брать ее в полном объеме, — под силу лишь хорошему научно-исследовательскому институту. Процессы образования новой многопартийной системы еще только-только начались, и выступать с какими-то итоговыми оценками я бы не стал. А вот по частностям выскажусь. Как я отношусь к созданию новых партий? Очень позитивно. Партии — это группы единомышленников. И надо предоставить таким сообществам людей, думающих в целом одинаково, все возможности объединяться. Это не только демократично, но и намного упрощает саму оценку общественных реальностей, делает ясным, кто и за что стоит. Поэтому я считаю в целом позитивным фактом и то, что из КПСС сегодня выходят люди, потерявшие с нею, то есть с основной частью коммунистов, духовные связи и политическое родство: партия очищается. Пусть идут в иные организации, мы будем с ними вести диалог, спорить, сотрудничать, состязаться в борьбе за влияние на людей, за право управлять страной. Хуже, когда люди давно уже ни в какие наши идеалы не верят, когда им кружит голову вдруг открывающаяся будто бы возможность стреми-

тельно разбогатеть, когда они начинают ненавидеть коммунистов, якобы мешающих им в этом, но тем не менее... остаются в наших рядах. Кто-то делает это, возможно, из опасения (а вдруг коммунисты уцелеют!); кто-то надеется повернуть мощь КПСС против ее же коренных интересов; а кое-кто и просто намеревается совать нам палки в колеса. Порядочно ли это с чисто человеческой хотя бы стороны? Думаю, что нет!

Далее, Российской компартии еще предстоит, конечно, определить свое отношение к каждой из ныне действующих и тех, что еще появятся в будущем, партий. От этого не уйти. Но тут надо сначала разобраться, научно проанализировать каждую такую организацию. Наверное, этим и займутся те научные структуры, которые наша партия собирается создавать и уже формирует.

И еще, на этот раз — об антикоммунистах. Тут надо, на мой взгляд, различать два весьма разных явления. Одно из них массово. Речь идет о людях, которые связывают все наши исторические несчастья и нынешние просчеты исключительно с Компартией. Мол, она во всем виновата и потому — ату ее! В сущности, это те, кто попал в зону мощного эмоционального взрыва, последовавшего за снятием морально-политических и прочих оков, лежавших на нашем обществе. Это, в общем-то, вполне естественная реакция на наше прошлое. С этими людьми, как правило, нам не воевать надо, а упорно и со всем дружелюбием работать, разъяснять им истину. Ну разве виноваты в наших общих бедах миллионы рядовых коммунистов, несших на себе все тяготы и невзгоды жизни, первыми грудью встававших и на защиту страны, и на решение жизненно необходимых для нее проблем. Им памятник надо ставить, как и всему нашему народу, а не травить под улюлюканье тех, кто раньше сидел по щелям, славил очередных вождей, ни к чему дельному руки всерьез не приложил, поворовывал, потորговывал из-под полы, а теперь решил, что его час настал, и «развернулся» во всю силу.

Но есть и другая группа людей, малочисленная, но крайне активная. Это — перерожденцы. Присмотритесь, ведь они-то, как правило, и есть плоть от плоти той самой партийной и околопартийной бюрократии, всю жизнь пользовавшиеся привилегиями, рвавшие для себя где только можно, за свою карьеру топившие любое дело и всякое начинание. Именно они всегда были «первыми» в любой самой бессмысленной кампании, вечно пытались бежать, как говорят в народе, «впереди паровоза». Изменились времена — и они снова вскарабкались на гребень волны: клянут то самое, чему вчера клялись в вечной верности, профанируют и опошляют наши ценности. Главное для них — не страна, не общество, а их личное место в нем. Вот и получается: вчера они были «ура-коммунистами», а ныне подвизаются в роли энтузиастов-могильщиков КПСС. Вчера еще они к месту и не к месту взывали к авторитету и самой идее Советов, а сегодня кричат об их «бесполезности» и готовы при первом же удобном случае разогнать эти органы народовластия. От таких надо четко отмежеваться и вести с ними беспощадную борьбу. Причем борьбу, конечно, демократическую, — показывая людям, с кем они имеют в данном случае дело и куда эти политические «перевертыши» могут привести Россию и Союз со своей беспринципностью и жаждой властвовать. Тут надо быть очень бдительными.

— Три четверти века назад, в канун Октябрьской революции, социал-демократы призывали ликвидировать частную собственность на средства производства, национализировать промышленность. При этом увлекательно-завлекательно разъяснялось, что если прибавочная стоимость перейдет из рук капиталистов в руки трудящихся и ее равномерно распределить, то все будут жить в достатке. А сегодня нынешние так называемые демократы и подобные им, напротив, призывают рабочий класс и трудовое крестьянство капитулировать перед капиталом, добровольно передать завоеванное в упорной борьбе право собственности рвущимся к власти «теневикам» и прочим авантюристам. Как же такое могло случиться у всех на глазах!

— Я бы для начала не стал так вот сравнивать, а тем более отождествлять «классическую» социал-демократию, тем более нашу отечественную, то есть большевиков, — с нынешними течениями и группами, также причисляющими себя к социал-демократам. У нас вообще произошла подмена понятий, ибо наши «левые» по всем существующим в мире критериям принадлежат к консерваторам и даже правым. А слова, придуманные ими для самонаименования, лозунги, лексика, — это всего лишь ширма, более или менее удачное прикрытие, рассчитанное на привлечение сторонников и, главное, — избирателей.

Если принять эту метаморфозу во внимание, то станет понятным, почему те силы, о которых вы говорите, ведут себя «не так». Нет, наоборот, их поведение вполне закономерно и полностью согласуется с их истинным лицом. Замечу, кстати, что и сами они сегодня уделяют все меньше сил для того, чтобы маскироваться под «левых». Сам набор выдвигаемых ими лозунгов и призывов говорит за себя: расправа над коммунистами, передача реальной власти в стране в руки предпринимателей (сиречь капиталистического элемента), свертывание только-только возродившейся власти Советов, вытеснение рабочего класса на периферию общества и т. п. Какие же это левые, о какой социал-демократии может тут идти речь? Разве только обманывать себя и жить по известному рецепту Козьмы Пруткова — «Не верь глазам своим!».

— Что Вы лично понимаете под словом «демократия»! Ведь с появлением нынешней демократии началось не созидание, а разрушение. Не кажется ли Вам, что «демократы» 1990 года чем-то напоминают «демократов» 1917 года! И тогда был лозунг «Все долой!». И сейчас. И тогда был лозунг о свободе, и сейчас. И тогда говорили, кто был никем, тот станет всем, и сейчас то же самое говорится. Правда, тогда тех, кто был против «демократов», расстреливали, сейчас пока нет. Как долго, по-Вашему, будут сожительствовать противники и сторонники «демократии»! Кто, на Ваш взгляд, противник «демократии»!

— Сначала о понятии. Мне кажется, что само слово «демократия» у нас уже успели захватать, замусолить. Его ощущение потеряно, а содержание — дискредитировано, опошлено. Скажи «демократия», и у многих — я это знаю по встречам с людьми — возникает образ мятущейся толпы, политических кликуш и разговоров, разговоров, разговоров... А ведь настоящая, созидательная демократия — великая и прекрасная вещь. Впрочем, сегодня я бы предпочел, наверное, почаще использовать другой, не затертый демагогами, термин — народовластие. Он скорее способен вернуть нас к первооснове понятия демократии, очищает его от

извращений. А то кое-кто у нас уже с поразительной беспардонностью настаивает на том, чтобы миллионы людей были превращены в бесправных нищих, и объясняет это... потребностями демократии. Их «демократия» — для себя означает диктатуру либо олигархию для всего остального общества.

Тут-то, как мне кажется, и скрывается корень многих из поднимаемых вами проблем. Все эти адепты своей индивидуальной или групповой «демократии» — одно, сторонники же народовластия — совсем другое. У нас же сегодня происходит смешение понятий, как то было и в 1917 году. Одни, твердя о демократии, преследуют свои политические цели, идут путем демагогии, действуют оружием популизма, играют на скорейших переменах к лучшему. Добившись своего — как то уже случилось в наше время в целом ряде Советов, — они тут же забывают про нужды этого самого народа и готовы использовать любые средства, дабы поставить его «на место» и заставить замолчать. Другие же, истинно стремящиеся к народовластию, пытаются взывать к чувству долга, здравому смыслу, патриотизму. Но их пока не всегда слышат, нередко же, в ослеплении людском, и склоняют в качестве «консерваторов». Иными словами, первые стремятся использовать силы народа для себя, вторые — для него же самого.

— Вам не кажется, что РКП должна очистить свои ряды! Ведь члены партии, имеющие иные, а порою диаметрально противоположные взгляды, оказывают партии лишь медвежью услугу, они наверняка будут ее компрометировать своими действиями и поступками. Каким образом избавляться от балласта первичным организациям!

— Это очень сложный вопрос. Тут важно не наломать сгоряча дров. Прежде чем ставить вопрос о таком «очищении», партии еще предстоит идейно, организационно, политически окрепнуть, а кое в чем — и заново сложиться. Пока она является в известной степени механически составленным целым, и это дает о себе знать. Ситуация упростилась бы, если бы все, несогласные с волей большинства, высказанной на Учредительном съезде, взяли и честно вышли из ее рядов. Я уже об этом говорил. Однако этого не происходит. И это понятно: выяснилось, что «свалить» Компартию не так-то легко. Она корнями вросла в общество. И при всех выражаемых в ее адрес критических чувствах партия, как в целом, так и КП РСФСР в частности, вновь доказывает свой глубинный народный характер. Ведь политическая сила, не питаемая народом, в нынешних условиях давно бы уже рухнула.

И потому, обратите внимание: наши домашние антикоммунисты перестраиваются. Лозунг «все вон из КПСС» сейчас явно снимается с повестки дня, и все чаще слышатся призывы бороться с коммунистами внутри самой партии. Ну что же, мы примем бой. И при этом, для начала, станем куда более требовательными при выдвижении людей на тот или иной пост в партии. Обратимся, наконец, к работе с кадрами, поставим заслон засорению руководящего слоя партийцев «гнилостными» элементами. Это и будет наш первый шаг на пути к очищению партии. Ну а на уровне отдельных коллективов кадровые проблемы должны решать первичные организации. Хотя мы отдаем себе отчет, что и тут не все просто. Нам известно, что есть целые организации, в которых большинство принадлежит людям, в действительности куда как далеким от идеалов партии и никак не желающим смириться с возникновением Российской компартии. Там объектами «чистки» скорее могут стать настоящие коммунисты, от которых под шумок попытаются избавиться. Нет, в политической борьбе все очень непросто.

— КПСС постоянно подвергается критике. Поскольку все российские коммунисты вошли в РКП, несут они какую-либо ответственность за прошедшее! А сама РКП!

— Давайте поставим вопрос так: а что такое КПСС и та же РКП? Это ведь люди. И сколько среди них, не говорю участников, но хотя бы — современников этого самого страшного прошлого? Считанные проценты. Абсолютное большинство партийцев тогда даже не родились на свет. Как же можно требовать от них какого-то личного ответа, может быть, кому-то не терпится заставить лучшие силы страны не работать на ее благо, а только каяться и каяться за дела, в которых они и не участвовали? Бессмыслица.

А вот с более близкими, «застойными», как у нас говорят, временами все обстоит куда сложнее. Но стараемся и здесь оставаться на почве реальности. Спросим себя: а что мог тот или другой отдельно взятый человек (скажем, лично вы) переменить в состоянии общества как такового? Да ничего! Хотя, конечно, он своим честным трудом способствовал развитию страны. Но ведь как раз так большинство наших соотечественников и поступало. За что же подвергать их остракизму? Поэтому, когда всю вину за наши невзгоды возлагают на коммунистов, я считаю это несправедливым. А нередко — и сознательно организуемой травлей.

Другое дело — вопрос об ответственности КПСС как правящей партии и политической организации. Виновата ли она в наших просчетах? Без сомнений! А разве кто-то в самой партии, в ее нынешнем руководстве это сейчас оспаривает? Откройте наши решения последних пяти лет, и вы увидите, что партия давно признала свою вину за темные страницы нашей истории. Ну а когда вопрос о ее ответственности делается просто картой в большой политической игре и от нее требуют вечного «покаяния», становится понятным, что главная цель тут — раз и навсегда поставить коммунистов на колени: так ведь легче будет снести им голову. Что до РКП, то она часть партии и вместе с ней разделяет и ответственность за нашу общую историю, и гордость за все свершения, которые ведь тоже были и забыть о которых, я убежден, народ наш никто не заставит.

— Не кажется ли Вам, что КПСС, а теперь и РКП шельмуют намеренно! Для чего это делается!

— Отчасти мы уже об этом говорили. И тут, я думаю, все достаточно ясно. Компартия — становой хребет нашей государственности, замены ей, как показывает опыт последних лет, нет, и найдется она не скоро, а значит, для всех сил, ставящих на развал и Союза и России, она не может не быть главным объектом атак и нападок. Если партия будет сломана, в стране воцарится хаос. И очень может быть, что пытающиеся ныне политически «продать» себя в качестве демократических (а на деле антинародные) силы смогут со своим весьма небольшим социально-политическим потенциалом добиться много и даже взять власть. А дальше, отбросив ненужную демагогию, они пойдут прямехонько по пути диктатуры. Такое в истории уже бывало. Мешает же им партия — полтора десятка миллионов человек, пусть и плохо, но организованных и сохраняющих чувство государственной ответственности и

порядка, то есть истинно демократические воззрения. Просто «перешагнуть» через них не удастся.

Тем более сейчас, когда возникла, наконец-то, Российская компартия. Почему такая бешеная травля развернута в ее адрес? Мне думается, что главную причину этого наши противники старательно скрывают. Ведь что только не вменяется ими в вину КП РСФСР. Все, кроме одного, о чем они старательно молчат, не желая, видимо, «навести на мысль» людей: Компартия России имеет смелость быть именно российской партией, а не чем-то иным, скажем, наднационально-всеобщим. Это пугает, и именно этого ей не могут простить противники нашего русского, российского возрождения.

— Ваше понимание классового подхода к строительству социализма в нашей стране сегодня? Наши читатели в своих письмах постоянно спрашивают, что такое общечеловеческие ценности? Как Вы относитесь к таким «ценностям» всего человечества, как мафия, преступность, проституция, наркомания? Эти «ценности» благодаря средствам массовой информации за годы перестройки у нас приумножились.

— Сначала о классовом подходе. Знаете, уж больно за последнее время этот термин испачкали. Но и до этого на протяжении целого ряда десятилетий его содержание искажалось и нашей пропагандой, и трудами многих из ныне столь критически настроенных ученых-обществоведов. Отвечая на ваш вопрос, можно было бы, наверное, начать с подведения под него некой теоретической базы. Но я предпочитаю ответить иначе — как я сам для себя понимаю, что значит в жизни классовый подход к чему-либо. На мой взгляд, это значит выяснить вопрос, как то или иное явление, событие, начинание соотносятся с интересами и делами основного большинства народа, создающего те материальные и духовные ценности, которые питают жизнь общества. Если оно идет на благо людям труда — оно классово в позитивном понимании этого термина, если ущемляет их свободы, права, интересы — значит, речь идет о факторе негативном, о том, что свои групповые требования диктуют иные социальные силы, стоящие на позициях, противоположных интересам созидающего большинства общества.

Теперь о вашем следующем вопросе. Для меня общечеловеческие ценности — это Родина, жизнь, семья, мать и отец, право личности на самореализацию в труде и творчестве. Упомянутые же вами явления, такие, как мафия, проституция и другие, я бы вообще — даже терминологически — к ценностям не относил. Это — социальная патология, отбросы общественного развития. Быть может, они неизбежны, но ценить их и любоваться ими... нет уж, извините. И когда у нас подобные вещи поднимаются на щит, провозглашаются как нечто общечеловеческое, это значит, что общество наше серьезно больно и нуждается в лечении.

— В то время как действует резолюция ООН (ноябрь 1975 г.), согласно которой сионизм квалифицируется как форма расизма и расовой дискриминации, в нашей стране создан Союз сионистов. Как Вы расцениваете этот акт?

— Наверное, как и большинство россиян: с недоумением.

— Как стало известно из программы ЦТ «Время», в Москве создано новое «неформальное» объединение — отделение клуба «Ротари интернейшнл». Его членами стали народный депутат РСФСР и СССР М. Бочаров, народный депутат СССР писатель А. Ананьев, писатель Ю. Нагибин и другие. Известно, что «Ротари-клуб» был создан в 1905 году американским адвокатом Харрисом. Это была международная масонская ложа — низшая ступень масонской иерархии. Президент московского клуба «Ротари» профессор права В. Мозолин на пресс-конференции, посвященной открытию клуба, заявил, что появление ротарианцев в нашей стране стало еще одним свидетельством демократизации общества и поворота к общечеловеческим ценностям. А не является ли это свидетельством официального утверждения масонства в нашем обществе?

— Сначала хотелось бы что-то серьезное прочесть о масонстве вообще и о такого рода клубах в частности. Ведь говорят сейчас об этом практически все и все по-разному. А вообще-то надо быть готовыми, что демократизация будет приносить нам самые разные «плоды», в том числе и такие. У нее тоже есть издержки, и немалые. Ведь тут как может стоять вопрос? Возникает не совсем понятное явление, не исключено — вредное для нашего общества. Раньше все решалось просто — запрещали. Сейчас признали, что такой подход — не метод. Значит, общество должно само искать противоядие против угрожающей ему организации, вырабатывать иммунитет на его присутствие. Насколько я могу судить, масонство, особенно его ориентированные на политическую гегемонию ответвления, всегда строит свою деятельность на тайне, на монопольном использовании информации. Значит, надо пустить в ход демократические рычаги, в первую голову — ту же систему информации и объяснять людям, что это такое, какие тут могут быть последствия. Иными словами — и здесь следует идти путем демократической состязательности. А вот к ней-то мы и не готовы. Ведь как делается в цивилизованном мире: появляется новая организация — сразу обнародуются ее устав, цели, задачи, состав, источники финансирования, отчеты об истраченных средствах. Последние обстоятельства особенно важны. У нас нередко сегодня так происходит: в организации считанные сотни человек, а траты ее на предвыборную борьбу, саморекламу и прочие нужды таковы, что впору задать вопрос: а не наши ли советские миллионеры в нее входят? Выясняется, что вроде бы нет, обычные граждане. Тогда откуда средства? Уместно вспомнить, что на том же столь часто поминаемом сегодня нами Западе неопределенность партии в финансовых делах — гибель для нее и ее руководителей. Особенно если возникают предположения, что используются деньги, полученные из-за рубежа.

— Что такое перестройка в Вашем понимании? Каковы ее критерии?

— На мой взгляд, перестройка — это приведение нашего общества в состояние, соответствующее новым условиям бытия, изменившимся людским потребностям. Критерий же ее успеха — эффективность, насколько лучше стал жить народ. Подчеркиваю, не отдельные его слои и группы, а народ в целом. Все остальные определения и критерии, даже самые отточенные и научно выверенные, — дело вторичное.

— Ваше отношение к теневой экономике? Можете ли Вы назвать лиц, которые стоят за ней? Какие практические шаги, если, конечно, не секрет, Вы намерены предпринять в борьбе с ней?

— Ну какое тут может быть особое личное отношение? Оно ана-

логично отношению всего народа — резко негативное. Кто за ней стоит? Это вопрос особый. Тут не предположения и даже не личные наблюдения требуются, а строго выверенные данные, тщательно разработанная политика, государственная линия. Думаю, нам нужна парламентская постоянно действующая комиссия по проблемам теневой экономики и мафии, обладающая самыми серьезными полномочиями. Необходимо действенное законодательство и верные стране, делу люди, которые будут претворять его в жизнь. А это в наше время — вещь дефицитнейшая.

— Исследования последних лет показывают, что в молодежной среде произошло крушение веры в то, что коммунизм является идеалом общественного устройства, конечной целью исторического развития. Молодежь очень критично относится к тому социализму, который построен в нашей стране. Около 20 процентов молодежи хотели бы по возможности уехать на постоянное жительство в другую страну, в том числе более 15 процентов — в капиталистическую. Этим в ряде случаев объясняют и то, что некоторые молодые люди идут на крайние меры, например, угоняют самолеты. Чем все это можно объяснить?

— У меня нет какого-то исчерпывающего ответа. Да и ни у кого его нет. Вы говорите, угоняют самолеты? Ну и на том же Западе, преподносимом нам порою в качестве совершенства, их угоняют, и чаще всего — молодые люди. Исходя из приводимой вами логики уж им-то желать нечего: они родились в этих вроде бы «беспроблемных» странах, а вот рвутся из них, идут на преступление. Почему? Насколько я знаю, пока никто это до конца не объяснил. Тут, видно, есть и социопсихологические аспекты, но многое объясняется и вещами, очень далекими от глобальных политических проблем. Ну а что у нас далеко не все хорошо обстоит с подрастающим поколением, так это факт, который отрицать глупо, а не учитывать — крайне опасно для общества. Да, многие наши ценности подорваны. Но ведь не потому, что они стали хуже, а из-за нашей же неспособности реализовать их на практике, в жизни. И тут нельзя сделать что-то принципиально отдельное для молодежи или другой возрастной категории людей. Повторюсь: надо лечить все общество. И лечить объединенными усилиями всех. А так что же — разбежимся кто куда, разве это поможет улучшить положение дел? Не стоит сбрасывать со счетов и другое. У нас же уж больно розовыми красками последнее время рисуется эта самая жизнь за рубежом. Ну да об этом сейчас уже столько стали говорить, что не хочу открывать полемику. Скажу одно: не обсуждать бесконечно те или другие явления нам надо бы, а засучив рукава начать всей страной работать, вкалывать (извините), да призвать к порядку тех, кто нам не дает нормально трудиться либо норовит плоды общих трудов себе тем или иным способом присвоить.

— Сейчас очень много говорится о том, что нашему обществу необходима консолидация. На какой основе консолидироваться? Великая Отечественная война всех объединила под одним лозунгом «Отечество в опасности!». А сегодня?

— Насчет того, чтобы консолидироваться со всеми, тут я скептик. Раскол и размежевание у нас зашли столь далеко, что с определенными силами мы стоим просто на диаметрально противоположных позициях. Как, скажите, консолидироваться с теми, кто называет лозунги типа «Коммунистов на фонари!», либо исподволь,

а то и открыто торгует Россией по кускам или оптом? Да и в Великую Отечественную разве все сплотились под призывом спасти Отечество? Что, разве в спину никто не стрелял, с врагом не сотрудничал, не предавал, не грел рук на горе людском, не набивал кубышку, пока другие в окопах сидели? Будем реалистами.

Думаю, что объединиться нам позволит лишь одна искренняя любовь к Отечеству, понимание того, что сохранится Россия — могучая и славная держава — всем будет хорошо, распадется — каждый останется в той или иной мере сиротой, не защищенным перед растущими сложностями жизни. Борьба политических идей и партийных сил должна развиваться именно в этих общих рамках. Окрепнет Россия, а с ней и весь Союз ССР, обновятся они, встанут на ноги, тогда и выясним демократическим путем, чьи идеи реалистичнее и действия верней.

— «Московские новости» Вас назвали «социал-националистом». Что это? Намеренная клевета или журналистская игривость?

— Вы знаете, на такие наскоки и отвечать-то не хочется, что тут оправдываться? И так ведь все ясно и давно известно: наклеивание ярлыков — стариннейшая манера нечистой политической игры, сродни карточному шулерству. С такими о приличиях говорить бесполезно.

— На встрече с партийным активом Ленинского района Москвы, говоря о письме 74 писателей России, Вы сказали, что во многом разделяете их точку зрения. Но Вы оговорились, что против шовинизма. Что Вы имели в виду?

— Наверное, я подразумевал то же, что и все, во всяком случае — большинство людей: я против проповеди национальной исключительности. Как и уважаемые мною российские писатели, судя по их выступлениям и произведениям.

— Ваше отношение к церкви вообще и Русской православной в частности?

— Я бы сказал, что церковь — одна из самых могучих общественных реальностей наших дней. Ее судьба в нашей стране еще раз показывает, что подавлять духовность — дело и вредное и в конечном счете бесполезное: она возрождается, как только гнет, направляемый против нее, слабеет. Нельзя вести дискуссию, спор — а взаимоотношения материалистической идеологии и религии всегда представляют собой своего рода борьбу, состязание за умы людей, — прибегая к насилию. От этого страдают в конечном итоге все. Учитывая этот печальный опыт, мы сегодня коренным образом пересматриваем наши взаимоотношения с церковью. Мы ищем путей плодотворного, идущего на благо всей стране (и верующим, и тем, кто далек от религии) диалога, сотрудничества с нею. И надеемся на успех в этом нашем поиске. В том числе и потому, что нынешняя плеяда священнослужителей — люди, как правило, высокообразованные, с огромным культурным багажом. Недавно я побывал в Башкирии. Я встречался там с Верховным Муфтием. Это не только молодой еще и интеллектуально очень подготовленный человек, это еще и глубоко современная (в лучшем значении этого слова) личность, открытая в окружающий нас мир и отлично понимающая его. Думаю, что с такими людьми мы сможем найти взаимопонимание и многое сделать совместно во имя нашей страны и населяющих ее людей.

Очень большие надежды возлагаем мы и на контакты с Русской православной церковью. Мы знаем и помним, что она всегда

была не только одной из краеугольных основ русской духовности, но и важнейшим началом всей российской государственности. А именно эти фундаментальные устои сегодня расшатываются и подмываются, а значит, и нуждаются во всемерном сохранении и защите. Думаю, что нам еще предстоит определить пути и формы такого сотрудничества. Здесь не место скоропалительности, однако и промедление было бы крайне нежелательным, губительным для дела возрождения нашей духовности, России.

— Сегодня много спорят о том, есть ли будущее у русского народа. Что думает об этом руководитель Российской компартии?

— Я оптимист. Однако оптимизм этот зиждится не на какой-то слепой вере. Считаю, например, что все мы должны черпать силы в нашей истории. Ведь Русь, Россия не единожды оказывалась в не менее тяжких обстоятельствах, становилась на самую грань существования, на край исторической пропасти. И всегда находились у нее силы, самые неожиданные внутренние резервы, чтобы не только воспрянуть, но и сделаться еще сильнее, совершить после всех испытаний новые шаги вперед, прирастить свое могущество. Так, убежден, будет и в наше время. Да, в руководящих сферах (как почти всегда и бывало у нас) сейчас немало разброда, борьбы течений с неизбежными в таких случаях схватками личных и групповых эгоизмов и себялюбия. Да, государственные устои опасно расшатаны. И ослепленные во многом справедливым негодованием людские массы нетрудно оказалось бросать против власти, в умах многих воцарились и страх, и разброд.

Однако, если внимательнее всмотреться в окружающее нас общество, уже можно заметить и черты нового, позитивные процессы. Начинается отрезвление: ведь многие деструктивные силы, взлетевшие на волне народного движения, раскрылись теперь перед людьми в своих реальных действиях. Они уже не некие «прекрасные незнакомцы», а политические фигуры с вполне конкретным общественным лицом. И лицо это, обнаружившееся под снятой пропагандистской личиной, не может во многих случаях не пугать. За какие-нибудь два-три года наша страна приобрела такой политический опыт, который иные народы копили десятилетиями. И, думаю, это нас спасет. Начинается поворот от слепого политического нигилизма к конструктивным, созидательным, направленным на сохранение и сбережение всего лучшего и полезного настроениям.

Причем все это происходит на фоне стремительного пробуждения национального самосознания и русского и всех других бок о бок с ним живущих народов. Мы начинаем познавать, узнавать и понимать сами себя. Десятилетиями и во многом искусственно насаждавшаяся у нас общественная атомизация — распад, разобщение всего и вся — преодолевается. А это дает надежды, что третье тысячелетие Россия встретит не как некая территория в одну шестую света, населенная 150 миллионами обособленных личностей, а как великий многомиллионный народ, спаянный уходящей и в самую глубь тысячелетий, и в грядущие столетия исторической, политической, культурной и моральной общностью, традициями, ценностями. Она вновь утвердит себя как многоцветье национальностей, сознающих и свою особенность. Я в это верю и буду всеми силами работать для достижения таких целей.

Вел беседу В. ЗЕНКОВ

Евгений КУРДАКОВ

ТЫ — ЗВЕЗДА

ХЛЕБ И НЕБО

Судьбой ли став богаче
Иль воспарив под небо, —
Не позабудь в удаче
Про суть земного хлеба.

На кровную полушку
Отмерь вселенской боли,
Чтоб посолить горбушку
Своей случайной доли.

Чтобы глотать, смакуя,
Вприхлеб с живой бедою,
Свою судьбу живую,
Смешав с судьбой людскою.

И суть земного хлеба
Спасет, напоминая
О хлебном духе неба
С щепотью звезд у края.

* * *

Там, в созвездьях, и мглистых, и ясных,
Раздуваемых бездной ночной,
Нет случайных светил и напрасных,
И любое зовется звездой.

Каждый свет — это вспышка прозренья,
Искупленья пустой темноты...
Тот огонь, что горит в отдаленье,
Та звезда — это, может быть, ты.

Ты — звезда, даже если не знаешь,
Ты — любовь, даже если невмочь,
Даже если бесследно сгораешь —
Дожигаешь смертельную ночь.

Оттого-то и жизнь не ослепла,
Что в глухой пустоте чередой
Звезды душ возникают из пепла
И сгорают — звезда за звездой...

Ты — звезда...

КОРШУНЫ

Сосны на скалах, взметнувшихся ввысь,
Крошево камня и пена прибоя,
Небо, сухое от ветра и зноя, —
Здесь от начала навеки сплелись.

Здесь, без конца утишая прибой,
Страждут гранитов ущербные лики,
И воронья отрешенные клики
Скорбно витают над светлой водой.

Сосны скрипят, и трепещут кусты,
Чайки вдали дребезжат в исступленье, —
Только порой чье-то горнее пенье
Странно и горько слетит с высоты.

Словно бы флейты нечаянный вскрик...
Как же забылось, что коршуны — птицы,
Что нелегко это — в птицы пробиться,
Сквозь воронье прокричавшись на миг?

В клекоте тонком, в свирели простой,
Гаснущей в шелесте ветреных сосен,
Близко и остро услышится осень,
Выпорх безмолвия, вздох ледяной.

Близко и остро почудится боль,
Станут глухого предчувствия полны

Сосны на скалах, слепящие волны,
Вечные камни, земная юдоль.

Станет печальней усталая стать
Светлых гранитов в вороньем приблудье...
Как же забылось, что выбиться в люди —
Это как птицей с небес прокричать?..

Волны привычную вечность зубрят,
Плещет прибой беспробудно и праздно.
В соснах вороны горланят о разном,
Коршуны плачут, и сосны скрипят.

КАРА-БУРАН

Баллада

* * *

С утра, с потемневшего запада, сзади
Подуло легко, но уже через час
Вокруг заплясали холодные пряди
Бурана, и день, не начавшись, погас.

Котлом забурлила и вспенилась Гоби,
И старый вожатый, привстав в стременах,
С тоской оглядел караван свой убогий,
Едва различимый в белесых волнах.

Тяжелая пыль забивалась в овчины
Тулупов, и снег ускорял свой разбег, —
И нужно залечь бы, но были причины
Идти, невзирая на гибельный снег.

То были причины особого склада.
Но позже об этом... Во мраке густом
Верблюды сбивались в ревущее стадо
И кони безумным брели табуном.

От ветра искрились вьюки, истекая
Тревожным свеченьем в исчерченной мгле,
И думалось, что уж ни ада, ни рая
Давно не осталось на этой земле.

Давно ничего не осталось на свете,
И смерть впереди уж не будет мертвей...
И женщины выли, и плакали дети
За спинами полуживых матерей.

И ветром, и снегом, и вьюгой продуты,
Уже отрешенно молчали, — как вдруг

Из вихри, как призраки, выплыли юрты
С буграми верблюдов, лежащих вокруг.

Развьюченный скот разбредался уныло,
А люди, нежданным согреты теплом,
Едва ль понимали, что все это было
Спасеньем, предвиденным их вожаком.

* * *

Над юртами буря свистала без края,
И с вечностью звук был в единое слит,
И чудилось — птиц беспросветная стая
Куда-то, как жизнь, бесконечно летит.

Очаг под котлами подкуривал чадом,
И, рыжий аргал в очаге вороша,
Угрюмый вожатый со старым номадом
За чаем беседу вели не спеша.

Они говорили на странном наречье,
На спутанной смеси чужих языков,
Которой всегда объяснятся при встрече
Скитальцы среди азиатских песков.

Белели безглазые лики бурханов,
И старый номад, погруженный во тьму,
Смотрел на вожатого смутно и странно.
И вот что вожатый поведал ему:

* * *

— Хозяин, за три перехода отсюда,
От встречных случайно твой выведав путь,
Мы гнали своих истомленных верблюдов,
Чтоб в черном буране тебя не минуть.

Мы знаем, твой путь, как и наш, не из легких,
Но, может, кочуя на полночь, на хлад,
Пройдешь мимо наших селений далеких,
Откуда мы вышли два года назад.

И там, на Алтае, в Ясаке и Камне,
Скажи соплеменникам нашим в горах,
Что мы еще живы, что наших исканий
Еще не коснулись ни ересь, ни страх.

Скажи, что наш путь еще богу угоден,
Что души ведет указующий глас,
Что так и идем, на восход и на полдень,
И только лишь сорок осталось из нас.

Что всех хоронили по старым обрядам,
С молитвою праведной и со крестом,
Что жаль недошедших... Что, может, уж рядом
Завещанный край тот, куда мы идем...

* * *

— Ом мани, — вздохнул сокрушенно хозяин,
И эхом ответила тьма: — Падме хум... *
Какая же цель ваших трудных исканий,
Дороги без края, пути наобум?

Буранная полночь тоской снеговою
Свистала, и билась струя о струю...
И старый вожатый, тряхнув бородою,
Продолжил нехитрую повесть свою:

* * *

— Мы ищем, хозяин, страну Беловодье.
По книгам, которые взяли с собой,
Страна эта там, далеко на восходе,
За черной пустыней, за горной грядой.

Там белые реки и светлые нивы,
Пшеница родится там сам-пятьдесят,
Там издавна вольные люди счастливы
И в радости господа благодарят.

Там птицы — несметно, не считано зверя,
Там в вечном цветении сказочный лес,
Там старая вера, тим истинно верят,
И всем благодать ниспадает с небес...

* * *

По юрте скреблись вихри снега и пыли,
И звук заунывный просящ был и нищ,
И лики бурханов, казалось, ожили
И скорбно смотрели из войлочных ниш.

* * *

— Нас гнали по свету сатрапы раскола,
И там, на Алтае, куда ты идешь,
Ты встретишь и нивы, и пашни, и села,
Но всюду там зло, произвол и грабеж.

Мы русские люди. Терпенье и вера
Ведут нас, и нет нам возврата назад.
За путь бесконечный, за муки без меры
Нас ждет и утешенье Взыскующий Град.

И там, когда вдруг загудят на подходе
Со звонниц невидимых колокола,
Откроется взорам страна Беловодье,
Куда эти годы нас вера вела...

* Слова буддийской молитвы. Дословно: «О жемчужина в лотосе».

* * *

Буран не кончался... Над дымом аргала
Огонь пробивался под днища котлов,
И красное пламя едва освещало
Склоненные головы двух стариков.

И каждый из них был согбен и терзаем
Тяжелою ношей тревожащих дум...
— Ом мани, — вздохнул отрешенно хозяин,
И эхом ответила тьма: — Падме хум...

Гудели пустыни разверстые недра,
И струи песка, уносимые прочь,
Летели сквозь мрак под ударами ветра...
И вот что номад рассказал в эту ночь:

* * *

— Мой гость, я прошел со своим караваном
Насквозь и Амдо, и Цадам, и Тибет,
Я видел в пути своем разные страны,
Но там, на Востоке, страны твоей нет.

Мы племя тангутов с холодных нагорий,
Сыны опустелой и сирой земли.

Нас тоже в скитания выгнало горе,
И пастбища наши остались вдали.

Дунганский ахун с озверелой барантой,
Тибетский найон да китайский амбань
Все вымели вплоть до последних баранов, —
И всякому — подать, и откуп, и дань.

Нищают кумирни, и нет уж просвета,
Пустеют поля, вымирает народ...
И вера в расколе: два толка, два цвета, —
Цвет крови и солнца... И кто их поймет!

Но если, о гость, ты пройдешь через горы
И целым достигнешь высокой страны,
Скажи соплеменникам у Куку-Нора,
Что мы еще живы и верой полны...

* * *

Пустыня смолкала. Во тьме непочатой
Слабел постепенно тоскующий вой...
— О боже, — вздохнул сокрушенно вожатый,
И эхом ответила тьма: — Боже мой...

И сверху, казалось, не ветер, а время
Стекало по мраку с шуршанием крыл...
— Куда ж ты ведешь свое гордое племя? —
С волненьем вожатый номада спросил.

* * *

— По древним преданьям, в краю полуночи
Средь мори главами светлейших вершин
Вздымается остров, блажен, непорочен.
То остров счастливых, святой Шамбалын.

Там белые реки и млеком, и медом
Струятся меж пастбищ и сказочных скал.
Любовь и свобода там правят народом,
Там каждый нашел то, что в жизни искал.

Там люди красивы, добры и безбедны,
Как радостный праздник свершается труд.
В высоких кумирнях творятся молебны
Во славу единственнейшего из Будд.

И в край тот, явясь из высокого Храма,
По древним преданьям — чрез тысячу лет,
Народ за собой поведет далай-лама,
И путь тот осветит сияющий свет.

Но тысяча — это для смертного много...
И, встав из своих разоренных долин,
Мы вышли на Север неясной дорогой,
Искать свой блаженный святой Шамбалын..

* * *

Беседа угасла... В костре поседели
Последние угли... И в юрте к утру
Вдруг стало не слышно безумной метели,
Всю ночь продолжавшей глухую игру.

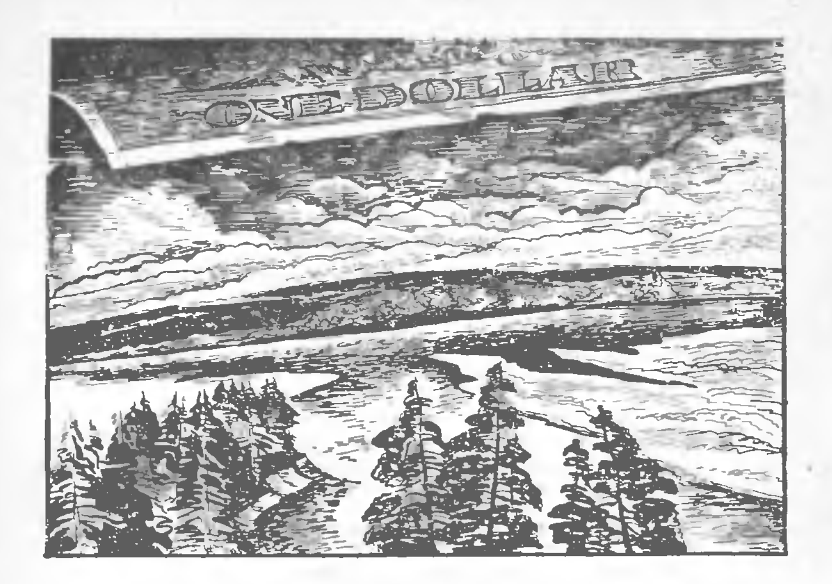
В рассветном тумане сквозь сон и усталость
Готовились люди вершить переход,
И в гулкой морозной тиши раздавались
Лишь крики погонщиков, вьючивших скот.

Они расставались, вожатый с номадом,
И каждый, храня и тепло, и печаль,
Прощался друг с другом напутственным взглядом,
Пред тем как уйти в безвозвратную даль.

И если кто мог бы свободною птицей
Подняться в тот день над застылой землей,
Внизу различил бы он две вереницы
Людей, уходящих невидной тропой.

Две тоненьких нити, готовых порваться,
Две вечных надежды, два всплеска огня,
Которым гореть, умирать и сбываться,
Храниться и тлеть —
до грядущего дня.

Алма-Ата

Н. ЗАДОРНОВ

КАКОЙ ПРОСТОРНЫЙ МИР

Рассказ

Первого сентября я улетал с Охотского побережья.

Помню холодную, сырую гальку, на которой построен город. Мы шли, бухая в нее сапогами. В эту ночь ударил первый мороз и листва картофеля в огородах у домиков потемнела и обвисла. Бревенчатые дома, почерневшие от времени, залегли в гальку по обе стороны широкой улицы.

Занимался рассвет.

Невидимый накат при полном безветрии рушился на древяную кошку с огромной силой через равные промежутки времени.

Кошкой здесь называют косу. Эта коса, или узкий остров, длиной в несколько десятков километров, — сплошная груда гальки среди моря. Вот и сейчас море гонит вал за валом, перебирая тысячи тонн гальки.

По улице идут девочки с косами, в белоснежных крахмальных передниках. Все они с цветами в руках. Как могут здесь, на этой дресве, вырасти такие цветы? Мальчики в школьных костюмах, в белых рубашках. Именно мальчики, а не мальчишки.

Странное чувство. Жаль мне уезжать отсюда. Я жил здесь, моя командировка закончена. Пора лететь. Если я не уходил куда-нибудь на катере или на лодке, то являлся к обеду в столовую, где на столах стояли кувшины с ледяной пресной водой. Приходили с рыбозавода и из порта рабочие в тяжелой одежде и резиновых сапогах, садились и заказывали к борщу сорок или пятьдесят граммов, остальное доливалось из кувшина. Под столами располагались их мохнатые собаки. Это деловые, охотничьи собаки, сторожа, ездовые, пришедшие в столовую с хозяевами. Это мне понятно, и здесь — естественно. Собака тут служит: и работает и охраняет.

Жизнь здесь сурова. А какие нежные, чистые, белокурые дети все идут и идут с цветами в это утро в школу. И какие серьезные мальчики, также с цветами. Да, этих не назовешь мальчишками!

Черный моторный баркас отчалил. Охотск отступил в глубь кошки и казался теперь отдаленной кучей старых бревен.

В сумерки я подъехал к гостинице на главной улице Хабаровска.

В номере гостиницы принял душ и переоделся. Так легко и приятно после долгих дней в тяжелой одежде, в свитере и сапогах, надеть белую рубашку. Спустился в ресторан. Ни единого свободного места. И ни единой седой головы.

— Пожалуйста, посадите меня куда-нибудь...

Администратор знала меня по прошлым приездам. Подвела к большому столу у окна. На дальнем краю его сидел какой-то человек, кажется, японец. Перед ним стояли бутылки.

Моя рослая, энергичная дальневосточница посадила меня у другого края стола, подала меню и салфетки и живо подозвала официантку.

Я понял, что меня посадили за стол для интуристов. Гости все уже поужинали, и только один заблудший японец досиживал поздние часы и допивал. Перед ним стояла изрядно начатая бутылка коньяка и бутылка пива. Японец налил коньяк в рюмку. Выпил и запил пивом из стакана. Я подивился в душе, таких японцев я еще

не видал. Что-то будут с ним делать официантки под конец вечера?

На первый взгляд лицо его показалось мелким и щуплым, а взор — ушедшим в себя. Через некоторое время взглянув на соседа, я заметил перемену. Лицо стало жестким и словно помолодело. Мелкие морщины у глаз чуть старили, но делали лицо значительным.

— Sorry! From which country? * — вздернув голову, быстро спросил он через стол. В голосе послышался оттенок властности. Он принимал меня за туриста.

— From this country **, — смиренно ответил я. Старый японец в мгновение поник, и лицо его осунулось. Я заметил, как с подозрением осмотрел он мои стальные часы с браслетом и белую рубашку. Потом японец взглянул мне прямо в глаза. Возможно, он заметил, с каким подозрением я посмотрел на его коньяк и пиво?

— Я говорю по-русски, — сказал с заметным акцентом. Мы заговорили через стол, не пересаживаясь.

— Знаете, я очень богатый человек. Капиталист. — Выждал, наблюдая, как я приму.

Не мог не подумать я, почему богатый японец сидит одиноко за пустым столом в хабаровском ресторане и запивает коньяк пивом? Он, видимо, сразу угадал мой невысказанный вопрос. Но что значит «богатый»? У них на этот счет — разные понятия. Среди японцев есть свои Хлестаковы, которые любят пустить пыль в глаза. Один японский профессор приехал в Москву на некрасовские торжества, пил водку, читал на память «Выдь на Волгу...». Заявил, что он богатый человек, и взял с собою в Москву сто тысяч иен. Но иена — это примерно четверть копейки. Неужели 25 тысяч копеек — богатство?

— Сегодня очень прекрасный день! — с пылкостью сказал мой сосед, и я узнал горячность старой японской натуры. За несколько минут он трижды совершенно переменился, словно со мной посидели три разных человека. От ничтожного, отбившегося от группы заблудшего японца теперь не осталось и следа.

— Я хочу вам рассказать о своей судьбе, — сказал японец. — Это, как вы, может быть, слыхали, у нас не принято. Это не в обычае. Но мы, японцы, совершенно

* Простите. Из какой страны?
** Из этой страны.

переучиваемся и перенимаем у других народов все лучшее не только в науке и технике. Как вы, наверно, слышали, нам очень нравится русская душа.

— Накамура Ичиро, — представился он. Мы познакомились и обменялись визитными карточками. Опять, на мгновение, он глянул на меня с пристальностью.

Я слушал с интересом. Собеседник говорил горячо и с подробностями. Он давно стал замечать, что люди с ним ласковы, льстивы и добры, как с богатым человеком, но сам он никому не нужен. Поэтому он, богатый человек, миллиардер, решил съездить в страну, где личное богатство не имеет значения. Все началось несколько лет тому назад.

Любимая дочь его оставалась с отцом по-японски почтительной, но при этом становилась требовательной. Какие только не изыскиваются средства доброго влияния на молодежь, для сохранения ее нравственности и здоровья, а все-таки все они, даже собственные дети, выросшие в достатке, но не в баловстве, чертовски натренированные с ранних лет, не испытывающие нужды, преданные родине и традициям, становятся непохожими на японцев. Почему? Как это получается?

У него большая семья.

Одна дочь — специалистка по Америке, другая — по Китаю. Один сын — специалист по Западной Европе. Старший воспитан как японец, как стойкий патриот. Он старший сын, этим все сказано. Он изучает свое, японское. По такому плану Накамура-сан развивал интеллектуальные интересы в своей семье, превращая ее в питомник отличных бизнесменов, знатоков современной экономики, науки, техники и искусства, в организаторов сопротивления экономической агрессии транснациональных компаний, которые лезут в Японию со всех сторон под видом американцев. Младший сын учился в Западной Германии и первые два года зарабатывал себе сам, не брезговал черной работой в гостиницах, на вокзалах, в аэропортах носильщиком. А сейчас любит шик. Теперь старшие дети занимают положение. Младшие учатся. Старшая дочь, та еще, кажется, искренне предана отцу, она еще застигла твердые порядки в семье и в государстве. Но зять все тянет через нее себе от тестя, если не деньги, то выгоду. Тянет его за мозги. Зять — хозяин фирмы по скупке заграничных патентов.

Отец однажды сидел в Осака в ресторане при гости-

нице за утренним завтраком и смотрел на свою родную дочь и на зятя, которые его видели, но не узнавали.

Накамура-сан умел незримо войти и выйти. Он мог войти в любую гостиницу так, что оба ряда швейцаров не обращали на него внимания. Умел пройти в охраняемое помещение мимо полицейских так, что те не замечали его. Он делался мелким, щуплым и незначительным. Главное — улавливал момент, когда внимание всех чем-то привлечено. А это с каждым человеком случается ежедневно и не раз. Но надо это видеть и не упустить момент. Этим же методом он пользовался в деловых отношениях. Он знал, кого и как надо отягощать впечатлениями.

И вот отец сидел через три стола от своих детей, а они думали, что сидит посторонний...

— Папа, мне надо новый автомобиль. Стыдно, у вашего сына старая машина.

— Папа, я с женихом поеду на Гаваи.

— Папа, мы с мамой хотим проводить тебя, проехать с тобой в Майами.

Кто им сказал, что я еду в Майами? Я и не собираюсь. Это им мои деньги покоя не дают. Они сами хотят в Майами, а не я. Я всегда был толстовец и аскет. Катюша Маслова — мой любимый роман.

— Катюса каваина вакарена цураса *,— запел Ичиро-сан старую солдатскую песню про Катюшу Маслову.

— Дядя, японские патриоты просят у меня денежной помощи. Дело чести.

— Патриоты или террористы?

— Это совершенно одно и то же, но мне стыдно, дядя, я уже давно не делал взносов.

А сколько идет к нему подарков, поздравлений, букетов, сколько изящных вещиц приходится получать каждый день. От родных. От близких и дальних. От директоров отделений, фирм и от служащих... Получаешь драгоценные подарки — бриллианты из Африки и от арабов, сапфиры из Израиля. От учебных заведений, профессоров, молодых ученых поступают красивые приветствия. Приходят произведения искусства. От художников, от иностранцев. Все восторгаются. Все благодарят своего покровителя, низко кланяются, желают... А какая масса поздравлений к каждому празднику. От иностранных фирм, от банков, от адвокатских контор. Все меня любят, я всем даю заработок. Кажется, со всего земного шара идут поздравления. Из неразвитых, недоразвитых и развивающихся стран. Но потом оказывается, каждый хотел бы воздаяния за похвалы...

Куда мне деться от их любви?

— Папа, мне новую яхту. Япония должна в будущем году выиграть на австралийской регате.

— А бейсбол?

— И бейсбол.

— Папа, мы с мамой уже все приобрели для поездки на Майами и для тебя.

Я хочу остаться один и подумать. Я желаю все понять. Я даже молиться не поеду в Киото.

По дороге на заседание в банк увидел плакат в витрине. Предлагается десятидневный тур на советский Дальний Восток. Поехать с туристами, с разными людьми, со своими рабочими, может быть?

Довольно с меня лести и похвал. Подозреваю: все лгут и будут лгать, пока я богат. Как мне притвориться бедняком?

Отправил жену и дочь в Майами, зятю помог с патентами, дочь поехала на лето на Гаваи.

Выяснил, что и как. Интурист продает на ваши деньги примерно за сто пятьдесят рублей путевку в Советский Союз, в Хабаровск. Вот я туда и поеду!

Ичиро-сан прибыл в Находку, а потом в Хабаровск с небольшой группой японских туристов, которые не знали, что среди них находится знаменитый тайкун, босс, чиф! В группе — учителя из столицы и провинции, мелкие торговцы и служащие. Есть содержательница кондитерской из Канагавы и два рыбака, старавшиеся походить на американцев.

В тот год в Хабаровске стояла ужасная жара, и в вечер приезда термометр после захода солнца показал тридцать семь градусов. В театре оперетты нет кондишена, но японцы высидели до конца и сказали переводчице, что очень приятно, все довольны, прекрасное помещение.

В тот жаркий вечер Накамура-сан решил пойти по городу в одиночестве.

Когда-то я говорил себе: «Сиритой дэс» *.

* Катюша красивая,
расставаться больно.

* Надо изучать.

Я буду изучать.

Я пойду туда, где меня никто не знает. Сяду на скамейку. На бульваре я видел хорошую скамейку, когда ехал в венгерском автобусе. Я буду счастлив в своем одиночестве.

Скамейка оказалась занятой целой оравой девчонок, горланивших песню. Места ему не уступили. На него не обратили внимания. Но когда он отошел, то одна из девочек что-то про него сказала — и все захохотали.

Как приятно! Мною заинтересовались. Я никогда это не переживал...

Пойду на Амур! Это великая река! Я покажу ей свое великое чувство одиночества.

Он спустился под обрыв. Но и тут все скамейки заняты.

Гиганты дома на Хабаровских сопках во тьме такие же, как в Гонконге и Лос-Анджелесе. Японские туристы, возвращающиеся после путешествий по стране, говорят комплименты: «Хабаровск очень хороший город, совершенно не похож на советские города!» Мнение знаменитого французского художника: «Дальний Восток очень своеобразен. Но, конечно, в рамках Советского Союза, как единое с ним целое, должен чувствовать себя и развиваться как союзная республика».

Во тьме на ночной реке, как на море, под ночным вполне гонконгским пейзажем в гонконгскую жару на дебаркадере горели огни и играла музыка. Я пойду туда!

— Мне столик, — Накамура по-русски обратился к швейцару.

— Какой тебе столик. Вон иди садись, у них стул свободный, — показал загорелый и седой служака, похожий на рыбака.

За столик, где сидели три здоровенных парня и один стул свободен, Накамура уселся без спроса и не здороваясь. Подошла официантка.

— Бифштекс! — заказал он.

Ему принесли рубленый бифштекс с луком. Мясо наполовину свиное, наполовину скотское. Жарено на чем-то... Очень вкусно. И просто. Парни заказали три бутылки коньяка и три пива.

— Давай и ты выпей с нами, — сказал, обращаясь к Накамуре, белобрысый, в майке, с толстой красной шеей. — Ты панаец?

— Да! — согласился Накамура.

— Или с Чукотки? — спросил парень со сросшимися густыми бровями.

— Да, да, — как бы спохватясь, покорно ответил Накамура.

— Оленевод?

— Да, да.

— Ну, как тебе Хабаровск? Бывал тут?

— Нет, не бывал.

Всем налили по стакану коньяка. Все выпили. Накамура подумал и тоже выпил. Ему ударило в голову.

— Я — японец! — сказал он гордо, ставя пустой стакан.

— А-а, — протянул третий из парней, плотный и плечистый. Он достал из портфеля рыбину и разорвал ее на четыре части.

— Закуси кетой, — сказал он. — Это дефицит.

— О-о! — Это была любимая рыба Накамуры, она стоит огромных денег в Японии в дорогом ресторане. Это деликатес.

— Так ты японец?

— А мы — амурские.

— Японцы ведь помногу не пьют, — заметил белобрысый, — а ты пьешь, как чукча.

— Ты, наверно, только говоришь на себя. Ты, наверно, Рытхэу, собираешь тут материал?

— Нет, я — японец. Настоящий японец. Капиталист. Даже мир-ри-ар-дер!

— Нам неважно, кто ты! — сказал густобровый. — Важно, чтобы был человек. У нас, брат, разрядка сегодня. Ну, давай еще.

— Нет, больше не могу.

— Ну, что же ты... А еще хотел нас завоевать, а выпить второго стакана не можешь... Давай... Эй, официанточка, поди сюда. Че у вас еще есть из закуси?

Накамура мог бы сказать, что лично он не хотел завоевывать Советский Союз. Или похвастаться и заявить, да, действительно, я хотел завоевать Советский Союз, сказать: «Я все ваши песни пою».

— Э-эх! — вдруг загорланил он на весь дебаркадер: — «На-а Ха-аса-ане наломали нам бока, били-били, колотили, ну, пока».

Он опьянел и повесил голову.

— Вот нанаец дает! — сказал кто-то за соседним столом.
— Это японец.
— Какой японец! Он врет. Он из колхоза 1 Мая. Как напьется — выдает себя за японца.
На самом деле Накамура знал, что было намерение завоевать Дальний Восток и Сибирь. Он поддался пропаганде. Было в его жизни и такое время. Он поступил в армию добровольцем, из самых лучших побуждений, но служил недолго. Он нужен был отцу, и его отозвали для работы на доках.
— Э-эхма-а, на Хаса-ане, — опять заорал он и обнял чернобрового за шею.
— Мы тебя доведем, ты не думай... Мы тебя не бросим. Где ты остановился?
— Интуриста гостиница. Нет, я хочу еще пить. Дай пива.
— Да, запей.
— А ты не боишься? Ведь развезет.
— У меня в Японии большая сила.
Парни смотрели и слушали с любопытством. Все трое были природными дальневосточниками и от родителей унаследовали плохую память о временах японской оккупации в годы гражданской войны.
Бровастый из кержацкой семьи. Коренастый, плечистый — сын партизана-большевика. А белобрысый — потомок западных украинских спецпереселенцев, но это все забыто, а традиции дальневосточников остались.
— У тебя корабли свои?
— Да.
— Банк свой есть?
— Есть. И деньги есть. И американские деньги. Я — мирнардер. Если все расскажу, то невозможно поверить. Спасибо... Я за всех заплачу. Я менял валюту по курсу в Интуристе.
— Не-ет, ты свои оставь. Здесь мы платим.
Он мог бы сказать: «Я сражался против вас. На Хасане вы совсем не наломали нам бока. Была длительная обоюдокровавая битва. Мне дали орден за Хасан. В войну американцы разбомбили мои доки, а флот утопили. Теперь я член Общества советско-японской дружбы».
— Теперь ты наш гость.
Накамура не сопротивлялся. В самом деле заплатили за его рубленый бифштекс, за морс, коньяк, пиво...

Его отец был хозяином доков, строил броненосцы, крейсера, миноносцы для всех войн. Семья строила военный флот еще перед русско-японской войной. Накамура сам строил флот, который напал на Пирл-Харбор. Американцы разбомбили гигантские доки вдребезги. Все сгорело. Доки, эллипги, дом, где жили. Накамура оправился быстро. Теперь он не только хозяин заводов и банков. Он строит супертанкеры и портовые сооружения. Осушает «морские поля», увеличивает территорию Японии.
— Тут ты заткнись со своим миллиардом, — сказал потомок спецпереселенца с Украины, — тут плачу́ я.
Все трое походили друг на друга. Они разговаривали грубо, но очень добродушно. Хотя прежние судьбы их семей могли быть разными. Сам император заботился о роде Накамура. Семья Накамура купила дом и громадный сад в городе Миасима. Муниципальные власти приглашают его на заседания. Он обласкан, увенчан. Художники пишут его портреты. Скульпторы лепят его бюст. Готовятся статуи.
В городе нет парка... Нельзя ли купить у вас половину парка для детей города?
Накамура отдал половину парка даром. «Это для детей!»
Японца мутило, но он взял себя в руки, заставил себя понимать и говорить. Он спросил, чей дебаркадер, почему ресторан здесь.
— Это поплавок. Сюда идут выпить пива. Тут река — прохладно. Портовики любят. У нас несколько таких ресторанов. Но если мест не хватает, пускают не всех, а водников.
— Меня пустили.
— Видно, решили, что ты водник.
— У нас интуристам уважение. Как гостям.
— Конечно, я водник. — Он вспомнил свои сгоревшие и вновь переоборудованные при восстановлении доки. — Если в Японии будет революция, то меня ликвидируют?
— Это дело не наше. Решают сами японцы.
— Я отправляю в вашу страну трубы для нефти.
— Ты нам друг, — сказал чернобровый, — но японцы, наверно, тебя посадят. Ты же сам про себя говоришь, что капиталист. Как они сочтут нужным. А мы тебя уважаем.
— Мой батька воевал в гражданскую, — заговорил

сын партизана, — много рубал голов. А потом жаловался, что много людей зря перерубал. Можно было меньше. У вас этот опыт учтут.

— Но я еще очень опасный капиталист! — сказал японец, когда стали подниматься.

Вышли на берег и поднялись на обрыв.

— Дальше иди вверх по лестнице к остановке автобуса. Поезжай до гостиницы.

— Если плохо держишься, можем проводить.

— Нет, я сам, пешком. Я уже очень крепкий и трезвый.

— Нет, мы все ж проводим.

Пошли по лестнице. Японец воспользовался своими способностями и ускользнул. Не сразу заметили его исчезновение.

— Где же он?

— Пусть его... Может, ему хочется в вытрезвиловку угодить...

Накамура поднялся наверх. Перед ним была площадь, залитая асфальтом и освещенная ночными фонарями в виде элегантно перевернутых конструктивных бра. Подошел автобус. Видя, что все лезут в него, толкая друг друга, Накамура попытался втиснуться, но его оттеснили. В автобусе набито битком.

— Автобус на Красную речку! — гаркнул водитель, и Накамура ринулся с отчаянной решимостью.

— Куда ты лезешь, пьяная морда? — крикнул ему шофер. — И так дверь закрыть не могу.

Но Накамура яростно рвался внутрь. Его столкнули со ступеньки, и он, вылетев из автобуса, упал на спину. Дверь автоматически закрылась, и автобус ушел.

С Амура дул ветерок. Воздух стал непривычно чист. «Как хорошо!» — подумал Накамура, лежа на асфальте и глядя в просторное чистое небо.

«Вызвездило!» — вспомнил он, как ему казалось, из Тургенева.

«Вот то, что я заслуживаю на самом деле, если убрать мое богатство. Какие искренние люди! — размышлял Накамура, глядя на звезды над черными деревьями. — Мне надо заняться собой».

— В меня вселилось много оптимизма!

Утром не было никаких угрызений совести, огорчений и разочарований, что накануне бросался с трудом нажитыми деньгами... Конечно, сад для города Миасима — его подарок. Престиж! Яхта, дача на Фудзи... Майами и Гаваи. Это полагается. Но все-таки... «Какой просторный мир!» — думал он утром, сидя у окна и глядя на солнечный город, на горы и на реку.

— С тех пор я езжу каждый год в Хабаровск. Здесь меня действительно принимают таким, как я есть. Они все меня знают в этой гостинице. В моей душе появился просторный мир...

— Я восхищен вашей страной и особенно вашими людьми! Ваши законы — самые лучшие в мире... но... но... только вы сами их не исполняете...

— У вас очень громадные запасы нефти, угля, леса, руд, земли, превышающие запасы и ресурсы всех стран мира.

— Наши японские студенты, гуляя по Москве, читали и записывали интересные объявления. Например, на стенах кафе висело: «Требуется для работы в кафе: бухгалтер, повар, официантки и заведующий кафе». Вы понимаете? И при этом кафе работает! Без бухгалтера, без повара и без заведующего! И работает, как оказалось, не хуже других московских кафе. Это доказывает, что ваши творческие силы неиссякаемы.

— Я замечаю, что вы строите много, у вас много прекрасных зданий. Но многое непрочно и небрежно, чувствуется, что торопитесь и отказываете себе во всем. Ради кого? Я отвечу — ради нас! А это печалит меня. Я бы не хотел, чтобы широкодушный русский народ, воспетый Некрасовым, переменился бы. Займитесь собой...

— Это и вам спокойней?

— Да! Да! — горячо согласился Накамура. — Но нигде в мире нет столько леса, как у вас. Вы выкачаете всю свою нефть, вырубите всю Сибирь и весь Дальний Восток, выкопаете весь уголь и все продадите капиталистам, но сами от нас не разбогатеете. Я это говорю, конечно, веря, что подобного ничего и никогда не произойдет и что вы займетесь собой.

— Ну, как он вам понравился? — спросила меня красивая дальневосточница-администратор, провожая через опустевший темный зал. — Он каждый год приезжает к нам в эту пору. Немного гуляет по городу и каждый

вечер за этим столом пьет коньяк и запивает пивом. Он неразговорчив с интуристами. Это вы его разговорили.

На другой день я улетал на Ил-62 с огромного, переполненного самолетами-гигантами хабаровского аэродрома.

Машина резко пошла вверх, вздрагивая от ударов об облака, и в окне показались протоки и заливные озера среди лесов и полей. Начиналась прибыль воды, и город стоял как на острове, окруженный со всех сторон водой. А дальше горы и облака смешались.

«Такой просторный мир!» — вспомнил я слова вчерашнего знакомца.

В ноябре я получил письмо из Японии. Мой знакомый миллиардер писал: «Многоуважаемый товарищ, — далее он называл меня по имени, отчеству и фамилии, — сердечно поздравляю вас с праздником Великой Октябрьской социалистической революции...»

А на Охотском побережье, как пишут в газетах, уловы в минувшем году снизились. Значит, скудеет море. Люди начинают покидать насиженные места, ведь кормило их море. Но, впрочем, конечно, нельзя сказать, что это прямая вина моего знакомца по интуристскому столу хабаровского ресторана.

г. Рига

Этот рассказ был написан в 1970 году. Получил отличные отзывы в трех московских журналах, но не был напечатан.

Станислав **ЗОЛОТЦЕВ**

ТЫ СЛЫШИШЬ, БЕРЕЗА...

* * *

В пластмассовых кубках
из-под новогодних подарков —
кормушки для птиц...
Замирает крещенский мороз.
По синему снегу на лыжах иду лесопарком.
И — светлую музыку ветер до слуха донес.
Смотрю: на кругу, где сосновые сходятся тропы,
старуха сидит на замшелом поваленном пне,
в потертом тулупе, а все ж — как царица на троне.
И — ветхий баян на коленях, на жестком ремне...
И сразу дохнуло такою теплынью, что хоть раздевайся
и в круг выходи на истоптанный снег,
где кружатся пары под музыку дивного вальса,
которому скоро, наверно, исполнится век, —
под горечь аккордов, старинной и вечной разлуки,
под песню, в которой пропитана солнцем печаль...
Ее из мехов исторгают уставшие женские руки,
и жарко впечатана прямо в тулуп фронтовая медаль.
Зачем пожилой фронтовичке

брести с допотопным баяном
на эту поляну и старые вальсы играть?
Неужто лишь в силу привычки,
как некогда, между боями,
когда оживала под музыку эту
смертельно уставшая рать...

Зачем? — но спросите, зачем мы к разрушенным храмам
приходим сегодня и заново стены кладем,
зачем имена своих предков мы ищем упрямо
и к дальним могилам невинно погибших
бредем непролазным путем...

Пускай эти пары в тулупах и шубах нелепы,
и сами смеются они над собою,
по вязкому снегу топчась.
Все к черту! Мы слушаем песню, мы нынче не слепы,
мы нынче танцуем, вдыхая и хвою, и лыжную мазь.
Покуда играют на наших полянах такие старухи,
мы сможем и новые песни про вольную волю сложить.
Не вся еще Русь утонула в тоске и сивухе —
ей надобно выжить, а выжив, по-доброму жить...

Ты видишь, синица, —
тебе уже хлеб положили.
Ты слышишь, береза, —
пульсирует сок под замерзшей твоею корой.
В объятиях музыки люди — уже не чужие.
И в воздухе пахнет грядущею вешней порой.

МОСКОВСКИЕ НАЗВАНИЯ

По древним лабиринтам
проулков и дворов
бежит река забвенья
и ручейки печали.
В Столярном переулке
не сыщешь столяров,
в Калашном переулке
не пахнет калачами.

В Кожевниках не пахнет
овчинами и кожей.
В Лубочном переулке
не продают лубки.
В Дегтярном переулке
не сыщешь дегтя тоже.
В Гончарном переулке
не делают горшки.

Но все названья эти
живут в Москве как дома:

в Скорняжном переулке —
скорняк на скорняке.
Никитские ворота
распахнуты любому,
и высятся хоромы
в Хоромном тупике.

Звенят в Петроверигском
незримые вериги,
и на Церковной горке
белеет храм седой.
И вся Москва подобна
одной волшебной книге.
Ее не перепишешь
ни злобой, ни бедой.

В ней липы расцветают
на Липовой аллее.
Олени пробегают
по улице Оленьей.
В ней вырванным страницам
потерян счет уже.
И все-таки столица
верна своей душе.

Верна давно ушедшим,
забытым временам.
И это каждый может
увидеть на прогулке.
Верна своим старинным,
заветным именам
в крыльям лебединым
в Лебяжьем переулке...

ШАЛЯПИН

О, если б навеки так было!..
Из романса «Клубится волною...»

О, если б и вправду навеки так было...
О, если б Россия не только любила
своих самых дерзостных сыновей,
всей кровью, всем гением преданных ей, —
о, если от сердца бы не отпускала,
когда им дышать становилось невмочь,
когда их сердца колотились устало,
и горло сжимала отчаянья ночь,
и прочь их толкали недобрые люди,
сокровища духа швыряя за дверь,
заставив их жить в эмигрантской остуде
до смертного часа...

Что толку теперь
истлевшие кости везти из Парижа

в Россию — и отчей земле предавать.
О, если б живых прижимала поближе
к себе сыновей неусыпная мать!
Ведь если художник при жизни унижен,
что толку на прах его слезы ронять...

...И все-таки — он остается в России
не прахом, а голосом вольным своим —
таким неуемным и ярым таким,
что равных ему по громаде и силе
и нет, и не будет под небом земным.
Исчезла стихия, исчезла натура,
которыми был этот голос рожден,
дрожать заставлявший без всякой натуги
и души, и стекла, и камни колонн.
Разбойная, шалая и вековая
умчалась волна, отзвенела она.
Лишь в голосе этом, не ведавшем края,
ее неразгаданность сохранена,
певучая тайна славянского слова,
смиренье, и дерзость, и удаль, и боль.
...И голос летит, не убит и не сломан,
по белому свету — по Питерской вдоль!..

* * *

Поэзия — в неоскорбляемом
краю души.
Поэзия — неуправляема
с любых вершин.
И ничего о ней не знаем мы,
помимо схем.
Поэзия — неуправляема
нигде, никем.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Под камень лежачий вода не течет,
а капля и камень проточит.
Повинную голову меч не сечет,
а голого — дождь не промочит.

Хоть шуба сера, да воля своя,
да волки ума не пожрали.
Грохочет под гору пустая бадья,
а сивку бугры укатали.

А черти печаль накачали, крича,
что горе веревочкой вьется,
ни им кочерга, ни богу свеча.
Но тонкое горе — порвется.

Но гордого слышно и за три версты:
виновен — тащите на дыбу.
Но место святое не будет пустым:
и рак на безрыбии — рыба.

И рак засвистел!
И свет не померк...
Но слово не спрячешь в кармане.
Терпи же, казак: в дождливый четверг
ты будешь, казак, атаманить!

ШЛЮЗЫ

Вы видели, как раскрываются шлюзы? —
сначала, во весь пролетая опор,
лавина воды застоявшейся в створ
выносит громаду зловонного груза,
речной, накопившийся мусор и сор.

Крутясь, кувыркаясь, проносятся бревна,
коряги, бутылки и трупы зверья...
Не скоро теченье становится ровным
и чистая хлынет речная струя.

В такие мгновения кажется взору,
что нечисть везде оставляет следы.
...О, только б дождаться волны бирюзовой.
Дожить бы до времени чистой воды.

* * *

Не зарастай, душа моя, бурьяном.
Ведь я еще свое не отлюбил.
На шалой зорьке в заводи багряной
не надышался небом голубым.

Еще мои — озера и деревья.
Еще мои — льняные зеленя.
Еще полна ребячьего доверья
ко мне моя любимая земля.

И от любви еще хожу я пьяным.
И хмель любовный плещет через край.
И горестным забывчивым бурьяном
не зарастай, душа, не замирай...

Москва

Дмитрий МИЩЕНКО

Рис. Ю. Макарова

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ*

Исторический роман

ЧАСТЬ II

Обры

* Продолжение. Начало в № 1 1991 г.

«К тебе идет самый большой и самый сильный народ, неодолимое аварское племя; оно способно легко отбить нападение врагов твоих и уничтожить их. Вот почему тебе выгодно заключить с аварами договор — будешь иметь в их лице могучих защитников земли своей. Однако они лишь в том случае будут поддерживать дружественные отношения с римской державой, если будут иметь от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и если будут поселены тобой на пладоносной земле».

Менандр Протиктор.
Заявление аварского посла императору Юстиниану

«Властелин! Наследуя власть отца своего, ты обязан и друзьям отчизны воздавать так, как воздавал он... Отцу твоему, который милостиво награждал нас подарками, мы платили тем, что не нападали на римские владения, хотя и имели такую возможность. Больше того, мы уничтожили в одночасье тех своих соседей-варваров, которые постоянно опустошали Фракию. ...Мы уверены, ты сделаешь в отношении нас лишь ту перемену, что будешь платить нам больше, чем платил твой отец».

Менандр Протиктор.
Заявление аварского посла императору Юстину Второму

«Вы нагло вымогаете от нас и вместе с тем просите. Думаете, этой путаницей в речах ваших достигнете желаемого? Так знайте, надеждам вашим не суждено осуществиться. Вы не обманете нас лестью и не устрашите угрозами. Я дам вам больше, чем отец мой: заставлю вас одуматься, если вы очень уж возгордились. Я никогда не буду требовать союза с вами. Вы ничего не будете иметь от нас, кроме того разве, что мы посчитаем нужным дать вам в награду за службу».

Менандр Протиктор.
Ответ императора Юстина Второго аварам

I

Хотелось того императору или нет, но вынужден был признать: годы уже не те, чтобы одолеть болезни. Восемьдесят третье лето идет, как топчет он траву на земле. А это рубеж. Пока на плечи давили только лета, он находил силы и восседать на троне, и повелевать с трона. Теперь не способен и на это. Тяжкий недуг надломил его. Не только с империей, с собой управиться не может. А как хотелось бы... О боже праведный, как хотелось бы подняться, подойти к высокому окну, из которого видно полсвета, и глянуть на зимнее приволье, на милую сердцу империю.

Солнце встает. А когда встает солнце — далеко видно. Сразу же за Золотым Рогом катит синие волны в море Босфор, за морем простираются долы и возносятся горы Эллады, дальше — Иллирик, еще дальше — земли Западной Римской империи, те, которые он возвратил в лоно Византии. Это если смотреть на северо-запад, вдоль северных берегов Средиземного моря. На южных — еще более многочисленные и ничем не хуже, не лучше, провинции: Вифиния, Фригия, Геллеспонт, Лидия, Памфилия, Кария. Еще дальше — Исаврия, Киликия, Сирия, Финикия Ливанская, Палестина, а там — Египет с его жемчужиной на Средиземном море — Александрией, Ливия, преторий Африка с провинциями Завгитана, Карфаген, Триполи, Нумидия, Мавритания, наконец, Сардиния. Это лишь те, что лежат на западе. А сколько их на север от Константинополя и на восток? От Дакии, Мезии и Фракии до Армении — все Византия и Византия. Боже ясный, кто же будет управлять такой империей, когда его, Юстиниана, не приведи бог, не станет? И кто может, кто способен управлять ею? Юстин?

О-о, как всесильна, как всемогуща немощь! Всего лишила, на все наложила запрет. Только мысль пока еще подвластна ему, императору Византии.

Он хотел лечь поудобнее — напрасно, сил не хватило подняться; решил позвать слуг, но никто даже не услышал его жалкий стон.

И Феодора не идет, и эскулапы забыли об императоре. Или еще так рано? Но ведь солнце уже встало, мир давно проснулся и радуется жизни.

Проклиная все и вся, император кое-как переворачивается в постели.

Так о чем он только что думал? Печалился, что после него некому будет править империей? И в самом деле, кто же заменит его? Юстин? Из рода Анастасия он, Юстиниан, кажется, всех убрал: Ипатия, Помпея. Постой, где же всех, если дети их остались и род, как таковой, остался. Как он не подумал раньше, что если оставить хоть один отпрыск из их рода, посягательство на империю возможно. О боже! Надо бы теперь не сплоховать, оставить завещание. Род Юстина не простит ему, если такое случится. Но с какой стати это должно случиться? Какой бы ни был император из Юстина, а сесть на трон Византии должен только он. Сам Юстиниан надежно держал власть тридцать восемь лет. Удостоился имени Божественного! Юстин разве не из его корня? Или образование у него хуже, чем у других аристократов? «Что же тогда заставляет меня сомневаться?» — подумал император, но тут же оставил эту мысль. Прочь сомнения! Если бог приберет его, на византийский трон сядет его законный наследник, Юстин. Но пока не поздно, надо сказать об этом, и надо написать завещание, чтоб решение было неоспоримым.

Юстиниан снова попытался дозваться кого-нибудь. На этот раз его услышали. Эскулапы уже шли к больному — они тут же позвали приближенных императора и императрицу Феодору.

Желание больного — закон для всех, а желание императора — тем более. Быстренько написали то, что он хотел, и поднесли на подпись. Намучился он с ней, и всех, кто был рядом, измучил. В какой-то момент вдруг закралось сомнение, то ли ему читают, что там написано, и не успокоился, пока собственными глазами не убедился — все так, как он сказал. Но взять папирус в руки сил уже не было, и папирус подносили ему к глазам, да все не могли угодить. Долго вчитывался в расплывчатые словно в тумане, строчки эдикта, потом стал устраиваться, как бы подписать эдикт. Обессилел вконец, ввергнув собравшихся вокруг него в трепет. Даже и Феодора потеряла выдержку: припала к нему, залилась горькими слезами.

Он не сказал ей: «Не надо, еще будет время наплакаться». Закрыв глаза, прислушивался к ее жалобам, к тому, что говорили между собой эскулапы. Кто-то из них принес ему целебный напиток — он послушно выпил.

Наконец его оставили, надеясь, что он уснет, но с ним остались его мысли — единственное, чем он еще владел и с чем не хотел расстаться.

...Итак, Юстин. Точнехонько так, как и тогда, когда на место дядьки Юстина сел на византийский трон он, Флавий Петр Саватий Юстиниан. А впрочем, не совсем так. Его наследник если не с пеленок, то с детских лет уже знал: рано или поздно, но будет императором. У него же, Юстиниана, такого и в мыслях никогда не было. Как и большинство подданных в империи, он был поселянином — не рабом, однако, мало чем и отличался от раба. Независимость и самостоятельность — вот и все привилегии, какие у него были. В детстве, когда пас свиней или коз, копался в навозе или ходил за плугом, — бывал бит за непослушание и еще больше — за попытки увильнуть от тяжелой работы, и уж совсем безбожно — за кражу куска хлеба в доме отца своего, Саватия.

После одного из таких побоев надумал уже уйти в горы и добывать себе хлеб так же, как все изгнанники — с ножом в руках, но случилось непредвиденное. Прибыл в Верхнюю Македонию, в затерянное в горах селение Таурисий, гонец от дядьки Юстина, старшего брата отца, звавшего к себе кого-нибудь из сынов Саватия.

Посланец из Константинополя говорил, что дядька обещает своему племяннику мундир гвардейца, и отец, который в тот день был в великом гневе на Юстиниана, не стал ни думать, ни сомневаться: «Вот этого татя пусть берет, — решительно показал на Юстиниана. — Он желает легкого хлеба, так пусть идет, пусть походит в гвардейцах да попробует, каков он, хлеб».

Тот, кому Юстиниан только что передал власть, не знал, что такое кусок хлеба, добытый потом и солью. «Но может быть, он все-таки познал, усвоил те достоинства, которыми должен обладать предводитель такой державы, как Византия? Боже правый, передать власть над империей самому близкому из родственников — и не быть уверенным, что передал в надежные руки!..»

Тревожась, император досадовал на себя. Тридцать восемь лет просидел в Августионе и не думал, что он не вечен, что смерть не обойдет и его! Пустое, конечно. Он о другом беспокоился. Не о том ли, чтобы тот, кого наметил на свое место, не подстерег, не заменил его раньше времени?

«О господи!.. — император испугался собственной мысли. — Не хватало только, чтоб и другие поняли это».

Холодный пот выступил у него на лбу. Вот где он недоглядел! Не потому ли, что был глух к чужим бедам? Сам купался в славе, радовался, что величали Божественным, а как позаботился о близких и преданных ему? Велисарий покорил для него Африку, Сицилию, Сардинию, чуть не всю Италию возвратил, потеснив варваров. Разве он, император, воздал ему по заслугам, возвеличил, как следовало бы? А сколько мужей науки трудилось в поте лица, сколько поэтов погибло непризнанными? Сколько отважных воинов пало в сражениях, сколько славных забытых после победы? Он ласкал лишь любимцев, довольствуясь их лестью. А куда мудрее было бы, если бы думал о справедливости. Кто бы посмел ослушаться его или оспорить, если бы повелел и раз, и второй начертать как закон, как завет: «Будем чтить тех, кто достоин того, кто не щадит усилий разума и сердца, даже живота своего во имя блага империи и народа, который живет в ней». Это стало бы обычаем, а обычаи не так просто переиначить и поломать. Может быть, этим его, императора Юстиниана, и помнили бы...

«Я думаю так, — поймал он себя на мысли, — будто меня уже нет, будто меня и в самом деле не за что будет вспомнить. А империя, которую вознес на недосягаемую высоту? А храмы, и среди них святая София, кодекс Юстиниана, наконец?..»

«А чем мы заплатили за них, ты знаешь?» — нагло вторгся в сознание чей-то голос. Перед ним как бы явился отец Саватий с кнутом. Император пытался что-то объяснить ему, но слова застряли в горле. «Не знаешь!.. Так спроси у тех, кого во имя этого величия сделал рабами, с кого драл подати, как с живого кожу, у кого забирал детей, чтобы превратить их в послушных легионеров, падавших за тебя замертво на поле брани. Посмотри, — Саватий показал вдаль, — поля, где сражались твои легионеры, завалены их трупами. Они на твоей совести».

«А вы как думали? — император пытался защищаться. — Величие, которого все жаждут, просто так не дается!»

«Это кто же — все? Я? Мать? Братья твои?»

Что возразить, что ответить на это? И как уйти от печальных, гневных и таких пристальных отцовых глаз? Нет, кто бы ты ни был — последний раб или великий император — от совести никуда не деться!.. Со стоном, неимоверным усилием воли император все-таки отогнал наваждение, пытаясь в то же время поймать, постичь некий важный, все время ускользающий от него смысл того, к чему стремился, чему подчинил свои страсти, желания, на что истратил лучшие свои годы, ради чего страдал, боролся, жил.

...Где, когда, почему возникло у него это желание — во что бы то ни стало возвеличить империю, сделать ее еще более могущественной, чем была до него? Тогда ли, когда вращался среди вельмож в Августионе, или еще раньше, когда слышал в университетской аудитории повитые привлекательной дымкой слова о величии Священной Римской империи, достойной предшественницы Византии, о мудрости императоров, не менее прославленных, чем прославленная ими империя? О-о, там довольно часто и громко говорили об этом, как и о том, что по воле всевышнего это величие и славу должна приумножить Византия. Так и говорили: должна приумножить! В Августионе же точно обозначали пути приумножения: оно не произойдет, пока византийские легионы не освободят от варваров земли, принадлежавшие когда-то Священной Римской империи. Это — первое и всенепременное условие, своего рода dum spiro spero *. И разве римляне не на это уповали и не этим ли держалось их могущество столько веков: dulce et decorum est pro patria mori **.

Да, именно в Августионе и в университете взлелеял он это желание, а став императором, окончательно утвердился в мысли, что империя — превыше всего, ради нее ни перед чем не остановится. Потому и брал со всех и все, что можно было взять, этим золотом оплачивал легионы и бросал их, куда требовало предназначение империи. Да, трупами устилались поля сражений. Но если бы тем, кто погибал в бою, нечего было есть, разве не та же смерть ожидала бы их? Империи просто не смогла бы их прокормить.

---

* Пока дышу — надеюсь (лат.).
** Сладко и почетно умереть за родину (лат.).

Лодыри, лежебоки, кроты, ослепленные темнотой собственной норы! Ради них он недосыпал ночей, пренебрегал радостями жизни, а они всё недовольны: посылал на смерть, гнул податями к земле... Может, и так, может, и крут был, миллионам не давал передохнуть. А кто знает, кто скажет ему, как завоевать полмира, как покорять непокорных, не наступая им на горло? Кто? Нет другого пути, никто не знает его. Император же не солнце, чтобы одинаково обогреть всех. Зато он оставляет в наследство великую империю. При каком другом предводителе Византия достигала такого величия, расцвета, славы? Горькой, тяжелой ценой заплачено за это, но под лежачий камень, отче, вода не течет.

Юстиниан немного успокоился. Он даже расщедрился, подумав, что если всевышний поможет одолеть ему этот недуг, то он, пожалуй, отменит некоторые подати и поборы, — за воздух, например, или принудительную продажу хлеба, из-за которых особенно много недовольных, а значит и бунтарей.

Совесть ли заговорила или императору стало жаль себя, но отчего-то защемило сердце, и боль, нарастая, сделалась нестерпимой. Император великой империи попытался подняться, позвонить, чтобы пришли на помощь, но даже для крика сил уже не было. Он хватал ртом воздух, но казалось, что кругом была пустота.

«Господи! Спаси и помилуй!» — вспыхнула короткой вспышкой мысль, но, вспыхнув, сразу же и угасла.

II

По умершему звонили во всех церквах. А им в стольном городе Византии не было счету, поэтому звон слышали и по ту сторону Босфора, и далеко за Босфором. И скорбели, молясь за упокой души Божественного.

Пусть бог простит ему грехи его. Он столько лет правил империей, и столько забот было у него обо всем и обо всех, что мог оступиться и согрешить. Зато и сделал немало: строил храмы, содействовал процветанию веры Христовой, был беспощаден к отступникам, которых тоже было немало. Господь-бог свидетель тому: ни один из его предшественников не заботился так о церкви, как Юстиниан.

Печален был звон по усопшему, но еще печальнее пение церковного хора, когда отпевали его тело в святой

Софии. Скорбь легла на лица горожан. Великолепие, на которое не поскупились святые отцы, обставляя похороны, и многолюдье на похоронах не поубавили скорби и как бы подчеркивали общую печаль.

«Боже праведный! Боже милостивый! — склоняли почтенные люди свои печальные лица, а сами жили уже новой тревогой. — Что будет с нами завтра? Кто сядет на место Божественного и что принесет нам, воссев на троне?»

Та же тревога гнала во все концы империи гонцов, которые после похорон везли первый эдикт нового императора. «Я, Юстин Второй, — писалось в нем, — сев по воле всевышнего и с повеления покойного императора Византии, в бозе почившего Юстиниана Первого, на трон...»

Новый император оповещал префектов, наместников, преторов, президов, проконсулов — всех, кто управляет провинциями: император Юстиниан Первый умер, он, Юстин второй (Младший), взял на себя тяжесть государственной власти в Византии и повелевает быть отныне покорными ему, а также бдительными. Почему именно бдительными — догадаться было не трудно. Покойный император, царство ему небесное, далеко замахнулся в деяниях своих, но все знают, что великим деяниям нужна великая сила. Варварский мир расшатывает не только границы византийского государства, но угрожает и трону. Даже просвещенные Сасаниды забыли о подписанном ими вечном мире и норовят отторгнуть от земель, находящихся под скипетром императора, Армению, а это значило бы для Византии лишиться важных торговых путей, металлургического центра, наконец, значительного контингента войск, которыми отсюда постоянно пополнялись византийские легионы.

Префект Том, вчитываясь в невеселые строчки императорского эдикта, подумал прежде всего об аварах: отныне не анты — они самые страшные враги империи. С антами он, а следовательно и империя, в надежном мире, а будет ли мир с аварами? Что-то непохоже на это. Всего шесть лет живут они в Скифии, но уже успели опустошить ее: берут за горло вельмож, грабят, не считаясь с законами империи, народ. Пусть царствует на небесах покойный император, но он сделал непоправимую глупость, позвав аваров. Польза от них будет или нет, а вреда уже сейчас хватает. Единственно верным было бы

спровадить их туда, откуда пришли. И приход нового императора — самый подходящий момент для этого. Надо только найти подходящий предлог... Но прежде было бы разумным сесть в лодью, отправиться в Константинополь и рассказать Юстину все, как есть. Почему бы, в самом деле, не сделать это? Теперь все рвутся к новому императору, даже префекты. Он всего лишь епарх каких-то десятирядных Том на границе, но если именно ему, епарху Виталиану, пришла дельная мысль, почему бы не рискнуть на откровенный разговор с императором? Император озабочен сохранением спокойствия в державе, а то, что он предложит ему, обеспечит покой если не на века, то по крайней мере на десятки лет, тем более что анты желают обновить заключенный ранее с Византией договор. В конце концов, если император не решится отправить обров за Дунай, то пусть хотя бы бросит этих татей на склавинов. Разве их не затем звали сюда?

Решено: он даст подчиненным необходимые указания и завтра, нет, послезавтра отправится в путь. Кто знает, как долго еще придется стучаться к императору. Уверенный в важности своих планов, Виталиан был доволен собой. Настроение у него поднялось, но перед самым отъездом вышла заминка. Возле южных ворот крепости объявились конные авары, да столько, что стража вынуждена была закрыть ворота и уведомить об этом епарха.

— Как много их и в самом деле это авары?

— Не меньше тысячи, достойный, а что авары — это точно. Сами видим, да и они говорят.

«Что за наваждение? Показывают, какая у них сила?»

— Спрашивали, чего хотят?

— К вашей милости, сказали.

— Так пусть один кто-нибудь придет. Ну, не один, так трое. Мне нет нужды говорить с тысячей.

Он не замедлил прийти, тот один. Высокого роста, крепко сбитый, с длинными, как водится у авар, волосами, заплетенными в косы с красными лентами на концах. Но не это удивило епарха — терхан не принадлежал к мужам пожилым. Уже не отрок, но и до зрелого мужа ему, кажется, далеко. Если бы не острый, даже вызывающе острый взгляд и не мужественные черты на застывшем суровом лице, так и совсем походил бы на упрямого мальчишку.

Вызывающее упрямство, а еще более молодость авара-

посла пробудили в сердце епарха неприязнь, смешанную с обидой.

— С кем имею честь говорить и по какому поводу?

— Я — Апсих, первый из терханов великого кагана аваров Баяна. А прибыл к тебе, чтобы сказать: нанятые императором воины аварские, как и кровные их, изнемогают без пищи.

Виталиана взбесила такая наглость, он едва скрывал свой гнев под неприступной суровостью. Но и не таков был терхан, чтобы дрогнуть перед его гневом.

— Я прибыл, епарх, взять свое.

Вон как! Нет, с такими разговор должен быть коротким: пошел вон! Да, выставить за дверь и сказать раз и навсегда: вашего здесь нет и быть не может. Мало вам подачек от императора?

Он так и собирался сделать, но вдруг подумал: ему ли бороться с варваром по-варварски? Да кто они такие, этот Апсих и Баян, чтобы из-за них опускаться так низко?

— Где же я возьму столько еды, — сказал, унимая раздражение, — чтобы прокормить все ваши турмы? Ты об этом подумал?

— Об этом должен думать епарх.

Виталиан лукаво усмехнулся:

— Разумно сказано, но справедливо ли? Не со мной заключал каган договор — с императором, император и должен дать обещанное.

Не ожидая, что ответит авар, позвал челядника и повелел накрыть стол в честь гостя.

— Пойдем, терхан, пообедаем с тобой, за трапезой и подумаем, где искать вам пропитание.

Апсих, судя по всему, был не из болтливых. Пил вино, не отказывался от яств, что ставили перед ним, а язык держал за зубами. Скажет слово-другое и молчит. Пришлось хозяину взять беседу на себя. Расспрашивал, правда ли, что авары принадлежат к угурянам, многочисленному, но далеко не однородному народу? Правда ли, что в племенах того асийского рода произошел когда-то разлад, они расторгли с угурянами давние узы и назвали себя аварами?

Апсих изредка переспрашивал, но чаще кивал головой, молча соглашаясь с тем, что говорил епарх. Виталиан же, спрашивая, щедро подливал терхану вино. «Ты смотри, какая скотина! — удивлялся и настораживался одновременно. — Пьет, пьет и не пьянеет».

— Слышал я, будто авары, — говорил между тем епарх, — народ тоже разный. Будто к ним пристали и другие племена — тарниахи, кочагиры, завендеры.

— Да, и эти с нами. А еще утигуры и кутригуры.

— Ну, эти, насколько я знаю, за Дунаем.

— Все равно с нами.

— Так сколько же у хана турм?

— Не знаю.

— А народу?

— Тоже не знаю.

— Прибыл ко мне за пропитанием и не знаешь, сколько тебе надо?

— Все равно не дашь, зачем спрашиваешь?

— А может, и дам. Во всяком случае, мог бы подсказать твоему кагану, где и как взять!

— Каган прислал к тебе. А где еще взять, он и без подсказок знает.

«Варвар. Ты смотри, как разговаривает. Ну, погоди же. Вы у меня не то еще запоете вместе со своим каганом».

— Знает ли каган, что император Юстиниан покинул нас?

Апсих замер на миг.

— Как это?

— Умер Божественный. Теперь у ромеев другой император — Юстин Младший. Советовал бы кагану воспользоваться этим и явиться пред очи нового василевса. Все являются и чего-нибудь просят. Почему бы и кагану аваров не попросить у императора увеличения ежегодной платы за службу на границах, тем более что и сослаться есть на что: авары утихомирили антов, как обещали, а бедствуют из-за недостатка пищи? Случай подходящий, чтобы пересмотреть договор, заключенный с прежним императором. Нужда империи в ваших турмах может побудить императора к этому. К тому же склавины все еще своевольничают в Иллирике, пора положить этому конец.

Апсих был не по-варварски внимателен и задумчив.

— Это особый разговор. Каган у тебя спрашивает: что дашь, и немедленно, сейчас?

— Неужели в самом деле так бедствуете?

— Да.

— Ну что же. Если очень уж надо, дам кагану стадо скота в триста голов. Но помогаю по-приятельски, и помощь эта будет последней, больше ни у себя, ни у колонов, ни у куриалов живность брать не позволяю. А как

быть аварам, с чего жить им — пусть об этом думает каган и говорит с императором. У нас собственность каждого священна, посягать на нее никому не позволено.

Апсих не пропустил, кажется, ни слова из сказанного. Но и своего не забывал.

— Где взять товар? — спросил, выходя из-за стола.

— Мои люди покажут.

Виталиан был уверен: зерно надежды на пересмотр договора посеяно, теперь надо ждать, пока оно даст всходы. Но сам не медлил более. Как только авары взяли дань, пошел на приготовленный к далекому плаванию драмон и отправился вдоль Мезийского берега к Босфору. Если авары и поспешат с посольством, опередить его уже не смогут.

Дул несильный, хотя и довольно свежий северо-западный ветер. Нельзя сказать, что попутный, но и не встречный. Паруса были полны. Единственное неудобство, если это можно было назвать неудобством, — волны все время набегали сбоку и били в левый борт. Но кормчие знали свое дело: взяли мористее и затем уже шли, не меняя галса. Драмон заметно покачивало, но это только настраивало епарха на мирный лад. Во всяком случае, он думал о том, о чем другие люди, занятые повседневными хлопотами, поглощенные суетой жизни, возможно, давно забыли. Кто помнит теперь, что имя Виталиан дано ему не случайно? Кто знает, что его, епарха Виталиана, родословная идет от рода прославленного при Анастасии стратега Виталиана? Об этом никто даже и не вспоминает, поскольку это было не безопасно: Юстин Первый, придя к власти, казнил не только тех, кто давал ему золото на подкуп гвардии и сената, но и стратега Виталиана, человека не просто влиятельного среди знати, но и возможного претендента на византийский трон. После Юстина на трон сел его племянник Юстиниан, после Юстиниана — снова Юстин. Конечно, с таким именем показываться на глаза новому императору рискованно и благо, начатое для себя и для Византии, может обернуться во зло, но и не показаться уже нельзя. Многое сошлось вместе. Во-первых, это может быть единственная возможность избавиться от аваров, чтобы зажить спокойно; во-вторых, избавление от соседства с аварами на руку антам, но и от антов за это будет немалая выгода; а в-третьих — он, епарх Виталиан, проявляет истинную преданность трону и заботу о троне. Разве можно преследовать

за это? Скорее наоборот. Можно удостоиться похвалы, а то и личной благосклонности императора.

Константинополь встретил привычной суматохой в пристанище и в самом городе. Епарху из Том не верилось даже, что здесь совсем недавно проходили похороны императора. Никаких признаков. Лодьи пристают к берегу и отходят, где-то кричат, спорят, ни у кого ни тени печали на лице. Да, стара, как мир, эта истина: живой думает о живом. Что ж, если так, о живом будет думать и он, Виталиан. К Августиону путь знает. Донатии есть, золото тоже. А значит, будут и друзья.

Он не ошибся: друзья нашлись, и довольно скоро. А вот к императору никак не мог добраться. К кому ни обращался — обещали помочь, брали золото, а напоминал о своем — только руками разводили. Наконец он не выдержал, прямо спросил своих благодетелей:

— Хотел бы знать, в чем причина? Нет императора или он не считает нужным говорить со мной?

— Слишком много желающих говорить с василевсом, притом люди уважаемые. Придется ждать.

— Скажите императору: я могу ждать, но будут ли ждать анты?

— Мы и это имеем в виду.

Скоро Константинополь стал казаться ему неуютным. Томы, пусть и далекие, почти на краю света, вспоминались, как сказка. Там ему ни перед кем не приходилось гнуть спину, там он сам себе и над всеми другими василевс. И епарх решил не надоедать больше своим благодетелям. Так, на всякий случай, сунул в руки одному из надежных людей очередной донатий и сказал: я там-то и там-то, если император сочтет нужным говорить со мной, позовите.

Другому бы и терпения не хватило ждать, но он дождался. И пришли, и сказали: завтра после обеда будь в Августионе, и сопровождали, когда пришел, до самых дверей, за которыми сидел Юстин Второй.

Уверенность ли в деле, с каким шел к василевсу, или умение собраться в нужный момент, которое он воспитал в себе, дали себя знать, — епарх не растерялся, не закружилась у него голова, когда открылись двери, ведущие в палату. Отдал, как велит этикет, честь и предстал перед всесильным василевсом смиренно-спокойным.

— Совесть мужа и забота о державе византийской по-

велели мне, василевс, предстать перед тобой и засвидетельствовать свою любовь и преданность.

— За преданность хвалю. Рад видеть епарха подунайских Том. Мне сказали, он прибыл не только из-за любви и уважения.

— Это так, достойный. Счастливый случай помог мне спасти в море двух молодых женщин. Они оказались дочерьми одного из антских князей — князя Тивери, ближайшего нашего соседа. Убегали от аваров в тиверские городища на Дунае, но не справились с парусом в штормовую ночь. Обстоятельство это, а особенно возвращение дочерей живыми и здоровыми, растрогало антского князя и стало залогом дружеских уз между мной и тем князем, а значит, между ромеями и антами. По воле господа бога, незадолго перед тем умер предводитель всех антов князь Добрит, и тиверский князь является ныне — хотя и временно — старшим среди князей Антии. Просил меня, чтобы я обратился к тебе, достойный повелитель, с просьбой: принять в городе антское посольство и подтвердить, если на то будет твое согласие, ранее подписанный договор о ненападении между Византией и антами.

— А как думает епарх? Дело это достойное?

— Очень достойное, василевс. Анты в самом деле желают мира. Авары нанесли им ощутимый урон.

— Так с кем же мы будем обновлять договор, если у них нет предводителя?

— Наиболее достоин этого звания князь Тивери. Думаю, он и будет им. А потом, Тиверь — наш ближайший сосед. Будем иметь с ней договор, будем иметь его и со всеми антами.

Юстиан Младший задумчиво смотрел на епарха, молчание его затягивалось. Наконец он сказал:

— Мы подумаем об этом и дадим знать о нашем решении епарху в Томы с нарочитыми.

Надо было бы откланяться и уйти, но Виталиан почувствовал какую-то уверенность в себе и осмелился заговорить об обрах.

— Пусть простит василевс за недостойную моего сана настойчивость, но есть еще одно дело, которое без него никто не решит.

— Говори.

— Надо ли держать нам в Скифии аваров, если с антами дело идет к очевидному миру? Еще покойный император хотел поселить их во Второй Пеонии.

— Они — нежеланные соседи епарха?

— Думаю, не только мне, но и империи тоже. Им мало того, что ежегодно получают дань в восемьдесят тысяч солидов, они разбоем берут живность у курналов, поселян, клянчат ее у епархов. Племя это не привыкло растить хлеб, оно склонно отбирать его у других. Пока берут у наших людей — полбеды, а пойдут грабить соседей — не в одну сечу втянут империю. Не лучше ли бросить аваров против врагов наших, хотя бы против склавинов?

На этот раз император не раздумывал, какого берега держаться, видно, успел разглядеть и выбрать.

— Мысль верная. Когда будет идти речь о месте аваров в южных землях империи, я воспользуюсь советом епарха.

Виталиан благодарно поклонился и вышел из сияющих палат василевса.

III

Баян и своим подданным не всегда верил, то же, что говорили в глаза или за глаза чужие, и вовсе брал под сомнение. К этому уже привыкли и заранее звали на помощь Небо, чтобы помогло убедить повелителя. Апсиху, однако, не пришлось и стараться, чтобы обратить внимание Ясноликого на то, о чем поведал епарх. Предводитель племени — да продлятся лета его! — едва услышав привезенные из Том вести, изменился в лице, немедленно повелев прислать к нему бега Кандиха.

Эта поспешность тут же передалась всем, кто выполнял волю кагана, а через них — и бегу Кандиху. Сухой, согнутый от старости в дугу, он тут же просеменил к шатру и, юркнув под полог, замер перед повелителем. Начал было провозглашать здравицу, не спуская с Баяна внимательных, по-собачьи преданных глаз, но Баян оборвал:

— Умер византийский император, Кандих. Пришло время пойти и сказать новому василевсу: авары, обещая защищать границы империи, были уверены, что им будут щедро платить за пролитую в сражениях кровь; однако крови пролито достаточно, а щедрот не видим. Турмы и народ аварский изнемогают в бедности. Если империя и дальше хочет иметь аваров за своих друзей и защитников, пусть платит ежегодно не восемьдесят, а сто

тысяч золотых солидов. Иначе будем вынуждены силой брать себе на пропитание.

Кандиху не требовалось повторять сказанное дважды. Он знал, как не просто будет выторговать у ромеев лишние двадцать тысяч солидов, но знал и то, что этого хочет, нет, — требует каган. А кто из аваров не знает: то, что велит сделать тебе отец рода твоего, надо сделать вдвое лучше и быстрее; то, что повелевает в походе терхан — умри, а исполни впятеро лучше и надежнее, чем от тебя хотели, если же повелевает сам каган — за это прежде всего возблагодари Небо, а потом уже из кожи вылези, но волю повелителя исполни вдесятеро лучше и надежнее, чем он думал. Поэтому Кандих, сколько шел в сопровождении достойного кагановых надежд посольства, столько и думал, как ему повести себя с новым василевсом Византии, чтобы добиться того, чего желает повелитель. Конечно, его, в посольских делах опытного мужа, не надо было учить думать — этому за свою жизнь он давно и надежно научен, но предусмотреть, чем можно было бы поставить наимудрейшего в тупик, если потребуется, не помешало бы. Новый император хотя и не так сведущ еще в тонкостях дипломатии, а все же ромей. Интриги и коварство у них в крови. Да и возле императора всегда найдутся такие советники, которые в любой момент могут ужалить почище змеи.

Кандих умел осторожничать. Остерегаясь подвоха, он скромно напоминал о себе приближенным императора, от которых зависела его встреча с василевсом, чутко прислушивался к разговорам, что велись за медными воротами Августиона, не скупился на донатии и мотал на ус каждое слово, тщательно отсеивая зерна от плевел, чтобы точно знать разницу между тем, что говорили и что на самом деле думали. А настал день, когда позвали к императору, оплошал. Сам не знал, какая сила дернула его за язык, да только разговор с василевсом начал с похвалы аварам — они-де самые сильные среди племен ойкумены; они давно обрели славу непобедимых и с кем угодно могут выйти на спор; император Юстин Второй, видимо, знает, что северные границы его империи охраняются силой, на которую можно положиться.

Говоря это, он не сводил глаз с Юстина Второго и заметил, что василевсу речи его не понравились. Надменная улыбка, может быть против воли императора, скользнула по его лицу. Пришлось Кандиху перестраиваться — он

сменил тон, не говоря уже о словах: покойный император, мол, не ошибся, привлекая их, аваров, на свою сторону. Враждебные империи племена — утигуры, кутригуры, анты — разгромлены обрами и перестали быть силой, которая может угрожать. Одно только беспокоит кагана: крови во славу Византии пролито много, очень возможно, что вскоре снова придется лить ее, а награда за это мизерна. Роды аварские, а с ними и турмы, изнемогают от недостачи пищи, каган едва сдерживает их от попыток брать эту пищу силой, и не только у соседей, но и у самих ромеев. Поэтому он обращается через него, сла своего, к императору с челобитной: пусть император учтет сказанное и увеличит аварам дань за ревностную службу на границах до ста тысяч солидов.

— А кто вам сказал, что ваша служба нужна империи? — заговорил наконец император и тем положил конец уж слишком словообильной речи аварского посла.

— Как это? — Кандих вскинул голову, кадык его неестественно дернулся. — Мы подписывали договор, и покойный император платил нам ежегодно восемьдесят тысяч золотых солидов.

— Платил, когда была нужда в этом. Ныне такой нужды нет. Авары должны быть благодарны империи за то, что позволила им поселиться на своей земле, и иметь желанную для каждого, кто привык жить трудом, а не разбоем, возможность наслаждаться покоем. Земля у вас есть, и земля богатая. Трудитесь на этой земле в поте лица своего и будете иметь пищу. Когда империя сочтет нужным наградить аваров за ратные или какие иные подвиги, пусть не считают эту награду податью. Это будет всего лишь благодарность — такая же, какую имеет всякий раб за верную службу своему господину.

Согнутая спина Кандиха вздрогнула и напряженно изогнулась — так удав готовится к прыжку, но прыжка не последовало. Кандих был настолько ошеломлен тем, что услышал из уст императора, что никак не мог прийти в себя. Молчание становилось невыносимым. И только когда Юстин Второй сделал движение, собираясь дать логофету знак, что аудиенция закончена и аварский посол может идти, — Кандих опомнился и успел-таки сказать:

— Император! Ты преподал мне и моему племени достойный урок. Но не спеши говорить — нет. Слово это говорит тот, кто говорит последний. Уважь мои седины и послушай разумный совет: не делай из аваров-друзей

аваров-врагов. Горе будет тебе и твоему роду, если поступишь так.

Юстин боролся с собой, и все же гнев, распиравший его, дал знать себя.

— Ты угрожаешь, старик?

— Нет, всего лишь говорю то, что есть, и то, что может быть. Авары в самом деле могущественное племя. Более всего они не любят презрения. То, что слышал я здесь, удвоит, а то и утроит их силу. Потому и говорю: отмени свои слова, пока не поздно.

Казалось, не сводил глаз с императора, но так и не заметил, когда тот подал знак. Люди логофета встали перед ним стеной, как бы говоря: пора и честь знать.

Обратный путь был долог и утомителен. Кандих, однако, не обращал внимания на это. До потери сознания он боялся другого: что сделает каган, услышав об исходе переговоров? Выхватит кинжал и запустит его под сердце, как бывало со многими, кто приносил дурные вести, или придумает казнь пострашней? О Небо, будь милостивым к нему!.. Что же ему, покорно подставлять голову под меч? Где же твой разум, Кандих? Что значат твоя хитрость, лукавство, изворотливость, приобретенные в посольских делах, если сам себя от беды оградить не можешь? А почему бы и в самом деле не слукавить? Разве Баян был там, у императора, разве он знает, что сказал Юстин Второй, а что — Кандих? Других аваров с ним не было. Надо направить гнев повелителя в другую сторону, хотя бы и на Юстина... А что будет, если обман узнается? Дух перехватило. Но разве важно, что будет потом, важно сейчас отвести гнев от себя!..

Спутники Кандиха заметили перемену в его настроении задолго до приближения к стойбищу кагана. Однако и они были удивлены тем, что увидели позднее. Кандих, вопреки обычаю — остановиться перед тем, как зайти к Ясноликому, и попросить у Неба благословения, — стремглав влетел в шатер Баяна и закричал не своим голосом:

— О великий воин и мудрый предводитель! Что хочешь, то и делай со мной после, но сейчас выслушай гнев и обиду сердца моего.

Таким его и вправду давно не видели.

— Говори, не тяни.

Каган, словно догадываясь, что скажет его нарочитый муж, начал наливаться гневом.

— Покарай императора, этого шелудивого пса! Он осмелился осквернить имя твое и тем осквернил всех нас, аваров. Сказал: ты не нужен империи. Солиды платили аварам, когда надо было громить антов, утигуров и кутригуров. Теперь такой нужды нет, потому и солидов не будет. Ни новых, ни тех восьмидесяти тысяч, что платили когда-то. Если же империя и подарит тебе что-то, то должен считать это... — ты слышишь, о мудрый среди мудрых, что он позволил себе изречь! — то должен считать это не за дань, определенную тебе как достойному, а за милостыню, которую дают всякому рабу за верную службу своему господину.

Баяна словно перекорежило всего. Казалось, его гнев обрушится сейчас на землю и расколет ее надвое. Чтобы этого не случилось или — спаси, Небо! — не случилось чего худшего, Кандих собрался с духом и ударил себя сухими руками в не менее сухую грудь:

— Прошу тебя, Ясноликий! Покарай этого шелудивого пса, эту гиену в личине императора, а с ним и роды его, названные ромеями! Лютой смертью покарай, иначе я не смогу жить на свете!

Лукавые слова сделали свое: каган словно бы отдался новой мысли и, забыв о гневе, затих, прикрыв глаза. Все, кто был в шатре, поняли: каган думает. Может быть, он обдумывает сейчас самое великое дело своей жизни, а когда каган думает, никто не смеет мешать ему. Знал это и Кандих. Но он продолжал стоять на коленях, терпеливо ожидая, какой приговор ждет его, опозоренного посла.

— Оставьте меня, — услышал наконец Кандих растерянно-тихий голос Баяна. Всемогущему не пришлось повторять свои слова дважды. Кандих торопливо поднялся и по-кошачьи юркнул из шатра.

«Хвала тебе, о Небо! — молился и торжествовал он. — Слава и хвала! Век буду благодарен тебе, о Небо! Молюсь и взываю: пусть будет лик твой светел и ясен вовеки веков... О боги! Как можно терпеть такие страхи!..»

Баян сидел недвижимо. Ни слова, ни полслова. Он пытался осмыслить услышанное и как бы призывал к ответу то неизвестного ему ромейского императора, то его крикливый народ.

«Погодите, — угрожал он, сам не ведая, кому именно угрожает — императору или его ромеям. — Вы не так запоете у меня. Земля будет гореть у вас под ногами, небо запылает огнем. Захотите раскаяться, но поздно будет. Будете молить о пощаде, но напрасно. Вы, которые

кагана аваров, народ его обкидали навозом... О Небо, как набраться терпения, чтобы сдержать себя и не сорваться раньше времени? Подумать только, ему, которого всегда сами звали, сегодня говорят: «Ты не нужен больше. Живи, как знаешь и с чего знаешь». Его, повелителя непобедимых турм, назвали рабом — с тем, чтобы покорно ждал милостыни от своего господина.

Нет, не простая месть, а особенная кара должна быть им. На горячее сердце ее не отыщешь. Такая кара должна вызреть в покое. Проще всего выйти сейчас перед турмами и крикнуть, чтобы эхо прокатилось по всей земле: «Авары! Ромеи и их император обманули нас. Сказали: «Тогда платили вам дань, когда нужны были в сече с антами. Ныне такой нужды нет, потому и дани не будет. Идите, добывайте себе пищу где хотите». А где, как не у ромеев, больше всего яств? Идите и берите их, коли так!» О, этого было бы достаточно, чтобы земля взялась пламенем, чтобы гнев аваров утонул в крови обидчиков. Но достаточна ли такая кара?

Ромеи есть ромеи, у них всегда найдутся легионы, чтобы стать против аваров стеной, обойти и ударить им в спину. Нет, он, Баян, не такая глупая рыба, чтобы идти на первую попавшуюся приманку. Он поступит иначе. Сначала добудет для аваров землю, которая станет им опорой, крепостью, из которой будут ходить и жалить ромеев, сжигая все, что поддается огню, убивая всех, кто попадет под руку, забирая все, что можно взять. Такая земля есть. Пока бег Кандих ходил в Константинополь и слушал мерзкие речи, снова побывали у Баяна лангобарды и кланялись ему: «Приди и покарай рыжих псов — гепидов; нет у нас мира с ними и не будет; половина всего, что возьмем у гепидов, — твоя».

Что ему половина, когда он может не покарать, а покорить гепидов! Сядет в земле гепидской и оттуда будет ходить на ромеев. Так-то! То, с чем пришли Алвоин и Кандих, не просто стечение обстоятельств, — так указывает само Небо, так и должно быть».

Остановившись на этой мысли, позвал:

— Бега Кандиха ко мне!

Недолгое ожидание показалось вечностью. Кандих же от такого внезапного вызова добра не ждал.

— О великий и мудрый предводитель! — Кандих бухнулся перед каганом и бил поклоны, стараясь понять, милость или гнев в глазах хана. — Ты один способен в мгновение ока охватить мыслью весь мир! Вижу, ты уже выбрал путь от истоков праведного гнева и знаешь, как одолеть обидчиков аваров.

— Собирайся в путь, — каган не стал слушать его. — Поедешь к королю лангобардов Алвоину и скажешь ему: я согласен идти на его зов и хоть сейчас поднял бы свои турмы и бросил против его недругов — гепидов. Но есть причина, которая не позволяет сделать это: каждый из моих воинов должен взять что-то в поход — для себя, для коней, должен оставить пищу и роду своему. А взять, как и оставить, нечего. Если Алвоин может прислать нам десятину от скота, что есть у лангобардов, еще сто хур с кормом для коней и столько же для родов наших, мы не медля выступим в поход. И тогда пусть не сомневается в победе над гепидами. Вместе с лангобардами мы завладеем ими.

— Слушаю, повелитель.

— Слушать мало, ты вникни! — Баян пристально посмотрел на посла. — В другой раз я не прощу неудачи в таких делах. Понял?

— Слышу и повинуюсь! Из кожи вылезу, а вернусь к тебе с хурами и товаром.

— О нашем раздоре с императором Алвоину ни слова. Наоборот, дай понять, что делаем это тайно от императора и только потому, что не хватает еды.

— О Небо! — Кандих воздел руки, закатил глаза. — Как мы, авары, благодарны тебе, что ты послало нам, твоим избранникам, такого повелителя!..

— Молиться Небу будешь в пути, — снова оборвал каган. — А сейчас иди. Время не ждет, гнев наш — тем более.

IV

Драмон, на котором находился епарх Виталиан, вышел из пристанища на веслах, а уже в море поднял паруса и, подгоняемый левантом, пошел к скифским берегам. Епарх возвращался в Томы с легкой душой. Сделал в Константинополе все, как хотел, к тому же добрые вести везет в антскую Тиверь, на радость князю Волоту.

Еще бы, произошло то, на что уже и не надеялись: авары ушли из Скифии, исчезли, как дым, из Придунавья, исчезли с его, епарха, глаз. Разве это не утешение им обоим, и как не сказать, встретившись: светлый день насту-

пил! А кто способствовал этому? Чья мудрость вознеслась над Августионом и восторжествовала в нем? Такое бывает раз в столетие, и хочет или не хочет князь Волот, а должен, как и прежде, расщедриться на донатии, воздать ему, своему другу в скифских Томах, соответственно. Не кровью же платить за такую радость, не опустошением — всего лишь мехами и солидами. А еще ведь об обновлении договора на мир между антами и ромеями условлено. Разве такие услуги не стоят того, чтобы князь Тивери расщедрился?

Легко и радостно было епарху в открытом море, под туго натянутыми парусами. Он был уверен, что на этот раз никто не опередит его, — даже слухи, которые не уступают ветру, расходясь между людьми, не смогут добраться до Черна быстрее, чем он. Однако ошибся: первым в стольном городе на Тивери с теми же, что и у Виталиана, вестями объявился хан кутригуров Коврат.

Когда Волота осведомили о появлении Коврата, он не поверил сначала, во всяком случае, сильно удивился, хотя и велел челяднику:

— Зови в гридницу. Я сейчас буду.

Коврат приятно поразил его. Не теряя величия, он сумел остаться и вежливым, и уважительным, когда представлялся князю, и при этом, казалось, лицо его светилось неподдельной радостью и добротой.

— Князь, — сказал Коврат, когда сели за стол с угощениями. — Я и мои кмети прибыли, чтобы достичь понимания с тобой, а через тебя и с народом тиверским. Мы знаем: вы считаете нас злым племенем, склонным к татьбе и разорению, к насилию над другими. На то было достаточно причин. Не вы — мы шли на вас ратной силой, мы нарушили мир и благодать на вашей земле. И все же мы хотим сказать вам: не такие мы на самом деле. Говорю это не только потому, что уже нет хана, который вел кутригуров на тиверцев. Говорю потому, что и он вел нас не по своей воле — вынудили. Князь, наверное, уже знает: ромеи коварно отомстили нам за поход в их земли — сначала натравили на нас утигуров, потом обров, и не только разорили нас, сделали нищими, но и подневольными. Эта неволя и понуждала идти туда, куда велели обры.

— Хан хочет сказать, что отныне он уже не подневолен обрам?

— Не совсем, а все же да. Обры ушли из Скифии. Мы же, как видишь, не пошли за ними, остались. Если обры ушли надолго, а думаю, что это так, тогда что нам до них? Будем жить сами по себе.

Трудно было сдержать радость, но все же князь Волот справился с волнением, спросил хана:

— Куда же пошли обры, когда?

— Поднялись, князь, всеми родами и направились к лангобардам — по их зову, покорять гепидов. Есть точные сведения: там уже сядут.

На лучшее нельзя было и надеяться. Если это правда, конечно. О, если б это была правда!

— За одно то, что привез эти вести, спаси бог тебя, хан. Буду откровенен: это неприятные соседи. И не только для нас.

— Правду говоришь: для нас тоже. Я, когда услышал, а потом и сам убедился, что уходят, сказал себе: пойду в Тиверь и представлюсь тиверскому князю. Пусть знает: кутригуры ни теперь, ни в будущем не станут посягать на его землю.

— Хотелось бы верить.

— Чтобы поверил, скажу больше: отныне Днестр до самого моря свободен для Тивери. Хотят тиверцы ловить рыбу — пусть ловят, хотят торговать — пусть торгуют, кутригуры не будут препятствовать.

— А наши пристанища в Тире и на Дунае, а земля Тиверская? Они останутся за кутригурами?

— Чтобы не было ссор, Тира — пристанище для рыбаков и мореплавателей — пусть, как была так и остается вашей. А остальным поступиться не могу.

— Значит, боишься все-таки, что обры вернутся и спросят, зачем отдал нам взятое на меч и сулицу?

— Не буду скрывать от князя: есть и это. Но более всего сдерживает другое: сами кутригуры не поймут меня, если уступлю то, что взято такой дорогой ценой.

Тиверский князь пристально взглянул на кутригурина. Долгим был его взгляд. В самом деле заинтересован хан в мире с антами или прикидывается смирной овечкой? Вроде не похоже, чтобы лукавил: на его месте и сам так бы ответил. Его тоже надо понять. Во-первых, чтобы жить, кутригурам ой как нужны придунайские выпасы, а во-вторых, обры и вправду могут вернуться и спросить их, зачем отдали антам то, что было общей добычей. А соблазн свободно ходить к морю — соблазн немалый. И вообще, не лучше ли будет для Тивери, если между нею и

ромеями будут стоять не такие грозные теперь, отделившиеся от обров кутригуры?

— Хан только обещает нам свободное плавание к морю или может присягнуть в том богами своими?

— Могу, князь.

— И что на Тиверь ни по своей воле, ни по принуждению не пойдешь больше, тоже присягаешь?

— Что по своей воле не пойду — в том присягну, а что по принуждению — в том присягнуть не могу.

И снова Волот внимательно и долго смотрел на хана.

— Что же, и на том спасибо. Вижу, не лукавишь со мной. Если так, будем заключать договор и пойдем к капищу.

Обещая придерживаться заключенного договора, Волот присягал Перуном; хан же поднял над собой меч и обратился к Небу.

«Даю присягу, — сказал, — тогда не будет мира и согласия меж народом моим и народом Тивери, уличами и всеми антами, когда камень станет плавать, а хмель тонуть».

Все это не могло не радовать обоих, а радующимся что остается делать? Пошли и сели за столы, пили хмельное, с удовольствием ели и беседовали, снова пили и снова беседовали, надеясь на лучшее и веря: отныне будет так. А почему бы и не быть? Из степи злой угрозы нету, ромеи тоже будто бы успокоились, вот уже двадцать пять лет не лезут за Дунай и не опустошают землю; и обры исчезли, как дым, ушли бедовать на другие границы. Хвала богам, кажется, к длительному миру дело идет, а значит и к благодати.

На ночь Коврат остался в Черне — засиделись допоздна, куда же ехать? А на рассвете собрался и уехал, не беспокоя и не прощаясь с князем. Хотя и был такой уговор между ними, все же Волота это неприятно кольнуло. У славян так не заведено. Славяне провожают гостей с почетом. Потому, проснувшись, почувствовал себя не то что обманутым, но не в своей тарелке.

Смутно было на сердце, когда пошел к жене, к детям, но знал, что с ними развеет все сомнения.

Когда подошел к клети-келье, в которой жена хранила изображение своего христианского бога и где молилась утром и вечером, услышал за дверью голоса. «Неужели и

Злата с Миланой там? — мелькнула мысль. — А они с какой стати?!»

До сих пор он не переступал порог Христова обиталища в своем тереме. Это было потаенное место его жены, храм, где она общалась со своим богом, в которого уверовала когда-то. Принять ее веру не мог, да, кажется, и не стремился, однако и жене не перечил. И не только потому, что она объяснила свою прихоть слишком уж убедительно: «Это у него, Иисуса Христа, попросила я заступничества в тот день и час, когда ты должен был тянуть жребий, это он отозвался на мои мольбы и спас тебя от мученической смерти». Не перечил еще и потому, что сам слишком молился на свою Миловиду, чтобы стать ей хоть в чем-то поперек. Теперь же, услышав, что и дочки там, в храме-келии, забыл, куда врывается и на что посягает. Дернул на себя дверь и замер, сбитый с толку и пораженный тем, что увидел: и жена, и обе дочери стояли перед ликом Христа на коленях и били поклоны.

Наверное, он утратил дар речи — жена первая опомнилась и пошла к нему.

— Что-то случилось, муж мой? Я нужна тебе?

— Выйди, поговорить надо.

Не хотел, чтобы их разговор слышали дочери, отошел подальше.

— Что это все значит, Миловида? — круто повернулся к жене. — Я позволил тебе верить богу ромеев и молиться их богу. Зачем же детей моих вводишь в этот блуд?

Она, пока шла следом, приготовилась к разговору, — была покорна перед ним, разве что казалась не в меру пристыженной.

— Это не ромейский бог, Волот, — тихо ответила ему, — это бог обездоленных. Когда поймешь это, думаю, поймешь и все остальное: не я ввожу детей твоих в веру Христову — горе вводит. Дочери твои в великой скорби убиенным на поле брани мужьям своим. Как можно отказать им искать утешение там, где хотят найти его?

Его так и передернуло от этой тихой и сердечной речи, как и от взгляда, по-детски невинного и доверчивого.

— Да пойми ты! — взорвался он. — Они — дети своего рода-племени! Как будут жить с людьми, отступив от веры отцов и дедов? Это ты можешь позволить себе такое и чувствовать себя спокойной за моей спиной. Им не простят отступничества! Скажут, ваша мать принесена в жертву богам, а вы...

Словно какая-то злая сила ударила князя в сердце и повалила. Последнее, что запомнил, теряя сознание, — огромные глаза Миловиды, немой страх в них и боль в ее невинном и жалостном в тот миг лице.

V

Вот уже несколько лет старейшины не осмеливались беспокоить Данаю хлопотами Дулебской земли. Знали: княгине не до того. Только полюбила молодца да сгуляли свадьбу — и уже овдовела. Не успела оплакать мужа, как вынуждена была оплакивать отца, князя Добрита. Потом молодой матерью стала. А на самом деле — и матерью, и вдовой, и сиротой одновременно. Кто посмеет стучаться к такой и беспокоить ее?

«Пусть, — говорили, — забавляет сына да лечит раны от злой доли. Со всем остальным как-нибудь разберемся».

Ничего дурного не случилось за эти годы ни с народом, ни с землею. Как жили при князе, так и после князя живут. Правда, длилось это недолго. Когда заколебался покой в земле, забеспокоились и старейшины. И на советы собирались чаще, и советовались дольше. Но настал день, когда и собравшись — ничего не решили, — тогда осмелились, послали нарочитых к Данае.

— Народ дулебский, — сказали те, поклонившись, — поздравляет тебя, дочка, с сыном, наследником рода Добрита.

— Спаси бог.

— А еще велел он нам встать перед тобой и спросить: согласна ли ты, единственная наследница в роду Добрита, сесть на стол отца своего и править нами, пока станет совершеннолетним сын твой. Земля не может быть без предводителя, доченька. Если чувствуешь в себе силу, садись и правь нами, если нет — вече выберет другого.

— Будто вы не правите в родах своих? Есть вече, призванное решать дела общинные, а обязанность за покой всей земли возложена на князя Тивери.

— На предводителя Тивери возложено отвечать за покой земли в урочный час. Ты же знаешь, что еще будет всетроянское вече. Оно определит, на кого из князей ляжет повинность отвечать за всех славян. Дулебы желают, чтобы эта честь выпала их князю.

Данаю бросило в жар. Вот оно что?! По обычаю, старейшины просят ее сесть на отчий стол, а сами тем временем дают понять: если ты сядешь, то дулебским князьям не быть главными в земле Трояновой. Конечно, кто же положится в таком деле на женщину.

— Так, может, пусть уже сейчас правит дулебами кто-то из воевод дулебских?

— Кто?

Замолчала Даная, однако ненадолго.

— Дайте время подумать. Потом позову и скажу.

Старейшины поклонились и ушли. А Даная бросилась стремительно к дверям, повелев няне-наставнице зайти к ней.

— Слышали, что говорили?

— Как же я могла слышать, если не была там, где говорилось?

Даная с дрожью пересказала весь разговор. Было ясно, если она, Даная, не сядет сейчас на отчий стол, то уже никто из рода Добритов не сядет на него. Что же делать, если так? Отречься от всего? А что скажет сын, что она ответит ему, когда он вырастет? Добиваться отчего стола самой? А если, со зла, приколят ночью: и ее, и сына?

Закрывшись в ложнице, они шептались едва не до полудня. А в полдень наставница Данаи вышла из терема, чтобы поговорить с кровным братом Мезамира Келагастом.

— Ты что себе думаешь? — напустилась она на него. — Или совесть твоя, долг, наконец, ничего тебе не говорят?

— А что они должны говорить мне? — засмеялся он.

— Как это что? Как что? Даная вон какого сына родила твоему брату, а ты не зайдешь, не спросишь даже, что и как.

— На то у Мезамира есть мать, есть сестры наконец.

— У-у... Мать... Сестры... А ты на что? Разве мать с сестрами утешат молодую вдову? Обычай рода именно тебе велит прийти к Данае и заменить ей Мезамира, положить конец бедам молодой женщины, как и беде ее сына.

У Келагаста вытянулось лицо, но тут же он опять засмеялся.

— Это что же ты, старая басиха, надумала? Хочешь, чтобы я женился на Данае?

— Ты сам этого захочешь, когда увидишь, какой стала Даная.

Сказала да и ушла, опираясь на палку. Келагаст толь-

ко почесал в затылке. Но задумался: а с какой стати она ему намеки эти строила? Не иначе, как был у нее с Данаей разговор. Да и как женщине, когда она расцвела после родов, оставаться без охраны мужа? Вот если бы только точно знать — обычай ли, по которому место погибшего мужа должен занять неженатый брат, погнал к нему старую наставницу, или... или такова воля самой Данаи? Думая об этом, Келагаст, пожалуй, и не заснул бы в эту ночь, если бы не простая мысль: а почему бы и не пойти, коли этого хочет сама Даная?

Слово у него с делом не расходилось. Решив идти, не стал искать причины для этого, вскочил на Гриваня да поехал к терему, который занимала на Волыне наследница княжеского стола. Но все же, когда встал перед Данаей, холодок сомнения окатил его: перед ним предстала красавица, какой свет не видывал. Худая, длинноногая когда-то девчонка, только тем и привлекательная, что наряды у нее были краше, чем у других, да еще огромные синие очи, длинные и пушистые косы, которые обвивали ее всю, особенно на игрищах, — теперь казалась дивом, способным не только поразить, а и заставить потерять голову. Отделанная шелком туника из цветной заморской паволоки тесно облегала в меру располневший и оттого до ослепления утонченный стан, веселые же и задиристые когда-то глаза, наоборот, светили ласковым покоем, а весь вид ее, немного изнуренный и как бы полный удивления, был привлекателен и мил, завораживая как бы струящимся от нее светом.

— Звала, Даная? — Келагаст наконец заметил, что молчит он слишком долго, и поторопился сказать первое, что вертелось на языке, и тут же понял, что сказал глупость. Даная испуганно сжалась от его слов и покраснела.

— Хотела посоветоваться, Келагаст, — сказала она через силу, преодолевая неловкость. — Мужей на дулебах вон сколько, а довериться не каждому могу.

Пригласила сесть на достойное высокого гостя место.

— Были у меня старейшины родов. — Она все еще никак не могла преодолеть внезапную неловкость. — Сказали, приближается вече, на котором будет идти речь о старшем среди князей в земле Трояновой. А у нас, на Дулебах, нет князя. Вот и советуют старейшины: или сама садись на отчий стол, будь княгиней, или укажи на кого из воевод. На что решиться? Самой страшно, воеводам нет веры. Единственный, на кого могу положиться, это ты, Келагаст. Скажи... — Она замолчала, не сводя с него пристальных глаз и как бы взвешивая, стоит ли продолжать, и решилась: — Скажи, ты мог бы стать моим доверенным среди воинов?

— Предводителем дружины?

— Да.

«Вон оно как!» — сверкнула мысль, а уж за мыслью надежда встрепенулась в сердце.

— Предводителем дружины всегда был князь.

— Не всегда. По воле князя мог быть и воевода. Вот ты бы и был им по моей воле.

Видел: Даная ждет согласия. Только... хочет ли она сама этого, или намекает — будешь предводителем дружины, то куда денешься, станешь и мужем?

— Если ты, женщина, берешь на себя такую ношу, то почему же не взять ее мне? Однако...

— Что однако? — поспешила она.

— Воевода из меня слишком молодой. Разве Даная не знает, есть старше меня и более достойные воины в дружине.

— Старшие уже не будут молодыми, а достоинство, думаю, придет со временем, тем более что ты уже проявлял его, и не раз.

Он ответил ей благодарным взглядом и чуть улыбнулся.

— А не поднимется ли из-за этого недовольство среди мужей?

— Если станешь рядом со мной и станешь с верой и правдой в сердце — не поднимется, — Даная протянула нежную, словно вымытую в набеле руку и коснулась его. — Ты — брат моего мужа Мезамира, ты — сын славного в наших родах Идарича. Кто посмеет возразить, если вместе станем на столе отца моего?

Она говорила что-то еще, но Келагаст не слышал. От прикосновения Данаи в нем взыграла кровь, и единственное, чего он страстно желал сейчас, так это припасть устами к ее руке и сказать ей: поступай, как считаешь нужным, только я уже не могу уйти от тебя.

Он согласен был пройти через все, лишь бы исполнились его желания, и он готов был к признанию, но в последний момент гордость все же взяла верх над юношеским порывом, и он, как это подобает мужу, поднялся

перед Данаей во весь свой богатырский, достойный Идарича и настоящего анта, рост.

— Если такова воля Данаи, становлюсь под ее руку и беру на себя все ее обязанности.

Княжна тоже поднялась и стала перед Келагастом, как достойная дочерь антов: и высокая, и статная, и очень красивая.

— С верой и правдой?

— С правдой и верой! Разве Даная не знает: если Келагаст сказал, его слово твердо.

Когда выходил, встретил наставницу Данаи и отошел с ней в сторону.

— Это все правда? — быстро спросил ее.

— Что?

— Да что Даная хочет, чтобы я положил конец ее вдовьему горю?

— Разве бы я стала говорить неправду! — обиделась она.

— А наставница слышала это из уст Данаи или сама догадалась? Если правда, что слышала, то скажи Данае, что я согласен взять ее под свое крыло.

— А у тебя своего языка нету?

— И сам скажу, но после.

— Ох, — не без издевки засмеялась наставница. — Что это за мужи пошли теперь, если старую бабу просят, чтоб девку им умыкнула.

— Что болтаешь! — вспылил он. — Об умыкании ли речь?

— А то нет? Думаешь, Даная сама придет и скажет: «Бери меня, хочу быть твоей»?

Сказала и пошла прочь. Да что же она себе позволяет, старая карга? Что думает, что говорит? Где это видано, чтобы умыкали княжью дочь, да еще вдову, не сегодня завтра княгиню? С ума сошла!..

Вскочил на Гриваня и погнал галопом, чтоб охладиться. Но галоп не помог. А позже убедился, что и время не помогает... Даная вела себя так, будто и разговора никакого между ними не было; не заметил он, чтоб его хотели поставить предводителем дружины. Но главное — сама Даная не шла у него из головы. Что бы ни делал, все о ней думал. Куда ни глянет, а она будто и стоит перед ним. Что за наваждение! Точно околдовала, хотя ведь и угощать не угощала, и поить не поила, когда был у нее в тереме.

Видно, уж и со стороны заметно, как он сохнет. Воевода Старк что-то уж больно внимательно приглядывался к нему, когда поскакали на стрельбище, а чуть погодя позвал к себе.

— Звали, воевода? — спросил упавшим голосом.

— Дело есть, Келагаст, — ответил Старк. — Князь Волот затеял поход в ромеи. Не ратный, нет, — успокоил, заметив тревогу в глазах тысяцкого. — С посольством собрался к ромейскому императору, хочет обновить подписанный с покойным Юстинианом договор. Ты пойдешь с Волотом от дулебов, будешь отстаивать в том договоре интересы нашей земли.

— Один пойду или с мужами своей тысячи?

— С мужами, однако не со всеми, — усмехнулся Старк. — Отбери десяток лучших, да и собирайтесь.

— Когда отправляться?

— Через два-три дня. Думаю, хватит, чтобы собраться.

— Не хватит, воевода. Путь долгий, и дело не из последних. Надо и людей, и коней подготовить, подумать о подарках императору.

— О подарках князь Волот позаботится.

— Как это — Волот? Сольство будет от всей земли, все должны внести свою лепту. С пустыми руками я не поеду.

Старк задумался.

— Князь Волот торопит нас. Ну да ладно, день-другой подождет. Даю на сборы четыре дня. На пятый затемно должен выехать.

Невелика радость, добавил всего день. Больше уж не прибавит. Надо ехать, а как, если дорога дальняя и долгая, а он с Данаей так больше и не перемолвился. Он же изведется в таком походе, присуха его погубит. Неужели она и словечко не скажет ему на дорогу?! Да и знает ли она о его походе? Но ведь о подарках императору с ней надо говорить — княжеская казна в ее руках!

Повеселел молодец. Думал: свет так устроен, что даже над пропастью найдется тропа, которая выведет на безопасное место. Надо только духом не падать. И он прямо со стрельбища поехал к Данае.

— Это правда, что приказал Старк?

— А что приказал Старк?

— Собираться и идти в ромеи.

Даная в ответ промолчала. Но глаза ее были полны нежности.

— Ты не хотел бы так далеко уезжать? — спросила наконец.
— Ну... Если надо, поеду. Вот только... Так внезапно. И почему приказывает Старк?
— Это не Старк, это я повелеваю, Келагаст!
— Ты?!
— Сам же надоумил, а теперь удивляешься.
— Не понимаю.
— А кто говорил в прошлый раз: не было бы недовольства среди мужей? Вот я и послушалась твоего совета. Велела именно тебя послать от дулебов. Вернешься из ромеев со славой — и заткнешь всем рты. Когда подпишешь с ромеями договор, у меня будет повод не кого другого, а тебя поставить возле себя. Тогда никто не будет ссылаться на твою молодость.
Готовясь к походу, отбирая самых верных мужей, Келагаст, взявшись за дело с радостью, скоро уже поймал себя на том, что думает он о другом. Пока достучишься к императору, сколько седмиц уйдет! А еще и обратный путь... Не случится ли так, что, пока он будет в походе, к Данае тем временем протопчут тропку другие? Найдутся ведь у антов и князи, и княжичи, готовые посвататься. Не дрогнет ли Даная? Ведь сговора о браке у них не было.
«Этой же ночью умыкну ее и сделаю своей!» — решил Келагаст.
Был уверен, что Даная не догадывается, что он способен на такое. Мало ли, что сболтнула наставница, а Даная небось думает, что она — за высокой стеной, под надежной охраной. Надо и воспользоваться тем, что на терем никто не ждет нападения.
Келагаста уважали в дружине за острый ум, за отвагу и удаль, а еще за то, что никому без надобности не наступал на горло, каждому позволял быть самим собой. Много было у него верных друзей, но и среди них были самые верные, о которых знал, что ни в чем не подведут. Вот только надо ли их впутывать в рискованное дело? Но ведь речь о единственной и желанной — Данае! Тут уже никто и ничто не остановит его.
Даная в тот день не вышла гулять с сыном. Не было ее ни на подворье, ни во дворе. Когда он сказал челядникам, что у него к ней неотложное дело, они скоро вернулись, ответив, что у Данаи заболел ребенок, она не может принять его, пусть придет завтра.

Вот тебе на! Как же завтра, если завтра у него последний день в Волыне? Сколько еще будет хлопот с отъездом, а ночь — всего лишь одна. Разве это дело: умыкнуть ночью жену, а на рассвете покинуть?
Что делать? Настаивать на своем? Даная, конечно, выйдет, да что с того? Разве можно умыкнуть мать, если у нее больной ребенок? До любви ли испуганной, встревоженной матери? Такая скорее очи выцарапает, чем покорится силе и ляжет в ложе с тем, кто взял ее силой. Нет, не сегодня. Не знает, как завтра, но не сегодня.
— Скажите Данае, пусть простит за беспокойство. Приду, когда молодому Мезамиру станет лучше.
На другой день зашел к ней среди бела дня, поговорил о подарках императору, спросил, как здоровье племянника.
— Лучше ему, — улыбнулась Даная. — Но не совсем. Боюсь, не огневица ли у него.
— А что басихи, волхвы-баяны?
— Уверяют, что не огневица, мол, ветром продуло.
Помолчал немного и вдруг сказал:
— Тогда я не поеду в ромеи, пока он не поправится.
Она широко открыла глаза и застыла в удивлении.
— Как это не поедешь? Ты что, Келагаст? Князь Волот без тебя не сможет идти к ромеям.
— С такой тревогой я не могу оставить Волын. Путь дальний. Я изведусь весь в дороге.
Лицо ее просияло, губы чуть дрогнули в улыбке.
— Я должна была бы радоваться от такого внимания ко мне и к сыну, — прочувствованно сказала Даная. — Но я повелеваю: не делай этого. Возле Мезамира есть волхвы-баяны, есть басихи. Будь уверен, они позаботятся о Мезамире. Ты же возвращайся со славой. Этим ты больше сделаешь и для меня, и для себя, и для Мезамира.
Что сказать на это? Права Даная. Надо идти собираться в путь. Келагаст был уверен, что так и уедет, ни о чем не договорившись с Данаей. Но хватило этой уверенности только на то, чтобы выехать за Волын. Сразу же за Волыном сказал мужам:
— Дальше не едем. Становитесь на поляне лагерем и ждите. Ты, ты, ты и ты, — указал на четверых, потом и на пятого, которого оставил за старшего. — Остальные пойдут со мной.

Ждали, пока Даная придет в себя после болезни сына, но как, от кого Келагаст узнал об этом — никому не известно. А уж тогда, не доверяясь ночи, прямо среди бела дня повязали теремную стражу, запеленали Данаю в покрывало, да так, что она и не заметила, кто сделал это. Она вырывалась, плакала, но до того ли было, чтоб успокаивать, — тати выскочили из Волына и погнали коней узкой лесной тропой — подальше от преследователей, поближе к ловчему убежищу на бортных угодьях Идаричей.

Когда оказались в надежной глухомани, Келагаст приказал мужам:

— А теперь возвращайтесь к табору и ждите меня там.

Сам продолжал скакать, пока не оказался в укромном месте. Даная уже не сопротивлялась, только тяжело всхлипывала, догадавшись, наверное, кто умыкнул ее, и ждала, когда придет этому побегу конец.

Он снял ее с коня и, словно ребенка, понес к хижине. Там, развязывая путы, сознался:

— Не бойся, Данайка, ягодка, это я, Келагаст. Видишь, говорил, что не могу уехать в такой далекий путь с печалью в сердце, и не поехал. Я голову потерял оттого, что хочу взять тебя в жены, а Мезамира в сыновья.

Он снял с нее покрывало и не успел опомниться, как получил леща, да такого, что искры посыпались из глаз. Одного, другого, за ним и третьего.

— Ты что? — взвился он, заслоняясь от нее рукой. — Будто сама не хотела быть моей...

— Хотела, да не так, не так, не так! — хлестала она его по лицу, пока не обессилела, измученная страхом, обидой, сознанием непоправимости того, что произошло, и с плачем опустилась возле ложа. — Как ты посмел? — спрашивала сквозь слезы. — Как мог позволить себе такое?

— Наставница сказала...

— Дурак! — повернулась зло. — Могла ли наставница подумать, что ты не понимаешь, к кому сватаешься? Кто я тебе, что ты позволил себе умыкать?

Выплакав боль, поднялась и сказала, печально глядя на него:

— Ты осквернил мои лучшие чувства к тебе. Лучшие, понял?! Теперь... теперь, если не найдешь, как вернуть мне славу непорочной жены и матери, можешь не надеяться, что станешь мне законным мужем. Лучше руки наложу на себя, чем позволю такое.

VI

И дулебы с древлянами, и поляне, и уличи не мешкая откликнулись на зов князя Волота, прислали людей, достойных составить антское посольство, прислали и подарки, которые должны поднести в Константинополе императору, императрице, сенаторам, причастным к заключению договора. А сам Волот не был уверен, что одолеет такой далекий путь. Неожиданная болезнь, подкосившая его во время разговора с Миловидой, подорвала силы. Отлежавшись, он благодаря ласкам Миловиды и заботам волхвов-баянов встал на ноги, но прежней силы уже не было. Поэтому, может, он и раздумывал, и колебался, какой путь выбрать, направляясь в Константинополь: морем или сушей? Кутригуры препятствовать не станут, пропустят сольство через свою землю. И Виталиан встретит с почетом, даст сопровождение, чтобы и волос не упал с головы антов, до самого Константинополя. Но это долгий, очень долгий и утомительный путь. Все верхом и верхом. Шагом его не одолеешь, придется ехать рысью да вскачь. Морем было бы и проще, и надежнее, если бы море выдалось спокойным. А как одолеть его в оба конца, если разбушуется? Не станет ли ему еще хуже, чем на суше? Когда-то Волот хорошо переносил качку, однако это было когда-то, считай, тридцать лет тому. Теперь и князь не тот, и сила не та. А спешить с сольством к ромеям, с обновлением договора с ними ох как надо! Не уверен князь, что еще через зиму сможет вообще пойти в такое далекое путешествие.

И все же, как лучше? На чем остановить выбор? Наверное, на море... Там, во всяком случае, есть надежда, что буря их не застигнет, а застигнет — можно выйти на берег и переждать. Так и повелит слам от дружественных земель: оставляйте, братья, коней в Черне, готовьте лодью, отправимся Днестром к лиману, а там морем...

Еще одно надо сделать до отъезда: поговорить с Миловидой. Сама не своя ходит с тех пор, как свалила его болезнь, чувствует себя виноватой, а заговорить о своей вине не смеет. Как же ехать, не успокоив ее? Как оставить ее с мыслью, что виновата?

Оно, если вдуматься, то так и есть. Должна была

спросить перед тем, как совращать дочерей в свою веру, согласен ли отец их на это, надо ли им это? Своевольничала, а почему? До сих пор не водилось за ней такого. Неужели она ставит веру и право каждого выбирать ее независимо от обычаев рода? Получается, что так.

Он улучил момент и примирительно сказал:

— Оставляю вас надолго, Миловида. Позови сыновей, дочерей, надо побеседовать.

— И малых?

— Да.

Постояла, как бы ожидая, не скажет ли еще чего, а не дождавшись, виновато ответила:

— Радимко, Добролик и Светозар среди дружинников. Может, под вечер придут.

— Тогда под вечер и собери всех.

Уже когда Миловида ушла, унося с собой новые тревоги, Волот понял, что она догадалась, о чем пойдет речь. Понял вдруг и то, что зря он велел звать и малых. Им-то для чего знать то, что приготовился сказать взрослым? А впрочем, пусть будет как будет.

Старшие дочери, а вслед за ними и меньшие дети с тревогой входили в просторные хоромы к отцу — они желали ему благополучия и тихие, настороженные, усаживались на лавках. Видно было: ждут чего-то необычного. Зато сыновья, прибывшие из дружины, держались независимо. И старший — Радимко, и два средних — Добролик и Данко — были возбуждены, напряженность, которую они почувствовали, похоже, ничуть их не смутила.

— Я уже сказал матушке вашей, — начал князь, — теперь и вам объявляю: отправляюсь надолго и далеко. Хозяйкой и повелительницей всем в тереме и на столе оставляю мать Миловиду. Рать и дела ратные возлагаю на Стодорка и Власта. Будьте послушны им, хорошо исполняйте то, что повелят вам. Тебе, Радимко, и вам, дочери мои, — посмотрел в сторону Златы и Миланы, — еще одно повеление: как старшие, помогайте матери. Ну а вы, — улыбнулся малым, — всегда были у нас послушными отрочатами, думаю, такими и будете?

— Будем, отче, — пообещал старший из тройки — Светозар. — Вы только скорее возвращайтесь из ромеев, о нас не беспокойтесь. Все будет хорошо.

— Так и порешим! — согласился отец. — А теперь идите к себе, мы с мамой еще побеседуем со старшими.

Малые поцеловали руку отцу на прощание и потянулись гуськом к порогу. Светозар, уже от дверей, сказал, остановившись и преодолевая волнение:

— У меня просьба, отче.

— Говори.

— Будете в ромеях, купите там перегудницу, а то и гусли самые лучшие.

Князь пытливо посмотрел на него, вздохнул.

— Мы с матерью нарекли себя Светозаром, надеясь, что станешь путеводной звездой всей Тивери, красой рати тиверской, а ты все с пищелами забавляешься, все о гуслях думаешь.

— Любы они мне, — признался он.

— Ну, ну, — князь еще помолчал немного. — Пусть будет так. Тешься, пока молод. Куплю, если они есть у ромеев. По-моему, гусли только у славян известны.

— Он очень душевно поет, отче, — сказала Милана, когда Светозар закрыл за собой двери. — И на дуде, и на пищеле такое выводит, что не каждый сумеет.

— Другой забавы и знать не хочет, — поддержала сестру и Злата, — играет да играет. В Соколиной Веже выйдет в поле, спрячется в траве и наигрывает на все лады. Сама не раз слышала.

Князь не перебивал их. Когда же утихли, заметил:

— У каждого своя утеха. Вот только прилично ли это сыну князя. Ну, да я сказал уже: пока молод, пусть балуется. Подрастет — поумнеет. Я вот зачем оставил вас, — перевел на другое. — Невеселые думы одолевают меня перед этим походом. А может, это и предчувствие — кто знает. Потому и решил кое-что сказать вам.

Миловида, потупив взор, краснея, умоляюще сказала мужу:

— Может, пусть отроки уйдут?..

— Нет, пусть и они знают. Речь, дети мои, о том, как жить вам дальше, какого берега придерживаться. Народ наш испокон веков молится своим богам, тем, которые живут на острове Буян и оттуда шлют благодать свою для всех, кто верит и верен им. Народ живет этой верой, на нее уповал и будет уповать. Вы же, — взглянул на дочерей, — то ли отреклись, то ли собираетесь отречься от них. Хотел бы знать: кто понуждает вас к этому, кто надоумил? Мать ваша Миловида верит Христу — пусть, у нее на то свои причины. А что вас заставляет отрекаться от своих богов, уповать на Христа?

— Мы не отреклись, отче, — Милана с удивлением смотрела на него.
— Как не отреклись? Будто я не видел, как вы молились.
Дочка хотела сказать что-то, но споткнулась на полуслове.
— Молились, — сказала Злата, — но не отреклись. Мы только просили Христа, чтобы заступился. Разве не знаете, отче, что матушка потому и уверовала в него, что не наши боги, а Христос внял ее ревностным мольбам и отвел от вас жертвенный нож, спас вас для нее.
— Пустое говоришь, — вспылил Волот. — Мою долю определил жребий, точнее — воля Ясноликого Хорса. Неужели забыли, что мать ваша принесена в жертву ему? Как же можно не помнить этого и надеяться на другого, чужого нашим родам, бога? Неужели не знаете, что боги не простят отступничества, а народ тиверский и тем более. Пока я князь, пока я с вами, люди, может, и сделают вид, что ничего не видят, ничего не знают, а не станет меня? Да они тут же покарают за отступничество, самой тяжкой карой покарают. Слышите, что говорю? Миловида, ты поняла меня?!
Миловида сидела, не поднимая глаз.
— Господь сказал, — промолвила она тихо, — кто не способен верить, тот не способен и терпеть. Верь мне — и вытерпишь.
Он не вскочил в бешенстве, хотя и подмывало, он даже голоса не повысил, он просто смотрел на свою жену, смотрел долго, внимательно, будто впервые видел ее такой, как сейчас.
«Вот чем обернулось, что во всем потакал ей и сам же позволил ромеям привозить ей их письмена, образа святых. Научилась — и еще больше уверовала».
— Я слаб перед тобой, жена моя, — сказал вслух, — не могу быть суровым с тобой, не могу гневаться на тебя, но это — мои дети, и должно быть так, как я говорю. На их долю и без того много мук выпало.
— Да разве я неволю их? Скажи, Милана, и ты, Злата?
— Знаю, — не дал сказать дочерям. — Неволить не неволишь, но своими баснями о Христе возбуждаешь их любопытство. А отсюда и до веры недалеко. Ведь и письменам ромейским для этого их научила!
— Я только добра хочу им, князь.

— Не вижу этого.
— Выслушай — и увидишь. Ты вон какой век прожил и среди людей разных побывал, повидал всякого.
— Ну так и что?
— Неужели не убедился: на горе да на беду у всех одно лекарство и одна отрада — поиски истины.
— Думаешь, истина — в вере Христовой?
— Не скажу — да, но не скажу и — нет. Сам подумай: что делает людей алчными, а то и подлыми? Только одно: желание сытости, величия, славы. А что делает их гордыми? Да то же, что и алчными. Лишь горе делает их добрыми и мудрыми. Только оно, Волот, оно одно. Доброта делает людей щедрыми, а щедрость душевная — воистину великими. Могла ли я помешать твоим дочерям, не допустить их к письменам — истокам знаний, если видела: они жаждут познать себя?
— Думаешь, это утешит их и спасет в жизни?
— Да. Не думай, будто я желаю, чтобы дочки твои во имя познания истины жили в горе. Я другого хочу: чтобы, если уж случилось так, что горе их не обошло, они лучше познали себя.
«Я уже не сверну ее с этого пути, — понял Волот. — Как же у нас дальше все будет?»
— Знания никому не помешают, — сказал он, помолчав. — А вот вере своей изменять не годится. По мне, жена, ты бы о другом должна позаботиться: чтобы Злата и Милана нашли себе мужей достойных и по сердцу. Это и будет самое лучшее, что можешь для них сделать.
Миловида не возражала, но и не спешила соглашаться.

VII

Товар лангобардский и хуры с кормом прибыли в Скифию вместе с послами от короля Алвоина.
— Наш король, — сказали послы, — шлет предводителю аварского племени кагану Баяну обещанное и хотел бы иметь взамен не только твердое слово, а и подписанный договор о совместных действиях против гепидов.
Баян поблагодарил за присланное, но папирус подписывать не спешил.
— Гепиды находятся под защитой империи, — сказал он. — Выступать против них — значит, выступать против империи.

Лангобардские слы удивленно переглянулись:

— Разве каган не знал об этом? Разве он и без того не в ссоре с ромеями?

Не хотелось выдавать себя, но и не мог в тот миг не взглянуть на Кандиха, прибывшего с послами. «Это как понимать?» — спрашивали глаза кагана.

Кандих поспешил объяснить:

— Король Алвоин и его слы знают, как повел себя Юстин Младший с нашими слами в Константинополе. Они согласны объединиться с нами и вместе идти против гепидов и против ромеев.

«О Небо! — каган едва сдерживал себя, чтобы не взорваться гневом. — Что он говорит? Кто позволил ему говорить с лангобардами о действиях против ромеев?..»

— Король наш, — пришли на помощь Кандиху лангобарды, — велел передать тебе, предводитель аваров: когда уничтожим гепидов, эту опору ромеев на Дунае, нам никто не помешает тогда пойти не только во Фракию или Македонию, но и под Константинополь. Мы сможем объединиться с соседней Скифией, и тогда против нашей силы не устоит вся ромейская империя с ее палатийскими когортами. Хватит нам терпеть издевательства от ромеев.

Лангобарды говорили правду: по соседству с Паннонией бурлит тьма беспокойного славянского люда. Если прибрать его к рукам и направить на ромеев, можно затопить всю империю, по крайней мере — до моря. Но Баян был не так прост.

— Сначала, — сказал он послам, — мы собирались выделить в помощь королю лишь отдельные турмы. Но если у короля Алвоина такие планы, как я слышу здесь, идти, конечно, нужно всем.

— Король тоже так думает. Зачем мельчить силы? Приходи и садись всем племенем на земле Гепидской. Вместе со скифами, что живут среди нас, мы станем силой, которая сделает задунайские земли неприступными. Ромеи будут дрожать от страха и заискивать перед нами.

Это было как раз то, что каган хотел услышать, но он не был бы каганом, если бы согласился с послами не торгуясь.

— Земля, которая под гепидами, богата? — спросил он.

— Да.

— А сами гепиды? Что найдем у них, когда придем?

— В обиде не будешь, предводитель. Король сказал, что Сирмий и все его богатства — твои.

— Сирмий — это ерунда. А богата ли та земля на коней, много ли коров?

— Еще бы! С этого богатства гепиды и живут. Да вдобавок и хлеб сеют.

— Тогда в договоре надо так и записать: все, что авары добудут у гепидов мечом, будет за аварами, что возьмут лангобарды — то будет принадлежать им. Если согласны с этим, я подписываю папирус и иду на средний Дунай.

Теперь лангобардские слы не спешили соглашаться.

— Не кажется ли кагану, что он слишком мало оставляет нам?

— А то, что разгромим гепидов? Разве этого мало?

Спрашивать было не у кого. Помявшись, в конце концов слы сказали:

— Согласны.

Когда все, о чем договорились, было написано на папирусе и кагану осталось поставить под договором отпечаток большого пальца, он, как бы вспомнив что-то, внимательно посмотрел на слов:

— Наши турмы сразу же пойдут на гепидов, а куда денутся роды со всем скарбом? На чьей земле они найдут убежища?

— Да, видно, на нашей. Это само собой разумеется, достойный.

— Возможно. А все же лучше будет, если и это запишем на папирусе.

Послы не возражали, однако от себя добавили: пока будут продолжаться военные действия.

То, что лангобарды отрядили довольно большое сольство к аварам — было их сотни две, — вряд ли укрылось от глаз тех, кто наблюдал за тайными сношениями. Так или иначе, но слухи об этом донеслись до ромеев. Но как случилось, что слухи обогнали аваров, как случилось, что когорты императора оказались в Сирмии и Сингидуне раньше аварских турм, это, наверное, только Небу ведомо.

В разгорающийся костер раздора на Дунае вмешалась сила, которую уже нельзя было не принимать в расчет. Кажется, это вмешательство меняло все, и меняло к лучшему. Баян, узнав о появлении у гепидов когорт импе-

ратора, залег в наскоро разбитом шатре, словно медведь в берлоге, не показываясь королю лангобардов на глаза. Тот тоже отлеживался в своем дворце в стольном городе Норике и благоразумно не напоминал о себе Баяну.

Один думал, что с ромеями рано или поздно, но воевать придется. Лучше, если сеча с ними будет после того, как усядусь на гепидской земле и заручусь поддержкой союзников — короля франков, лангобардов, склавинов или скифов, как их называют лангобарды. Без такого союза и без таких крепостей на Саве и на Дунае, как Сирмий и Сингидун, о победе нечего и думать. А может, не отсиживаться, не ждать, а обойти Сирмий, Сингидун и прибрать к рукам остальную землю гепидов?

Король Алвоин думал о том, что император, войдя в обе гепидские крепости — Сирмий и Сингидун — многое дал понять этим. Очень возможно, он скажет еще больше, если Алвоин вместе с обрами поднимет меч на гепидов. А как ему не пойти с ними, когда сам позвал аваров... Они же теперь заполонили всю Паннонию! Все балки, долины, перелески утыканы аварскими шатрами, на выпасах всюду их скот. Пока авары живут с того, что дали им. А что будет, когда запасы кончатся? Они же, как саранча, полезут в дома, на поле, заберут все, что можно взять...

Нет, теперь уж пусть будет, что будет, а надо идти против гепидов. Ромеям самим не сладко, двадцать лет уже режутся с персами, и все никак не перестанут. А если так, вряд ли они пойдут дальше Сирмия и Сингидуна.

— Что гепиды? — поинтересовался король у своих людей, прибывших с границы.

— Рады, что император на их стороне. Одни пьют с ромеями, другие бузотерят на границе. На лагеря пока не осмеливаются нападать, а по ночам шастают по округе, грабят, жгут.

— Делайте то же самое. — И обратился к придворным: — Сведите меня с каганом. Пора и поговорить.

Дело придворных знать, как свести короля с высоким гостем. Самый лучший способ — позвать на щедрое королевское пиршество. Но когда бароны Алвоина, представ перед Баяном, пригласили его на королевскую охоту, каган, к удивлению, не проявил к их словам никакого интереса.

— Скажите королю, что у кагана нет времени на это. Он не затем вел суда турмы, чтобы бегать по охотам. Надо думать, как повергнуть гепидов.

— Король рад будет услышать это.

— Если рад — пусть придет ко мне и услышит.

Бароны оторопели.

— Достойный, — осмелился возразить один из них.— Король Алвоин первым пригласил тебя в гости. Ты кровно обидишь его, если откажешься и не придешь.

— До обид ли, если речь идет о ратном деле?

— Гепиды никуда не убегут, успеем еще поквитаться. Если не желаешь участвовать в охоте, приди в гости. Так велят наши обычаи, и негоже пренебрегать ими.

Баян не привык, чтобы ему возражали, но ведь придворные короля были правы.

— Скажите, — согласился наконец, — в гости я приду. Однако один. Пусть и король будет один. Время не терпит, задуманное нами дело — тоже.

Встретившись, каган и король договорились не трогать ромеев в крепостях, а идти общими силами на гепидов и разбить, уничтожить их королевство в Подунавье. Чтобы не выдать своих намерений, рати собирали подальше от границы с гепидами. За два-три дня лангобардские тысячи и аварские турмы изготовились к походу, ждали только приказа. А его почему-то не было и не было.

Баян и Алвоин, прежде чем дать такую команду, послали вперед своих разведчиков. Одних — к ромеям, в Сирмий и Сингидун, других — к гепидам. На этом особенно настаивал каган: пока не будет знать в подробностях, сколько в крепостях ромеев, что думают о раздоре между гепидами и лангобардами ромеи, где стоят рати гепидов, сколько их, где, наконец, сейчас король гепидов Кунимунд, — войны против гепидов не начнет.

Когда лангобарды-разведчики прибыли, а подслушанное и выведанное ими оказалось довольно утешительным, король поспешил к кагану.

— Пора, союзник. Труби в рог, зови свои турмы в поход. Король Кунимунд все еще занят веселым застольем с предводителем ромейских когорт; многие воины гепидские на границах своей земли заняты тем же. Самое время поднять всю нашу силу.

— У меня другие сведения, Алвоин.

— Как другие?

— На днях мои разведчики привели несколько гепи-

дов, среди них и предводителя гепидской турмы. Он говорит: гепиды уверены, что присутствие в крепостях ромеев удержит нас от вторжения. Они самонадеянны и беспечны. Но, сам того не подозревая, пленный подсказал, как нам расправиться с гепидами... Правда ли, что у них на ближайшей седмице большой праздник?

— Да...

— Если так, мы позволим им отпраздновать! Но сразу после праздника, когда будут сладко спать с похмелья, навалимся на них всеми нашими силами. Одного дня хватит покончить с гепидами и стать хозяевами их земли.

Король восприпял последние слова кагана как отговорки. «Выставляется храбрецом, — говорили его глаза, — а сам в кусты прячется. Не раздумал ли он вообще выступать? С этим хитрым лисом, ставшим со своими турмами у Дуная, ухо надо востро держать». Сердцем чувствовал: каган говорит одно, а на уме держит другое. Эх, знать бы точно — так это, или он, король, все же ошибается?

— До праздника целая седмица, — вздохнув, осторожно возразил Алвоин. — А за седмицу все может случиться.

— Что — все?

— Хотя бы новые ромейские когорты появятся...

— Не появятся. — Каган говорил твердо. — Империи нужны крепости, больше ей ничего не надо.

— Как знать... А впрочем, пусть будет по-твоему. Седмица — не вечность, седмицу можно и переждать.

Над Дунаем и далеко окрест задремала убаюканная ночью тишина. Над Дунаем и в заросших кустарником долинах на его берегах стелились густые, похожие на разлитый набел, туманы. Изнуренные летней истомой деревья словно купались в белом молоке. Спали успокоенные тишиной птицы. Лишь филины да совы изредка тревожно перегукивались между собой: пу-гу, пу-гу. О чем предупреждали они? Приснилось ли им или они и в самом деле видели, как изготовился к страшной охоте окольный люд? Балки и урочища окрест были заполнены настороженно-суровыми, молчаливыми воинами. Даже кони их не ржали, лишь чутко прядали ушами. Но вот пало в эту тишину зловещее слово, и закружились,

вскочив на коней, тысячи, повалили к реке. Шли лава за лавой, турма за турмой. Можно было подумать, что они собрались запрудить собою Дунай. Туман поглощал одних, за ними шли другие, и этому угрюмому, молчаливому, зловещему шествию, казалось, не будет конца. Тут не то что сова должна была встревоженно закричать — тут сама земля должна была вздыбиться от тревожного крика и стона, но земля молчала.

Аварские турмы и лангобардские тысячи шли на гепидов. Все было так в эту ночь, как и предполагал Баян: после хмельного праздника мертвецки спали самонадеянные гепиды, им ни до чего не было дела. Первыми проспали все на свете, и себя тоже, сторожевые в подунайских вежах, за ними полегли, так и не очнувшись с похмелья, воины и мужи соседних с Дунаем сельбищ, а уже потом пала черная кара за беспечность и на военные лагеря гепидов. Обры подкрадывались к противнику стремительно и тихо. Они умели это. Спешивались неподалеку от лагеря, окружали сонных и, упав тучей, резали подряд и на выбор, на выбор и подряд — кому как нравилось.

Обычно на сонного человека не у каждого воина поднимается рука — от крови убиенных во сне нередко даже самых бывалых из бывалых мутит. Но чего не сделаешь заодно со всеми! Вон сколько их, умаявшихся на этой человеческой молотьбе,— пришли, как тати ночные, пустили после себя реки крови и спешат дальше, гонимые жаждой и страхом.

Аварские турмы, вырезав сонные лагеря гепидов, рассыпались, растеклись в разные стороны. Теперь уже Гепидскую землю резали на кровавые куски. Оставшиеся в живых гепиды видели только одно: авары всюду, от них нет спасения, нет и не будет пощады.

Ее и не было. Гудела земля под ударами тысяч и тысяч конских копыт, гудело потревоженное стоном безжалостно битой земли небо, а в до недавнего времени чистом, вымытом росами воздухе зависала темными шлейфами пыль.

И все же кое-где собирались, гуртуясь в малочисленные отряды, те, кто спасся от резни, кто мог держать оружие. Это была малая, ничтожно малая сила против лютующей рати обров и лангобардов. Что могли сделать они своими сотнями, если король не выстоял с тысячами? Но они стояли, пока аварские лавы не сметали и не сме-

шивали их с песком. Они гибли, и все вокруг, что могло гореть, предавалось огню, и все, что можно было взять в их домах, захватчики брали себе. Попавшие в плен, кроме старых да малых, вязались и стереглись особо, как самый ценный товар.

Плач и стон шел по еще недавно праздничной и веселой земле. Уже не туманы, а черные дымы стелились, ревела непоеная и недоеная скотина, ржали кобылицы, потерявшие жеребят, а еще громче — оставленные на произвол жеребята. Что авары, что лангобарды — не обращали внимания на это. У них своя забота — пропустить через мясорубку последние остатки гепидских сотен, покорить ближние и все дальние земли гепидов.

Когда кагану доложили, что король гепидов Кунимунд бросил уже последние остатки своих войск и спрятался за стенами Сирмия, Баян понял, что дело сделано. Впрочем, турмы его продолжали разбой. Сам он, взяв надежных воинов, пошел с ними к стенам занятой ромеями крепости.

— Выдайте нам короля Кунимунда! — передал через нарочитых.

Но ромеи не устрашились их.

— Король Кунимунд и его герцоги находятся под защитой императора, — ответили. — К нему и шлите сольство.

Баян хотел было стоять на своем, но вовремя одумался. Стоит ли заходить так далеко? Ведь взятием Сирмия он начнет поход против империи. И хорошо бы, но лучше подождать, как ответит император на его вторжение в земли гепидов и поселение в Подунавье. Если все сойдет с рук, он еще спросит у тех, что засели в Сирмии и Сингидуне, где король и почему они не отдали ему его, когда требовал.

VIII

Давно это сказано: побори страх перед недосягаемым и будешь иметь недосягаемое. Разве с ней, Миловидой, не то же самое было? Как боялась она покинуть монастырь и отправиться в необъяснимо далекий путь, что пролег от Фессалоники до Тивери, а случилось так, что когда между нею и игуменьей пробежала черная кошка, — отважилась и пошла, и так добилась своего. И путь, и страх одолела, и земли отца своего достигла.

Теперь, спустя многие годы, она убедилась, что не Божейко, а князь Волот был определен ей Ладой. Это по ее воле стало так, что ромеи вторглись той далекой весной в Тиверь, что Божейко приглянулся в Фессалонике жене навикулярия, а по милости навикулярия бросился потом в пучину морскую. Это она, мать Лада, свела Миловиду с князем Волотом — и там, на мезийском берегу, в Маркианополе, и в шатре над лиманом, и здесь, на Тиверской земле. Вот уже двадцать семь лет живут они вместе, в любви и согласии. Шестерых сыновей понесла от него, да и вырастила. Старшие — мужи теперь, такие, что и на место князя станут, если повелит. Сколько лет прошло, а она не охладела сердцем к князю, как был самым желанным, так и остался. Он и радость ей дал, и волю душе.

Но из головы Миловиды не выходил гнев князя, когда он застал дочерей за молением, и она с болью думала, как бы не стало это началом обидного несогласия. Вот и старалась, ожидаючи его из ромеев, наладить все так в доме, чтобы не было больше повода для раздора. Огнищанка же она, стоит на княжьем месте при столе. Кто запретит ей в отсутствие князя делать так, как мог бы только сам князь, а то и лучше? Разве не удивился бы он и не обрадовался, если бы, возвратясь, увидел в делах жены такое, чего не ожидал, о чем не думал и не гадал? Такая радость растопила бы лед в его сердце. Вот только с чего начать? Не собрать ли совет и спросить у мужей, чем опечален, чего требует ныне люд тиверский? Но знают ли мужи, чем народ озабочен? Разве они думают о его печали? Нет, лучше она позовет тех, кто ближе к простому люду. А еще лучше — запряжет коней в повозки и поедет по окольным весям, поговорит с ролейными и старейшинами родов. Там найдет все, что надлежит найти.

«Помоги мне, боже, — молилась перед дорогой. — Не зла, добра хочу тиверской земле и ее народу!»

Внешне Миловида, как и прежде, казалась, да и была со всеми и доброй, и ласковой, однако неожиданно для многих явила себя властной, требовательной княгиней. Поездив по околиям, насмотревшить, как бедуют жены мужей, павших на поле брани, повелела точно разузнать, сколько таких в Черне и его окрестностях. Затем позвала главных мужей княжеской рати и спросила: разве это годится, чтобы вдовы ратников из шкуры лезли на

ролейной ниве, а дюжие мужи отлеживались тем временем в холодке, довольные, что свое они отработали на поле ратном? Может, в страду-то надо помочь тем, кто больше всего нуждается в помощи?

Кто бы стал возражать, когда говорит такая княгиня, которая сама все испытала на себе, да к тому же говорит дело? Сговорились предводители сотен, на их зов откликнулись и мужи, и отроки, да и пошли с шутками-прибаутками сгонять на общинных нивах нагулянный на приволье жир. Пока они жали жито, складывали в копны, вдовы готовили им яства.

— Вы тоже идите, доченьки, — сказала Миловида Злате и Милане. — На княжьи уделы под Соколиной Вежей тоже посланы жнецы. Челядь пусть готовит им и яства, и питье, а угощать мужей должны вы. Обычай говорит, что самые вкусные яства покажутся невкусными, если не хозяйка-огнищанка подает их.

Дочери охотно поехали. Мать была довольна их послушностью, она как-то обрадованно успокоилась, но ненадолго. Прошло несколько дней — и сама не выдержала, поехала к ним посмотреть, что да как. Кажется, напрасно беспокоилась.

— Мне, вижу, делать тут нечего, — сказала при всех. — Молодые хозяйки порядок знают. Или, может, это они из-за меня так стараются? — усмехаясь, спросила одного из мужей, который, как заметила, все глаз не сводил с Миланы.

— Что вы, матушка княгиня, — заступился тот за княжну. — С ними мы никаких забот не знаем.

— Ну, помогай вам бог.

Вздохнула, уехала обратно в Черн — ждать из ромеев князя. Надеялась, князь будет доволен ею.

И не ошиблась. Волот был не просто доволен — у него гора с плеч свалилась, когда увидел, что поля убраны, скотина ухожена, люд окрестный доволен и весел. И жене не поскупился воздать должное, когда услышал от своих мужей: это, мол, княгиня надоумила помочь и вдовам, и тем общинам, в которых много воинов пало на поле брани. Но еще больше удивился князь, когда после веректы зачастили к его терему мужи с недавними вдовами:

— Просим князя и княгиню к нам на свадьбу.

— Поженились?

— Да. Сами рады и хотели бы, чтоб князь и его заботливая, велемудрая княгиня разделили нашу радость.

И Волот сказал Миловиде:

— Всякой уже знал тебя, мое золотко, а вот что ты такая — и не думал никогда.

— Какая?

— Слышала же, как называют тебя молодожены: велемудрая.

— А кто когда-то нахваливал меня: «Ты не только красотой богоподобна, ты и мудростью достойна быть среди богов»?

— Не забыла? О-о, когда это было!..

Прикрыл утомленно глаза. В памяти словно ожило то далекое и уже смутное время.

— Что бы дал я теперь, — вздохнул он, — чтобы вернуть нам хоть несколько из тех растраченных то в спорах, то на поле брани лет!

— Жалеешь их? Разве мало мы были вместе? Или это все уже — прошлое? — вспыхнула она.

Посмотрел на нее, раздумывая, и все же решился сказать:

— Плохо я чувствую себя, жена моя милая. Боюсь, недалек час, когда придется сказать самому себе: это уже конец.

Она испуганно посмотрела на него, чувствуя, как деревенеет вся, не может слова вымолвить.

— Не говори такое, Волот, — справилась наконец с собой, — радость моя, счастье мое, не смей даже думать так. Ты просто устал. Сам посуди: разве может муж, который одолел такую долгую и тяжкую дорогу, к ромеям сходил, обратно, — думать такое? Ты сильный. А сильному и боги не велят духом падать.

На самом деле Волот видел, что она не на шутку встревожена, как будто почувствовала приближение грозы, и он постарался разубедить ее, развеять опасения. Путь действительно пройден огромный, и, видно, она, Миловида, правду, говорит: утомился он. Вот отдохнет, отойдет с дороги — и все станет, как было, будут дальше жить.

— Знаешь, что надумал я, возвращаясь из ромеев, — поделился он, увидев, что жена успокаивается, сушит слезы в глазах. — Переложу-ка я, и не мешкая, кое-какие княжьи обязанности на сыновей старших — Радима и Добролика. Пусть учатся при мне, привыкают княжить. Выросли уже, возмужали — пора! А я тем време-

нем и отдохну, и с тобой побуду, и с маленькими нашими.

— Это ты мудро надумал, — согласилась она.— Пусть привыкают княжить. Но у меня тоже, — она вдруг улыбнулась ему и просияла лицом... — у меня для тебя тоже радостная весть.

— Да? Какая же?

— Не сегодня завтра Милана и Злата придут просить согласия нашего на свадьбу.

— Неужели правда? — Он как будто не верил. — Нашла им мужей?

— Да нет, не я. Сами себе нашли, когда в поле были.

— Кто такие?

— О том их сам спросишь. Не все же я да я, пусть и они что-то скажут.

— Когда все так, как ты говоришь, — он не сводил лучившихся добротой и признательностью глаз с Миловиды, — я, наверное, и вправду помолодею лет на десять. Хотя бы для того, чтобы еще любить и любить тебя.

IX

Дядька у Светозара — твердого нрава. Когда наступает время учебы, никому не уступит, три шкуры спустит, а своего добьется. Но и он потакает Светозару. И не потому, что это княжеский сын. Слишком уж явно выделяется отрок среди других — и тех, что ходят под его, дядькиной, рукой, и тех, что когда-то ходили. Всего шестнадцать лет отроку, а степенностью и остротой ума мудрее многих зрелых мужей. Неужели это оттого, что еще до обучения ратному делу прошел материну науку? Научился чужеземным письменам и тянет его теперь не так к дядьке, к мечу и коню, как к книге да еще разве к сопели. Так играет, чернобожий сын, что и камень, слушая, растает. А впрочем, при чем тут письмена? Другие княжичи тоже умеют читать, а держатся, вон, за меч да за коня. Радим еще так себе, а Добролик как девку пестует своего Орла: и чистит, и купает, и гриву расчесывает сам. Когда же случится гнать его полем — несется, кажется, словно буря. Так бы и не останавливался, если бы не приказ. Огонь, а не отрок. А Светозар странен. Тих, рассудителен. Науку ратную на лету схватывает, и делает все, как положено. А выпадает свободное время — тут же и забыл обо всем, или сядет книгу читать, или, уединившись, на сопели играет.

— Светозарко! Не слышишь, что ли, Светозарко?

Раз позовешь, два, а то и три кликнешь — тогда только поднимет голову, спросит:

— А? Что? Это вы меня, что ли?!

— Тебя, тебя!.. Хочу знать, как ты думаешь быть князем на Тивери, если такой?

— Да я и не думаю об этом.

— Прости, Боже! Зачем же было тогда отдавать тебя ко мне в науку?

— Всякая наука, дядько, может понадобиться, если она наука. Вашу тоже должен знать, хотя бы затем, чтобы уметь при надобности защитить себя.

— И все? А кто же рать поведет на сечу?

— На то старшие братья есть. Меня к другому тянет.

— Вижу, потому и буду говорить об этом с князем. Я отвечаю за тебя. Если не возьмешься за ум, то скажу отцу.

Не понравилось ли, что сказал дядька, или действительно не хотел, чтобы о его равнодушии к ратному делу дошло до князя, но Светозар перестал играть, внимательно посмотрел на своего учителя.

— Думаете, можно заставить делать то, к чему душа не лежит?

— Хо! Да если бы не заставляли, что бы из таких, как ты, было? Бурьяном росли бы.

— Но никто же не заставляет меня читать письмена, играть на гуслях, на сопели?

Дядька примолк. Только крякнул да отвел глаза.

— Мне с тобой тяжело говорить. Пусть лучше князь-отец говорит.

Хотел уже было идти, но отрок задержал его.

— Дядько! — сказал. — А вы кто мне?

— Как это — кто? Учитель.

— Не о том спрашиваю: друг или нет?

Вот тебе и на! Да это не отрок, а мешок с солидами.

— Да с чего бы я стал тогда заботиться о тебе да тоской изводиться подле тебя?

— А письмена другое говорят: «Лучшие друзья те, которые дают добрый совет, и лучше из деяний те, которые заканчиваются добрыми последствиями».

— Вот я и хочу, чтобы мои деяния увенчались добром.

Светозар помолчал.

— Наверно, мы по-разному понимаем добро, — сказал погодя.

«А пропади ты!» — обиделся старый и пошел прочь.

Говорил он с князем или нет, Светозар не знал. Но, видно, разговор был, потому что когда вернулся в отчий терем, заметил, что хотя отец ничего и не сказал ему, но стал чаще поглядывать на сына и внимательно прислушиваться к его песням. Раньше за ним такого не было.

Светозар решил порадовать отца. Ночь не спал, складывал слово к слову, бренчал тихонько на струнах, пока не поймал то, что хотел: песня полилась из груди, как ручеек из почайны.

На другой день Милана, как обычно, подсела к нему после обеда, заворковала:

— Сыграй-ка что-нибудь, братик, потешь нас.

Долго упрашивать себя не дал, тем более что просила Милана, самая ласковая из сестер. И он запел ее любимую песню:

Гей, в садочке хмель, хмель
По жердочке вьется.
А мой ладо-ладушко
От стыдобы гнется.
От стыдобы гнется,
По кустам прячет
Меня, девку-няньку,
За басиху держит.
За басиху держит,
Потерять боится.
Если б знал он, какая мы с ним
Друг дружке — пара.

Милана долго смеялась. Потом спросила:

— И откуда ты знаешь уже про такое?

— Про какое?

Продолжение на стр. 129

ОТКУДА ЖДАТЬ ВЫСТРЕЛА: С БАЛКОНА, ИЗ ОКНА, ПОДВОРОТНИ! БАКУ, ЯНВАРЬ 1990 ГОДА.

Фото В. БОНДАРЕНКО

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

Валерий НОВИКОВ,
капитан 2-го ранга

КОМУ И ПОЧЕМУ МЕШАЕТ АРМИЯ?

И двадцать, и тридцать, и сорок лет назад сегодняшние генералы и полковники, рядовые запаса надевали погоны, повинуясь чувству сыновнего долга перед Отечеством. Все эти годы безропотно и трудно, в отдаленных гарнизонах, в тайге и пустыне, в глухих горах и на берегах океанов, на ядерных полигонах и в стальных отсеках атомных субмарин они честно выполняли свой долг перед народом. Многие тысячи из них — от рядового до маршала, заплатили своими жизнями за создание ракетно-ядерного щита, за неприкосновенность границ своего государства, за помощь союзникам, за все то, что совсем недавно именовалось «военно-стратегическим паритетом», а сейчас «сверхвооружением» и «имперской политикой». Армия не сама, а по приказу государства вошла в Венгрию и в Чехо-Словакию, и, уходя оттуда, она оставила там СВОИ могилы.

И вот, повзрослев и оглядевшись, уже который раз в истории России, они, лейтенанты 50—60-х, не узнали той страны, которую так самоотверженно берегли все эти годы. В ней рассеялись последние клубы розового тумана равенства, сохраненного памятью молодости. Страна стала ожесточена, с пропастью между хилой нищетой и нахально жиреющим богатством. Многие в этой стране отвергают и их самих, и их идеалы. Народные депутаты, ученые, публицисты не могут (или не хотят?) отделить беды армии от общественного разногласия, причины от следствия, критику от шельмования. В прессе определился особый род изданий и авторов — «ловители человеков». Это они уловили и распяли «ретроградов в мундирах»: Родионова, Макашова, Суркова, Петрушенко, Ачалова и Алксниса, это они мордовали Валентина Пикуля и шельмуют Раша и Проханова, Белова и Бондарева. Благодаря им страна не узнает о том, что миллионы советских людей отдали свои голоса 9096 депутатам в погонах, сотни из них выбраны председателями Советов и исполкомов.

Офицерский корпус, как костяк любой армии, является наиболее стойким носителем исторической правды, даже в том случае, если ее упорно пытаются переписать. Опыт двух самых непопулярных, самых «вредных» для страны войн XX столетия (1904—1905 годы и 1979—1989 годы), кстати, совпадавших с наиболее кризисными этапами в жизни общества, показал, что наши офицеры всегда честно выполняли свой долг и за солдатские спины не прятались. Так, генерал-адъютант А. И. Куропаткин в отчете императору об итогах русско-японской войны докладывал: «По официальным данным, с ноября 1904 г. по сентябрь 1905 г. процент убитых, раненых и пропавших без вести среди офицеров составлял 30%, а среди солдат — 20%. При этом процент убитых среди офицеров составлял 4,1%, среди солдат — 2,7%. Разница с аналогичной статистикой потерь в Афганистане составляет десятые доли. Вйдение и исполнение присяги, понимание офицерского долга у российских офицеров было абсолютно одинаковым всегда, равно как одинаково постоянной была обструкция армии со стороны «левых» всех мастей.

Еще один виток истории русской армии: оплеванные после Цусимы и Порт-Артура русские офицеры повели войска на фронты первой мировой. И там ветераны японской были далеко не худшими. Получили они все одинаково — подвалы ЧК и нищету эмиграции (а это была элита русской армии). Их исторические наследники — офицеры Красной Армии — были ненамного удачливей... Хотелось бы напомнить несколько малоизвестных, а точнее — замалчиваемых деталей: и до, и после Октября 17-го года российское офицерство было одно из самых низкооплачиваемых в мире, то есть служило за честь и совесть (если не брать за пример частные случаи «сынов солдата и прачки», а в советское время — детей партийно-интеллектуальной элиты). Еще 94 года назад (между балканской и русско-японской войнами) не очень толковый военный министр П. С. Ванновский в докладе Николаю II писал: «Сиделец в кабаке более офицера получает». И это при том, что тогдашнему поручику не приходилось кувыркаться в стратосфере за «три звука» и париться месяцами в корпусе атомохода.

Вторая «маленькая деталь» по истории войны XX столетия: российские офицеры вместе с российскими солдатами всегда своей кровью и своими жизнями платили за верность союзническому долгу (август 14-го и февраль 45-го). При всем при этом сегодня нам в качестве эталона усиленно навязывают тип западного офицера (якобы стоящего вне политики, по-настоящему интеллигентного и очень профессионального). Но в отличие от многих пиджачных демократов — оценщиков и советников перестройки в армии, среди миллионов советских офицеров находились считанные единицы, поменявшие Родину на «свободу» и доллары на Западе. Интересно бы знать, каков их процент из тех 235,4 тысячи, получивших разрешение на выезд только в 1989 году? И сколько сребреников получали из сейфов ЦРУ «борцы с тоталитаризмом» внутри КГБ, ныне превозносимые отечественными плюралистами?

И по этим критериям у сегодняшних офицеров Советской Армии есть некоторые свои соображения. Если в эпоху мировых войн и социальных катаклизмов этого жестокого века был физически уничтожен интеллектуальный цвет армии и наиболее яркие носители ее нравственных традиций, то кто же мог стать на их место? Наверное, конформисты, а те, кто не принадлежал к таковым, те, как всегда, оставались в «штабс-капитанах». Очень немногим удалось по заслугам «получить лампасы». Здесь и везение сверхъестественное (остался в

живых там, где больше никто не остался), и сверхталант, и сверхудача в делах и т. п. Но о них молчат, их не замечают. В моде сейчас те, кто годами, десятилетиями рвался по служебным и партийным лестницам, еще вчера защищал диссертации, устно и письменно призывал-мобилизовывал, имел за это «золоченое корыто», а сегодня с не меньшим жаром обличает-ниспровергает. Яркий пример — генерал-полковник Д. Волкогонов. Будучи в высоком чине и занимая должность заместителя начальника ГлавПУРа, этот «историк» в 1983 году писал: «Поддерживая наиболее злобных антисоветчиков, таких, как Солженицын, Максимов, Амальрик, Плющ, Сахаров, спецслужбы (имеется в виду ЦРУ США.— **В. Н.**) пытаются подготовить информацию об СССР...».

Но все ли они, нынешние ниспровергатели, могут? Даже если очень постараются? Ведь нужно дать жилье 280 тысячам человек (с семьями это уже почти миллион бомжей!), отстоять Дома офицеров, дома отдыха и санатории армии от «народных» фронтов и «демократической» власти на местах; спасти памятники победителям Великой Отечественной; вернуть на ТВ, радиовещание и страницы уже «перестроившихся» газет понятия Родина, патриот, честь.

Это только маленькая толика, только часть тех нравственных проблем, от которых зависит моральный дух армии, но решение которых не зависит от нее самой. Да и как же армия сможет их решить, если: 15 — 34 процента призывников сознались в спекуляции и фарцовке; 15 — имели приводы в милицию; 11 — употребляли наркотики и спиртное, 75 процентов — курят; каждый восьмой-десятый из неблагополучной, неполной семьи; каждый третий-четвертый имеет хроническое заболевание той или иной степени тяжести.

Это лишь некоторые итоги социологического исследования в одном из подразделений прибалтийского региона в 1989 году.

Плоды моральной деградации нашего общества наиболее ярко проявились на уровне бытового отношения к офицерам. В 1989 году на улицах и в транспорте погибло 85 офицеров, из них 42 человека были убиты умышленно. В 1990 году это число перевалило за сотню. При этом находятся авторы-гуманисты и «демократические» издатели, которые осуждают попытки самозащиты военнослужащих. И опять-таки на память приходят давние слова по этому поводу, сказанные признанным военным педагогом генералом Драгомировым: «Офицер должен быть смирен и безобиден как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызвать с его стороны возмездие — оружие мгновенное, рефлекторное». Для сегодняшнего дня цитата звучит ужасно, ведь приняты десятки законов, но ни один народный депутат, ни одна из новейших демократичнейших партий слова не сказали о защите жизни, чести и достоинства своего защитника. Зато сколько предупреждений об «агрессивности» этой армии, предупреждений о военном перевороте, и все это на фоне прожектов военной реформы и заверений этой же армии в искренней заботе о людях в погонах.

Вывод напрашивается сам собой: народная армия мешает новоявленным демократам. Почему? Знает ли это народ?

●

РЕБЯТА — ЧТО НАДО!

СПЕЦНАЗ

«Что касается суперменства, то оно, я думаю, к нам не подходит. Суперменство — значит превосходство, навязывание своего диктата. Мы же не громилы, а разведчики-профессионалы, у нас иные задачи, хотя в возможном бою я бы не советовал никаким «суперам» с нами столкнуться». Так считает старший лейтенант Сергей Шакурин.

На предельно малой высоте, почти касаясь вершин деревьев, стремительной тенью скользит вертолет. Иногда он ненадолго зависает или опускается на землю, чтобы через несколько секунд взмыть вновь. Имитируются ложные высадки группы. Необходимость этого правила десантирования подтверждена Афганистаном, нарушение его всегда оплачивалось кровью.

Наконец, дается условный сигнал, резко отодвигается боковая дверь, воины горохом высыпают на поляну. Сразу же принимается рабочий вид разведчика: маскхалаты украшаются растительностью, лица раскрашиваются зеленой и коричневой гуашью.

Наконец все готово, группа подобралась в один пятнисто-зеленый комок, командир вполголоса уточнил боевую задачу — определение места дислокации стартового комплекса мобильных ракетносителей ядерного оружия; объявил маршрут движения, напомнил условные знаки и сигналы. Раздался приглушенный возглас: «Уходим!», и группа растаяла в густых зарослях.

Быстрым шагом идем по едва приметной тропинке, иногда сворачиваем и продираемся сквозь кустарник, почти утопая в высоченной траве, открытые участки преодолеваются бегом. Змейка группы, извиваясь, «течет» к только ей ведомой цели, почти бесшумно и, кажется, очень легко. Но это только кажется. За внешней легкостью, даже красивостью выверенных движений скрывается недюжинная физическая подготовка молодых ребят, опыт их командира, старшего лейтенанта Сергея Шакурина, опаленного афганской войной.

В составе группы воины различной профессиональной подготовки, прослужившие от шести месяцев до полутора лет. Обязанности между всеми распределены ровно, никаких разделений на молодых и «стариков».

Младший сержант Михаил Алипичев улыбнулся на настойчивые просьбы что-то рассказать о службе:

— Что больше всего запомнилось? Конечно, боевые выходы. Тяжело, но зато чувствуешь себя настоящим мужчиной! А как красиво-то! Вы посмотрите кругом. Была бы возможность — только бы и ходил по нашим лесам. Для меня лучше сто километров с полной выкладкой прошагать, чем сутки маяться с повязкой дежурного в казарме...

Темп движения нарастает, то и дело следуют доклады дозорных. Сама обстановка заставляет вспомнить американских коммандос и экзотических ниндзя. Эх, супермены, супермены... Обклеены плакатиками, изображающими заморских «героев», почти все станции Московского метро. И глядят мальчишки восторженными глазенками на обросших буграми мышц звездно-полосатых атлетов, разинув рот, смотрят в комсомольских видеосалонах, как лихо красавец Рэмбо расправляется со звероподобными красными злодеями.

Шагаем мы по лесной тропинке рядом с отечественными суперменами, а на деле — обычными пареньками, призванными из средней полосы России. Не огрубились, не исчезли еще детские черты в улыбчивых и открытых лицах.

— Да какие мы супермены?— смеется идущий рядом с нами «дембель» Олег Архаров — один из лучших разведчиков группы.— Мы люди тихие, незаметные: пришли — ушли, никто ничего не видел, не слышал, а ракета вражеская в урочный час не взлетит.

Спрашиваем, на наш взгляд, самого крепкого в группе воина — младшего сержанта Шипулина: рискнул бы он помериться силой с одним из героев Шварцнеггера, например, «коммандос»?

Дмитрий не спешит ответить, тщательно взвешивая все «за» и «против».

— Что значит помериться силой? Подраться? Так в бою кулак — аргумент самый последний. Пусть Шварцнеггер попробует ко мне приблизиться так, чтобы я его не заметил, а если дело дойдет до перестрелки, то стреляю я не хуже, чем «коммандос», к тому же гора мышц при дуэли ему будет только мешать. Почему-то считается, что если ты внешне «амбал», то и боец, а ведь настоящая сила воина в его духе, в настрое только на победу, в сознании правоты своего дела.

— Вообще-то нас учат уклоняться от огневого контакта с врагом,— вступает в разговор рядовой Валерий Исаев.— Мы не стремимся до срока нанести удар первыми. Жалим только тогда, когда на нас «наступят», но жалим наверняка...

Через несколько часов в укромном месте объявляется привал, или дневка, по-спецназовски. Не слышно выкриков, зычных команд, тем более препирательств по поводу предстоящей работы. Каждый знает, что и как ему делать. Мы не уловили ни треска ломаемых деревьев, ни стука топора, но уже через несколько минут появляются рогатины, длинные жерди, охапки валежника. Строится шалаш, разводится костер, одновременно выставляется охранение, вокруг дневки устанавливаются мины-ловушки.

Быстро готов обед, и у нас появилась еще одна возможность поговорить со спецназовцами, не отвлекая их от работы.

За обедом вопрос вновь коснулся суперменства и профессионализма. Мы поинтересовались у специалистов, как они воспринимают героев Сильвестра Сталлоне.

— Что касается суперменства, то оно, думаю, к нам не подходит,— заметил Сергей Шакурин.— Суперменство — значит превосходство, навязывание своего диктата. Мы же не громилы, а разведчики-профессионалы, у нас иные задачи, хотя в возможном бою я бы не советовал никаким «суперам» с нами столкнуться.

— Вот все говорят: деньги, деньги,— замечает сержант Сергей Похович.— Мол, только деньги за военную службу будут большие платить, так армия сразу станет профессиональной и очень боеспособной. Конечно, платить надо за реальный труд, а у нас он тяжелее, чем в пехоте, предположим, но одними деньгами мастерства не купишь... Я вот считаю себя профессионалом, хоть и призван на общих основаниях и получаю четырнадцать с полтиной в месяц. Только я и за 140 ни в какие другие войска бы не ушел. Сначала было трудно, но я быстро понял, что только в наших войсках можно стать настоящим мужчиной. Ратоборцем, как говорили славяне! И пусть на меня не обижаются ребята из ВДВ или морпехи, но у нас служить интереснее. У нас каждый «салага» сразу узнаёт, что в «Афгане» самыми боеспособными оказались части спецназа. Узнаёт из рассказов ветеранов, но быстро понимает, что иначе и быть не могло...

— Один в поле воин!— девиз наших частей,— вступает в разговор старший прапорщик Игорь Гостев.— Мы учимся и умеем действовать в любых ситуациях, в далеком отрыве от основных баз, на совершенно незнакомой местности. Конечно, если бы не отвлекали на хозработы, на сельхозповинность и быт наш житейский организовали получше, мы бы за два года готовили из мальчишек таких профессионалов, которые любым «зеленым беретам» фору бы дали. Ну а если бы еще и платили соответственно...

Пока мы обедали, поступили новые донесения, радист принял и доложил командиру уточняющие данные из центра. Принимается окончательное решение: захватить колонну штабных машин и по оперативным документам определить место дислокации ракет.

Боевой выход вступил в завершающую стадию. Вновь звучит слово-призыв: «Уходим!», группа опять исчезает в чаще.

Впереди сверкнула водная гладь речушки с обильно заросшими берегами. Переправа... Из имеющегося у каждого «дождя»— гибрида надувного матраса и плащ-палатки готовятся подручные плавсредства. Грамотно уложенный «дождь» образует водонепроницаемый мешок, в котором умещается весь носимый груз и

который хорошо держится на воде, помогая плыть. Каждая переправа преодолевается по-своему, но общим правилом является одно — ноги должны быть защищены, так как любой маленький порез в воде может вырасти в большую неприятность при движении.

Погода стояла совсем не пляжная, но группа спокойно вошла в воду. Даже наблюдать за тем, как они заскользили по холодно-свинцовой глади тихой речки, было зябко... После переправы воины быстро принимают прежнюю походную форму и снова в путь...

Поворот лесной дороги. Место засады. Устанавливаются мины. Проигрываются возможные варианты и последовательность действий. Группа маскируется, буквально сливаясь с местностью. Случайный грибник прошел рядом, ничего не заметив.

Медленно выползли из-за поворота тяжелые грузовики, остановились, словно «принюхиваясь». Все спокойно. Не помята ни одна травинка, не видно ничьих следов. Машины двинулись дальше, прибавили скорость. И в этот момент под колесами вспучилась земля, выросли султаны взрывов. Грохот автоматных и пулеметных очередей разорвал безмятежную лесную тишину. Будто сбросив шапки-невидимки, у машин возникли спецназовцы. В считанные секунды «уничтожено» охранение, захвачен «язык», штабные документы. Перегородив дорогу, остались «догорать» огромные грузовики, а разведчики вместе с трофеями бесследно исчезли в лесу...

Все наше движение по лесу не было простым изнурительным марш-броском по пересеченной местности. Шла боевая работа, в которой выверен каждый шаг, ведущий к намеченной цели. Настоящие профессионалы оттачивали свое мастерство, которое, кстати, требует немалых затрат.

Не могло не броситься в глаза, что во время рейда солдаты не сломали в лесу зря ни одной ветки, привели поляну в первозданный вид. Они чисто профессионально старались не оставлять демаскирующих следов. Девятнадцатилетние мальчишки обучались смотреть на природу как на союзницу и спасительницу, а не как на объект покорения.

Спецназ создавался в пору грозного ракетно-ядерного противостояния двух сверхдержав. И это чувство ответственности за жизнь планеты тоже наложило отпечаток на характер спецназовцев. Как былинные витязи-богатыри они — долгие годы в неусыпном дозоре, а мы даже и не знали об их существовании...

С. ПТИЧКИН
Фото С. КЛИМЕНТЬЕВА

ПАСЫНКИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Разбитые автобусы, покореженная военная техника, раненые солдаты, беженцы.

Армия, посылаемая в самые горячие точки: Сумгаит (верхний снимок), Кировабад (нижние снимки),— предотвращает разрастание межнациональных конфликтов. И она же получает удары в спину. Хорошо организованная антиармейская (и одновременно антирусская) кампания, развернутая в центральных русскоязычных средствах массовой информации, приносит урон не меньший, чем все провокации националистов. Кампания эта не затихает, несмотря на жесткие меры, принятые Министерством обороны. Как тут не вспомнить высказывания генерал-аншефа русской армии швейцарца по национальности А. Жомини.

Полтора века назад он писал: «Правительство, которое под каким бы то ни было предлогом оставляет в пренебрежении свою армию, является, следовательно, в глазах потомства достойным осуждения, потому что оно тем самым подготавливает унижение своей стране и своим войскам».

Фото В. БОНДАРЕНКО

«НАС, БОЛЕЮЩИХ ЗА РОССИЮ, НЕМАЛО...»

Я являюсь с недавнего времени читателем и поклонником «Молодой гвардии». Цель моего письма — повествование о моих сверстниках, нынешней молодежи, о том, что мы готовы отстоять нашу Родину — Россию, сохранить ее могучей, красивой. Мы, нынешняя молодежь, продолжатели наших отцов, ваши единомышленники. Да, мы росли в то время, когда такие незабвенные слова, как Родина, Россия, были, по сути дела, запретны. В школе нас заставляли зазубривать бездумно штампы. А ведь именно тогда формировалась личность, становился характер. Что же это за личность, когда она оторвана от родных корней, когда у нее опустошена душа и нет в этой душе места России. Почему до сих пор жестоко вытравляется красота русских берез! Почему поощряется сигарета, рюмка вина, карты, тусовки, на которых слышится ненависть к России! Кому-то, видимо, выгодно снабжать молодежь разной литературой, в которой содержится все, что угодно, но только не слова любви к Родине. В результате этого растет безнравственность, юноши становятся жестокими, а то и тупыми. Но, к счастью, не всех одолела эта болезнь. И поверьте, нас, молодых, болеющих за Россию, немало, и мы постараемся сделать все, чтобы не дать ее в обиду клеветникам, только и ждущим от нас предательства, актов вандализма. Не они ли, улюлюкая, призывают бойкотировать службу в армии, отказаться от всего, что дорого сердцу! Но напрасен их труд, бесполезно их старание! Например, со мной получилось наоборот. Армия меня поставила на ноги. Здесь я узнал, что такое жизнь, что такое Россия и как надо беречь ее. Мы свою Родину в обиду не дадим.

М. ЛЫКОВ,
военнослужащий срочной службы

Минская область

ПОМОГАЕМ ИНВАЛИДАМ И БЕЖЕНЦАМ

Почти три года действует наш кооператив «Наташа». Пять инвалидов, три пенсионера изготовляют из отходов товары народного потребления. Всю продукцию реализуем только по государственным ценам. Мы оказываем помощь одиноким инвалидам. Готовы материально помочь инвалидам-беженцам, а также взять на себя хлопоты по организации такой помощи.

Всех желающих ждем по адресу: 127576, Москва, ул. Череповецкая, 14, кооператив «Наташа», расчетный счет 461184 в Тимирязевском отделении Жилсоцбанка г. Москвы, код банка 20127.

Н. ЛУШНИКОВ,
председатель кооператива «Наташа», инвалид труда 2-й группы

Москва

КОМПАРТИИ ОТВЕРГАЮТ «НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Ликвидация социалистического строя в Восточной Европе, дискредитация научного социализма идеологами и практиками «перестройки», усугубляющийся экономический и политический хаос в СССР — все это способствовало идейно-политическому кризису многих компартий.

Однако компартии Китая, Кореи, Кубы, Албании, Вьетнама и многих других стран (Португалии, Испании, Пакистана, Филиппин, Индонезии, Новой Зеландии, ЮАР, большинства стран Латинской Америки и др.) не приемлют ликвидации социализма и опошления его идеалов под лозунгами капиталистического «обновления». Они считают происходящее в СССР последствиями ревизионизма, обуржуазивания партгосаппарата, сговора «верхов» с империализмом и внутренней контрреволюцией.

Примечательно, что еще в декабре 1989 года ЦК Румынской компартии выступил с инициативой проведения в Бухаресте или Москве международного совещания компартий (последнее такое совещание состоялось в 1969 году), в ходе которого румынские коммунисты намеревались открыто высказать свое мнение о «новом мышлении», «перестройке», «гласности».

В соответствии с решениями XIV съезда РКП (ноябрь 1989 г.), с 10 по 14 декабря 1989 года ЦК РКП направил соответствующие письма Центральным Комитетам двадцати компартий, в том числе ЦК КПСС и компартиям стран Восточной Европы. Эта инициатива была одобрена руководством компартий Кубы, Вьетнама, Албании, КНДР, ряда развивающихся стран. После 20 декабря намечалось направить аналогичные письма ЦК компартий Китая, США, стран Западной Европы, Южной Азии и Африки. Однако ни ЦК КПСС, ни ЦК восточноевропейских компартий не ответили на предложение РКП *. А 20—23 декабря 1989 года в Румынии произошел кровавый переворот, одобренный и Москвой, и Вашингтоном.

«Очевидно,— как писала албанская печать,— нынешнее руководство КПСС, теряющее политико-идеологический контроль и руководящие функции в СССР, не было заинтересовано ни в прямой конфронтации с РКП и другими «не торгующими принципами» компартиями, ни в полемике с ними, ибо эта конфронтация могла усилить оппозицию проводимому горбачевцами курсу внутри страны и за рубежом. Восточноевропейские партии, полностью трансформировавшиеся (благодаря Москве) в соглашательские, оппортунистические группировки, вообще не заинтересованы в каких-либо совещаниях, хотя бы пото-

* Rruga e partise, Tirana, 1990, № 1, s. 4—6.

му, что прямое идеологическое столкновение может их окончательно дискредитировать и добить. Поэтому Москва и ее единомышленники, на словах одобрив идею Совещания, будут стараться тянуть время, в ожидании «позитивных» перемен (разрядка моя.— А. П.) в Румынии, а также в КНДР, на Кубе, во Вьетнаме» *.

Несмотря на всевозможные усилия и причитания лицедеев от гласности в СССР и за рубежом, ликвидировать мировое коммунистическое движение не удалось. Многие компартии отвергают «новое мышление». В открытом письме революционным и прогрессивным силам Латинской Америки и Карибского бассейна руководителей компартий Аргентины, Кубы, Сальвадора, Доминиканской Республики, Гондураса и Коста-Рики (февраль 1990 г.), в частности, отмечается: «Мы не верим в то, что США и другие империалистические страны могут быть квалифицированы не как противники народов и социализма. Мы не верим в отвод войск и одностороннее разоружение социализма и революционных сил, в то время как США наращивают стратегию войн низкой интенсивности и пестуют планы милитаризации космоса для достижения гегемонии в области вооружений» **.

С этим открытым письмом солидаризировались ЦК компартий Гаити, Гватемалы, Колумбии, Пуэрто-Рико, Парагвая, Албании, Китая, КНДР, Новой Зеландии, Португалии и других стран. Они полагают, что нынешний кризис в нашей стране обусловлен не идеями социализма, а самой перестройкой с ее идеологией и практикой капиталистического обновления и новым мышлением, которые на самом деле выражают не общечеловеческие, а классовые интересы новой буржуазии и ее зарубежных спонсоров.

А. ПЕТУХОВ

---

* Там же, с. 6.

** Carta abierta a las fuerzas revolucionarias y progresistas de America Latina y el Caribe, San-Jose, 1990, p. 2—4; Латинская Америка, 1990. № 6. с. 42—43.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

РУССКИЙ ТРАЛЬЩИК

Тральщиком называют корабль, предназначенный для борьбы с минами на море. Впервые этот тип корабля появился в русском флоте, когда с учетом опыта русско-японской войны в 1910 году был разработан проект противоминного корабля типа «Минреп». Первые пять тральщиков по этому проекту («Минреп», «Взрыв», «Запал», «Проводник», «Фугас») были построены Ижорским заводом Морского ведомства в 1913 году и вошли в строй боевых кораблей Балтийского флота. Технические данные корабля этого проекта были следующие: водоизмещение — 150 тонн, длина 45,1 м, скорость 11 узлов, с тралом —7 узлов. Корабль имел устройство для постановки и выборки тралов, а в носу на глубине полтора метра устанавливались съемные отводы для тралящего устройства.

ОСТАНОВИТЬ СПОЛЗАНИЕ К КАТАСТРОФЕ! *

Как часто за последние годы мы говорим себе: вот еще немного, завтра будет лучше. Однако неотвратимо развивающийся по нарастающей кризис требует от советских людей немедленных действий. Поискам путей выхода из кризиса за счет потенциала, заложенного в социализме, была посвящена 3-я Всесоюзная конференция общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», состоявшаяся в Ленинграде.

В настоящее время комитеты «Единства» работают более чем в 80 областях, во всех союзных и автономных республиках. На конференции присутствовало более 350 человек. Выступило свыше 50 участников.

С докладом «Остановить сползание к катастрофе! К ответу ликвидаторов и могильщиков нашего социалистического Отечества!» выступила председатель общества Н. Андреева. Она проанализировала обстановку в стране, сделав вывод о предпосылках контрреволюционной ситуации. «Разобщено общество, разрушен единый фронт борьбы с реставраторами капитализма, партийное руководство дезорганизовано пораженцами и теряет авторитет в массах, идет разбазаривание и растаскивание накопленных трудом народа богатств, единая держава превращается в конгломерат враждующих удельных княжеств, утратила единство своих рядов КПСС, «деидеологизировано» и лишено былой экономической мощи государство, подорван престиж армии и флота»,— отмечалось в докладе.

Большое место на конференции занял вопрос о молодежи. По мнению выступающих, нынешнее «демократическое» руководство ВЛКСМ отдает молодежь под влияние контрреволюционных и националистических сил. Роль ударной силы переворота предписано сыграть студентам, школьникам, молодым националистам, бойскаутам, другим группам и слоям молодежи, которой по рецептам Троцкого надлежит «открывать огонь по штабам», отмечали выступающие. Конференция приняла решение о начале работы по созданию комсомольской организации «Патриотический союз молодых большевиков», которая станет наследницей лучших традиций комсомола.

На конференции не обошлось без провокаций. «Демократический» народный депутат Ленсовета Родин заявил делегатам, что он скоро их будет вешать. Причем заявил он это, помимо других, и защитнику Ленинграда, Герою Советского Союза генерал-майору И. Веремею. Стыдно за такого депутата, жаль тех, кто отдавал за

---

* Ответственность за достоверность информации несет автор.

него свои голоса. То же самое заявил и председатель Ленинского райсовета Гончаров. Надо отдать должное выдержке делегатов, не поддавшихся на провокации.

Конференция приняла ряд резолюций.

А. ЛАПИН,
член политисполкома Всесоюзной организации «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы».

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Друзья!

Вы вступаете в жизнь в критический для нашей страны период. Никогда ранее наше Отечество не знало такого тяжелого экономического и политического кризиса. Теневая экономика и ее идеологи, рвущиеся к власти и находящие себе поддержку на всех уровнях, пытаются свалить всю вину на социализм, построенный и защищенный в боях вашими дедами и прадедами.

Однако подумайте, мыслимо ли было еще 6—7 лет назад, до «великой революционной перестройки», отсутствие в магазинах мыла и сигарет, гражданская война в ряде регионов нашей страны, разгул насилия и преступности. Не следствие ли это исправления социализма с помощью капитализма!..

Вас пытаются натравить на ваших отцов и дедов, на партию, чтобы вашими руками добиться удовлетворения своих политических амбиций.

Вам пытаются доказать, что при рыночной экономике у вас «появится шанс». Шанс на что! Окажутся безработными, нищими миллионы людей. Но даже если кому-то из вас удастся «выбиться в люди», будет ли морально строить свое счастье на несчастье других!..

Не позволяйте очернить наш социалистический строй, давайте отпор контрреволюции!

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПЕРВЫЙ В МИРЕ ОРУДИЙНЫЙ ЗАВОД

был построен в Москве на берегу речки Неглинки — это так называемый Пушечный двор. Созданный по приказу Московского Великого князя Ивана III, Пушечный двор был предприятием, построенным по типу крепости. В то время в Европе еще шли споры, какое оружие лучше: новое — огнестрельное, или старое — луки со стрелами, метательные машины. Создание Пушечного двора положило начало быстрому совершенствованию отечественной артиллерии. Благодаря этому артиллерия на Руси раньше, чем в какой-либо стране, выделилась в самостоятельный род войск. В 1547 году пушкари были выделены из состава стрельцов в особый Пушкарский приказ, или, выражаясь современным языком, министерство. Лишь через полстолетия в Западной Европе стали проводить аналогичные мероприятия.

ВОЗРОЖДАЕТСЯ КАЗАЧЕСТВО

Минувший год отмечен бурной общественно-политической деятельностью потомков российского казачества. Казачьи круги прошли на Дону и Кубани, во многих населенных пунктах, где издавна проживали казаки.

Большой казачий круг, на который съехались посланцы почти всех землячеств, состоялся в Москве. В принятом на нем обращении говорится: «Братья казаки! Воспитывайте своих детей и внуков в добрых традициях казачества: уважении к старшим, любви к родной земле, труду, нравственной чистоте семьи, верной службе и служении Отечеству.

Призываем вас ограждать эти ценности от разрушительного влияния массовой культуры».

Уже сегодня ясно, что казачество — одна из тех сил, которая может воспрепятствовать дальнейшей дестабилизации в стране, способствовать ее возрождению.

Фото А. СТЕПОВОГО

ГЕРОЙ «РЕМБО» В СТРАХЕ

Около наших кинотеатров появились афиши: «Американский супербоевик «Рембо». В главной роли — Сильвестр Сталлоне». «Наконец-то,— пикует пресса,— и у нас стали показывать фильмы, которые смотрят во всем мире». Но при этом почему-то умалчиваетсв трагическав история, прямо связаннав с этим фипьмом и происшедшав в Америке как раз в то время, когда у нас был запланирован его выход на экраны.

Хосе Менендес, один из крупнейших дельцов Голливуда, финансировал создание трех серий «Рембо». Бизнес на крови и насилии принес ему несметное богатство. И вот в его роскошную виллу врываютсв бандиты и открывают бешеную стрельбу из кольтов и ввтоматов. Погибли миллионер и его жена.

Полиция пыталась свалить происшедшее на мвньяка-одиночку. Но, во-первых, гангстеров было много, а во-вторых, убийство было хладнокровным, проведенным по опредепенному сценарию. Кроме того, профессионалы не оставипи никаких следов и никаких упик. «Буквально ничего. Чисто сработано!»— отметили детективы.

Сильвестр Сталлоне, который своей мировой славой обязан именно Менендесу, был потрясен случившимсв. Во время похорон он беспрерывно плакал и выглядеп безмерно напуганным. «Мы встречались с ним за три дня до этого случая,— заявил он тогда своим приятепям и почитатепям.— Обсуждали четвертую серию «Рембо». Теперь это невозможно, да и не нужно. Не знаю, кто его убил, но в Голливуде сейчас никто не чувствует себв в безоласности. Я теперь опасаюсь за свою жизнь».

Пока полицив Лос-Анджелеса разрабатывает версию нападенив мафиози из клана Дженовезе или наемных убийц, посланных из конторы некоего Мориса Леви, Сильвестр Сталлоне повысил годовой оклад своих тепохранителей до 500 тысяч долларов. Но страх все равно преследует его ежедневно, ибо телохранители быпи и у его продюсера.

Можно еще напомнить, что с осени 1989 года в Голливуде практически каждый месяц раздаютсв выстрепы и происходят ограбления. Убитв молодая актрисв Р. Шаффер, ограблен продюсер Н. Джоисон. Некоторые голливудские звезды предпочитают теперь тайно проживать в Австралии... «Как аукнетсв — так и откликнетсв!»— совершенно права наша поговорка. Кинобизнес на крови и откровенном насилии оборачиваетсв гибепью его боссов.

Г. МАЛИНИЧЕВ

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ИРАКА

Теперь уже смело можно утверждать, что реакция советских людей на события в районе Персидского залива неоднозначна. Несмотря на то, что официальная и «независимая» пресса, рьвно отстаивающая интересы США и Израиля, раскручивает антииракскую кампанию, многие люди начинают понимать смысл происходящих событий. «С. Хусейн своей твердой попитикой мешает созданию «нового мирового порядка»,— пишет в редакцию москвич А. Федоров.

В последнее времв в ряде городов прошпи акции в поддержку Ирака. На этих снимках изображены участники пикета у посольства США в Москве. В их руках плакаты: «Руки прочь от Ирака!», «Долой приспужников сиониста Хаммера из Советского правительства!», «Нет установлению дипломатических отношений с расистско-фашистским Израилем!»

Пикетчики выражали возмущение лицемерной позицией ООН: принимая санкции против Ирака, международное сообщество даже не заикаетсв об экономическом бойкоте Израипя, незаконно удерживающего арабские земли.

С каждым месяцем растет поток писем и обращений советских людей в посольство Ирака с просьбой записать в армию Хусейна. Есть, правда, и другие заявления. Весьма откровенен житель г. Полоцка А. Тарпер: «Будете вы все, арабские свиньи, стерты с лица земпи, и о вашем царстве зла и мракобесия никогда не вспомнят пюди. Поэтому я еду в Великий Израипь, чтобы убивать вас всех как бешеных собак, как мерзкую тварь».

Фото В. ПОПОВА

Надпись на плакате: «Америка, освободи себя от сионистов!»

Президенту Иракской Республики
Господину Саддаму Хусейну

Я Хрулев Алексей Владимирович прошу Вас направить меня добровольцем в Ирак. Готов не щадя своей жизни сражаться с американским империализмом. Я считаю, что у иракского и советского народа общий враг США и Израиль. США объявляют любой район земного шара сферой своих интересов и направляют туда свои войска, Гренада, Панама теперь Саудовская Аравия, кто-то должен остановить США, поэтому я и прошу Вас послать меня добровольцем

Хрулев А В

Добрый день.
Я, Майоров Павел ..., ... 1924 года участник Отечественной войны. Воевал ... разведчиком, ... прошу вас господин Посол зачислить меня добровольцем под знамена Саддама Хусейна.
Я готов сражаться против янки и их подобных вместе с бойцами Ирака. Желаю народу Ирака успеха и победы.

Мой адрес Латвийская ССР.

Послу Иракской республики
в СССР

Заявление

Я, Коновалов Геннадий Михайлович майор-инженер запаса ветеран Ракетных войск стратегического назначения готов помочь в справедливой борьбе Ирака и всех арабов против американского империализма.
Прошу направить меня на работу вместо уезжающих граждан СССР.

8 октября 1990 года Коновалов

Добрий день.
Я українець, ... інструктор ... в Афганістані в розвідці. Хочу служити в армії Іракської Республіки. Буду радий, якщо стану Вам потрібним.
... Миколайович
123480, Москва,

— Hello how do you do!
— I am dreaming to live in your excellent country My dream is meet and drink to me!
Help me! Please!
My adress
USSR 125080 Moscow
Alabyan street

— Здравствуйте!
— Я мечтаю жить в Вашей прекрасной стране. Сегодня сейчас, когда над Ираком нависла смертельная опасность Я прошу Вас! Возьмите меня добровольцем в Вашу великую армию.
Я хочу помогать Великому Иракскому народу в священной борьбе против неверных и враждебных сил.
Меня зовут Цыганян Андрей Иванович мне 27 лет Я холост, по образованию архитектор имею огромный опыт работы в строительстве.
Адрес: СССР 125080 Москва

Письма советских граждан в посольство Ирака в Москве.

СНИМОК, КОТОРОГО ОНИ ПОЧЕМУ-ТО БОЯТСЯ

Эта фотография впервые была опубликоввив в газете «Русский голос» (Нью-Йорк), поспе чего ее перепечвтапи некоторые советские издвния.

Генервл-расстрига Калугин (второй слева) и товарищ А. Н. Яковпев у стен Колумбийского университета (США) во время прохождения учебы. Человек, связавший свою жизнь с органами в разгар сталинских репрессий (14 апреля 1952 года), и партаппаратчик, годом позже оформившийся на службу в ЦК КПСС, обсуждвют, видимо, «перестроечное» будущее «Советов» на ступенях престижного «вуза» (Яковлев стоит чуть выше, что естественно).

Казалось бы, что за беда! Ну, вскрылось одно дввнее знакомство — кого сейчвс этим удивишь! Но не странно ли, что в Америке увидели в этой публикации крвмолу! Редактора «Русского голоса» В. Пруссакова выгоняют с работы, а остальным сотрудникам высочайше запрещают упоминать имя А. Н. Яковпевв. С чего бы это!

С. ДЕРКУНСКИЙ

Алексей ВИНОГРАДОВ

«ЧЕРНАЯ РУКА» МАСОНОВ

В конце мая 1914 года, покинув Белград, Принцип, Чабринович и их соратник З. Грабеж перешли границу с Австро-Венгрией при помощи пограничной стражи, также пущенной в оборот «масонского действа». Более того, выяснилось, что при дворе Вены кое-кто знал о многих деталях готовящегося покушения. Но и двор, опутанный сетями «вольных каменщиков», либо закрывал глаза на грозившую эрцгерцогу опасность, либо прямо помогал в организации злосчастной поездки Франца-Фердинанда с супругой на маневры в Сараево. 28 июня эрцгерцога повезли к сараевской ратуше по маршруту, который будто специально для шпаргалки террористам расписали заранее местные газеты. Медленно по узким и кривым улочкам города идеальной мишенью тащился автомобиль наследника к ратуше, как около полудня из толпы вместе с букетом цветов в него полетела дымящаяся бомба, но, отскочив, разорвалась под другим автомобилем — со свитой. Бомбометатель Чабринович был схвачен и, избитый, доставлен в полицию. После встречи в ратуше с городскими депутатами эрцгерцог пожелал осмотреть доставленных в больницу раненых. И престолонаследника повезли обратно... тем же маршрутом. Это было очевидным безумием, но губернатор Потиорек и другие царедворцы вдруг принялись уверять Фердинанда, что никакой опасности нет. И из разрыва в толпе, словно специально для точности наводки сделанного кордоном полицейских, в упор Гаврило Принцип расстрелял эрцгерцога и его супругу. Грандиозная провокация, задуманная под звездчатым куполом «Великого Востока» в Париже, осуществилась в Боснии руками молодых безумцев.

Но какова же была цель этой провокации? Несомненно, что и сам по себе Франц-Фердинанд мешал силам, стремившимся погреть руки на мировой бойне. Он неоднократно заявлял: «Я никогда не поведу войны против России...», прозорливо предвидя, что «война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий». Эрцгерцог правильно видел и силы, заинтересованные в этом низвержении, одергивая сторонника войны начальника генштаба фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избежать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Много позже, когда мировая война уже отгремела и это предвидение сбылось, приоткрылась и завеса над интригами темных сил,

---

Окончание. Начало в № 1 за 1991 г.

направленных против догадливого австрийского престолонаследника. В 1927 году один из виднейших германских военачальников первой мировой Э. Людендорф прозрел относительно ее подлинных причин, когда ознакомился с показаниями одного из бывших видных немецких масонов, вышедших к тому времени из этой организации: «В период времени между 1911—1913 годами я, будучи правоверным масоном, находясь еще в полном неведении конечной цели масонства, сделал глубоко потрясшее меня открытие. Благодаря не совсем обычному сцеплению обстоятельств мне удалось однажды из отрывков разговоров и замечаний узнать о плане убийства наследного австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда как повода для возникновения мировой войны, конечным результатом которой должно было явиться низвержение тронов и алтарей. Об этом открытии я не счел возможным молчать и обратился поэтому в соответствующую инстанцию, чтобы поделиться моими сведениями и предупредить германское общество о грозной опасности...

Ответ, полученный мною (от соответствующей инстанции), был тот, что все мною изложенное касается лишь масонских лож, к которым мне по этому делу и надлежит непосредственно обратиться.

Мне ничего не оставалось делать, как испросить аудиенции у самого Великого мастера (гроссмейстера страны) графа Дона, чтобы доложить ему о виденном мною собственными глазами и слышанном собственными ушами. Я предполагал, что в результате моего разговора с графом будут предприняты соответствующие шаги для предупреждения имперских правительственных властей и заграницы об этом тайном замысле.

Ожидания мои не оправдались. Интересы масонства были у Великого мастера на первом плане. Он категорически заявил: «Для меня существует одно лишь масонство...»

Людендорф, приведя и другие свидетельства в пользу «масонского следа», резюмировал: «Теперь мне стало ясно, что германский солдат в конечном счете оказался слепым орудием, своего рода ландскнехтом скрытых за кулисами темных сил. Мы не можем теперь не признать, что германским мечом расчищен путь этим силам, закабалившим Россию. Это могло случиться лишь благодаря тому, что большинству из нас тогда еще были неведомы эти скрытые пружины, толкавшие нас».

Между тем еще за год до войны французский антимасонский журнал предал гласности материалы одного из совещаний в парижском «Великом Востоке», где прямо говорилось: «Эрцгерцог осужден и умрет на пути к трону». Планы развязывания мировой бойни давно вызревали в высших ложах масонства — «Бнай Брите» и Всемирном союзе израэлитов, объединявших иудейскую элиту. В 1919 году в Америке были опубликованы воспоминания видного сиониста Липмана Розенталя. Он прямо указывал, что еще на шестом сионистском конгрессе в 1903 году председатель Всемирной сионистской организации Макс Нордау предсказывал и войну, и ее главный для сионистов итог: «Я скажу вам следующие слова, как бы ступени одной лестницы, которые ведут все выше и выше: Герцль, Сионистский конгресс, английское предложение, Уганда, будущая мировая война, мирная конференция, на которой при помощи Англии будет создана свободная Палестина».

Все было рассчитано и продумано задолго до выстрелов в Сараеве. Английские масонские журналы вполне открыто публиковали карты послевоенной Европы, где на развалинах некогда могучих

российской, австро-венгерской и прочих монархий прозябали мелкие, зависимые от масонского кагала республики. В Вене, где тучи сгущались над эрцгерцогом, местный сионистский журнал «Гаммер» открыто писал: «Судьба Русского государства поставлена на карту... для русского правительства уже нет спасения. Таково решение еврейства, и так это будет». (Не случайно, что уже после Версальского мира, присутствуя на церемонии открытия памятника жертвам 1914—1918 годов, парижский Ротшильд многозначительно обронил: «Мировая война — это моя война».) А сионистская газета «Пейевише Ворлде» от 13 января 1919 года даже и похвалилась: «Международное еврейство... принудило Европу принять войну, чтобы по всему свету начать новую еврейскую эру» (цит. по.: Иванов В. Ф. От Петра Первого до наших дней. Харбин, 1934, с. 461).

В паутину организаторов войны были действенно приплетены и деятели международной левой социал-демократии. Так, Циганович и прочие организаторы сараевского действа лично знали Троцкого, Луначарского, Натансона, Радека — многих еще по масонским клубам, объединявшим студенческую элиту Сорбонны. По некоторым сведениям, «добро» на убийство эрцгерцога дал Казимировичу Троцкий, в свою очередь, сам связанный с сильными мира сего — от сионистов-миллионеров до германского генштаба. Не случайно, когда на московском процессе 1937 года многознающий Карл Радек попытался приоткрыть «тайну войны», дабы не умереть вместе с ней, ему не дали говорить...

Результаты мировой войны, предначертанные задолго до ее начала, были конкретно разработаны на тайных масонских конвентах, вроде конгресса масонов Антанты, проходившего в Париже 28—30 июня 1917 года. На них и родилась идея создания на месте разрушенных войной и революциями монархий Европы федерации республик, объединенных под эгидой наднационального правительства — Лиги Наций, выполняющей, в свою очередь, волю всемирного масонства. «Желаемая нами Лига Наций тем более будет обладать реальной моральной силой и влиянием на народы, чем сильнее она сможет опираться на масонские группы всего мира...» «Обязанность всемирного масонства безоговорочно поддерживать Лигу Наций, чтобы она больше не испытывала заинтересованных давлений правительств». Это уже из решений конвента Великой ложи Франции 1923 года.

Замыслы «всемирного ордена вольных каменщиков» удались в 1914—1918 годах. Пройдя через миллионы смертей, голод, болезни, Европа лишилась традиционных оплотов сопротивления глобальным властолюбивым замыслам масонства — монархий России и Австро-Венгрии. США — новый центр международного масонства и сионизма — перекачал в свои банки финансы оскудевшей от войны Европы. Новорожденная Лига Наций делала первые шаги к созданию всемирного наднационального правительства...

Прошли годы. Но и сейчас во многих крупных городах мира, за исключением разве что японских, можно встретить шикарные здания, где открыто собираются масоны. В прошлом году они легализовали свою деятельность в странах Восточной Европы. Да и в нашей стране уже действуют филиалы масоно-сионистского ордена «Бнаи Брит» и международного клуба «Ротари». Последнему сейчас делается бешеная реклама. Но при этом словоохотливые комментаторы даже не заикаются о масонской сущности этого клуба. Так, может, прежде чем разрешать деятельность подобных организаций, не лучше ли хорошенько разобраться, кто же такие масоны, каковы их истинные цели?

СОЛДАТУШКИ, БРАВЫ РЕБЯТУШКИ!

Этих ребят, одетых в форму русских ратников минувших веков, можно встретить на военно-патриотических праздниках, фестивалях. Объединившись в федерацию военно-исторических клубов при ЦК ВЛКСМ, они пропагандируют боевые традиции русской армии.

На снимках: члены федерации в ЦПКиО имени Горького; так выглядел национальный русский флаг.

Фото Е. ЛУГОВОГО

РОССИЯ И ПУТЬ К ИСТИНЕ

ЭТОЙ ТЕМЕ БЫЛ ПОСВЯЩЕН ШЕСТОЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ.

Он проходил с 4 по 11 августа 1990 года в Монреале по благословению Архиерейского Синода Русской Православной Зарубежной Церкви. В работе съезда принимал участие Митрополит Виталий, Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви.

«Такие съезды стали созываться с 1973 года,— сказал один из организаторов Шестого съезда, внук русского офицера Белой армии Петр Павлович Пагануцци.— Первый съезд состоялся в Монреале, второй тоже в Монреале, следующий — в Торонто, потом — в Нью-Йорке и один — в Сан-Франциско. Седьмой съезд намечено провести в Аргентине в июле 1991 года. Цель съездов — организовать встречу русской молодежи, ознакомить ее с интересными духовными докладами. Есть и другая цель: на съезде молодые люди имеют возможность найти друг друга, потом будут ухаживать, поженятся. Это очень важно, ведь если спутник жизни инославный, то очень трудно сохранить свое православие, свой язык. Мы ведь здесь находимся в инославном окружении».

На съезде присутствовало более трехсот молодых русских людей из Европы, Северной и Южной Америки, Австралии и других уголков земли. Отличительной особенностью этого съезда явилось участие делегатов из России.

С приветственным посланием к участникам съезда обратились афонские иноки. Вот отрывок из их послания: «Хотите в этом сознаваться или нет, мы все — в брани. Идет жесточайшая борьба не только за Россию, но и за каждого из нас. С одной стороны — Иисус Христос, Путь, Истина и Жизнь. С другой стороны — распутство, ложь и гибель, т. е. Антихрист. Каждым делом, каждым словом, каждым желанием нашего сердца мы определяем, на чьей стороне мы находимся. Хорошо ли относиться к этому легкомысленно? Послушайте слова человека не русского, но горячо и свято любящего Россию, сербского Патриарха Варнавву: «Вы, верные сыны России, должны помнить, что вы являетесь единственной опорой великого русского народа. Вы обязаны во что бы то ни стало сохранить неповрежденными родные церковные предания во всей их чистоте. Это ваш долг перед Богом,

перед вашей великой Родиной и перед всем Христианским миром.

Этот общий наш долг нас всех объединит именно в этом хранении и соблюдении родных церковных преданий во всей их чистоте».

С большим интересом делегаты и гости съезда выслушали доклады отца Валерия Лукьянова (США) «Воцерковление жизни», Михаила Назарова (Германия) «Русская идея: значение и духовный смысл русской эмиграции», хранителя архива И. Ильина профессора Николая Полторацкого (США) «И. А. Ильин об основах Русской Христианской культуры», писателя Владимира Солоухина (Россия) «Русское крестьянство: его духовный облик» и других. После докладов были вечера за городом, поездки на пароходе по реке. Часто все вместе пели русские песни, некоторые из которых мы, живущие в России, уже забыли и не поем. И было грустно и обидно, что мы под пионерский барабанный бой пробарабанили нашу великую русскую культуру.

В заключительный день работы съезда было принято Обращение к общественности России, российского зарубежья и Запада.

А. ЛЮЛЬКО,
делегат Шестого Всезарубежного съезда
русской Православной молодежи,
народный депутат Новосибирского областного Совета

Н а с н и м к е (слева направо): А. Люлько, княгиня Е. С. Гагарина-Наварре и член Новосибирского отделения Союза духовного возрождения Отечества Д. Сушков.

ОБРАЩЕНИЕ
Всезарубежного съезда русской православной молодежи к общественности России, российского зарубежья и Запада

С большой надеждой мы следим за освободительными переменами в сегодняшней России. Для нас это имеет огромное значение: мы обретаем историческую родину, о которой долгое время могли лишь мечтать. Но многое из происходящего вызывает и опасения, которыми хочется поделиться.

Мы обращаемся прежде всего к соотечественникам в России: сегодня важно не только против чего, но и за что ведется борьба. Для проведения оздоровительных реформ необходимо осознать происшедшее не в рамках последних 73 лет, а в масштабе нашей тысячелетней христианской государственности — с учетом чужого опыта. Этот опыт поучителен: при утрате абсолютных ценностей деградация общества может наступить и в условиях свободы. Мы считаем, что России нужно не копировать чужие модели с присущими им пороками, а возродить отечественную православную традицию. Стержнем Российского государства и его культуры всегда была Церковь, поэтому оздоровление церковной жизни мы считаем основой для любых перемен.

Мы рады видеть, что значительная часть нашего народа обращается к этим ценностям. Но после стольких лет искоренения православной традиции далеко не все способны понять ее жизненную важность. К таким людям следует проявлять терпение. От нас требуется не только творческий поиск на государственном уровне, но и осуществление христианских принципов в повседневной и политической жизни: искать в ближнем, в союзниках и даже в противниках то доброе, что есть в каждом человеке, и стараться на этой основе объединиться для спасения родины. Россия может возродиться лишь на том, что объединяет народ, а не на том, что его разъединяет.

Мы обращаемся и к общественности западных стран, и особенно — к влиятельным кругам с призывом понять: Россия — часть европейской христианской цивилизации, но ее особенная часть. Не надо стремиться переделывать Россию по западным образцам. Россия должна соответствовать Замыслу Божию о ней — только такая, православная, Россия может обогатить мир. Стремление воспользоваться наступившим кризисом для расчленения и вестернизации России грозит привести лишь к всеобщим потрясениям.

В этих условиях на долю российской эмиграции, имеющей опыт обеих общественных систем, выпадает роль моста между двумя разными мирами. Миссия эмиграции — сохранить и развить русскую идею — вступает в заключительную стадию: передать свой опыт России. Как бы мало нас ни было в зарубежье — только это оправдывает наше пребывание за пределами России в трудные для нее времена.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф.V, 6). Мы, участники VI Всезарубежного съезда русской православной молодежи, ищем этой правды в Церкви Христовой и в наследии наших православных предков. В то же время нельзя не учитывать реальность: большинство наших сверстников, родившихся в зарубежье, не переселятся на постоянное жительство на свою историческую родину. Слишком много корней пущено здесь. Но мы надеемся, что и свободной России будут нужны носители русского духа за ее пределами. Русский православный идеал Святой Руси имеет вселенское измерение, ибо такова суть христианства. Российское зарубежье, хранящее верность этому идеалу, будет и в новых условиях свидетельствовать миру о России как духовном явлении и участвовать в ее жизни.

Чем теснее будет взаимодействие здоровых сил России, Запада и российского зарубежья, тем скорее мы обретем ту православную Россию, которая нужна нам и всему миру. Мы призываем всех с молитвой объединить усилия в общем деле.

МИТИНГ 7 октября в 11⁰⁰ МИТИНГ
На площади у Республиканского стадиона

Граждане Суверенной Украины !

Сорок два года Государству Израиль, родине еврейского народа. Сорок два года Украина, зажатая в тисках Москвы, не имеет дипломатических отношений с Израилем, а значит, и с народом, внесшим значительный вклад в культуру и историю Украины. Мы призываем украинский народ, когда-то голосовавший в ООН за создание Государства Израиль, потребовать от правительства Украины установить дипломатические отношения с Израилем и выступить инициатором отмены резолюции ООН, квалифицирующей национально-освободительное движение еврейского народа – сионизм – как форму расизма. Это позорное решение было принято под давлением арабских экстремистов и должно быть отменено.

Приглашаем всех на митинг, организованный Союзом еврейской молодежи БЕЙТАР и Сионистокой организацией Иргун Циони

Мы ждем Вас в воскресенье, 7 октября в 11 часов утра у Республиканского стадиона

«БЕЙТАР» НА УКРАИНЕ

Об этой организации у нас в стране пишут мвло. В лучшем случве проскользнет короткая информация, как, например, 16 сентября в «Комсомольской прввде». В ней повторяется стврвя сионистская байка, будто «Бейтар» нвмерена противостоять неофашистским погромщикам. И практически ни слова о самой организации. Что ж, расширим «компетентную» и «объективиую» информацию «Комсомолки» фактами, которые не попали на ее страницы.

В 1915 году в Александрии был создан еврейский легион. Командовал им Иосиф Трумпельдор — офицер русской армии, инвалид русско-японской войны, убежденный сионист. Военное кураторство над легионом осуществляли англичане. Легионеров идейно вдохновляли сионисты Т. Герцль и В. Жаботинский. Спонсорство осуществляли Ротшильд и К°.

В 1917 году еврейский легион со штыками и пулеметами принял участие в завоевании Палестины. 2 ноября 1917 года отмечается как праздник алии (восхождения евреев к земле обетованной). При помощи алии англичане пытались оторвать русских евреев от большевизма и направить их в землю обетованную. Но троцкие и свердловы не удовлетворились бы такой мелочью, как Палестина. Они ставили «великий эксперимент» на России.

В 1923 году Жаботинский публикует трактат «О железной стене». В нем обосновывается необходимость милитаризации еврейской молодежи. Железная стена должна опоясывать границы Эрец Исраэль — Великого Израиля — от Тигра и Евфрата до Атлантического океана.

В 1923 году в Прибалтике, Польше и других странах мира началась заготовка конструкций «железной стены» Великого Израиля. Была создана милитаризированная молодежная сионистская организация «Бейтар».

Слово «Бейтар» — аббревиатура. Это Brit Trumpeldor — Союз Трумпельдора. Воспитание в «Бейтар» проходит по Трумпельдору: «Нам необходимо создать поколение, у которого не было бы ни интересов, ни привычек. Просто кусок железа, из которого можно выковать все, что только понадобится для национальной машины».

В современном Израиле бейтаровцы всегда на острие удара. Террористические акты, взрывы в местах скопления людей, похищение политических деятелей, уничтожение палестинцев в Сабре и Шатиле — их рук дело.

В СССР успешно проходит перестройка. Настолько успешно, что на куски «суверенных» республик разваливается государство, рушится экономика, обезоруживается и обескровливается армия, поощряется национализм. В мае 1990 года «Бейтар» была создана в СССР с целью воспитания молодежи в духе сионизма. На слет «Бейтар» собрались молодые сионисты из разных городов СССР. Почему же для слета был избран Киев? Украина недавно декларировала суверенитет. Украина — член ООН. Посему сионисты решили употребить Украину для своих целей. Для каких? Об этом красноречиво говорит листовка, призывающая киевлян на митинг «Бейтар». Он состоялся 7 октября, в день, когда евреи отмечают Новый год.

Вот что говорили его участники: «Мир ничему не научился. Как будут чувствовать себя евреи, так будет чувствовать себя и мир. Евреи — ум, честь и совесть нашего мира.

Не наше дело бороться с «Памятью». Пусть с ней борется русский народ. Иудим хабайда! Домой, евреи!» (Евгений Фирзон, командир союзного «Бейтар»)

Остальные ребята из «Бейтар» мыслили, в сущности, так же, добавляя разве, что Саддам Хусейн — фашист.

Более конкретными и реалистичными были выступления старших товарищей бейтаровцев. Израильтянин Мордехай Эшет из «Сохнута» говорил не о немедленной алии, а о сионизме как чувстве еврея, о восстановлении традиции паломничества к Сиону. «Нужно собрать конструктивные идеи з д е с ь и направлять их на выполнение задач з д е с ь».

Откровенно выступил и Александр Бураковский, сопредседатель общества «Шолом Алейхем», один из лидеров Руха: «Почему так мало евреев на митинге? Неужели нужен новый Моисей? Десятилетия безнравственности не прошли даром. Безнравственно иметь дипломатические отношения с Ираком, но не иметь их с Израилем. Не ждать мессию, а жить с высоко поднятой головой. Сделать так, чтобы нас у в а ж а л и». Какой-то чудак из Руха письменно задал вопрос о роли Кагановича на Украине. Ему ответили, что «Каганович и его сподвижники-евреи не евреи, а коммунисты и сталинские палачи».

В. Жаботинский рассматривал «Бейтар» как железную стену, опоясывающую Великий Израиль. Что же опояшет железной стеной «Бейтар» на Украине? Не будущие ли украинские гетто?

Символичен лозунг: «Не допустить «Память» на Украину!» Не допустить память о геноциде казаков по приказу Свердлова, о геноциде в 1932—1933 годах по приказу Кагановича и Яковлева-Эпштейна.

Радио донесло до нас скорбную весть об убийстве в Иерусалиме 33 палестинцев, о взрыве мечети. Почерк «Бейтар».

Владимир СОРОКИН,
Петр ТКАЧУК

Киев

«СПЕЦНАЗ». Материал читайте на странице 101.

Дмитрий МИЩЕНКО

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ

Исторический роман

Продолжение. Начало на стр. 44

— Ну, что есть такие молодцы: люб тебе, сам любви желает, а подойти к девке на людях не смеет.

Светозар усмехнулся.

— Если никому не проболтаешь, скажу.

— Никому и ни за что!

— Тогда... — наклонился к самому ее уху, — я сам такой.

— Ой! — Она отшатнулась и сказала так, чтобы все слышали: — У тебя что, уже ладонька есть?

Отрок вспыхнул, как мак, и обиделся.

— Ты же поклялась!

Милана сделала вид, что он очень ошибается.

— О-о, будто я тебе в этом клялась! Да я только подумала, спросила шутя, а ты сразу в обиду!.. И не стыдно тебе, Светозарко?!

А тут мать еще. Ничего не сказала, только улыбнулась и присела рядом. Послушала их споры-раздоры и успокоила:

— Не обижайся на сестру, Светозарко. Мы и без нее знаем: ничего из ничего не бывает. Пой, раз есть надежда. В молодости это и радость, и счастье. Когда же и петь еще, как не в молодые годы!

Светозар ответил матери благодарным взглядом.

— Если бы все так думали, матушка, как вы!

— А кто-то по-другому думает?

— Да все почти!

— И я тоже? — обиделась теперь Милана.

— Да нет, ты у нас на маму похожа, только пересмешница большая.

славным, как скоро его пастыри будут православны», — писал Иосиф Семашко.

1856: скончался Николай Иванович Лобачевский, «Коперник» и «Колумб» геометрии (родился в 1793 году в Нижегородской губернии). Цель университета, писал он, «не только обогатить ум познаниями, но и наставить в добродетели, вдохнуть желание славы, чувство благородства, справедливости и чести, этой строгой, неприкосновенной честности, которая бы устояла против соблазнительных примеров злоупотреблений, недосягаемых наказанием».

26(13)

Иконы Богоматери «Долинская».

1608: кончина Константина Константиновича Острожского, воеводы киевского, защитника православия в Западной Руси (родился в 1526).

1799: учреждение в Москве Медико-хирургической академии.

27(14)

869: равноапостольного Кирилла, учителя Словенского.

XII в.: преп. Иссакия, затворника Печерского.

1578: перенесение мощей мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора.

1598: избрание на царство Бориса Годунова.

28 февраля:

Иконы Богоматери Венской и Далматской.

1712: основание Тульского оружейного завода.

1732: открытие 1-го Кадетского корпуса.

1716: экспедиция капитана гвардии Беловича-Черкасского на Каспий. Экспедицией составлена первая карта Каспийского моря. Через год экспедиция была истреблена хивинцами.

Составил Игорь ДЬЯКОВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 13.12.90. Подп. в печ. 22.01.91.
Формат 84×108 1/16. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 422 000 экз. Заказ 2266. Цена 1 руб. 25 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

Долго бы они еще говорили, выясняя, кто из них какой, но появился озабоченный чем-то отец.

— Есть вести из Волына, — сказал он. — Зови, матушка, старших сыновей, будем советоваться, как нам быть.

— А что такое?

— Собирается вече земли Трояновой, будут выбирать старшего князя на Антах.

— Так это же добрые вести, Волот. Давно возложили на тебя эту повинность, а она как была временной, так и осталась.

Волот угрюмо промолчал на это.

Сыновья были недалеко. Они пришли почти сразу, как окликнула мать, спросили:

— Звали, отче?

— Да. Надо поговорить. В Волыне собирается вече земли Трояновой. Старейшины своих послов определят сами. А нам надо решить, кто поедет от княжьего рода.

И жена, и дети смотрели на него, не понимая.

— Как это — кто? — переспросил Радим. — Будто старейшины не знают, что должен ехать князь?

— Старейшины знают, да я не знаю, доберусь ли до Волына в седле.

Княжичи надолго замолчали, не сводя с отца глаз.

— Можно и на возу ехать, — подал голос Добролик, — а все равно ехать надо вам, отче. Ведь до решения веча вы — старший князь земли Трояновой.

— Знаю, сын, знаю, но быть старшим мне уже не по силам. Стар. Так зачем мучиться такой дальней дорогой? Чтобы услышать там, что это за предводитель рати и земли, которого на возу на вече везут?

— Выходит, кому-то из наших княжичей надо быть там. Я так думаю, — вставила свое слово Миловида.

— И правильно думаешь, мать, — поддержал князь. — Пришло время, соколята мои, — глянул на княжичей, — кому-то из вас брать на себя обязанность предводителя в земле Тиверской. Обычай велит старшему сыну становиться на место отца. Да и все остальное говорит за это. Потому и посоветую старейшинам послать вместо меня на вече Радима. Добролик останется у меня под рукой, чтобы было на кого опереться, если будет нужда.

— А я? — напомнил о себе Светозар.

Князь повернулся в его сторону, не понимая, чего он хочет.

— Тебе, отрок, рано еще о делах думать.

— Может, и рано, — согласился Светозар, — но от такой науки хуже не будет. Пошлите, отче, меня с Радимом. Это же всетроянское вече! Побуду среди людей, хоть послушаю, что умные люди говорят.

— А что, мать? — Князь перевел взгляд на жену. — Может, и вправду, пусть едет?

— Если за мудростью да за песнями, — улыбнулась Миловида, — то почему и нет?

— На том и порешим. Будешь Радиму за отрока-оруженосца в пути. Ну, и на вече пойдешь с ним. Ты правильно рассудил: никакая наука лишней не бывает. А то, что возьмешь на всетроянском вече, когда-нибудь да пригодится.

X

С тех пор, как Келагаст возвратился из ромеев, а в стольном Волыне успел нагуляться слух про его отвагу в поединке с татями, которые посягнули на княжну Данаю, минуло не одно лето, а ожидаемой свадьбы между ними все не было и не было. Удивлялись этому горожане, судили и рядили по-всякому, пока не решили:

— Келагаст не хочет Данаи, чтобы знали.

— Скажете такое! Чего бы это он не хотел?

— Пойдите да спросите.

— И спрашивать нечего. Разве есть такой, кто не хотел бы Данаи! Или не видели, чьи кони стоят чуть ли не каждый вечер возле острога? Это не Келагаст не хочет Данаи, а Даная гонит его прочь.

— Вы что, видели этих коней или только слышали?

— Хватит и того, что говорят те, кто видел!

— А не видели, так и не говорите. Кого ей еще ждать, как не Келагаста!

— Говорят, какой-то князь уже присылал сватов. Неизвестно только, с чем уехали...

Об этом князе из чужих краев знали и старейшины родов дулебских. Это сильно обеспокоило их, и они, наконец, сказали Данае:

— Ты откладывала выбор своего избранника на лето, потом — на второе, а вот уже и на пятое. Сколько же можно? Пойми и заруби себе: земля требует предводителя.

— А если его не выбрало сердце?

— Тогда сама бери эту повинность!

Думали, испугают Данаю, заставят ее слишком уж разборчивое сердце уступить. Но княжна, вздохнув, только и сказала:

— Ну, раз так, то и возьму!

Что делать? Доказывать, что это вообще не ее ума дело? Что сейчас-то как раз и не ко времени сажать на стол женщину? Да разве она послушает? Разве ей мало вдалбливали: вот-вот придется выбирать князя-предводителя на всех антов, а с нею разве выпадет дулебам быть во главе антских племен?

Отговорились кое-как старейшины, — ждн, мол, придет время — позовем и посадим на стол отца твоего. А сами, не успели из острога выйти, как уже сговорились: пусть теперь Даная подумает, как ей быть: не станут сзывать вече, пока сама не пришлет гонцов и не скажет: «Я выбрала себе мужа, приходите и делайте, как хотели».

Боролись с ней немало, все лето и всю следующую зиму. А своего добились: Даная сломила гордыню, позвала Келагаста мужем, а роды дулебские подождали четыре седмицы — пока молодожены упьются медом да нагуляются — и нарекли Келагаста дулебским князем. Теперь можно было и всетроянское вече сзывать.

Когда в стольный город на Дулебах прибыли тиверцы, Волын уже жил заботами будущих выборов. Многолюдье и необычайное оживление были повсюду. Народу съехалось много, и что важно — съехались люди понимающие, по правде говоря, ум и совесть земли. Им было о чем поговорить, собравшись вместе. Две новости были у всех на устах. Первая — что на Дулебах выбрали нового князя. Вторая — что князь Тивери, Волот, которому наиболее подходило быть предводителем в земле Трояновой, занемог и прислал вместо себя сына Радима. Так кому же вверят они землю Троянову и лад между племенами?

На беду, где исподтишка, а где и открыто стали поговаривать о том, что князя на Дулебах выбирали будто бы чуть не силком, да и выбирали, мол, не того, кого следовало бы.

Откуда пошли эти разговоры, никто не знал. Недовольные, конечно, всегда найдутся, а таких, кто готов понести любую сплетню, лишь бы языком помолоть, и искать не надо. Были, правда, и среди ратных мужей желающие видеть себя на месте Келагаста, так же тоже подливали масла в огонь. Что ни говори, а все знают: дыма без огня не бывает. Ведь если быть откровенным, то что-то есть за Келагастом, иначе почему Даная так долго сопротивлялась воле старейшин и не хотела идти за него? Не кончились бы все эти разговоры позором дулебов на выборах.

Теперь, когда позволено было (а перед вечем, как и на вече, позволялось говорить всякое), рассказывали такое, во что и поверить нельзя. Будто Даная сказала старейшинам, когда пришли к ней в третий раз и приперли к стене: «Вступай в брак и дай нам князя», так будто бы она прямо взбеслась и сказала: «Разве муж — юбка, которая сегодня может понравиться, а завтра можно выкинуть ее? Дайте время! Надо приглядеться и обдумать все!»

«О... Ты же сама выбирала его, говорила, что выбрала достойнейшего. А теперь тебе приглядеться надо?»

«Надо!»

Что-то во всех этих разговорах было. Келагаст, ясное дело, несмотря ни на что, рвался стать князем! А Даная будто бы, когда уже деваться было некуда, сказала: «Ладно, пусть моим мужем и предводителем на Дулебах будет Келагаст, но на стол сажайте сына. Он — единственный наследник отца моего, ему и быть князем на Дулебах».

— И что же старейшины? — допытывались мужи из других земель. — Пошли на уступку княгине?

— Да нет, они своим не поступились. Кто же изберет малолетку главным князем земли?

«Вот оно что! — прикидывали себе гости. — Вон какой, оказывается, князь на Дулебах... Ну нет, мы — не Даная. На дыбы встанем, если так».

После прибытия тиверцев, когда оказалось, что князь Волот действительно сына прислал вместо себя, выяснилось, что некому будет даже править вечем.

— Кто же будет править? — спрашивали одни.

— Совет старейшин, кто же еще! — отвечали другие.

— Советом тоже должен кто-то править, иначе порядка не будет.

— Чего голову сушить, — говорили третьи. — Кого из советников выберут, тот и будет править. Что ж мы, без предводителя и шагу не можем ступить?

Однако, когда сошлись на соборной площади Волына, говоруны попримолкли. Хотя на вече званы были только

мужи достойные в родах, народу собралось много. Любопытных, как известно, всегда хватает. Вот и пришли поглазеть на всеантское вече званые и незваные. Кто сопровождал старейшину, кто пришел оруженосцем, как Светозар, кто следовал за советником, как челядник. Главное, старейшины против этого не возражали, к тому же они сами чувствовали себя увереннее, когда рядом надежная защита и поддержка из своих людей. А уж кто пришел на вече, тому обычай позволял поддерживать тех, на чьей стороне правда.

Пока советники от племен не взошли на вежицу, пока не сказали еще — «Внимание, начинаем!..» — гусляры веселыми песнями забавляли народ. Светозар, не вынимая своих гуслей из меха за плечами, переходил от одного, белого, как лунь, старца к другому, слушал их да мотал на ус, о чем пели и баяли убеленные сединами, умудренные жизнью старцы. Радовался их могучим песням и, стыдно сказать, жалел, что ему, малолетке, рано еще состязаться с ним. А как хотелось попробовать!..

Там, над Бугом, над рекою
Туман стелется горою,
Гей, гей,
Между долею людскою.
Стелился ночью, стелился рано,
Да и назвал долю туманом,
Гей, гей,
Не сестрою — лишь обманом.
Счастьем-мечтою идет долом,
Когда ночь берет всех измором,
Гей, гей,
Когда ночь берет всех измором.
Баюкает тогда волю
Да счастливую людскую долю,
Гей, гей,
Да счастливую людскую долю.
А как солнце заиграет,
Туман-доля исчезает,
Гей, гей,
Когда надо, ее нету.
Там падет каплей-росою,
Там сплывет жалостью-слезою,
Гей, гей,
Не сладкою — горькою.

Светозарко заслушался этой песней, старый гусляр, возле которого он стоял, бросил на него глазом раз, второй и положил руки на струны.

— Откуда будешь, молодец? — спросил, чуть улыбнувшись.

— Из Тивери, достойный. Из города Черна, что на Тивери.

— О! Издалека прибыл. Один или с отцом?

— С братом.

— Играешь? — кивнул на мех за плечами.

— Учусь.

— И кто же твой учитель?

— Да мир, что вокруг, да птицы.

Старик удивился, посмотрел на него пытливо.

— Ну, так заиграй нам что-нибудь, послушаем.

— Что вы, — смутился отрок. — У меня еще так не получится.

— Играй, как получится. Да и кто молодого осудит?

— Я больше на сопели играл, — оправдывался Светозар, а тем временем уже снимал с плеча, доставал гусли. — На гуслях мало пока приходилось играть, но попробую.

«Что же спеть? — подумал, перебирая струны. — Разве вот ту, что не давала спать, пока слова не слились с музыкой? Ту, что отцу хотел спеть? Страшно, но лучшей-то у меня, право, и нет».

Поиграл, подбирая мотив, потом повел свою песню голосом:

Земля, наша земля,
Буйным цветом убрана.
Почему ты для нас, земля,
Словно рана сердечная?
Кликом кровных сзываешь,
Когда беда нагрянет,
Солнцем в небе сияешь,
Когда на добро станет.
Когда на добро станет,
Воздаешь медами,
Земля, наша земля,
Счастья нашего мать!
Ты одна на свете,
Ты одна, как доля.
Радость мила сердцу,

Еще милее воля!
Земля, наша земля,
Не сей погибель злую,
Добрыми делами
Славься средь людей.
Весели всех солнцем,
Утешай привольем,
Будь щедра на ласку,
О земля, наша земля!
Засевайся хлебом,
Хлебом, — не печалью,
Не костями в поле,
Не нуждой и горем.
Приумножь народ наш
Храбрыми сынами.
И тебе воздастся,
Благодати матерь!
Ты одна на свете,
Ты одна, как доля.
Счастье мило сердцу,
Еще милее — воля!

Старый гусляр слушал Светозара с закрытыми глазами. Отрок заметил это, когда закончил пение, и заволновался: к добру ли это?

— Вон ты какой, — старик словно очнулся и приподнял брови. — Чья же это песня? От поселян услышал или от калик перехожих?

— Да как вам сказать? Сама сложилась.

— Сама? Значит, из твоих уст пошла?

Похоже, старый гусляр и без его слов понял, что и как. Поднялся, покряхтывая, взял Светозара за руку.

— Пойдем. Пойдем со мной, молодец, покажу тебя учителю нашему, чтимому всеми старейшине гусляров Будимиру. Пусть послушает да побеседует с тобой.

Светозар не возражал и, положив гусли в мех, пошел за своим поводырем. Но как же был удивлен, когда увидел, что старейшина гусляров слеп. Когда подошли, тот играл на гуслях и напевал несильным голосом, непривычно высоко подняв голову, обратив куда-то высоко к небу невидящие глаза. Будимир пел, привлекая слушателей не столько голосом, сколько мелодией, свободно льющейся из-под струн. Казалось, струны были живыми, волшебными, они говорили едва ли не человеческим голосом, трогая за самое сердце.

— Старейшина, — выбрав момент, склонился к нему поводырь Светозара. — Я к тебе с челобитной.

— Какой, Чугайстр?

— Отрока-гусляра привел. Послушай, какие он складывает песни, какой голос у его песен.

Старейшина повернул голову в ту сторону, где стоял Светозар, будто и вправду видел его.

— Подойди, отрок, — позвал он. — Наклонись, дай я огляжу тебя, чтоб узнать, какой ты.

Светозар опустился перед ним на колени. Будимир протянул сухие руки, ощупал пальцами лицо его, голову, потом отыскал руки, долго читал пальцами линии на его ладонях.

— Откуда будешь, молодец?

Светозар сказал.

— А чей будешь?

— Сын княжий Светозар.

— Мать Миловидой зовут?

— Да.

— Бывал я у вас... Садись, княжич, сын доброй матери и славного отца. Садись и спой нам, что породил твой дух молодецкий.

Вокруг них собрался народ. Светозар, волнуясь, дольше, чем следовало бы, усаживался и пробовал струны, не решаясь начать. А тут со стороны вежицы, где был центр веча, послышался зычный клич:

— Внимание, начинаем!

— Погоди, отрок, — Будимир протянул руку, останавливая Светозара. — Зовут на вече. Будь здесь. После послушаю тебя.

— На вече мне надлежит быть возле брата, старейшина.

— Вот забота. А мне, как старейшине, возле вежицы быть. Ладно, разыщешь меня, как закончится вече. Только не мешкай, завершится вече — сразу и приходи. Мы с Чугайстром рядом с вежицей будем.

Начало разговора на вече было известным: нужда земли и народов антских привела достойных мужей в стольный город Волын, чтобы возложить на одного из князей земли Трояновой повинность быть старшим среди всех князей, оберегать спокойствие на границах, а также хранить мир и согласие с соседями.

— Кто из нынешних князей достоин этого? — спросил глашатай и повернулся к старейшинам, что сидели справа. — Говорите вы, русичи.

Обычай требовал, чтобы старейшины родов выражали волю большинства, молвить же слово надлежало старшему среди них. На вежицу поэтому поднялся не князь, а довольно пожилой, но еще высокий, не согнутый бременем лет, старец.

— Поляне, росичи и втикичи, — сказал он, — признают за лучшее возложить эту повинность на князя Тивери Волота.

И стал объяснять, почему. Во-первых, князь Волот старше других князей, опытнее, во-вторых, ему и его племени выпало сидеть в земле, которая испокон веков является порубежной и для тех, кто с мечом и сулицей идет с захода солнца на восход и обратно, так и для тех, кто торит путь из южных краев в северные. Вот и получается, что ему больше, чем кому другому, приходится стоять на страже земли Трояновой, земли Антов. Надо взять в расчет и то, что за многие лета он достойно показал себя в столь трудном для князей деле. А когда так, то почему бы ему и не быть в ответе за всю нашу землю?

Старейшины полян закивали, выражая согласие со сказанным, уличи и древляне поддержали их. Тиверцы же и дулебы пока отмалчивались.

— Тиверцы молчат. Что скажут они? — спросили с вежицы.

И снова вышел к вечу не князь, не сын княжеский, а старейшина.

— Князь Волот повелел нам сказать вечу, если об этом пойдет речь, что он отказывается от повинности главного князя в пользу князя росов Острозора, — нет у него уже сил нести такую повинность. А после него князь росов наиболее умудренный летами и опытом, ему, как и князю Тивери, все время приходится стоять на страже земли нашей со стороны степи.

Когда спросили дулебов, те говорили долго. Сперва согласились с тем, что князь Волот больше других приложил ума и сил, чтобы оберечь землю славянскую от чужеземцев. Он умудрен и опытом сольских переговоров с чужеземцами, и опытом ратных походов, ему и только ему следовало бы быть преемником князя Добрита. Но речь зашла об Острозоре, — дулебский старейшина, окинув вече пытливым взором, стал говорить о том, что угро-

за земле Троянской с востока отпала, — обры, мол, пошли за Дунай, а больше оттуда угрожать некому. Теперь вторжение наиболее вероятно из-за Дуная. И потом, нельзя не принять в расчет, что сейчас союзником антов в стычках с Византией могут быть только славяне-склавины. А к дулебам они ближе всего, у них с ними издавна хорошие отношения. Кроме того, на княжем столе у дулебов сидит ныне достойный веры и доверия князь — Келагаст, сын славного в родах наших посла и советника Идарича, брат безвременно погибшего Мезамира и муж Данаи, дочери Добрита. Разве этого недостаточно, чтобы убедиться: у предводителя дулебов есть все, чтобы быть главным князем на антах.

— Кто бы меня, люди добрые, похвалил так, как я сама себя могу похвалить, — послышалось из толпы, которая хоть и не сильно, но все же начала беспокоиться.

— Да разве великая заслуга быть сыном славного мужа или мужем славной в родах жены? Вы скажите, где он показал себя, как князь, ваш Келагаст?

— Как где?! В сечах с обрами Келагаст был среди первых! На него князь Добрит возложил самые трудные повинности, и это его тысяча была грозой супостатов.

— Это правда, — поддержал кто-то. — Келагаст достойный муж, что и говорить.

— Молод еще, чтобы быть предводителем всем. Пусть сперва покняжит на Дулебах, а потом еще посмотрим.

На вежице подняли меч, чтобы не дать разгореться страстям.

— Келагаст ходил с князем Волотом в ромеи, видел, что такое сольство, знает, как вести переговоры. Да и с Мезамиром ходил когда-то. Забыли разве?

— А что ждать? — послышался чей-то звонкий голос. — Пусть сейчас покажет себя, вот и увидим, чего он стоит.

— Верно! Острозора знаем, а каков Келагаст? Посмотрим, за кого подать голос.

— Вы забыли, есть еще Зборко, князь уличей! — еще кто-то пытался перекричать вече, но его уже не слушали. Все требовали Келагаста.

— Острозор тоже пусть выходит! Еще поглядим, кто лучше.

— Сказано же, Острозора знаем.

— Кто знает, а кто и нет. Пусть оба выходят на народ!

— Ладно, пусть выходят оба.

Старейшина пытался переубедить вече. Разве это правильно? А с кем они сразятся как мужи думающие?

— Пусть друг с другом сражаются!

— Да что ж это такое? А истину кто установит?

— Да народ же и установит! И вы, старейшины, зачем здесь?

Вечем заправляли хозяева. Но им это требование было не с руки. В словесном поединке с вечем и самый бывалый человек может сплоховать, их же князь, пожалуй, слабоват еще для этого. И дулебы упирались как могли. Пока те, кто настаивал на словесном поединке с князьями, больно не подкололи их:

— Дулебы просто привыкли быть главным племенем на Антах, вот и хотят любой ценой добиться своего. Разве не видно, что они и оболтуса согласны посадить на главное место в земле нашей, лишь бы он был дулебом.

— Да как вы смеете такое говорить?!

— А что, не так разве? Пусть тогда выходят князья!

— Князей на вежицу! Желаем видеть князей!

Кричали, казалось, все, и дулебы, чтоб уйти от позора, уступили. Поднялся на вежицу и поклонился вечевому народу князь киевский Острозор, за ним и Келагаст. Первый чему-то усмехался, второй пытался скрыть тревогу. Оно и понятно. На Антах издавна так ведется: если тот, кого сажают на княжий стол, еще не добыл славы себе, должен завоевать ее здесь, на вече. Для того и требует его народ пред очи свои: покажи себя в беседе, люди увидят, на что ты способен. Ну а начнется беседа — всего услышишь: и насмешек, и таких подковыров, что в пятках заколет. Надо иметь большую выдержку, чтобы не сорваться, да и умишко кое-какой, чтобы не оказаться в дураках.

— Скажите, князья, — спросил в тишине один из думающих мужей, — уверены ли вы, что повинность, какую возлагаем на вас, посильна вам?

— Уверенным может быть лишь тот, кто не знает, что это за повинность, — ответил Острозор.

— А ты, Келагаст, что скажешь?

— Без веры уверенности не бывает, а без уверенности — и силы. Кто верит, тот может победить.

— Гора! Келагаст взял гору! Кто еще хочет выйти на спор с ним?

Вперед выступил Светозар.

— Я.

— Молод еще. Рано совать нос в беседы мужей.

— Ваша правда: я молод. Однако вы еще не слышали, о чем я хочу спросить князей. Скажу, тогда уж и судите, следует или не следует мне совать нос в это дело.

— Пусть говорит, чего там.

И Светозар обратился к князьям:

— Поведайте нам, предводители росов и дулебов, как поступите, если какое-нибудь из племен Антии захотело бы жить отдельно от всех остальных антов?

Князья переглянулись.

— Не тиверцы ли это собираются отделиться? Ты же княжич из Тивери, если я не ошибаюсь?

— Да, я княжич из Тивери, ты не ошибся. Зато ошибся в другом, Келагаст: выдал, кто ты есть.

Над вечем пробежал смешок.

— А что скажет князь Киева?

— Князь Киева никакому племени не советовал бы выходить из братского единения и жить отдельно. Такое племя неминуемо погибнет.

— Гора! Князь Острозор взял гору!

— Да, — согласился Светозар. — Князь Острозор взял гору, но не все еще сказал.

— Надо было бы спросить сперва, — не стал ждать его решения Острозор, — почему такое племя захотело выйти из братского союза?

— Да. Прежде всего надо знать, что заставило это племя уйти от братьев, и думать, как исправить причину.

Старейшины возбужденно заговорили между собой.

— Еще имеешь что спросить, молодец?

— Имею. Князь — предводитель рати на поле брани, он же — судья людям, которые не поладили друг с другом. Каким должен быть князь-судия?

Острозор нашелся первым.

— Суровым и справедливым.

— А князь Келагаст как думает?

— Так же: должен быть суровым и справедливым.

— Жаль, если так, — Светозар остался недоволен. — Мне кажется, что это не ответ. Суровость, князья, бывает разная. И справедливость тоже. Одна является истиной, другая лишь граничит с ней. Иная вообще далека от истины. Во всяком случае, у каждого своя суровость, своя справедливость. Важно другое: князь-судия обязан судить так, чтобы тот, кто нанес обиду, не пытался наносить ее

во второй раз, а тот, которого обидели, не потерял бы веры в справедливость.

— Гора! — дружно воскликнуло вече. — Молодец взял над князьями гору! Слава такому! Слава и хвала!

Состязание с князьями приобрело не столько остроту, сколько потеху.

— Голоса поделились поровну, — сказал старейшина, правивший вечем. — Один за князем Острозором, один за Келагастом. Кто еще хочет спросить их?

— Пусть скажут оба, почему желают быть старшими князьями?

— Об этом уже говорилось.

— Тогда другое спрашиваю: какого князя убирают со стола силой?

На этот раз смех надолго расколол вече, но отвечать надо было.

— Я скажу, — с усмешкой поднял руку киевский князь. — Того, который не может защитить землю от супостата, не может быть справедливым судией родам и людям.

Келагаст помолчал немного и опять согласился с ним.

— Вот как? — не удержался кто-то из толпы. — Келагаст проиграл. У него своей головы нет, он только соглашается с тем, что говорят другие.

— Да, Острозор одолел!

— Вы так думаете? — повернулся к кричавшим Светозар. — По-моему, князь Острозор тоже темнит. Не первое лето княжит, должен бы знать, всякого князя, а князя-судию убирают по трем причинам: когда он в делах и помыслах своих опирается не на умных людей, а на глупых оболтусов; когда выше всего ставит похвалу имени своему и упивается славой и лестью, как бражник хмельем; наконец, третья причина — когда держится за стол, на который его посадили по недогляду, как клещ за шкуру, только с мясом и можно выдрать его оттуда.

Вече не смеялось — оно уже хохотало над князьями в тысячу глоток. Когда же чуть примолкли, старейшина гусляров Будимир выкрикнул, перекрывая шум:

— Вот кто должен быть старшим князем на Антах!

— Да! Молодец из Тивери пусть будет старшим!

— Он не князь там! Молод еще.

— Молодость не порок, зато клепка в голове есть!

— Тихо! Погодите! — На вежицу вышел кто-то из ратных мужей. — Ты в самом деле княжий сын из Тивери? — обратился он к отроку.

— Один из семи сыновей его, Светозар.

— Так чего же нам тогда сомневаться? — Муж повернулся к старейшинам. — Княжич взял верх над всеми князьями, ему и быть старшим среди князей.

— Негоже так. Сказано же: он еще не князь.

— Так будет им. Разве Тиверь не захочет иметь такого князя?

— А кто возглавит рать, когда надо будет? А кто — сольство, когда дойдет до этого? Думаете, ромеи или другие чужеземцы станут вести переговоры с малолетком?

— Пока до того дойдет, вырастет.

Князь Киева, похоже, не очень и раздосадованный тем, что не взял верх на Светозаром, стоял в сторонке и посмеивался в усы. Однако упрямство дулебов все-таки задело его.

— Правда ваша, — подал он свой голос, — живем под богами, всякое может случиться. Сегодня тихо-мирно на границах, завтра — нет. Рисковать, думаю, неразумно. Однако и такого умного молодца не допускать до стольного дела тоже не годится. Чтобы этого не случилось, я отрекаюсь от повинности главного князя земли Трояновой и вот что советую. Пусть будет, как само просится: старшим князем на Антах поставим князя дулебов Келагаста — он и помоложе всех нас, и воин храбрый, а первым советником у него сделаем сына тиверского князя. Не сегодня завтра будет он достойным послом от наших земель. Пусть оба и будут в ответе за покой на границах и в земле Трояновой.

— Славно! Согласны! — поддержало вече. По лицам старейшин, сидевших вокруг вежицы, тоже видно было, что их уговаривать не придется. Но чтобы завершить вече, как велит обычай — уложением договора, — надо спросить еще, согласны ли на то сами Келагаст и Светозар.

XI

Есть над людьми и их совестью воля Белобога, но хватает и чернобожьей. Есть обычаи, воспитанные человеческой совестью, и есть — взлелеянные татями. И не воровской ли закон утверждает право сильного? Не воровской ли обычай застит глаза грабителям, коли они не внемлют

мольбам, стонам и слезам поверженных, коли для них чужие раны никогда не болят?

У лангобардов, как и у франков, не болела душа от ран гепидов. Они смотрели на опустошенную, некогда цветущую землю гепидов и радовались, что она разорена, глядели на былой цвет гепидской земли — закованных в цепи мужей, отроков, девиц, молодых жен — и воздавали хвалу тем, кто заковал их, пировали в сытом застолье с татями и величали их победителями. Еще бы, ведь они — союзники аварам. И не приходило в голову им, пропивавшим с аварами свою совесть и честь, что солнце снова сделает свой круг, что день, каким бы он ни был долгим, сменится ночью. Видно, не до того было. Пьяные очи видели только чарку. Помутившийся от вина разум помнил лишь о веселье, а подогретые хмелем сердца ликовали, вознося и превознося над всеми кагана. А каган, отгулявши свое, насытившись непомерной хвалой соседей, засел в великоханском шатре, обдумывая новую грызню. Пока роды его сыты награбленным, пока и без него есть кому смотреть за порядком в родах, он, их предводитель, должен подумать о будущем и прежде всего решить, как быть дальше с соседями. Цапаться с великой империей он, ясное дело, подождет, с франками — тоже. Этих до поры до времени лучше не трогать. А что делать с лангобардами? Союзники они будто и неплохие, но еще лучше, еще желаннее кагану их Паннония. Это просторные долины, на которых тучные травы. Это привольные пастбища, на которых пасутся богатые стада. Такие разве что на мезийских да фракийских долинах и встретишь. А кроме того, из Паннонии куда как сподручно совершать быстрые, разящие, как удар молнии, набеги — и на ромеев, что за Дунаем, и на славян, что сидят в предгорье и на нижнем Дунае. Не зря говорят: Паннония — земля-кормилица, земля-благодать. Как же быть с ней, и как — с лангобардами, союзничками? В Паннонии остались, пока ходил с лангобардами на гепидов, роды аварские. Что же, забирать их теперь? А куда? Не станет ли тогда тесно аварам на завоеванной земле? Тем более что и гепиды, уцелевшие от резни и сдавшиеся на милость победителя, остались здесь.

Велико желание Баяна сделать землю Паннонии своей, но не меньше и сомнения, ведь лангобардов тою же хитростью, какою взял он гепидов, не проведешь. Ученые. И кто знает, как повернулось бы все, что взяло верх в его помыслах, если бы на помощь ему неожиданно не пришли сородичи, остававшиеся до сего дня в Паннонии. Что-то они не поделили там с лангобардами, а вернее говоря, чем-то там лангобарды не захотели поделиться с ними. Схватили кого-то из аваров на своем подворье, когда тот пытался угнать скотину, и убили, как татя. А прощал ли кто из аваров когда-нибудь, кому-нибудь кровь своих сородичей? Поднялось целое стойбище и напало на лангобардов. Ясное дело, никого не помиловали. Если бы в это время не появился король лангобардов и не стал между враждующими, сеча могла бы разгореться в такой костер, что роды просто переколошматили бы друг друга.

Баяну сразу же сообщили: король Албоин прислал к нему посольство, не иначе, как с жалобой на бесчинства аваров. Что же ответит послам? Пообещает угомонить зачинщиков? А если король лангобардов захочет большего?

— Велите, пусть войдет посол от лангобардов, — распорядился Баян. Когда же посол приоткрыл полог и остановился перед ним, собираясь с духом, каган опередил его, заговорил сам: — Что случилось? Какая причина заставила брата моего, короля Албоина, обратиться к услугам слов?

— Беда, достойный. Роды наши не мирят меж собой.

Лангобард был или уж слишком обижен тем, что случилось, или не хотел, чтобы его перебивали, — заспешил, рассказывая то, о чем каган уже знал и без него.

— Ну и как? — Баян сделал вид, что не на шутку встревожен. — Угомонили татей?

— Угомонить угомонили, да надолго ли? Если бы не король, не его мудрое слово, встали бы род на род. Вот почему наш предводитель велел напомнить тебе, достойный: пора увести аварские роды из Паннонии. Сеча с гепидами завершилась, отныне у аваров своя земля есть.

— Будто я не увел их?

Сол не поверил тому, что услышал, возразил:

— Однако не всех, и далеко не всех.

Каган впал в раздражение.

— А если некуда их всех брать? Я же вернул часть пленных гепидов в свои семьи, велел им обрабатывать землю, за защиту их от чужеземцев они будут платить мне половину всего. Как иначе я прокормлю свои турмы! Вот и скажите королю: на какое-то время все останется, как есть.

— Между нами уложен договор. Каган обещал уйти сразу после окончания дела.

— Тогда обещал, а сейчас не обещаю. Кто знает, как еще повернется с гепидами. А если император вынудит нас уйти отсюда?

Сол удивленно поднял глаза. Что же скажет он королю? Напрасно надеяться, что авары сами уйдут из Паннонии? Что им, лангобардам, надо самим позаботиться, как выжить со своей земли аваров? Но как, каким образом?

Не знал и король Алвоин, что делать с такими союзниками и их каганом. Свирепел и злился от ярости, но ярость еще никому не прибавляла мудрости.

— Отныне, — повелел, — ни в чем не уступать аварам! Слышали?! Надо им устроить такую жизнь, чтобы сами думали, как им поскорее унести ноги отсюда.

Что еще надо тем, у кого руки чешутся? Лангобарды устраивали засады и охотились на татей, как на зверя, а уже поймав на татьбе, не пощадили ни одного. Дело дошло до настоящего похода, немало аваров побили, немало и своих потеряли, но все-таки вытурили асприйский сброд из одной, потом из другой, из третьей марки. Погнали бы их из Паннонии и дальше, но каган выслал наперерез свои турмы. А с турмами уже не тот был пир. Пришлось идти к кагану с повинной.

Авары повинную приняли, и даже на мир между племенами согласились, но роды свои вернули обратно на те же земли. И тут уж на татьбу ходить не стыдились, и если брали что с огорода или подворья, то брали подчистую.

Лангобарды жаловались королю, прося защиты. Но что мог король, если понимал: с его силой ему не взять верх над аварами. Оставалось только жалеть, что выбрал себе такого союзника. И все же, кайся не кайся, а надо было на что-то решаться.

Однажды Алвоин созвал своих советников. О чем они говорили, никто не знает. Единственное, о чем кто-то обмолвился, так это то, что — «Король с нами, и боги за нас, ждите». И лангобарды терпеливо ждали, надеялись. Так прошел год, потом другой. А на третий авары разбудили своего кагана ни свет ни заря с тревожным криком.

— О великий и мудрый, смилуйся и пощади! Не посмели бы тревожить тебя, но вынуждены: лангобарды снялись всеми родами, захватили свои пожитки и пошли на северо-запад.

— Куда, зачем?

— Говорят, будто покидают Паннонию. Идут на поиски другой земли.

— Кто говорит? Сами лангобарды?

— И лангобарды тоже.

Каган сбросил с себя покрывало, кинулся одеваться, не попадая второпях в рукава.

— Так это, может быть, самое лучшее, — пробормотал, — что могло послать нам от щедрот своих Небо!.. Узнайте точно, — приказал, — куда идут, зачем и все ли покидают Паннонию. И не трогать. Следите, пока не исчезнут за границами, но не трогайте.

XII

Те, кто уверял его, что отныне Паннония будет принадлежать аварам и только аварам, были, однако, далеки от истины. Лангобарды действительно ушли из Паннонии, с ними ушли и те германские племена, которые были заодно с лангобардами. А вот паннонские славяне как сидели здесь, так и остались сидеть.

— Они платили лангобардам дань? — спросил Баян своих советников.

— Да. Лангобардам они давали треть урожая, треть приплода и другого промысла.

— А много ли их, славян паннонских?

— Точно неизвестно. Но когда лангобарды шли вместе с нами на гепидов, славян среди них было восемь тысяч.

— Это еще ни о чем не говорит. Предводитель у них есть?

— Да. Князем называют, хотя князь этот и рыбачит вместе с поселянами, и за плугом ходит.

Баян как будто не придал этому значения. Сказал.

— Все равно. Какой есть, такого и зовите.

Авары с князем не церемонились. Пришли и сказали:

— Иди, каган наш хочет говорить с тобой.

Славянский предводитель не удивился. И возражать не стал. Возможно, потому, что молод был, а может, и понимал: куда денешься? Он только усмехнулся и спросил:

— Повелевает прийти или просит, чтобы пришел?

Аварам не понравилось это, но все же поостереглись срывать на нем свою обиду. Во-первых, славянин был великаном, а во-вторых — каган велел-таки звать его.

— Повелевают подданным, — сказали. — А ты пока не подданный.
— Ну, если так, то приду. Только не сегодня и не завтра, а где-то на третий день.
— Почему?
— Сам гостей принимаю.
Вернулись к кагану без славянского князя. Дрожали. От хана по такому случаю всего можно ожидать. Но Баян довольно спокойно выслушал своих посланцев.
На третий день князь встал перед каганом во весь свой богатырский рост.
— Слыхал, ты хотел видеть меня, князя словенов, — представился таким образом. — Это я и есть, князь Вирагаст.
Баян оживился.
— Хотел, хотел видеть тебя, князь. Удивляюсь и никак не пойму, почему союзники твои, лангобарды, снялись и ушли из Паннонии, а ты с родами остался, а?!
Князь, похоже, догадывался, что услышит нечто подобное, во всяком случае — не удивился.
— А почему мы должны идти за лангобардами? Мы на своей праотчей земле сидим. Зачем же нам искать другую, если своя есть? Учти и то, достойный предводитель аваров: лангобарды нам не родичи. Как пришли когда-то в нашу землю, так ушли теперь. Мы же как сидели, так и будем сидеть.
«То ли жизнь его еще не учила, то ли чувствует за собой большую силу», — думал тем временем каган и внимательно присматривался к словенину.
— Паннония принадлежит теперь нам, а значит, и люди, что остались в Паннонии. Это не пугает тебя, роды твои?
Предводитель словенов помолчал, в свою очередь, пытливо изучая Баяна.
— А если не захотим?
— Тогда идите за лангобардами или еще куда.
— Какая же повинность будет на нас, если останемся под аварами?
— А такая... — хотел сказать: как и при лангобардах, но сдержался. Словенин, назвавшийся Вирагастом, чем-то нравился ему. — Лангобардам вы платили дань?
— Да.
— Мне не будете платить, если согласитесь ходить на моих недругов вместе с моей ратью, выставляя всякий раз восемь-десять тысяч воинов.
Вирагаст спросил:
— А как часто ходить придется?
— Не чаще, — усмехнулся Баян, — чем будут подрастать новые воины в наших родах.
Было о чем подумать, но все же Вирагаст молчал недолго.
— Я согласен, достойный. Но с одним условием.
— Каким?
— Будем ходить с тобой на всех, кроме своих сородичей.
— Это ты о ком?
— О славянах.
— Только склавины или и анты?
— И те, и другие.
Баян начал испытывать раздражение.
— Так не будет, князь. Повинность есть повинность, ее не делят на «хочу» и «не хочу».
— Мы делим, каган, на «можем» и «не можем».
— Это все равно.
— Тогда бери дань и освобождай нас от походов. Земля наша, и мы не уйдем с ней, даже если придется всем полечь за нее в сече.
Каган долго смотрел на молодого предводителя словенов и молчал. Наконец сказал:
— Ладно, я подумаю.
Спешить ему было некуда: словены у него под рукой, как захочет — так и сделает, может даже перебить всех до одного. Однако, чем больше думал, тем больше убеждался в том, что не убьет. Во-первых, родам его сейчас не тесно, во-вторых, — и это, может быть, самое главное — он знал, что славяне — прекрасные воины. И мечники у них не хуже, чем у обров, и щитоносцы несравненные. К тому же они хорошие разведчики, незаменимые проводники в лесах, знают речные броды, умеют строить лодьи, мосты. Его воины не приспособлены к этому. Единственное, что они могут — переть вслепую, брать врага на меч и сулицу. Славяне ему еще пригодятся на переправах, и особенно в тайной разведке. Не лучше ли ради этого уравнять их во всем с аварами? Коли докажут свою верность, явят усердие — пусть так и будет, а нет — сдерет с них три шкуры и сделает конюхами.

XIII

Следующее лето, а потом и зима были для аваров и достаточно сытыми, и спокойными. Весной же каган снова вспомнил о посольских делах.

— Готовь свою братию, Кандих, поедешь к императору ромеев. Путь неблизкий, у тебя будет время подумать, что сказать ему, но знай: на этот раз ты добьешься того, что упустил в прошлый раз.

— О великий!..

— Не спеши падать духом. Ныне и мы не те, и император другим будет. Мы теперь не просто говорить будем, а можем, коли захотим, и потребовать своего. Император вынужден будет считаться с тем, что авары живут уже на своей, а не на ромейской земле. Мало того — мы стали его ближайшими соседями. Так вот, когда объявишься в Константинополе, перед императором не ползай, хоть ты и умеешь это, а держи себя независимо. Пусть ромеи почувствуют, что авары не были у них рабами и конюхами и не собираются ими быть. Когда это дойдет до них, тогда и все остальное скажешь. Тогда выскажешь императору наше возмущение тем, что империя, которая звала нас на службу, брала на себя определенные обязанности, теперь отказывается от них; что она, вопреки законам, забрала крепости Сирмий и Сингидун, которые были гепидскими и должны теперь принадлежать аварам. Больше того, империя взяла под свою защиту короля гепидов Кунимунда, многих его герцогов и баронов. Скажешь императору, каган и его турмы требуют возвратить крепости на Саве и на Дунае и всех перебежчиков-гепидов. Если это наше требование будет удовлетворено, если император будет платить аварам хотя бы то, что платил император Юстиниан, да еще то, что предназначалось когда-то утигурам как дополнительная плата за ратные услуги, то авары, как и утигуры, подвластные аварам, останутся друзьями и союзниками ромеев. Если же нет, то авары, скажешь, пойдут на ромеев походом. Понял, чего добиваюсь я от императора?

— О да...

— Вот и сделай все возможное и невозможное, чтобы стало так, как говорю. Без этого лучше не показывайся мне на глаза.

Кандих и не показывался — почти до середины лета. Полозом вился все это время вокруг императора, слал к

кагану гонцов, чтобы Ясноликий знал, как идут переговоры. А само сольство все не возвращалось и не возвращалось.

Каган лютовал. Был бы Кандих под рукой — не сносить ему головы, но Кандиха не было, другие расплачивались за его неудачи. Когда же, наконец, он вернулся из Константинополя, да еще ни с чем, Ясноликий, похоже, перегорел в гневе и ограничился лишь тем, что отстранил старого от посольских дел. Странно, что он не схватился сразу за меч. Не иначе, как вынашивал какие-то новые планы. Это не обещало ничего хорошего его советникам. Зато большинство аваров были довольны тем, что каган их сидит в шатре, а не в седле. Люди давно уже не испытывали такой радости от того, что вместо меча и сулицы они пасут коней, принимают по весне новорожденных жеребят, телят, ягнят, что во дворе бегают ребятишки, не плачут старики и жены. Два года мира дали столько, сколько не дали им семь лет едва ли не беспрерывных походов — от степей за Широкой рекой до Днестра, от Днестра до Скифии, а от Скифии — снова за Дунай, в Паннонию. Воистину, такой мудрый предводитель, как каган, послан им самим Небом. Ведь это он привел их на такую щедрую землю! И Небо благословило его выбор, послав им бесчисленные стада коров, отары овец, табуны коней. К тому же, есть ли в какой другой земле такие девы, что сравнились бы своей красотой с гепидскими, многие из которых стали женами аваров. Разве было когда возможно такое при других предводителях?

— О Небо! — авары благоговели перед высшей силой, ниспославшей им такие щедроты.

— О великий и мудрый предводитель! — воздавали они должное Баяну. — Ты — посланец Неба, наша опора на этой благодатной земле! Живи себе долго на утешение нам и детям нашим!

Тишина порождала покой и радость в сердце, надежду на будущее. И Небо словно услышало обращенные к нему мольбы. Минул год, как Кандих возвратился из ромеев, минул и другой и, третий, а там и пятый пошел, — каган, который только то и делал, что угрожал ромеям, все не зовет аваров в поход. То одно мешает этому, то другое, да и как иначе — ведь против воли Неба даже Каган не может идти. На другой год после разгрома гепидов у его родилось пять сыновей и три дочки, еще

через год — четыре сына и четыре дочки, потом два года подряд рождались только сыновья. Как мог Ясноликий вопреки обычаям рода кровавить меч, когда в стольном стойбище появлялись один за другим новорожденные, когда рожали любимые жены — те, что были у него до похода, и те, которых заимел после похода в землю Гепидскую. Каган только и успевал, что сзывать гостей да устраивать пиры по этому поводу. Мог ли Ясноликий думать о мести, о расплате, о блеске золотых ромейских солидов, когда род звал к веселью?

Однако и время не ждало. На смену лету приходила зима, на смену зиме — лето, рожденные не так давно дети становились по воле Неба отрочатами, отрочата — отроками, отроки — мужами. Каган, может, особенно и не задумывался над этим, да случилось на одном из пиров, которым и счет потерял, неприятная стычка: жена-аварка что-то не поделила с женой-утигуркой и схватила ту за косы. На крик обиженной матери встали ее сыновья, а против тех — сыновья жены-аварки. В конце концов буянов развели, утихомирили, а вот каган после этого случая никак не мог успокоиться.

— Где твои турмы? — спросил хакан-бега, явившегося по его зову.

— По стойбищам, повелитель.

— Сколько же в них воинов?

— Много больше, чем было до сечи с гепидами.

— А обленившиеся, такие, что дуреют с жиру, есть?

Хакан-бег Атель не мог понять, куда клонит повелитель, но и скрывать правду не стал.

— Есть такой грех, особенно среди тех, кто обзавелся стадами коров и табунами, оброс детьми и челядью.

— Труби сбор, пойдем на Сирмий.

Сбор протрубили и турмы собрали быстро, но идти на Сирмий каган передумал. Он отделил двадцать турм и приказал двигаться на соседнюю Далмацию, незадолго перед тем покоренную Византией после упорных и изнурительных схваток с готами.

Советники кагана были удивлены. Почему так? Зачем Ясноликому нищая, разоренная Далмация? Не лучше ли было бы повести турмы в богатую Фракию? Когда же в Далмации объявились собранные со всего Иллирика провинциальные когорты и стали теснить аваров, советники и вовсе опустили руки. Что случилось с Баяном? Он что, совсем разучился думать?

Каган, почувствовав косые взгляды сородичей, позвал к себе предводителя паннонских славян.

— Что скажешь мне, Вирагаст, если велю тебе перекинуть мост через Саву?

— Дашь две седмицы, будет тебе мост.

— Пусть так, но не больше, понял?

— Да.

— Но язык держи за зубами. Даже когда пойдем на Саву, ни один человек не должен об этом знать. В назначенное время я буду там.

Вирагаст понимал, выполнить обещанное будет не так просто. Это же не коней из чужого табуна увести. Надо идти лодьями по Дунаю в Сингидун, а от Сингидуна вверх по Саве. И все — против течения. Да еще чтобы никто не заметил. А лодьи разве спрячешь от любопытных глаз? Единственная надежда — на темную ночь, да еще на то, что каган медлить не будет. В конце концов, он рискует славой непобедимого предводителя. А Сирмий с суши не взять. Только с реки можно подступиться к крепости. Если, конечно, повезет, и если мост через Саву навести за одну ночь, да еще в ту же ночь и турмы перебросить на противоположный берег. Крепостные стены по Саве, которую гепиды считали своей защитой, гораздо ниже тех, что со стороны поля. Вирагаст знал это, он же и посоветовал кагану напасть на Сирмий с реки. На свою голову, выходит, посоветовал. Ну, да и кто еще, как не словены, смог бы в одночасье переправить через Саву воинов кагана вместе с конницей?

Когда наступил последний день перед штурмом Сирмия, Вирагаст, затаившись в прибрежных зарослях, проверил, все ли сделано, чтобы и кагана оповестили, что славяне готовы к переправе, и чтоб ромеи не заподозрили, что рядом прячется наплавной славянский флот. Замысел его был прост: закрепить напротив Сирмия все сорок лодий так, чтобы они плотно стали бортами одна к другой. Если удастся сделать это незаметно (а повезти должно, его воинам не впервой наводить переправу), река уже не будет преградой. С низкими бортами, опалубленные лодьи станут деревянным мостом, по которому всадник может промчаться вскачь.

Чтобы замысел его не сорвался из-за какой оплошности, Вирагаст, ожидая Баяна, по темноте переправил на противоположный берег своих мечников и поставил их

на всякий случай как заслон от ромеев. Береженого, говорят, боги берегут, так почему и не поберечься?
Проследил, чтобы лодьи были надежно подогнаны одна к другой, чтобы крепки были лини, связывающие их, прочны сходни. Когда все было готово и прибывший к этому часу каган взошел на мост, чтобы убедиться в этом, Баян удивился искусности словенов, а когда, уже вместе со своими турмами, оказался по ту сторону реки — повернулся к Вирагасту и сказал:
— Авары не забывают таких услуг. Будешь достойно отблагодарен мной, предводитель словенов. А сейчас найди хакан-бега и скажи ему: пришел наш час.
Ромеев оказалось в Сирмии немало. Когда они высыпали, поднятые нападением, на стены, казалось, что крепость похожа на разбуженный муравейник. Несладко пришлось бы тем, кто шел на штурм Сирмия, если бы оборона проснулась раньше и успела наладить метательные машины, разжечь огонь под котлами со смолой. Но проспали они свое время. Единственное, что им оставалось теперь — стать против аваров грудью и сражаться, пока хватит сил.
Ромеи не ждали пощады от аваров, падали под ударами мечей, но не отступали. На что надеялись? Что могли сделать несколько их когорт, если аваров шла тьма? Шли пешие и конные. А отступать было некуда.
Когда они наконец осознали свое положение, выбросили белый флаг и сложили мечи — их почти уже не осталось. Авары остановились, но ненадолго. Опьяненные кровью, они пришпорили коней и бросили их на скученные под стеной остатки защитников Сирмия. Кто-то из пленных закрывался руками, кто-то молил о пощаде — напрасно. Удобно было отсекать голову — отсекали, заслонялись без меча руками — отсекали руки.
Каган, увидев это, прокричал громовым голосом:
— Остановитесь! Вы не понимаете, что делаете. Это же пленные! Они сложили мечи, сдались на вашу милость.
Дождавшись тишины и порядка, обратился к ромеям:
— Стратиги, центурионы среди вас есть?
— Есть, — один из пленных вышел вперед.
— Пойдешь и скажешь императору: все, что случилось здесь, — плата за неуважение к нам, аварам. За то, что не признали нашего права на Сирмий. И всегда будет так, — показал на убитых, — с теми, кто пренебрегает

нами, хочет сделать нас своими конюхами. И еще скажешь такое: каган Баян в последний раз напоминает империи: если она хочет жить с аварами в мире, пусть платит то, что обещано императором Юстинианом, пусть выдаст нам всех, кто в вине перед нами. Если же Юстин и на этот раз не исполнит нашу волю, Сирмием не кончится — на Константинополь пойдем!

XIV

Византия, как и любая другая империя, не считала убитых на поле брани. Она знала: на все ее ратные промыслы, на удержание в покорности захваченных недавно земель необходимо шестьсот-семьсот тысяч мечников и щитоносцев. Если их становилось меньше, а главное — заметно меньше, тогда вспоминала и об убитых, ведь их надо было заменить живыми. При царствовании Юстина Младшего разговоры об этом не сходили с уст как стратегов, так и самого василевса: в легионах империи оставалось лишь сто пятьдесят тысяч воинов.
Трудно было упрекать в этом живых, потому громы и молнии сыпались на покойников, прежде всего на Юстиниана Первого. Это он довел империю до такого состояния: посылал легионы в Иран или Армению и оставлял там, посылал в Африку, Италию — и все словно в прорву. О пополнении не заботился, надеялся на варваров, бросал им солиды из казны, вместо того чтобы искать воинов у себя и формировать свои легионы. Упреки сыпались и на сенаторов — это они курили покойному императору фимиам, это они говорили, что на то мы и империя, а не какое-нибудь княжество, чтобы не думать об утратах, это они утверждали, что народу у нас — как безбрежное море. Сколько надо — столько и наберем, когда надо — тогда и возьмем. И вот результат: какие-то несчастные авары взяли Сирмий, а теперь угрожают самому Константинополю.
— Это что же они позволяют себе? — не столько спрашивал, сколько негодовал Юстин Второй. — Надо бросить все легионы и вышвырнуть наглецов за границы империи!
Никто не посмел спросить у императора: а кого выставлять против аваров, если все палатийские когорты или в Италии, или в Египте, или в Иране воюют. Об этом скажут позднее — не под горячую руку, да и

не обязательно императору. У аваров свыше ста тысяч конных воинов, у ромеев же — кот наплакал. Если не раскошелить императора, не потрясти его казну, чтобы на золото набрать хоть пятьдесят тысяч, империя, похоже, одним Сирмием от варваров не откупится.

С такими мыслями, с неясными надеждами на кого-то и на что-то, стратеги, наверное, и ушли бы от Юстина Второго, если бы он не пожелал услышать от них, кто и какой силой конкретно угомонит аваров. Тут и пришлось им сознаться: такой силы у империи нет.

— Как это прикажете понимать? — удивился император.

— Отборные палатийские легионы, василевс, брошены на персов, другие в Италии и Египте, где без них тоже не обойтись. Те же, что под рукой у нас, обров не осилят.

— Так соберите нужное войско. Казна даст солиды, а людей в империи хватает — ими море можно загатить. Наберите легионеров, вымуштруйте их хоть кое-как, обратитесь, наконец, к кому-то из варваров, чтобы помогли своей ратью, но проучите обров так, чтобы забыли и след к нам. Если каждая собака будет угрожать Византии, что это за империя?

Воля императора — закон. Взяли все, что можно было, у метрополии, отозвали когорты из провинций — Фракии, Македонии, на выделенные казной солиды собрали новые легионы и тут задумались: разгромить аваров так, чтобы и думать забыли об империи, сил еще маловато, а вот попробовать возвратить Сирмий можно. Надо было только решить, кто поведет войско на аваров.

— А чего тут гадать? Я поведу.

Это был известный в палатийском войске стратег, приближенная к императору особа — Тиверий. Воюя с персами, он сумел заманить их в расположение ромейских легионов, окружил и почти без боя заставил сложить оружие. В другой раз Тиверий сам ворвался в персидскую крепость, под которой всем уже надоело стоять, устроил там переполох и в панике, охватившей персов, малой силой захватил крепость. Все это говорило больше о молодецкой удали и личной отваге Тиверия, чем о его способностях стратега, умеющего командовать не когортами и манипулами, а легионами. Но когда надежды на успех почти нет, а похваляющийся, что возьмет верх над аварами, есть, кто будет возражать и доказывать, что для

этого нужен другой? Одни промолчали, другие обрадовались, что нашелся охотник, да и благословили смельчака на подвиг.

На пути от Константинополя до Дуная Тиверий пополнил свои легионы новыми когортами. Когда подошел к Сирмию, силы его были довольно внушительны. Оставалось узнать, где сейчас каган и его турмы и что он замышляет против него, Тиверия. Причина раздора — Сирмий, но надо ли идти на крепость всем войскам? Мощные стены могут оказаться и неприступными. Что тогда? Стоять и ждать, надеясь взять твердыню измором? А не ударит ли тот измор по его легионам?

Решил не торопиться. Его легионерам так или иначе нужен отдых. Пока будут отдыхать, он пошлет к аварам разведчиков. А когда получит нужные сведения, тогда окончательно и определится.

Разведчики проникли к аварам (в том числе и в Сирмий) довольно легко — под видом продавцов товаров, скупщиков бычьей кожи и овечьей смушки, просто как бродяги в поисках куска хлеба. И данные принесли, по всем признакам, достоверные. Не принесли лишь утешения: каган уже знал, кто ведет против него легионы, где находится, и держал свои турмы наготове.

Надежда на внезапность отпала. Придется принять сражение с аварами в поле. Тиверий прикидывал, где выгоднее стать — перейдя реку под Сирмием или опереться на Сингидун и ударить со стороны Сингидуна? А если и там, и там?

«Проклятье! — впервые шевельнулось в нем сомнение, похожее скорее на раскаяние. — Зачем взялся за это дело, если не был ни на Саве, ни на Дунае?»

Мысленно кидался то в одну, то в другую крайность, а остановился на том, чего и сам от себя не ожидал. Поскольку каган знает, кто вышел против него и с какой силой, почему не начать дело с переговоров?

Мысль эта казалась Тиверию настолько убедительной и очевидной, что он тут же собрал сольство и отправил его к аварам. Думал, Баяну ничего другого не останется, как взвесить все «за» и «против» и уйти из Сирмия. В конце концов, ведь Сирмий вообще не нужен аварам, если каган пренебрег даже лангобардским Нориком и не сделал его своим стольным городом. Как стоял на Гепидской земле стойбищем, так и стоит. Сольство шло с наказом кагану: «Обещайте ему: «Я, Тиверий, приложу

все усилия разума и сердца, а склоню императора к мысли жить с аварами в дружбе и платить им обещанное — восемьдесят тысяч солидов ежегодно, если каган выведет из Сирмия свои турмы и передаст его законным хозяевам — ромеям».

Тиверий верил в ожидаемое и надеялся. А дождался едва ли не обратного. Каган сказал, выслушав слов: «Было бы лучше, если бы Тиверий привез солиды, а не обещания. Сирмий могу освободить, однако не раньше, чем император выплатит нам долг за эти годы и выдаст всех, кто виноват перед нами». И этим сказал все: мирно Сирмия не отдаст, Сирмий надо брать силой.

Ну что ж, чему быть, того не миновать. Еще бы только знать, как выиграть сечу. Все же, думал Тиверий о себе, он одолел персов, а не вонючий обрин. Самих персов, а это что-нибудь да значит!..

Тиверий объехал и осмотрел окрестности, послал дальние разъезды, прикидывая, что можно сделать, чтобы выиграть сечу еще до того, как она начнется, но ничего путного не приходило в голову. Это не на шутку разозлило его и раззадорило. «Я все же ромей и Тиверий! — убеждал сам себя. — Не может быть, чтобы не перехитрил тебя, Баян».

От своих разведчиков знал, что авары не отсиживаются в стойбищах, возле жен и коней, а рыщут по эту сторону Дуная, приглядывают за ним. Ну что ж, тем лучше. Он открыто пойдет на Сирмий — пусть каган убедится: его цель — Сирмий. А когда у того исчезнут и последние сомнения в этом, оставит под Сирмием мечников и лучников, всех же остальных бросит за Дунай, пустит гулять по аварским стойбищам. Так, чтобы только пепел остался от их шатров и кибиток, чтобы печалью и плачем рассеялось аварское племя по долинам. Пусть ломает тогда каган голову, пусть думает, где взять турмы, чтобы и народ защитить от огня и меча, и Сирмий сохранить за собой. Наверняка каган не выдержит, снимет часть турм из-под Сирмия и бросит их против конных ромейских легионов. Страх будет стоять за плечами кагана и его воинов, а страх врага — это его, Тиверия, надежный союзник.

Разведчики Баяна видели, что Тиверий идет на Сирмий всей силой. Они не досмотрели, когда византийский стратег, осадивший Сирмий, тайно отправил часть своих легионов на переправу через Дунай, — известие об этом

пришло, когда византийская конница кинулась опустошать аварские стойбища. Но у кагана хватило духа, хватило и турм преградить им дорогу. Когда же легионы Тиверия в нерешительности остановились, каган сказал одному из своих самых сообразительных терханов, Апсиху:

— Возьми любые турмы, возьми сколько хочешь и сбрось тех, что под Сирмием, в реку!

Апсих подумал. В глазах его сверкнул холодный стальный блеск.

— Дай, Ясноликий, хотя бы одну турму из верных тебе.

— Всего лишь?

— Остальные возьму у хакан-бега.

— Будь по-твоему.

Апсих знал: каган верит ему. Уже и который раз посылает на самое опасное дело, туда, где ждет или слава, или смерть. А если так, пусть каган убедится, что не ошибается в нем, пусть убедится еще раз и, может быть, навсегда.

Когда Апсих подошел к Сирмию и увидел, что тучи заволакивают небо, он остановил утомленного быстрым переходом коня. Ненастная погода была ему сейчас кстати. Дождь загонит воинов Тиверия в укрытия, а это ли не самый подходящий момент, чтобы появиться в их лагере неожиданно?! Как стемнеет, ударит по ромейскому табору.

Небо помогало Апсиху. Тучи клубились, опускаясь все ниже и ниже, а ночью прогремел гром, полыхнули молнии и хлынул дождь. Не дождь — настоящий ливень.

Непогода обманула Тиверия. Он был уверен, что в такой ливень запертые в Сирмии авары не осмелятся на вылазку. О том же, что с поля может упасть на его лагерь другая сила, он и подумать не мог. Авары ударили столь мощно и столь стремительно, что только самым стойким посчастливилось добежать до реки и переплыть на другой берег.

Пришлось Тиверию спешно отзывать те легионы, что ушли ранее за Дунай. Баян и этой ошибки не простил ему. Авары настигли легионеров у Дуная и навязали сечу. А где это видано, чтобы те, кто мысленно уже видел себя по ту сторону реки в полной безопасности, был способен достойно противостоять врагу? Чудом спасшиеся остатки ромейских легионов представляли столь жал-

кое зрелище, что только сумасшедший мог надеяться на их силу.

Тиверий, когда добрался наконец до Константинополя и стал перед императором, так и сказал ему:

— Это дьявол. До тех пор, пока не сможем бросить на него все палатийское войско, надо платить солиды и как-то мириться. Иного выхода нет и будет ли когда-нибудь, никто не знает.

Император метал громы и молнии, и больше всего на Тиверия, упрекая, что тот начал с обмена сольствами, что оставил у Дуная едва ли не все ромейское воинство, а не принес ничего, кроме позора. Но прошло несколько дней, император поостыл и согласился с советом Тиверия: уже сам собрал сольство и послал его к аварам искать согласия.

Что-то долго не было их обратно, слов. Стали побаиваться: ничего не выездят, придется новых готовить и посылать на другой конец света — к персам. С персами замириться легче, возьмут занятые там легионы и уж тогда бросят на аваров. Однако послы вернулись, и вернулись на коне: они там обломали рога этой сатане в человеческом облике. Ведь этот наглец захотел, чтобы империя выплатила ему солиды за все годы с тех пор, как умер император Юстиниан. Они говорили ему: «Ты же с тех пор не оказывал услуг империи, за что она должна платить тебе? Неужели за то, что разгромил союзных с ней гепидов и сел в ее городе-крепости Сирмии?» Слушать не хотел: или — или. Пока не пустились на хитрость: встретили франкского гостя, который возвращался из Константинополя и хотел посетить кагана, и не поскупились на солиды, только чтобы убедил Баяна: ромеи мирятся с персами, двадцатилетней войне пришел конец. После этого Баян стал сговорчивее и наконец сломался: «Пусть будет по-вашему, — сказал, — за прошлые года не платите, а за этот и следующие — по восемьдесят тысяч солидов». Пришлось взять с него клятву: вернет Сирмий и станет на Дунае, как страж интересов императора и его империи.

— Присягал по-своему, — хвалились, — на мече, присягал и на Библии.

— Вот это, может, и плохо, — насторожился император.

— Почему?

— А потому, что ложь это. Что варвару Библия и какой у него долг перед Библией?

— Мы иначе думали: что нам его присяга? Важно, что увидим за ней.

— И что увидели?

— Похоже, был искрепен. Особенно, когда присягал по-своему. Поднял меч и сказал, обращаясь к Небу: «Если я что-то против греков задумаю, пусть этот меч убьет меня и весь народ мой убьет до последнего, пусть Небо падет на нас, и леса, и горы. Пусть река Сав выйдет из берегов и поглотит нас в водах своих».

Император подумал, а немного погодя сказал:

— Готовьте ему дело. Пусть не думает, что будет получать солиды задаром.

XV

Дело такое не заставило себя ждать. Правда, уже без Юстина Второго. На четырнадцатом году пребывания на престоле он занемог, и так сильно, что признал необходимым отказаться от солценосной короны в пользу царицы Софии и Тиверия Константина — того самого, который позорно бежал от аваров под Сирмием. Сев на трон императора в Августионе и оглядевшись, Тиверий вспомнил о договоре с аварами и стал снаряжать к ним слов.

— Возьмите с него присягу, — сказал своим нарочитым, — на верность новому императору. Для надежности договор с ним подпишите заново — точно такой, какой он подписывал с Юстином Вторым.

— Будет сделано, достойный.

— А когда возьмете присягу, напомните ему, что только калики перехожие едят дармовой хлеб. Пусть найдет повод и ударит на склавинов. Эти варвары совсем обнаглели. Есть сведения, что они снова готовят вторжение в наши земли. Каган должен упредить их.

Кто-то из сенаторов осмелился заметить:

— Твое мудрое решение, василевс, достойно внимания и уважения. Его надо исполнить. Но склавинов, говорят, собирается тьма-тьмущая, до ста тысяч. Если авары не преградят им путь, нам придется несладко даже за Длинной стеной. Не пообещать ли аварам еще чего?

— А именно?

— Выплатим им или пообещаем выплатить, если пойдут на склавинов, за год вперед?

— Нет, этого не следует делать. Разве не видите, что авары и без того распоясались. Сделаем по-другому. У покойного императора, кажется, было сольство от турецкого падишаха Турксанфа?
— Да, было.
— И что они хотели?
— Турки недовольны, что империя приютила аваров, их конюхов. Когда-то падишах покорил их, но они убежали от него. Слы падишаха говорили: если империя не выгонит аваров за свои границы, то Турксанф достанет их и у Дуная. Так и сказал: «Авары не птицы, чтобы, паря в небе, избежать турецких мечей; они и не рыбы, чтобы нырнуть и исчезнуть в морской пучине. Они по земле ходят. Как расправлюсь с эфталитами, доберусь и до аваров».
— Вот это все и скажите слово в слово Баяну. И добавьте: «Империя останется верной договору, если союз наш в самом деле будет крепким». Остальное каган поймет сам.
Он и понял, наверное. А может, даже рад был, что ему напомнили о склавинах — кто знает. Во всяком случае, раздумывал он недолго. Позвал слов, которых возглавил уже Таргит, и их устами сказал склавинам: «Покоритесь нам по доброй воле и платите дань. Если же ослушаетесь, придем и возьмем силой намного больше».
У склавинов, которые сидели на нижнем Дунае, старшим среди князей был Лаврит, в летах уже, однако и он рассмеялся, выслушав аваров.
— Ваш каган не сказал случайно, с какой это стати?
— С той, что имеем силу, которая заставит платить.
Лаврит нахмурился и порывисто встал.
— Скажите своему кагану, — и он дословно повторил аварам, что сказали кагану в свое время анты, — скажите ему, пусть посмотрит получше вокруг: родился ли и живет ли под солнцем человек, который покорил бы себе нашу силу. Не кто-то нашим, а мы привыкли владеть чужим. В этом уверены, пока на свете есть мечи и есть где сражаться. А теперь идите прочь, мы не желаем говорить с такими.
И снова слы падали Баяну в ноги, взывая к мести за поругание имени и чести, но Баян не поднял в тот год свои турмы на склавинов. Хмурился, слушая слов, сцепил зубы от злости, однако не поднялся, не показал мечом в ту сторону, где склавины. То ли на что-то надеялся, то ли чего-то ждал. А на следующую весну склавины собрали ополчение и сами хлынули через Дунай, в земли Византийской империи. Они устроили такой переполох сначала во Фракии, а потом и у греков, что император вынужден был бросить против них все, едва ли не до последнего легионера, и тут уж, конечно, он не раз вспомнил об аварах.
«Империя вот уже сколько лет подряд, — выговаривал он Баяну через нарочитых, — исправно платит тебе, каган, и твоим родам солиды. Взамен же не получила до сих пор ничего. Ныне настал час показать, на что способны твои турмы, насколько верны своим клятвам. Славяне с нижнего Дуная вторглись в наши земли стотысячной ратью, опустошили, совершая поборы, Фракию, достигли уже и греческих полисов. Повелеваем: бросить — и немедленно — все свои турмы на славян и спасти от очевидной погибели граждан наших в префектуре Восток. Склавины не ожидают удара в спину, для них мечи твоих сородичей станут божьей карой за безбожные их дела».
В ответ Баян горячо сочувствовал ромейскому народу и обещал слам: он пойдет на склавинов и покарает их. Разумеется, он умолчал о том, что сам, еще не сняв меча, уже предвкушал победу над теми и над другими. Более удобный случай поквитаться с ромеями, а заодно и со склавинами вряд ли представится. Уж если сам император повелевает ему, чтобы пришел в земли империи и поквитался со склавинами, то он, каган, хоть самим Небом может присягнуть: лучшего не придумаешь. И погуляет вдоволь, и добычу возьмет такую, какой авары еще никогда не видели.
Собранный им совет был самым коротким из всех.
— Ты, Атель, бери тридцать турм и иди во Фракийскую землю. Ты, Апсих, пойдешь к склавинам, что на нижнем Дунае. Тоже возьмешь тридцать турм. С остальными я останусь пока здесь — защищать покой родов наших.
Апсих принял повеление Яснодикого спокойно. Он знает, куда и зачем ему идти. Атель же смотрел на кагана и умоляюще, и испуганно.
— Достойный! Их же сто тысяч склавинов. Что я против них со своими тридцатью?
— Думаешь, они все будут ждать тебя в одном месте?
— Так не думаю, а все же...

— Нападай только на тех, что будут возвращаться с добычей и с пленными. Для этого и тридцати турм достаточно. Кстати, — предостерег, — пленных не убивай, отправляй к нам, лишь небольшую часть из них передай ромеям, чтобы император знал: мы верны его повелению. Все остальное, что возьмешь у склавинов — коней, скот, паволоку, золото — отправишь с надежной охраной в мое стойбище. У ромеев ничего не бери, кроме еды для воинов и фуража для коней. С нас, думаю, хватит и того, что возьмут у них склавины. Поход трубите сегодня же.

Помолчал, ожидая, не возразит ли кто, потом сказал:

— Жду вас с победой и зову Небо в помощь вам.

XVI

По правде говоря, у Апсиха могло быть больше возражений Ясноликому, чем у Ателя. Куда справедливей было бы не разжиревшему на овечьих курдюках Ателю, а ему, молодому и ловкому терхану, идти во Фракию и делать там то, что велено Ателю. Ну да ладно, он обойдется. Червячок обиды шевельнулся в нем и затих. Ведь Апсих — избранник Баяна, и поскольку Ясноликий велит так, значит, так надо. К тому же, пораскинув мозгами, он понял, что и ему будет что брать и у кого брать. У склавинов на Дунае есть и кони, и тучные стада, есть и паволока, и солиды припрятаны. Но он и мертвым умеет развязывать языки, от него ничего не спрячут.

Перейдя Тиссу и увидев первые поселения склавинов, Апсих сразу же дал понять им, кто идет. Запылали халупы, залаяли псы, заревела брошенная на произвол скотина. Кричали, взывая о помощи, люди, особенно те, кто поймался на аркан и долго не мог понять, что за страшилище и откуда свалилось на их головы.

Но чем дальше уходил любимец Баяна в землю склавинов, тем сильнее нарастал холодок в сердце: никто не становился ему на пути с мечом и сулицей, но никто не ждал его и в селениях — не было ни склавинов, ни их скарба. Кто спрятался в плавнях, кто убежал в лес или в горы. Обры, сколько ни рыскали вокруг, ничего не могли отыскать. Разве что очумевшая скотина встречалась кое-где, а из склавинов — такие старые пни, которые не то что бежать, а и ходить были уже не способны.

— Где народ ваш? — спрашивали их с озлоблением.

— Убежал.

— Куда?

— Откуда мне знать? Сели на коней и подались, а куда — спроси у ветра, может, он знает.

Что взять с такого? Сначала били до смерти нагайками, а потом и гневаться перестали — бесполезно. Оставалось одно — надеяться: бесконечно так длиться не может, где-нибудь да настигнут беглецов. И гнались за беженцами, как за тенью, натыкаясь изредка на брошенные стада и отары, — скот был изможден и явно не успевал за конными склавинами.

— Надо перекрыть им все пути, — приказал Апсих терханам. — Выделите сотни разведчиков на самых быстроногих конях, пусть отрежут склавинов от гор.

Терханы согласились, что это мудрое решение, и поспешили его исполнить.

— Будьте осторожны, — наказывали они своим сотникам. — Скачите быстро, но так, чтобы вас поменьше видели. Вы должны свалиться склавинам как снег на голову, тогда в страхе они бросят все, что у них есть с собой, только чтоб унести ноги.

Но беда пала на головы самих обров. Те, что уцелели и вернулись, рассказывали, что они успели выйти к горам и преградить путь склавинам раньше, чем те объявились там. Да только усиленная разведка склавинов сумела выследить аваров и накрыла их всех, сонных.

Апсих рассвирепел. Его, доблестного и непобедимого, обвели вокруг пальца!.. Он готов был всех склавинов, до единого, разорвать в клочья. Но когда подошел к горам, сам убедился, что здесь он уже не отыщет беглецов. Тут каждый камень, каждый выступ скалы мог стать засадой. А вот его турмы, чего доброго, будут хорошей дичью для склавинов. В общем, было ясно, что в горах склавинских богатств ему не видать. Оставалось стать где-нибудь лагерем и рыскать серым волком по долине, отыскивая тех, что попрятались. Не могли же они все утечь в горы!..

А к Ателю Небо было более щедрым. Уже первая встреча со склавинами дала ему больше, чем он мог надеяться. Как вороны на добычу налетели его турмы на охрану, сопровождавшую пленных, — те и за мечи не успели схватиться, как были растоптаны. Когда стихли последние стоны, Атель и все, кто был с ним, не удержались, чтобы не поднять очи к Небу и не воздать хвалу

Небу: на фракийских долинах стоял обоз в несколько сот возов, нагруженных разным добром, тут же и табуны объезженных коней, стада коров и отары овец, которым счету не было. А вдобавок — и ромейские пленные, может быть, самая ценная добыча.

— Авары! — кричали там и тут опьяневшие от удачи обрины. — Небо с нами! Небо за нас!

«Это так, — думал, слыша эти крики, хакан-бег Атель. — Оно с нами с тех пор, как послало нам Ясноликого!»

Считать то, что взяли у склавинов, Ателю не было нужды, но надо оберечь добро, пока его не расхватали жаждущие поживы турмы.

— Из склавинов есть кто живой?

— Ни одного, предводитель.

— Найдите мне среди ромеев такого, который знает, что в возах.

Такой скоро и сам выискался. Показал, где паволока, где вина из погребов епарха и из монастырских припасов, где яства разные, где золото из церквей, солиды из скитницы, драгоценности.

У каждого предводителя есть свои надежные и доверенные люди, а у стратига, терхана — когорты, турмы. Были они и у Ателя.

— Сумбат! — позвал он. — Бери все добро под свою охрану. То, что надлежит воинам, я отдам им сейчас, а остальное ты со своей турмой должен доставить целым и невредимым в стольное стойбище и передать кагану.

— Достойный! — стал просить терхан. — Воины мои, как никто другой, жаждут сечи. Им погулять хочется. Пусть кто другой возьмет на себя это дело.

— Делай, что велено! — нахмурился Атель и выехал перед турмой. — Воины! — лицо его повеселело, голос оживился. — Только что вы показали себя достойными родов своих и этим еще раз подтвердили: против нас, аваров, никто не может выстоять. Сила наша неодолима, мы непобедимы!

Ликующие крики волнами катились от турмы к турме, но хакан-бег понимал, что не ради похвалы вышел перед ними.

— Посмотрите, — показал он рукой туда, где стояли возы и толпились пленные, — все, что склавины добыли себе потом и кровью, стало нашим. Вы, может, думаете, что вам просто повезло? — спросил, чуть усмехаясь. — Вы крепко держите броню в руках, но удача идет только к тем, кого ведет прозорливый предводитель, который знает, как сделать, чтобы добыча досталась малой кровью. Когда склавины напали на Ромейскую землю, император, имея договор с нами, повелевал нам идти и победить склавинов. Каган согласился с ним, но Ясноликий живет своей мудростью. «Ищите, — сказал он мне, — тех склавинов, которые возвращаются с добычей, и возьмите их добычу. Отнимая у склавинов завоеванное ими, мы заставим их убираться восвояси».

Это был один из давних обычаев аваров: хакан-бег не скрывает от воинов свои замыслы, рано или поздно он должен выйти перед ними и сказать, чего хочет. Они ждали, что и сейчас хакан-бег скажет им все, что повелел мудрый каган, но он вдруг перевел разговор на другое.

— Даю вам сутки, — сказал после недолгого молчания Атель, — на пир. Вина и яства из обоза, сколько ни съедите и ни выпьете — ваши. Но все, что останется от веселья, вверяю воле и суду кагана нашего, Ясноликого Баяна. Он лучше всех распорядится пленными и богатствами, как отец поделит между нами все, когда вернемся из похода.

Турмы ликовали, не было конца здравицам кагану и хакан-бегу. Расчувствованный Атель не скупился на вино, знал: выпитое — капля по сравнению с тем, что они взяли и что может быть разграблено своими же. Пусть, думал он, пьют, но пусть и помнят, что эта добыча не последняя. Ведь пока дойдет до предводителей склавинов, что их обозы поступают в чужие руки, пока убедятся, что это не слухи, его турмы отпразднуют еще не одну удачу, еще не один полон будут делить, как ныне: нам — наше, кагану — каганово. Думая так, хакан-бег не скупился, пил со всеми, со всеми воздавал хвалу Небу за щедрую награду. Но когда уже все перепились, свалились кто где, как убитые, Атель, вместо того, чтобы идти в шатер спать, позвал терханов, стоявших со своими турмами на страже, и повелел:

— А теперь наведите порядок в обозе и сосчитайте все, что осталось.

Те вытаращили глаза.

— Разве это возможно?

— Все возможно. Возьмите в свидетели терхана Сум-

бата и считайте. Он должен передать полон и ответить за все, что поручаем ему, перед каганом.

Повеление предводителя — повеление Неба, но как посчитать все это?

— А так, — подсказал один из терханов, когда предводители турм остались одни, без Ателя. — Посчитаем, что па возах, а остальное можно и на глаз прикинуть.

— Вам лишь бы легче и побыстрее, — возразил Сумбат. — А мне потом как быть? Слышали, что велел хакан-бег? Отвечаю головой.

— А мы тебя не обидим, — успокоили его терханы.

На том и порешили. Когда же доложили хакан-бегу, сколько и какого добра осталось в обозе, тот не удивился быстрому их счету. Только спросил Сумбата:

— Ты сам видел все и согласен?

— Да, предводитель.

— Тогда поднимай свою турму, забирай обоз, полон — и в путь.

Сумбат возразил:

— Но как, достойный? Турма пила наравне со всеми, спит мертвецким сном.

— Ничего, в пути протрезвится. Весь полон должен отойти прежде, чем остальные проснутся и вспомнят, что в обозе есть вино.

Глаза терхана округлились — он все понял и вид его, кажется, говорил: «Великие истины доступны только разуму великих. Слушаю и повинуюсь».

Атель потому и стоял на высшей — после кагана! — ступеньке в каганате, что был витязем среди витязей, имел не только твердую руку, но сметливый ум, зоркий глаз. Ведь это он в свое время подсказал кагану, как управиться с утигурами и кутригурами, и это благодаря ему авары не были окончательно разбиты в жестокой сече с антами. Когда уже все шло к тому, он пожертвовал несколькими своими турмами и пустил на них чуть не всю антскую силу, сам же тем временем зашел антам в спину и пошел крошить, вырубать, топтать застигнутое врасплох, еще не обученное толком славянское ополчение. Это вызвало панику среди антов, их боевые дружины повернули к своим на выручку. Авары воспользовались этой сумятицей, чтобы унести ноги. Может, поэтому Баян именно его, Ателя, а не Апсиха послал во Фракию — тут ведь почти вся сила склавинов, ни много ни мало, а сто тысяч. Если они, кончив громить ромеев, повернут коней на аваров, которые уже всадили им нож в спину, то не Апсих, а только он, Атель, сможет управиться с такой силой.

Уверенность добавляет твердости, а твердость множит надежды. И Атель надеялся, что все идет как надо, победа и слава ему обеспечены, а с ними и почет среди достойных из достойнейших. Одно только беспокоит: какое-то смутное сомнение кольнуло его, и он, отправляя обоз, уже в последний момент потребовал от Сумбата и его терханов присяги на верность долгу. Почему? Разве они не давали ее перед походом?

Спит его табор, сморенный хмелем, но не спится хакан-бегу. Хоть и закрыл веки, гонит непрошеные мысли, а прогнать не может: неужели сбудется тревожное предчувствие?

Мог ли знать он тогда, что позор ляжет на его голову? Мог ли предвидеть, чем все обернется?

Ясноликий, вопреки тому, что думал о себе Атель, куда большие надежды возлагал на любимца Апсиха. И когда пришли люди от Апсиха, упали к его ногам и сказали: «Выйди, великий и мудрый, посмотри, какой полон идет из Склавинии», — он тут же вскочил в седло. Недолго гнал коня — полон был уже на подходе к стойбищу. Но и недолго ждал он, пока стадо из коров и овец пройдет мимо, оставив за собой жалкий клубок пыли.

— Терхан Апсих велел передать тебе, Ясноликий, — сказали нарочитые от Апсиха, — что склавины повержены. Наши воины прошли от Дуная до Карпат...

— И это все, что взяли в Склавинии? — возмутился каган. — А где кони, где скарб, хлеб, наконец? Где люди склавинские?

Ему торопливо объясняли, вставляя слова между его ругательствами и проклятиями: склавины хитры, они не оказывают сопротивления, а забирают все, что можно, и убегают в горы, в плавни, в дебри лесные. Однако они, воины Апсиха, терханы, уверены, что далеко не убегут — рано или поздно будут настигнуты. Вот тогда и доставят всю добычу пред очи своего повелителя.

— Передайте Апсиху, — процедил Ясноликий сквозь зубы, — я недоволен им.

Могли ли нарочитые возвратиться с такой оценкой подвигов Апсиха? Они хватались за соломинку, чтобы как-то выгородить своего предводителя:

— Склавиния вся в огне. Пожары эти видны, кажется, до самого Константинополя, а это тоже не последнее дело.

— Однако и не первое, — побагровел Баян и, пришпорив коня, поднял его на дыбы, круто развернул и погнал в стойбище.

Много дней никого не допускал он к себе. Ночью навещал жен, отсыпался у них, днем садился на своего Вороного и, умчавшись на крутой берег Дуная, вглядывался в даль, что за Дунаем. Возможно, ждал добрых вестей из Фракии, а может, и побаивался, под впечатлением неудач Апсиха, за тех, кого послал во Фракию.

Как-то челядники разыскали его в стойбище и даже осмелились побеспокоить там, где беспокоить не велено.

— Не гневайся, Ясноликий, — сказали ему, — но есть утешительные вести: воины Ателя разгромили склавинов, шлют тебе первый и. надеются. не последний обоз.

— Где он?

— На пути к стойбищу, достойный.

— Кто доставил?

— Тархан Сумбат.

— Зовите ко мне.

— Он далеко отсюда, с обозом. Об этом сказали его нарочитые.

На этот раз Баян выехал без видимой радости. Наблюдал с коня за стадами, которые прибыли и прибывали на луга вокруг стойбища. Когда же увидел, что коням едва хватает места на лугах, а коров и овец все гонят и гонят мимо шатров в поле, лицо его просияло, глаза загорелись радостным огнем. Наконец показались возы со скарбом, а с ними и сопровождение вместе с Сумбатом. Выслушав, какая сеча была во Фракии со склавинами, какой полон достался аварским турмам, Баян облегченно вздохнул и сказал, что хочет оглядеть обоз. Остался доволен, видя заботливо прикрытые от непогоды паволоки и шелка, монастырские вина и заморские яства. Но вот дошло дело до золота из церквей, солидов из скитниц, драгоценных украшений ромейских красавиц, и каган заподозрил неладное. Он смерил тяжелым взглядом терхана, и тот понял, что взгляд этот не сулит ему ничего хорошего.

— Каким было повеление хакан-бега?

— Доставить все в целости и сохранности.

— И ты доставил?

— А как же. Ночи не спал, достойный, днем не позволял себе расслабиться, чтобы не прозевать чего. Посылал сотни вперед обоза, чтобы глядели в оба. Вдруг склавины задумали бы перехватить полон.

— Так почему же сам запустил руку в это богатство?

Сумбат побледнел.

— Достойный, — едва вымолвил он. — Моя совесть не позволяет мне слышать такое.

— Что, неправду говорю? Кто, кроме тебя, в ответе за богатства?

Терхан назвал сотника и нескольких воинов.

— Поставь их передо мной.

Те не замедлили явиться пред очи кагана.

— Обыскать, — негромко приказал Баян.

Охрана тут же взялась за дело. Вывернули карманы, ощупали калансувы, заставили разуться и показать чадиги. Нашли у троих, и нашли не пустяк — зашитые в одежду драгоценные камни.

— У других тоже должно быть, — не успокоился каган, — ищите дальше. В седлах, в конских гривах, даже в хвостах ищите, они не поодиночке брали — вместе, потому и делили на всех.

Он никогда не ошибался, их мудрый и всевидящий каган, не ошибся и в этот раз. Сотник, как показалось ему, надежно спрятал брошь с рубином в гриве, другие надеялись, что никто не станет спарывать седла или попоны, чтобы искать там драгоценности.

— Построй свою турму, — повелел каган ошеломленному Сумбату. — И поставь перед нею этих татей. А вы, — повернулся к охране, — зовите народ. Будет суд.

Народ подходил не задерживаясь. Турма же как стала, так и стояла, онемев. Воины видели, в чем обвиняют тех, кто стоял перед ними уже без мечей и луков, без украшений и убранства каждого — калансувы. Гнева кагана страшились и правые, и виноватые, но виноватые думали еще и о том, как спасти себя от позора и кары. Разве не затем шли они в поход, чтобы получить что-то? Может, сказать, что приобрели все у ромеев, а не украли из обоза? Сказать можно, а как доказать это? И кто поверит?..

— Воины мои! — раздался суровый голос кагана. — Я посылал вас на трудное дело, угодное самому Небу — наказать склавинов за гордыню и непокорство нам, стать в помощь императору, который платит нам

солиды, и платит исправно. Многие из вас честно исполнили свой долг: в первой же сече нанесли склавинам сильный удар, захватили богатый полон, который по праву стал общей добычей аваров. Хвалю за это и воздаю вам должно! — Каган поклонился и после почтительной паузы продолжал: — Однако о другом печаль моего сердца. Среди вас нашлись отступники, тати ненасытные. Они забыли законы предков: добыча принадлежит всем. Они посягнули на ваше добро, воины, и на ваше, — повернулся в сторону толпы, — люди. Смотрите! — показал нагайкой. — Вы увидите, до какого позора они дошли, какой грязью облили нас с вами!

Он повернулся к верным, и те по одному его взгляду поняли, что им делать: вывели перед всеми коней татей и показали, где прятали те украденные драгоценности. Турма пристыженно молчала, народ же начал возмущаться.

— Какую кару заслужили они? — спросил каган.

— Позор и смерть! Родам — позор, этим — смерть!

— Будь по-вашему! — Баян махнул рукой, и этого было достаточно, чтобы верные налетели вихрем и, накинув на обреченных арканы, со свистом и гиканьем потащили в поле.

От скоротечности свершившегося суда возбужденное негодование толпы вдруг оборвалось, сменившись неловкой тишиной. Даже те, кто только что требовал смерти, невольно вздрогнули от ужаса страшной, беспощадной расправы над своими же. От кагана такого не ждали. Однако молчание людей не поколебало Баяна.

— Что скажет нам предводитель этих собак, которые опозорили нас всех? Я тебя спрашиваю, Сумбат!

Терхан сделал шаг вперед, но не посмел поднять глаз на кагана. Баян ждал.

— Путь был долгим и утомительным, — сказал наконец Сумбат. — Я не мог усмотреть за всеми.

— Не мог или не хотел?

— Не мог, достойный.

— А если я докажу обратное! Какую кару должен избрать тебе?

— Какую определил всем.

— Ты сам решил... Подведите его коня, — повелел каган. — И обыщите, как обыскивали других.

Верные кагана усердствовали как могли, но старания их ничего не дали.

— Этого не может быть, — не поверил каган. — Ищите еще.

Снова искали, но результат был тот же. Баяна разбирала злость.

— На себе прячешь? — спросил он Сумбата.

— Я — витязь, — вспыхнул Сумбат, — между прочим — доверенный терхан хакан-бега. Это каган должен бы знать и не позорить мое имя, тем более на людях.

Возмущение было искренним. Такого, кажется, еще никто не позволял себе в разговоре с каганом. А что, если Сумбат и вправду к татьбе не причастен?

— Если ты невиновен, — сказал каган, — я возьму этот позор на себя. Тебя вознесу тогда перед всеми как честного мужа. И все же, это будет потом. А сейчас иди в шатер, пусть верные сделают свое дело до конца.

Обыскивали его недолго. Скоро вывели из шатра и показали кожаный пояс, из тайников которого вынимали и вынимали драгоценности. Сумбат молчал. Ни слова не сказал и Баян. Он выхватил меч и с маху отсек терхану голову.

— Засолите эту неразумную башку, — бросил верным, — и отошлите хакан-бегу. Пусть знает, кто у него в почете.

XVII

С тех пор как сыновья отправились со старейшинами на всеантское вече, князю Волоту стало что-то не по себе. Давили стены в остроге, раздражали громкие голоса, ржание коней в стойлах, досаждала даже суета челяди.

— Воеводу Стодорка ко мне, — велел он, и когда Стодорко переступил порог, со смутным беспокойством в душе спросил, что слышно с границ земли Тиверской.

— Ничего. — Стодорко пожал плечами. Он видел, что князь осунулся за последние дни. что-то, видно, гложет его, но что — об этом он не догадывался. — На границе с кутригурами тихо.

— А что из-за Карпат слышно?

— Обры в горы идти не решились. Будто бы отходят. Ограбили склавинские веси и грады, сожгли все, что можно сжечь. Теперь возвращаются.

— Не пойму что-то, — рассердился Волот, — будто бы — или на самом деле так? Ушли обры из Склавинии или уходят?

— По правде говоря, главные силы обринов ушли, прослышав, что склавинская рать возвращается из ромеев. В Склавинии остались только те турмы, которые считают, что мало награбили.

— А точно ли, что склавинская рать возвращается из ромеев?

— Возвращается.

— Выходит, обры свое сделали. Вынудили Ардагаста прекратить поход на ромеев. А ведь он собирался расколоть твердый орешек — Фессалонику.

— А что, она ему сильно нужна была?

— Думаю, что да. Если бы Фессалоника стала склавинской — это значило бы, что склавины утвердились во Фракии и Иллирике. А это — второй Константинополь у Теплого моря. Ардагаст на нее и целился. И теперь, говоришь, возвращается. Из-за обров. Удар в спину всегда самый больной... Я чего позвал тебя, — сказал после раздумья. — Тошно мне что-то в стольном городе, поеду на днях в Соколиную Вежу. Бери себе в помощь Добролика и оставайся в Черне за меня. Ромеям, думаю, не до нас сейчас, но за обрами смотри в оба.

— Слушаю, князь.

— Еще одно. Пора Добролика и Радима, когда возвратится, приучать к княжьему делу. Я еду надолго, может, на все лето.

— Будет сделано, князь. Об этом не беспокойся.

Когда Стодорко выходил из терема, Волот, словно только теперь заметив, как постарел за последние годы его воевода, подумал: «Надо бы уже другого поискать для Черна. Кто-кто, а воевода должен быть стоглазым и в полной силе. Да, надо, но когда человек столько лет служил тебе верой и правдой, разве скажешь ему: ты не нужен больше? Пусть будет. как есть. Хотя бы пока сам не попросится на покой».

Поговорил перед отъездом с сыном, дал ему нужные наставления, потом только сказал жене, чтобы собирала меньшего, Остромира, и готовилась в путь.

Она понимала, что князь живет лишь надежой, что в Соколиной Веже воспрянет духом, что там вернутся к нему силы. Может, ему и впрямь станет там лучше?! Все-таки с Соколиной Вежей связаны лучшие дни и годы их долгой жизни.

— Волот, а поедем с нами, на возу? — Она заглянула ему в глаза, как только она и умела заглядывать.

— Нет, ласковая моя, — он сразу подобрел и отплатил за ласку улыбкой. — Пока на ногах, буду в седле держаться.

Однако же велел оседлать себе не боевого коня, а смирную кобылицу.

В Соколиной Веже, как приехали. вместо отдыха пошел с Остромиром осматривать подворье, радуясь, что все сам показывает сыну. Лишь после ужина угомонился, сел при свечах в кругу семьи.

— А ты, Остроумко, не был без меня на Веже? — спросил сына.

— Нет, не посмел.

— А я в твои лета на самый верх забирался с братом, кормил соколов, да и ловил их когда-то для дела. Счастливые то были дни, сынок, светлые.

«Состарился мой муж», — вздыхала Миловида, украдкой поглядывая на него. Думала, в Веже князь успокоится, а он и на другой, и на третий день брал сына, а то и ее, звал то в поле, то в лес, и все говорил, гово-

рил без умолку, вспоминал детство, перебирая день за днем, кажется, всю свою жизнь. Да и ее жизнь тоже. Когда оставались вдвоем с ним, он обязательно припоминал, осматриваясь:

— А мы были здесь с тобой, Миловида, помнишь, когда только поженились и тешились своим счастьем, благодарили Ладу, что не обошла нас своей долей...

— И там тоже, и там, — улыбалась она. — В Соколиной Веже нет такого места, которое не напоминало бы о прошлом. О хорошем...

— Да. Вежа — наш рай с тобой. Тут родились шестеро наших сыновей, тут они вырастали, тут стали на ноги, тут сказали впервые — «мама». Я, признаюсь, радовался им, может, больше, чем ты. А без тебя, казалось, и жить бы не смог. Ты — и радость, и утешение мое. Тяжки были порой труды княжьи, что шли на жертвенник земли и народа тиверского, но с тобой у меня и силы прибавлялось, и как бы крылья вырастали...

Миловида, слушая, и радовалась его словам, и трепетала беспокоясь: не надорвал бы себя переживаниями, встречей с прошлым. Но нет, не это надломило князя. Возвратились из Волына сыновья — Радим и Светозар, рассказали, что было на вече, кого выбрало оно князем-предводителем земли Трояновой.

— Как, Келагаст — и князь-предводитель? — возмутился Волот и прямо-таки на дыбы стал. — Это по какому же праву, если он вообще не князь, а только зять княжий? Я же говорил тебе. Радим, тянуть руку за Острозора! Почему допустил такое? Почему не предупредил об этом росичей, уличей?

— А что я мог, если князь Острозор сам отказался в пользу нашего Светозара?

— Отказался? Да он что, в своем уме? И почему в пользу Светозара? При чем тут Светозар?

— А при том. Вече пожелало знать, кто из двух князей — Келагаст или Острозор — самый достойный. Светозар был противником им обоим и переял славу и победу — вече и нарекло его князем-предводителем. Старейшины, особенно дулебы, встали против этого решения стеной. Тогда Острозор и сказал: пусть предводителем будет пока что Келагаст, а первым советником у него — Светозар. Молодость, мол, не порок, скоро пройдет, а нам достойный князь будет.

Волот все никак не мог успокоиться.

— Ну а ты, — накинулся на Светозара, — ты чего полез не в свое дело?

— Да сначала так, отче, — Светозар улыбнулся, — из любопытства, а потом дело вроде само пошло. Да и князья понуждали к тому. Больно уж глуповаты.

— А ты умен?

— Да не так, чтобы очень, а все же одолел их, как видите.

— И что же дальше будет?

— Келагаст сказал: «Едь к отцу своему, набирайся лет да разума при отце-матери». А я так думаю: если засяду тут, то не много уже наберусь. Потому и хочу просить вас, отче, и вас, матушка: отпустите меня на все четыре стороны.

— Как это?

— Лучше всего, если бы вы дали мне несколько сотен солидов и отпустили в Константинополь. Купцы, у которых я покупал книги, говорили: там есть школа высших наук. Пока молодой, пока силы есть и охотка, поучился бы там. Князю это не помешало бы.

— Кто тебя возьмет в ту науку?

— Были бы солиды. Да и вы, отче, попросите императора.

Князь и слышать об этом не хотел.

— Пустое надумал. Письмена знаешь — и хватит с тебя. Иди к дядьке да учись держать меч в руках — это самая лучшая наука.

Светозар насупился, видно, обиделся на отца.

— Жаль, что не понимаете меня, отче. Тогда я другой путь выберу.

— Какой еще?

— Через седмицу-другую в Черне обещали быть люди перехожие — гусляры. Пойду с ними по земле Трояновой. Пока обойду всю — много увижу, еще больше услышу, а это тоже наука.

— Да ты что, сынок! — побледнела мать. — С каликами перехожими хочешь идти. Разве можно? Можно ли самому-то выбирать себе стезю обездоленных? Или у тебя другого пути нет?

— Да вроде и нет, матушка. Куда отец посылает, сердце не лежит, а до того, что вече определило, — не дорос. Остается только в калики перехожие и идти, если боитесь в Константинополь отпустить.

— Ох, горе-горе. Отче, вразуми его!

Из-за этого несколько дней не знали в доме покоя. Князь и княгиня и так, и этак, а Светозар свое. Пришлось звать из стольного города советников, решать вместе, как быть.

— А почему бы и вправду не послать его в Константинополь, если уж так стоит на своем?

— Кто его там знает, кто его в науку возьмет?

— Виталиан знает. К нему надо и обратиться.

У князя уже не было сил возражать и спорить. К тому же мысль о Виталиане показалась ему обнадеживающей. Так и сказал Светозару, когда позвали его:

— Вот что, молодец, пошлем на днях гонца в ромейские Томы. Есть там человек, который может позаботиться о тебе в Константинополе. Если согласится на это, быть по-твоему, поедешь учиться. А нет — останешься при мне и будешь учиться у меня.

Светозар согласился, но это уже не успокоило Волота. Что-то словно надорвалось в нем с того дня, как возвратились сыновья с веча, и что ни день, его заметнее гнуло к земле, он слабел на глазах.

«Это я причинил ему такую боль», — винясь, думал Светозар, но и уступить, отказаться от желанной мечты было уже выше его сил.

— Вам, отче, наверное, из-за моего непослушания плохо? — однажды осмелился-таки спросить он князя.

— Э-э, — отмахнулся Волот. — Если бы только эта забота! Не надо было мне отказываться, надо было ехать на вече и становиться на прю с недоумками. Что натворили, что наделали...

Чтобы не бередить сердце отца, Светозар не посмел спросить, что же они натворили, — узнала, а может, сердцем почувствовала это мать и как-то сказала сыну:

— Я не против, сынок, чтобы ты поучился у ромеев, но, может, подождал бы какое-то время?

— А что?

— Отец твой, когда звали, отказался быть князем-предводителем в земле Трояновой, а теперь казнится этим. Уедешь сейчас — не прибавило бы это горя ему.

— Но отец же согласился!

— Согласиться-то согласился, да обидно ему будет, что ты ослушался, другой стезей пошел.

Светозар поморщился.

— Ох, матушка! Как пересилить себя! Не могу я делать противное сердцу дело.

— А ты наступи на сердце. Хоть на время, пока отец станет на ноги.

— До следующего лета?

— А далеко ли до того лета? Потом я и сама стану тебе в помощь.

Говорила одно, а думала, может, и знала другое. Увы, не о выздоровлении князя шла речь. Волот быстро чахнул, и скоро наступил день, когда он сам понял: оттоптал свою дорожку, — и позвал жену, сыновей к себе.

— Плохо мне, — сказал уже через силу. — Скачите, сыновья, в Черн, передайте воеводе мое повеление: пусть сзывает совет старейшин в Соколиную Вежу. Хочу сказать свое последнее слово, а сил уже нет. Скачите немедленно. А ты, жена, останься.

При детях Миловида еще как-то держалась. Когда они вышли, она порывисто упала на грудь Волота и зашлась рыданием. Казалось, резала себя по живому, сама не зная, зачем это делает.

— Не оставляй меня! — пересилила наконец свои рыдания. — Молю, прошу тебя, не оставляй!

Князь бессильно гладил ее всегда причесанные, сейчас сбитые в порыве отчаяния волосы.

— Успокойся, радость моя. Не трави сердце. Знаешь ведь, не по своей воле пойду — праотцы зовут. Слушай, что скажу, пока мы одни и пока силы есть говорить.

— Я не смогу без тебя! — Миловида подняла голову, и он увидел ее пронзенные болью глаза и умытое слезами лицо. — Я тоже пойду с тобой.

— Вот об этом я и хочу поговорить. Знай, радость моя, ты была мне здесь, в земной жизни, дороже всего на свете. С тобой я узнал, что такое блаженство, утешение, величие и красота. Я уверен, больше, чем ты дала мне от щедрот своих, уже и нельзя дать. Чем отблагодарю тебя за все? Только тем, что скажу тебе: в Вырай за мной не ходи. Положи в наших родах начало новому обычаю: жена не должна уходить из жизни вместе с мужем, ей надо жить ради детей. Посмотри, сколько их! На кого оставим? Кто даст им совет? Пока есть силы, ты, моя милая, дашь им совет. Ты — христианка, и кому, как не тебе, подходит начать новый обычай? Кто знает, может, это и будет еще одна твоя лепта, самая весомая, которая в корне переменит в грядущем всю жизнь народа тиверского. Таково мое повеление. Старейшины будут знать об этом, я скажу им.

Миловида словно не слышала, что говорил муж. Она плакала, убивалась, потом, поняв, что слезами горю не поможешь, побежала и принесла студеной воды, напоила его, прося не думать о смерти. И чего о ней думать! Она, жена его, Миловида, все время будет рядом с ним, шагу не отойдет, а вдвоем они, глядь, и одолеют эту губительницу...

Он грустно усмехнулся, она же поняла эту улыбку как одобрение ее слов. Значит, подумала, есть надежда. И хлопотала, не смыкая глаз, и в конце концов убедила себя, что князь поднимется. Так прошел день, потом другой, третий, — она отошла от него, только когда старейшины прибыли в Соколиную Вежу.

В тереме их собралось не так много, но это были самые знатные, самые старшие и уважаемые в родах. Входили они важно, степенно, кланялись князю, садились. Перекинулись несколькими словами о том, о сем, наконец умолкли все, давая понять: будет говорить самый старший.

— Это что же ты надумал, князь? — с отеческим укором, но дружелюбно начал старейшина. — Недавно водил на сечу рать, с сольством вон куда ходил, а теперь отходный совет созвал? До ста тебе далеко, еще мог бы и не спешить.

— Растратил я свою силу, старейшины, в сражениях, в походах ратных. Да и сколько отдано ее заботам о народе нашей земли... Времена были не из лучших — беда погоняла бедой. Вот и вымотало мою силу. Чую, последние дни доживаю, и хочу знать: кого вы хотели бы видеть князем в земле нашей?

Старейшины, опустив глаза долу, отмалчивались. Однако не долго.

— Мы не хотели бы никого другого, кроме тебя, — поднялся и сказал старший из них. — Но раз ты так уверен, что не можешь уже быть нашим князем, должны думать, кого выбирать. Сознаюсь, князь, твой сын предупредил нас, куда едем и для чего. Потому заранее советовались и вот к чему пришли. Во-первых, прими от нас земной поклон, — он низко поклонился князю, — и благодарность сердечную за труды твои добродетельные на благо земли Тиверской и народа тиверского. Ты заслужил от него великую благодарность и должен знать об этом, отходя.

— Трудился как мог.

— Не всякий, князь, трудился так до тебя, не всякий будет трудиться так и после. Одно то, что анты благодаря тебе, во всяком случае, благодаря тебе прежде всего вот уже больше сорока лет не знают раздоров между собой и не воюют с ромеями, многого стоит. А сеча с обрами... Знали бы, как отблагодарить лучше — отблагодарили бы. Сейчас же прими от нас поклон и слово наше: в знак признательности нашей и в угоду всем нам — князем после тебя будет один из сыновей твоих. С этим выйдем после на вече и на том стоять будем.

— Спаси бог. Кто же из моих сынов у вас на примете?

— Обычай велит сажать на стол старшего. Думаем, так и будет. Радим у тебя муж достойный. Остальных тоже не обидим.

— Светозар хочет пойти к ромеям в науку. Посодействуйте ему, если не передумает.

— Будет сделано, князь.

— Еще об одном буду просить и просить смиренно: жена моя Миловида пусть не идет со мной в небытие. Оставляю ее с детьми и повелеваю: пусть присмотрит за ними, даст им совет без меня.

— Твое слово — закон, князь.

— Будет вече — скажите всему народу: там, в Вырае, я был бы утешен, если пример княгини Миловиды станет обычаем всех родов наших. А еще знайте...

Хотел, видно, сказать, чтобы не обижали жену, как христианку, но вдруг дернулся раз, другой, потом вытянулся и затих.

XVIII

Предводитель всей Склавинии князь Лаврит сидел высоко в горах и хорошо видел, что делается в долинах — как в ближних, так и в дальних, куда пошли вождь словенов Ардагаст и вождь белых хорватов Мусокий. Авары хотя и затопили собой Придунавье, но им не удалось, как ни старались, перехватить гонцов, что пробирались из Карпат за Дунай или из-за Дуная, от Ардагаста и Мусокия. Уж если никто не мог помешать славянам ходить в чужие земли, то кто может помешать им ходить по своей земле! Плохо только, что вести, принесенные гонцами, не радовали князя Лаврита. Рати Ардагаста и Мусокия прошли далеко, чуть не до Теплого моря, а добиться того, на что рассчитывали, вряд ли смогут. Авары испепелили

дунайские долины по самые горы. Люди просят помощи, требуют расплаты, а сил у Лаврита хватает только-только сдерживать нападение. Чтобы погнать аваров за границы склавинской земли, нужна большая рать, да негде взять ее — надежда только на Ардагаста и Мусокия. И не хотелось бы, а придется отзывать их из похода раньше времени, не дав завершить то, ради чего пошли в ромейские земли.

«Достойные предводители! — передал им через своих гонцов. — Сообщаю вам, что наши усилия, потраченные на захват Фессалоники как тверди, от которой пошло бы заселение земель между Дунаем и Теплым морем, должны быть прекращены, как напрасные сейчас. Обры пришли и опустошили сплошь всю низину между Дунаем и Карпатами, забрали с собой в полон людей и добро наше. В горах мы остановили их, но из долин, кроме вас, погнать их некому. Потому повелеваю: скорее возвращайтесь в землю отцов своих, прогоните обринов и отомстите им за глумление и разор».

Предводители славянской рати в ромеях уже знали, что обры ударили им в спину, и не только в Подунавье, а и во Фракии: нападают на сотни, сопровождающие пленных, забирают боевую добычу. Однако они не предполагали, чтобы удар был такой чувствительный.

— Что будем делать? — Ардагаст прибыл с этой тревогой к Мусокию.

— Другого выхода нет: надо поворачивать и проучить обров.

— Если уж бросать все, что затеяли, только затем чтобы проучить обров, то учить надо так, чтобы перья летели. Понимаешь, о чем речь?

— Надеюсь, сам скажешь.

— Скажу, но не сейчас. Есть одна думка, но пусть она созреет, — засмеялся, — сладок ведь только зрелый плод.

Сказал — с тем и вернулся в свой лагерь.

— Глаз с Фессалоники не спускать, — приказал тысяцким. — Ищите у ромеев слабые места, нападайте, не давайте им покоя, чтобы ромеи не думали, будто мы отказались от штурма крепости.

Сам тем временем разослал разведчиков, чтобы знать, где — при возвращении — обры могут перехватить их. Велел им знать об обрах все, а себя ничем не выказывать. И только когда все разузнал, что требовалось, позвал Мусокия.

— Пришло время, брат, начать новый поход — против аваров. Скажи, у тебя есть полон, и какой?

Мусокий принялся подсчитывать, спросив, зачем это Ардагасту?

— Отдай полон мне. Вернее, на какое-то время надо соединить твоих пленных с моими.

— Хорошо. А что дальше?

— А дальше вот что... Чтобы сбить аваров с толку, сделаем вид, что продолжаем осаду Фессалоники, пусть думают, что наши основные силы как стояли, так и стоят тут. Обоз же и полон пошлем, как обычно, под надежной охраной, но — подчеркиваю: под очень надежной. Авары соблазнятся и бросят на обоз если не всю, то добрую половину своей рати. А когда увязнут в сече с охраной — тут их и возьмем своими тысячами в тиски, чтобы не выпустить уже ни обоза, ни турм аварских.

— Ловко, — согласился Мусокий. — Если все скрытно сделаем, то я аварам не позавидую.

Обоз их как тронулся из-под Фессалоники, так и шел обычным порядком: впереди и с боков разъезды, которые в случае чего должны были предупредить охрану о появлении обров, за головным разъездом шло несколько сот конников при мечах, со стрелами в сагайдаках, с сулицами, за ними — сам обоз с небольшой охраной при возах, потом — пленные, скот, и снова конные, которые замыкали обоз. Они-то и были основной охраной. Шли только днем. На ночь разбивали табор. В общем, если кто наблюдал за обозом со стороны, — видел и немалые богатства его, и обычную кочевую жизнь, ровно как и то видел, где сила, а где слабость сопровождавшей его охраны. Но вот чего не видел никто, так это того, как по ночам, когда обоз отдыхал, тысячи склавинов шли и шли так быстро, чтобы и не опередить полон, и не отстать от него слишком далеко.

На третью ночь разведчики доложили: впереди появились обры, стали заслоном.

Значит, здесь сойдутся и померяются силой.

Обычно, располагаясь на ночевку, табор огораживал себя возами, — так легче было смотреть за полоном и защищаться при нападении. На этот раз, уже в сумерках, пленных и скот незаметно отвели под охраной подальше в сторону. Начнется сеча — не до них будет. Возы же составили не в один, а в два ряда, огородившись ими и спереди, от реки, и от лесных зарослей под горой.

Обры, уверенные в легкой победе, ждали полон на расстоянии двадцати римских стадий. Не дождавшись обоза, выслали вперед своих разведчиков. Те только мелькнули перед возами легкой тенью — опытным глазом они издали определили, что табор уже стал на ночевку. Теперь все зависело от того, что предпримут обры: ударят всей конницей на заслон или пустятся на какую-нибудь хитрость. Было бы лучше, если бы пошли прямо на возы. За ними надежнее обороняться. Да и дольше бы продержались. А тем временем их беспрепятственно обложили бы склавинские тысячи. Правда, для этого склавинам надо сделать немалый крюк, — даже конным на это потребуется не меньше трех суток, зато тогда они выйдут за спину обрам и закроют им выход из предгорья еще одним заслоном. А это половина дела, от которого зависит успех.

Произошло все так, как и думали, да не совсем. Хотя склавины, засевшие за возами, и оборонялись стойко, так стойко, что полегшие перед ними обрины и их кони стали еще одним заслоном, а все же не выстояли. Несмотря на потери, обры были разъярены, упорства и стойкости им тоже было не занимать. К тому же, не пробившись через заслон с ходу, не одолев его и за день, они в ночной вылазке раскидали-таки охрану, опрокинули возы и хлынули в пролом неудержимым конным половодьем.

Что случилось потом, не многим суждено было увидеть. Побив всех, кто был в таборе и попал под руку, обры на том не остановились. Видно, они еще днем разглядели, что это не те богатства, на которые зарились. Те должны быть где-то позади разбитого теперь табора, — со светом они бросились на поиски полона и возов с богатствами. Одни кинулись прочесывать ближайшие распадки в горах, другие пустились по старому следу склавинов.

Сколько ни рыскали, желанного полона так и не нашли, зато неожиданно для себя встретились с заслоном склавинов. Склавинов было столько, что даже видавших виды обров взяла оторопь. Пока они решали, что лучше — пробиваться через склавинов или обойти их, склавины успели завершить обход и запереть аваров в горах. Когда хакан-бегу Ателю сказали об этом, он не поверил.

— Этого не может быть.

— Но это так, предводитель. Склавины обошли нас за

горами. Они отходят от Фессалоники всей ратью, и их здесь тьма.

— Откуда знаете? Кто это сказал вам?

— Сказали склавины, захваченные в плен.

— Все это неправда. Ложь! Вас водят за нос. Сколько склавинов стоит заслоном на подступах к Сардику?

— Не знаем.

— Так узнайте! Скорее всего это из Склавинии подошла к ним помощь. Если так — это не та сила, которой надо бояться.

Атель метался как загнанный в ловушку зверь. Опасался, и все же не верил, что попал в ловко расставленные для него силки. О каком окружении может быть речь, если с ним шестнадцать турм отборных воинов! С такой силой ему никакие заслоны не страшны. Сметет, как детскую запруду на ручье... И все же идти вперед не спешил, ждал, когда посланная им разведка вернется и скажет: «Твоя правда, хакан-бег. Тех, кто преградил нам путь, мало. Мы свернем им шею своими турмами и пикнуть склавинам не дадим». Но долгожданные вести задерживались, гонцов все не было и не было. В конце концов настал день, когда склавинские заслоны расступились, однако не затем, чтобы выпустить аваров, — на них, разворачиваясь, лавами пошли тысячи основных сил склавинов.

Выбора не было. Атель вынужден был вскочить в седло, чтобы вести за собой всегда готовые откликнуться на его зов турмы.

Долина, на которой сошлись конные силы, была если и не широкой, то достаточно просторной для того, чтобы иметь возможность и отойти, и перестроиться, и обойти противника, но выйти из нее мог лишь тот, кто одолеет. Другие пути были заказаны и склавинам, и аварам. У одних за плечами был долг — несмотря ни на что, отплатить аварам за их коварство и разорение своей земли, за плечами других — злая обида за то, что с их самозваным величием не считаются, что их татьбе может быть положен конец. Но теперь, когда Атель и хотел бы быть осмотрительней, хитрее и дальновиднее, ему не оставили иного выбора, кроме схватки, ничего, кроме кровавой сечи.

И была эта сеча жестокой, но прошел день, а победителя не было, и второй день, и третий бились на равных. На четвертый не хотелось уже и идти на сражение.

Атель видел: идти не с кем. Но вышел, поднял меч и думал уже только о том, как продержаться до ночи. Ночью соберет остатки и попытается ускользнуть через один из заслонов.

Немногим аварам повезло выскочить из петли, которую накинули на них склавины. Ателя среди них не было, как и четырех сыновей Баяна, которые были под рукой Ателя.

Когда горстка аваров, которым посчастливилось выскочить из кровавой бойни, добралась до лагеря аварских турм, не участвовавших в сече, терханы, узнав о гибели Ателя и его воинов, не стали искушать судьбу. Теперь им приходилось думать только о том, как не попасть на глаза склавинам, двигавшимся на Дунай.

Перед тем, как вернуться в стойбище Баяна, терханы собрались на совет.

— Что скажем кагану, когда явимся?

— Сперва надо решить, кто скажет. Ателя нет.

Терханы переглянулись, потом их глаза остановились на младшем брате Ясноликого — Калегуле, а за ним и на сыновьях Баяна. Кроме тех, что полегли в сече со склавинами, их было здесь немало, и двое даже среди терханов — Дандал и Икунимон. Кто-то из этих троих должен стать на место Ателя, но кто решится стать сейчас перед каганом и сказать ему: «Казни как хочешь, Ясноликий, но порадовать тебя нечем. Шестнадцать турм потеряли в сече со склавинами, и все напрасно. Вынуждены были уйти с их дороги». Только кто-то из кровных повелителя мог бы решиться сказать такое. Кто? Если начистоту, терханы хотели бы видеть хакан-бегом аварского войска Икунимона. Он непобедимый витязь, у него острый ум, удача любит его. Еще не было случая, чтобы кто-то победил Икунимона, он прошел огонь и воду. Одна беда — слишком молод, может натворить глупостей. Дандал старше его и рассудительней. Но он никогда не скажет: «Я надумал — и будет так». Что же до Калегула, то и он всем хорош, чтобы заменить Ателя, да одно плохо — его недолюбливает Ясноликий.

— Больше некому, — сказал наконец один из терханов, — придется, Дандал, тебе взять на себя судьбу всего дела. Станешь за хакан-бега.

— Да, — поддержали остальные. — Только Дандал, больше некому.

При других обстоятельствах Дандал не противился бы. Но сейчас и слушать не хотел об этом.

— Почему именно я? — искренно возмутился он.

— Ты самый достойный среди нас. И потом, не нам, а тебе доверил Атель предводительствовать турмами, которые остались после битвы.

— Есть более уважаемые и старше меня, хотя бы Калегул.

Спорили долго, но так ни до чего не договорились, — пришлось тянуть жребий. И он выпал на Дандала.

— Это веление Неба, — сказали ему. Спорить с этим было уже невозможно.

Терханы, видя, что Дандал остается хмур, пытались ему сочувствовать.

— Кто мог подумать такое! — говорили они. — Шестнадцать турм потеряли в одной битве.

— Что турмы? Подрастут отроки — будут и турмы. А вот полона, золота, паволоки ромейской уже не будет.

— Думаешь, Ясноликий будет жалеть об этом?

— Не думаю, а точно знаю. Атель наделал беды, а мне расплачиваться теперь, — со вздохом заметил Дандал.

Скорбным было возвращение аварских турм из Фракии. Может, потому они и не спешили возвращаться. После полудня останавливались на отдых, с утра не торопились собираться. Могло показаться, что новый предводитель аварских турм вообще раздумывает, возвращаться ли ему за Дунай. Видно, какая-то мысль точила его, и однажды, собрав терханов, он сказал им:

— Дальше пойдем отдельно. Берите каждый свою турму и идите по Ромейской земле. Сейчас не время считаться, друзья они или враги нам. Берите у всех подряд все, что можно взять. Только одно спасет нас — если в стольное стойбище за Дунаем вернемся не с пустыми руками.

XIX

По весне в стойбище кагана прибыло сольство из Константинополя и потребовало встречи с предводителем аваров.

— Велите своим людям, — ответили им, — разбить шатры и отдыхать. Каган позовет, когда посчитает возможным встретиться с вами.

Ждали до ночи — напрасно, ждали второй, третий день — снова не зовет.

— Вы сказали кагану, кто мы и откуда?
— Да, он знает.
— Так почему не зовет? У нас послание от императора. Если не допустит к себе сегодня, завтра повернем обратно и скажем императору: не пожелал говорить с нами.

Но Баян отмалчивался. Только на пятые сутки словно случайно вспомнил об императорских послах и велел позвать их.

— Что там у вас?
— Письменное послание к тебе императора Тиверия.
— Читайте.

«Его милости кагану войска аварского Баяну, — нетвердо начал посол. — Империи стали известны неприятные и непонятные нам, людям просвещенным, дела и поступки подвластных тебе турм. До сих пор мы знали, даже уверены были, поскольку имели подписанный с тобой договор: авары, как народ и воинство, пребывают на службе в империи и как таковые должны стоять на страже ее интересов, прежде всего на Дунае и против той силы, которая идет на нас из-за Дуная. За это империя щедро и последовательно платит аварам за службу. Ныне стало известно, предводитель, что твои турмы, отходя из фракийских земель, куда они призваны были против склавинов, повели себя не лучше, чем варвары склавины: они шли по нашей земле, как саранча, и брали у поселян все, что можно было взять, а тех, кто сопротивлялся, убивали. Империя желает знать, чем это объяснить. Кроме того, уведомляем твою милость, что убытки, нанесенные воинами каганата империи и ее людям, превышают плату аварам за службу за три года и равных тремстам тысячам золотых солидов. Это заставляет нас остановить выплату субсидий твоим турмам в ближайшие три года и просить тебя прислать в Константинополь своих послов, чтобы прийти к согласию по этому поводу и решить, как будем жить дальше.

Император Византии Тиверий».

Баян, слушая послание императора, чем дальше, тем заметнее хмурился. Те из ромейских послов, что стояли рядом и следили за ним, опасались: не сделает ли он сейчас то, что сделал когда-то со слом антов Мезамиром? Однако этого не случилось.

— Это все? — спросил каган.
— Все, достойный.

— Можете идти. Скажите императору, я принял его послание к сведению. Свой ответ пришлю позднее. Должен убедиться, насколько это правда, о чем он пишет.

Послы, не дожидаясь худшего, поспешили откланяться. Баян же, не требуя к себе ни Дандала, ставшего предводителем после Ателя, ни кого из своих послов, ходивших, по обычаю, вместе с хакан-бегом в чужие земли, думал, как и кого наказать за своеволие. Ведь он же особо предупреждал терханов перед походом: ромеев не трогать.

— Дандал и слы, что были при нем, сон потеряли, — шептались приближенные к хакан-бегу. — Совсем извелись в ожидании наказания.

— Да, кары не миновать. Слышали, что писал император? Отказывается платить нам за то, что ходили на склавинов и, по правде говоря, спасли Византию от погрома. Без нас они бы точно потеряли земли между Дунаем и Теплым морем.

Судя по таким разговорам, черные тучи собирались над головами виновных, казалось, вот-вот грянет гром. Он и грянул, но не там, где ждали, — за Дунаем, в ромейской земле печально зазвонили колокола. А вскоре к аварам дошла весть: умер император Тиверий.

Баян так стремительно вскочил, что у всех, кто был в шатре, кровь похолодела в жилах.

— Это точно?
— Точнее быть не может. Сами были в церквах, своими ушами слышали.
— Это спасение, — каган тяжело вздохнул. — Узнайте, кого посадят в Августионе на место Тиверия, и сразу скажите мне.

Выходит, судьба не обошла-таки, не забыла Баяна. Вот уже третьего императора пережил. Переживет и четвертого. Силы в нем еще есть, и сердце все еще горит жаждой мести. И впервые за много седмиц увидели его не в шатре — Баян выехал на великохансую охоту. Такая охота длится не день и не два, и веселится на ней не только каган. Вместе с ним выезжают терханы и другие приближенные к нему, их жены и наложницы.

Гоняли по долинам тарпанов — и, кажется, никто не мог так ловко накинуть аркан на жертву, свалить ее с ног и спутать, как их каган. Если встречались дикие козы — пускали в них сулицы, если серны — поражали их стрелами — и везде каган был первым. Дали огла-

шались веселыми и ликующими возгласами. А ночью жарили дичь, пили вино и кумыс, и не было конца здравицам предводителю, храбрейшему из храбрых. Среди веселья не сразу заметили, что нет на великоханской охоте сына Ясноликого — Дандала, а тут один из приближенных к кагану шепнул другому и скоро уже все знали: не Дандал занимает теперь место Ателя и первого сановника в каганате, а любимец кагана — Апсих.

«Вот он, ответ на послание императора», — подумали многие, но вскоре вынуждены были разочароваться. Вернувшись с охоты, Баян позвал к себе писца и повелел ему класть на папирус все, что будет говорить.

«Милостивый государь, император непобедимой Византии! — Баян делал вид, что не знает о смерти Тиверия, и обращается к нему. — Мы получили твое гневное послание к нам и были неприятно поражены им, а еще больше опечалены. Твоей милости, видимо, известно, что авары, свято придерживаясь заключенного с империей договора, сразу же и всем народом отозвались на зов, который пришел из империи, и грудью стали на защиту ее интересов. Тридцать тысяч аварских воинов, выполняя твою мудрую волю, пошли в земли склавинов, предали их огню и мечу, так что склавины вынуждены были слать гонца за гонцом и звать на помощь себе сородичей своих, которые в это время воевали города и сельбища византийские. Кроме того, идя навстречу пожеланию императора, каганат послал тридцать тысяч воинов против тех склавинов, которые стояли под стенами Фессалоники и угрожали этому славному городу империи взятием на меч и сулицу или полным разрушением. Именно авары вынудили их уйти оттуда, вызвав на себя всю ярость этого проклятого богами племени, в сечах с которым мы положили двадцать тысяч своих воинов. Такие жертвы еще никогда прежде авары не приносили даже во имя собственных интересов. Эти же принесены нами на жертвенник империи во имя покоя и процветания ее народа. Разве может твоя милость сказать после этого, что города империи, мир и покой в ней отстоял кто-то другой, кроме аваров? Видимо, нет. И вот вместо благодарности и достойной награды за ревностную службу мы услышали о твоем гневе. Твоя немилость дошла до того, что ты не желаешь выплатить нам кровью добытые солиды.

Уведомляем твою милость, что вести эти вызвали бурю негодования в и без того возмущенном утратами народе нашем, и мы не знаем, как будет дальше между нами: будем ли мы жить, как жили раньше, в мире и дружбе, или встанем друг против друга, как непримиримые враги, и будем биться до тех пор, пока не погасим гнев свой кровью. Неблагодарность империи не раз уже была налицо. Ныне она переполнила чашу терпения до краев. И все же сдерживаю гнев свой до поры до времени, даже согласен обменяться сольствами, однако не ранее, чем буду знать:

1. Что Византия немедленно выплатит аварам принадлежащие им за службу империи восемьдесят тысяч солидов.

2. Что в дальнейшем империя будет платить не восемьдесят, а сто тысяч солидов ежегодно, ибо аварские турмы давно требуют этого.

3. Что империя возвратит мне наконец врага моего — короля гепидов Кунимунда и еще одного татя — Вокелавра, который, будучи моим подданным и пылью ног моих, позволил себе недостойное обхождение с моей наложницей и теперь прячется под защитой твоей милости — в земле Византийской.

Каган аваров, гепидов и подунайских славян Баян».

Ответ на это послание пришел не так скоро, но ожидание кагана было оплачено вполне.

«Великий воин! — писал новый византийский император Маврикий. — Уведомляем тебя и турмы твои, а вместе и народ аварский, что империя наша пребывает ныне в великой печали: умер император Тиверий. Это печальное событие, надеемся, вызовет в сердце твоем сочувствие к покойному и сменит гнев на милость. Мы же, став по милости божьей и с помощью божьей на место предшественника нашего и взвалив в этот тревожный час груз императорских обязанностей в землях ромейских, фракийских, иллирийских, итальянских, египетских, вандальских, сирийских, армянских и многих других, считаем гнев твой справедливым. Империя признает заслуги турм аварских в спасении земель ее от варваров и тех опустошений, которые несли с собой варвары, потому обязуется выплатить аварам все свои долги. Более того, если авары берут на себя обязанность и в дальнейшем преданно и надежно стоять на страже ее северных границ, то с этого года будет платить им не восемьдесят — сто тысяч римских солидов ежегодно. Чтобы эта обязан-

пость как одной, так и другой сторон получила законную силу, думаем, следует обменяться посольствами и подписать соответствующий договор.

Что же до короля Кунимунда, то империя заверяет тебя, предводителя аваров, что он находится в наших надежных руках — на острове Родосе и не представляет для тебя силу, которой стоит бояться. Вернуть же его тебе не можем, поскольку присягали в свое время на кресте взять его коронованную, а значит, освященную богом, особу под свою надежную защиту.

Вспомнившего твоей милостью татя Воколавра разыскиваем. Как только разыщем, тут же отошлем тебе для справедливого суда.

Император Византии Маврикий».

Баян остался доволен, что новый император круто изменил отношение империи к аварам, а будучи довольным, сделался необычайно милостив и щедр. Выслушав послание Маврикия, повелел построить свои турмы.

— Авары! — голос его был могуч. — Сыновья степей привольных! Справедливость восторжествовала: новый ромейский император низко кланяется нам за наши победы над склавинами и обещает теперь платить нам не восемьдесят, а сто тысяч римских солидов ежегодно.

Он не удержался, повелел писцу выйти вперед и прочитать послание императора. Собирался после того спросить турмы, согласны ли они служить ромеям на таких условиях, но ему не дали слова сказать. Радостные клики всколыхнули небо над стойбищем.

— Слава мудрому Баяну! — слышалось со всех сторон.

— Слава непревзойденному предводителю в родах аварских!

— Живи в веках, великий воин!

Усладившись и разделив радость с ними, каган поднял меч.

— Не спешите соглашаться, родичи мои! Не забывайте: склавины зачастили в ромейские земли и ходят туда не только на татьбу. Они собираются поселиться там, да уже и селятся кое-где. А сила у них немалая. Справимся ли с ними? Выстоим ли, если придется стать и не пускать?

— Выстоим!

— У них есть не менее сильные союзники — анты.

— Ничего! За такие солиды мы не только против славян, против черной бури пойдем!

Каган снова поднял меч, требуя порядка и тишины.

— На том и станем! — сказал. — Отправляю слов своих в Константинополь: пусть обещанное империей скрепят подписью императора.

У посла аваров, который принимал присягу ромейского императора, не было и тени сомнений, что может быть иначе. Обе стороны были довольны сделкой. И в каганат он возвращался в приподнятом настроении. Каган потирал руки. Что может быть лучше, чем мир и согласие, тем более после неудачного похода? Двадцать тысяч мужей положили... Пусть сохранит Небо от таких походов. Надо успокоиться на какое-то время, пока на место убитых поднимутся отроки, а на место отроков — рожденные дети. И задымили костры возле шатров, закипела еда на кострах, разнося по долинам и взгорьям Паннонии запах свежей кобылятины, телятины, баранины. А где запахи пищи, тепло огня, там рождаются добрые чувства, единятся в кровных узах сердца. Мужи хвалились на свободе конями, объезженными и необъезженными еще, жены — детьми, меньшими, старшими, взрослыми. И все говорили: хвала Небу, которое посылает согласие и достаток! Хвала кагану, который заботится о родах! Слава и хвала!

Каган не мог не слышать эту хвалу (есть ли в мире властелин, который полагался бы только на собственные уши!). А хвала не только радовала, но и побуждала Баяна заботиться, чтобы слава его возносилась еще выше. И когда подошел оговоренный с Византией срок платы обещанных ста тысяч, Баян сказал Таргиту:

— Бери лучшую сотню и иди с ней в Константинополь. Напомни императору, пусть платит, что обещал.

Таргит, не мешкая, пошел за Дунай, но вместо долгожданных солидов привез очередное, и едва ли не самое горькое разочарование: империя жаловалась на затруднения, на то, что казна ее почти пуста (во-первых, не удалось замириться с персами, во-вторых, вся земля обобрана варварами), и удержалась от выплаты долга. Им не сказали, что и авары причастны к этим бедам, хотя недвусмысленно намекнули на это, а потом уже развели руками и сказали:

— Надо подождать.

Выслушав сла, каган от неожиданности удивился, потом налился кровью.

— Как это понимать? — гневно взглянул на Таргита. — За кого они нас принимают, ты спросил?

И снова скакали в Константинополь и из Константинополя гонцы, а платы не было и не было. Всякий, кто верит во что-то, надеется на удачу. Надеялся и Таргит. Но напрасно. Баян, едва услышал, что император ромейский вновь отказался платить обещанное, созвал турмы и крикнул, вложив в свои слова всю боль уязвленного сердца:

— Авары! Нас снова обманули! Слышите, снова!..

Турмы загремели поднятой вверх броней, угрожая ею и выкрикивая проклятия.

— Дети мои! — Баян словно подлил масла в огонь. — Авары мы или не авары? До каких пор будем терпеть ромейские вериги и надругательство над нами? Один император обманул нас, наплевал на наше достоинство и честь, сказав, что нам принадлежит лишь то, что положено рабу за верную службу. Выходит, и второй говорит то же самое? До каких пор будем терпеть? Когда и перед кем мы склоняли голову? Разве для того мы вырвались когда-то из турецкого ярма, чтобы влезть в ромейское? Хватит! Мы не рабы, чтобы добытое потом и кровью просить как милостыню — с протянутой рукой. Не хотят платить обещанное — пойдем и возьмем силой! Были вчера врагами склавинов, так станем друзьями и пойдем на ромеев общей силой. Узнают тогда, каких солидов и какой крови это будет им стоить. Я, ваш каган, говорю вам: авары, становитесь плечом к плечу! Сложим вместе мужество наше и ярость — и на ромеев. Кара и смерть отступникам! Кара и смерть!..

Турмы не просили у кагана времени на сборы — они у него всегда готовы. Меч и сагайдак на боку, сулица и лук у седла, пища для коней в поле, а для себя — в чужом жилище. Оседлав коней, они уже вышли в поход.

Окончание следует

Иван Ильин

МЫСЛИ О РОССИИ

ОЧЕРТАНИЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Помышляя о грядущей России и подготовляя ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное

Окончание. Начало в № 1.

достояние. Мы не смеем обещать от лица России — никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблое и предательское.

Известные компромиссы в будущем неизбежны, но они должны быть сведены к минимуму; и их найдет и установит будущая русская государственная власть. Она, а не мы. Ибо иначе разговаривают с государственной властью и совсем иначе с зависимым, полуголодным эмигрантом. Политический компромисс есть уравновешивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия. А мы, рассеянные и разноголосые эмигранты, — мы не сила, а воплощение государственной слабости. Поэтому мы не можем и не смеем предлагать или заключать компромиссы — за Россию, вместо России, от ее лица. Ибо мы немедленно ставим ее тем самым в положение слабейшей стороны, сразу предаем ее державный интерес и попадаем сами в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в будущей России иноземную или иноверную пользу.

А такие «судари» в эмиграции имеются. Есть такие, которые предлагают добровольно уступить Германии Украину: «У нас ведь так много земли, а бедная Германия перенаселена; это было бы проявлением международной справедливости». Есть и такие, которые сами, будучи сроду протестантами, говорят по радио речи о соединении Православия с католичеством и развязно заявляют, что в этом деле «решительно никаких затруднений нет». А есть еще и сущие расчленители, один с претензией на «малый трон», или «полутрон» для себя, другие — просто «ликвидаторы» и расхитители России...

Таково первое требование, предъявляемое к эмигрантским политикам: верность Национальной России.

Второе требование: не выдвигать пустых и неопределенных лозунгов. Мы должны исходить из реального исторического опыта, искать в нем строительных и спасительных очертаний для будущей России и предлагать политически осмысленное и осязательное.

А между тем эмигрантские публицисты удовлетворяются пустой словесностью. Одни говорят «демократия» — и думают, что они что-то сказали. А между тем демократия швейцарских кантонов, с непосредственным участием граждан, не имеет ничего общего с демократией английского типа (избирательной, парламентарной и монархической). Чего же они хотят? Какое избирательное право они считают спасительным для России и почему? Или, может быть, они собираются посадить подобно Сийесу — одного «великого избирателя», скажем Кускову или Чернова, который и «изберет» всех своих приверженцев? Ведь история «демократии» знает и такие трюки... А «демократы» под сурдинку пробалтываются, что после большевиков о выборах нечего и думать, необходима будет диктатура!.. Другие произносят слово «республика» немедленно и впадают в антимонархические судороги... Но ведь Рим и при Цезаре и при Августе был республикой; и Венецианская республика с Дожем никогда не была монархией; и Временное Правительство (недоброй памяти) ввело в России «республику»; и совдепия (совнаркомия) была несомненной республикой; республику ввел Кромвель, а впоследствии Робеспьер... А центрально-американские государства (кончая Чили и Аргентиной) с их системой вечных

переворотов — разве не республики? Какое светлое будущее готовится для России под этим флагом — между тиранией и анархией?.. Или, может быть, весь смысл этого лозунга состоит в том, чтобы отнять у России навсегда любовь и доверие к Государям, а там всякий тиран и всякая анархия будут хороши? Иные провозглашают «федерацию» — как если бы они были слепы и не понимали, что «советская федерация» не имеет ничего общего ни со швейцарской, ни с северо-американской, и что эти две последние различествуют друг от друга, как звезда от звезды... А те, кто говорит о «монархии», думают ли они о том, что «монархами» были и Тиверий, и Нерон, и Калигула (пусть только почитают Тацита и Светония), что «монархом» был и презренный Андроник Комнин византийский, и мудрый, тихий Марк Аврелий, и великий Петр, и аморальный Генрих VIII, и Ричард III, и Гарун-Аль-Рашид, и Антигон I македонский, государь мудрый и творческий, и безумный Эрик XIV шведский, и Иоанн VI Антонович!.. История знает множество государей, которые своим правлением только подрывали все светлое, священное и могучее, что заложено в монархическом начале. Какая же монархия зиждительна и спасительна для России и почему именно? И почему одни стоят за самодержавную монархию, а другие за конституционную (и эти последние — неужели только для того, чтобы угодить радикалам-демократам?.. о, тщетная надежда!..). И какая же именно «конституция» возродит и утвердит Россию?

После событий последних пятидесяти лет — все эти лозунги сами по себе ничего не означают, ибо прежние политические понятия ныне выветрились, исказились и омертвели. Кто ограничивается ими, тот ничего не говорит и обманывает ими и себя и других.

Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у Запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в беспримерном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличие, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее, и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнителей или покупателей.

Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые основы всякой государственности, основывая аксиомы права и государственного здоровья, и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства — источники его силы (чем держалась и крепла Россия?), ход его великодержавия (рост России вопреки всем затруднениям и препятствиям!) и причины его периодических крушений (иссякание государственного чувства и жертвенности). И пусть он всмотрится в современное положение России, и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания... И тогда пусть он выскажет публично то, что он увидит.

Тогда он выйдет из праздной толпы ходячих или навязанных слов и из толчеи мнимополитических лозунгов. И то, что он выска-

жет об очертаниях будущей России, будет иметь значение целительного рецепта для русских государственных недугов. Он не повторит лжепророчество больного фантазера Мережковского, что революция принесет России «Царство Духа Святого». Он не повторит и глупость другого современного публициста, что России нужна «федерация провинций». Он будет застрахован от гибельной и предательской формулы, согласно которой «России вообще не будет, а будет федерация множества маленьких социалистических государств». Но что же ему откроется?

Он начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии (какие именно?!) впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание (чем же именно?!). Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии (какие же именно?) окажутся насыщенными тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии (в чем же этот дух?). Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям; и единый народ найдет своего личного Главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью.

И все это должно совершиться в вековечных традициях русского народа и русского государства. И притом не в виде «реакции», а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия.

И пусть нам не говорят, что мы «можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки — если это будут ошибки — Россия простит нам: ибо мы любили только ее, служили только ей и искали только ее блага.

ЧУТЬЕ ЗЛА

В этом наша беда и наша опасность: мы живем в эпоху воинствующего зла, а верного чутья для распознания и определения его не имеем. Отсюда бесчисленные ошибки и блуждания. Мы как будто смотрим — и не видим; видим — и не верим глазам; боимся поверить; а поверив, все еще стараемся «уговорить себя», что, «может быть, все это не так», и не к месту, и не вовремя сентиментально ссылаемся на евангельское «не судите», и забываем апостольское «измите злаго от вас самих» (Кор. 1.5—13). Делаем ошибку и стыдимся сказать: «я ошибся»; поэтому держимся за нее, длим ее, увязаем во зле и множим соблазны.

А воинствующее зло отлично знает нашу подслеповатость и беспомощность и развивает искуснейшую технику маскировки. Но иногда ему не нужно никакой особой техники: просто назовется иначе и заговорит, как волк в детской сказке, «тоненьким голосочком»: «Ваша мать пришла, молочка принесла...» А мы как будто только этого и ждали — доверчивые «козляточки» — сейчас «двери настежь» и на все готовы.

Нам необходима зоркость к человеческой фальши; восприимчивость к чужой неискренности; слух для лжи, чутье зла, совестная впечатлительность. Без этого мы будем обмануты, как глупые птицы, переловлены, как кролики, и передавлены, как мухи на стекле.

В нас до сих пор живет ребяческая доверчивость: наивное допущение, что если человек что-нибудь говорит, то он и в самом деле думает то, что говорит; если обещает — то желает исполнить

обещанное; если рассказывает о своем прошлом — то не врет; если развивает «планы», то сам относится к ним серьезно; если обвиняет другого, то «не станет же заведомо и злостно клеветать»; если восхваляет кого, то не потому, что ему пригрозили, наобещали или уже заплатили; если выставляет себя «патриотом», то никак не может принадлежать к враждебной контрразведке; если произносит священные слова, то не ради провокации; если носит какую-нибудь одежду (военную, духовную или иноземную), то и внутренне соответствует своему наряду; если располагает деньгами, то добыл их законным и честным путем; если обещает продовольственные посылки, то от сочувственной доброты и т. д. Мы, как маленькие дети, судим о внутреннем по внешности: по словам, по одежде, по статьям в газете и особенно по обещаниям, по личным комплиментам и по подачкам.

Но слова без дела не весят. У каждого из нас есть свое прошлое, состоящее из поступков, совершенных нами и, может быть, втайне совершаемых и ныне. Это прошлое отнюдь не подобно змеиной коже, периодически обновляющейся; напротив — оно вырастает у нас из души и сердца, оно остается внутренне вращенным и несется нами через всю жизнь; оно звучит в интонациях голоса, оно посверкивает во взгляде, оно сквозит в манерах, оно прорывается в оборотах речи и в аргументации, оно выдает нас. Иногда человек выдает себя одним взглядом, одним словом, одной постановкой вопроса.

Поэтому за словами должны стоять общественные дела; и судить надо не по речам, а по делам. Человек должен иметь нравственное право на те слова, которые он произносит. Священные слова не могут прикрыть грязных дел. Великие лозунги не звучат из уст предателя. Надо быть духовно слепым и глухим, чтобы верить в искренность наемного агента. Наше поколение богато отвратительным опытом лжи и лицемерия; мы обязаны иметь чутье зла и не имеем права поддаваться на соблазны.

И одежда не гарантирует ничего. Разве иеро-чекисты, прилетавшие в Париж и соблазнившие Митрополита Евлогия и Митрополита Серафима (Лукьянова), были не в рясах? Разве Скоблин не имел права на форму белого генерала? Разве шулер не выдает себя слишком безукоризненным фраком и белоснежной рубашкой с бриллиантовыми запонками?

И газетная статья не должна вводить нас в заблуждение. На статьи, как и на слова, и на речи, человек должен иметь жизненное право, право, приобретенное делами жизни, ее мужеством, ее искренностью, ее жертвенностью, цельностью характера. Современный мир богат костюмированными писателями, уже не раз переодевавшимися, писателями-наймитами, писателями «чего изволите», писателями-лицемерами и предателями. Надо научиться распознавать их.

Еще глупее верить «обещаниям». И под советами, и в эмиграции мы видели множество «искусников», которые делают себе карьеру неисполняемыми, а часто и заведомо неисполнимыми обещаниями: суля другим впустую мнимую «конъюнктуру», они постепенно готовят самим себе настоящую.

Еще глупее верить хвалителям и льстецам. Лесть есть такая разновидность взятки, которая ненаказуема и которую люди не стыдятся брать: и «дал» и «не дал»; «взял» и «не взял»; подкуп состоялся, а доказать его нельзя. Между тем льстец всегда есть в

то же время клеветник: кто не даст подкупить себя лестью, тот будет им оклеветан. А нам надо помнить: современное человечество кишит нравственно — и политически — скомпрометированными людьми, которым необходимо скрыть или диссимулировать свое прошлое; ложь, лесть и клевета — их главное жизненное оружие.

Что же нам делать?

1) Отходить от зла и творить благо. Не замешиваться в ту праздную и вредную сумятицу партийной интриги и клеветы, которой столь многие отдают свои силы. Искать реальной борьбы, а не эмигрантской карьеры, которая всегда была и всегда будет пустозвоном. Надо быть, а не казаться; наносить удары врагу, а не считаться «эмигрантским проминентом».

2) Смыкать наши ряды. Упорно, неустанно искать людей, заслуживающих абсолютного доверия: людей совершенных дел; людей непоколебимого стояния; людей, никогда и никуда не продававшихся и ни на что грязное не нанимавшихся; таких людей, что если ловкий клеветник представит нам «несуразные доказательства» их мнимой нечестности, то мы отвернемся от клеветника с омерзением. Надо находить людей абсолютного доверия и связываться с ними напрочно.

3) Постоянно крепить в себе чутье к добру и ко злу. Беречь свое чувство чести; не снижать его требований; твердо верить, что бесчестье есть мое поражение и переход в лагерь дьявола; и всякого нового человека мерить про себя требованием полной чести и честности. Всегда проверять свои впечатления и свой внутренний суд — в общении с людьми абсолютного доверия. От бесчестных решительно отходить; сомнительным не доверяться. Ни те, ни другие — не годятся для борьбы: продадут и предадут.

4) Учиться безошибочно отличать искреннего человека от неискреннего. Крепить в себе чувство фальши и слух для лжи. Бережно копить в себе соответственный жизненный опыт и делиться им с людьми абсолютного доверия. И всегда и во всех своих общественных ошибках отдавать себе ясный и честный отчет.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСТОЯНИИ

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н. Я. Данилевского («Россия и Европа», стр. 50) эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или лучше

сказать, знает так, как знать хочет, — то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (добавим только еще: и ее властолюбивым намерениям). Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но ведь у нас есть союзники в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского Правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заряжены ненавистью... Да и за что же им нас ненавидеть?!»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы. Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас; и для самоуспокоения внушают себе — при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных нашептов, — что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией — и тогда расчленить, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-своему, навязав ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповеданиям и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада, ни от «Пилсудского», ни от «Хитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога и на себя. <...>

Русский народ освободится и возродится только самостоянием, и каждый из нас (независимо от возраста и поколения) будет ему тем нужнее, чем больше ему удастся соблюсти в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность». Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Хитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И, зная это, предупреждаем их: пути их антинациональны, духовно фальшивы и исторически безнадежны. Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программою деньгодателя. Им, может быть, и помогут, но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами — им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа. <...>

Было бы необычайно интересно прочитать честно написанные воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Хитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию? хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: когда же им удалось рассмотреть, что их нагло

проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще), ни война (вообще!) — не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага»?..

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали эти обыватели на землю? Откуда у них эти сентиментальные мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? Откуда у них эта уверенность, что именно им удастся «уговорить» и повести за собой такой-то (все равно какой!) сплоченный иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не он их разыграет и использует, как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами... И что вышло из всего этого?..

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти на сепаратизм и расчленение России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот, ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден... А потом? Потом — он умер, а Венгрия подпала <...> Хитлеру <...>. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (?!) Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Хитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут же, на наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России, и сходили со сцены: один гласно объявил, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие — добровольно исчезая за железным занавесом, третьи — сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии второй мировой войны. И вот, опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризируясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое — все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу, никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылечился от своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасется только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!

О ГЛАВНОМ

Эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть эпоха суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; одни ранее,

другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед лицом Божиим, — в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществлении своей особой судьбы. Прошли годы, когда нам могло казаться, что «мы рухнули, а другие устояли». Теперь нам это уже давно не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно живого огня, — разумеется, духовного огня, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам, русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно-огненное опаление, очищение и обновление.

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на это — значит выговорить главное; приступить к этому служению — значит осуществлять это главное.

России нужен новый русский человек: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя по-новому, из нового духа, ради новых великих целей... В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия «погибла»; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, помышляющие о ее расчленении. Да, Россия первою пошла на суд; первая вступила в полосу огня, первая противостала соблазну, первая утратила свое былое обличие, чтобы выстрадать себе новое. Первая, но не последняя. И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Прежней России не будет. Будет новая Россия. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая, а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить — ковать в себе самих, во всех нас новый русский дух, по-прежнему русский, но не прежний русский (то есть больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом главное.

Для этого необходимо, во-первых, справиться с соблазнами. Их целый ряд.

И первый из них — соблазн <...> «свободы», «свободы» от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины. Этот соблазн не русского происхождения. За последние века он проявлен материализмом и распространен французской революцией и немецкой философией (от левых гегельянцев до Фридриха Ницше включительно). Свобода необходима человеку и священна для него. Но эта свобода обретается через Бога, в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу. <...>

Второй соблазн есть соблазн тоталитарного государства. <...> Обман безбожной сытости, навязываемой от рабовладельческого государства обезличенным рабам, соблазняет людей величайшей пошлостью и величайшей ложью; соблазняет, чтобы разочаровать и погубить. И его необходимо одолеть.

Кто не одолеет этих двух соблазнов, тот не строитель новой России. Кто не разоблачил до конца искушение безбожной свободы и тоталитарной государственности, тому не дастся ни очищение души, ни обновление ее. А если он утвердится в будущей России, то он окажется в ней представителем разнузданія и рабства. Культура без Бога есть Вавилонская башня. Государство без Бога

есть земная каторга. И сколькие в эмиграции уже не справились с этими соблазнами, не осилили первого этапа и потому не произнесли ни одного живого слова; ибо их путь вел их с самого начала в пропасть большевизма.

Второе задание наше — очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого. Их много. Вот главнейшие.

1. Бесхарактерность, то есть слабость и неустойчивость духовной воли; отсутствие в душах духовного хребта и священного алтаря, за который идут на муки и на смерть; выведение религиозного смысла жизни и отсюда — склонность ко всевозможным шаткостям, извилинам и скользким поступкам; и в связи с этим — недостаток духовного самоуправления и волевого удержа.

2. Недостаточное, неукрепленное чувство собственного духовного достоинства, этой жизнесдерживающей и жизненаправляющей силы, и отсюда: удобособлазняемость наших душ; колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничтожением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное правосознание; большая тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, в творческие силы своего народа.

3. Насыщение политической жизни ненавистью и тягой к анархии. Мы обязаны преодолеть и то, и другое. Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить. Знаем мы, что иностранцы будут поддерживать и разжигать в нас все эти виды ненависти для того, чтобы ослабить, расшатать, расчленить и покорить нас. А мы должны очистить и освободить себя от этих разрушительных сил и погасить, искоренить в себе этот дух грозящих нам гражданских войн. И сделать это мы должны потому, что мы христиане; и еще потому, что этого требует от нас государственная мудрость и верное разумение исторических и многонациональных судеб нашей родины: Великую и сильную Россию невозможно построить на ненависти, ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политическо-партийной.

И вот наше третье, положительное задание — обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться веровать по-новому, созерцать сердцем — цельно, искренно, творчески, чтобы мы сами по себе знали и чтобы другие о нас знали, что не про нас это сказано: «на небо посматривает, по земле пошаривает». Мы должны научиться не разделять веру и знание, а вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования, и крепить нашу веру силою научного знания. Мы должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией.

Мы должны воспитать в себе новое правосознание — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый хозяйственный акт, в коем воля к труду и обилию

будет сочетаться с добротою и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

России нужен новый русский человек, с обновленным — религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным — укладом. Этот уклад мы должны прежде всего воспитать и укрепить в себе самих. Ибо только после этого и вследствие этого мы сможем передать его нашему даровитому, доброму и благородному народу, который доселе пребывает во многой беспомощности и нуждается в верной, сильной ведущей идее. Россия ждет от нас нового, христиански-социального, волевого, творческого воспитания. Но как воспитывает других тот, кто не воспитал себя самого?

Это — главное. Это — на века. Без этого не возродим и не обновим Россию. А на этом пути справимся со всеми бедами, опасностями, затруднениями и заданиями! И кто в этом духе поведет свое обновление и самовоспитание, кто так сотворит и других научит, тот осуществит свое историческое и отечественное призвание.

МЫ БЫЛИ ПРАВЫ

Наша судьба, судьба русских людей XX века беспримерна по своей тягости. Впервые в истории мобилизовались такие силы зла; впервые изобретены приемы такого террора, компрометирующего самое здоровое начало государственности; впервые создан заговор такого интернационального захвата, такого подрыва, такой злодейской меткости, такой неисчерпаемой одержимости. Все это импонирует людям духовно-слабым, людям «карьеры во что бы то ни стало», людям жадным и порочным; и доселе еще мы видим и среди иностранцев, и среди русских людей единичные и групповые «оползни». Иногда даже кажется, как будто из самой земли встает некий черный туман соблазна, одурманивающий людей, застилающий в них начала чести, совести и верности. И обычно бывает так, что люди опоминаются и отрезвляются только тогда и там, где их накрывает тоталитарное рабство; и тогда они с ужасом убеждаются, что время упущено, что остается или покоряться рабству, или идти на смерть в бесплодных протестах.

Нам, понявшим эту опасность мирового разложения и порабощения тридцать три года тому назад и сделавшим за это время все возможное для ее разъяснения, преодоления и предотвращения, бывает подчас несказанно больно и горько на душе. Больно за родину, за нашу чудесную и славную Россию, столько вынесшую в истории, преодолевшую столько трудностей и опасностей и создавшую единственную в своем роде национальную культуру — целое богатство религиозной святости, личных характеров и подвигов, целый поток глубокомыслия, глубокочувствия и прекрасного искусства, и все это из особого национально-духовного акта. Горько за русских людей, или порабощенных и (что всего ужаснее!) постепенно приобретающих привычку к рабству и тирании, или же рассеянных по чужим землям и народам на положении бесправных, подозреваемых, еле терпимых чужестранцев. Больно, и горько, и стыдно за наше гнилое время, и за недостаток людей с духовным хребтом и характером; и тревожно за поколения, разучающиеся любить и веровать.

Чтобы бодро и действенно выносить весь этот поток горя и унижения, мы должны твердо верить в нашу духовную правоту и в грядущее возрождение России. Мы имели долгие годы и бесчисленное множество оснований и поводов для того, чтобы пересмотреть нашу основную линию — линию верности национальной России и отвержения тоталитарного коммунизма. И каждое углубление мысли, каждое событие, по-новому освещавшее окружающие нас сумерки, каждое новое крушение нового государства удостоверяло нас в том, что линия наша была верна от самого начала. И ныне каждый новый час истории приносит нам и всему миру новые доказательства нашей исконной правоты и новые сообщения о прозревающих и вот уже прозревших людях.

Мы были правы, поднимаясь за родину и отдавая за нее все свое; ибо люди без родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втаптываемой чужеземцами в грязь. Мы были правы, отстаивая нашу религиозную веру, ибо у безбожных и отреченных людей разлагается самая сердцевина их духа и совести, высыхает и деморализуется их наука, развращается их искусство, разлагается их семья, выдыхается их культура. Мы были правы, обороняя нашу свободу, ибо вот в тоталитарных государствах человек теряет свою личность и независимость, он становится рабом государства, застращенным льстецом, покорным подголоском, лишенным собственных убеждений. Мы были правы и тогда, когда не ждали никакого спасения для России от республиканской формы: ибо на наших глазах февральская республика быстро развалила Россию и армию, скомпрометировала и растратила государственную власть, разнуздала вожделения и развалилась от первого внутреннего толчка, которому не умела и не хотела противопоставить ничего; а октябрьская республика быстро выродилась в самую ужасную тиранию, которую когда-либо видела человеческая история.

И особенно мы были правы тем, что не потеряли веру в духовные силы нашего народа и в его грядущее возрождение. Оно придет, оно начнется, ибо оно и теперь уже готовится в глубине народной души: и в тех русских людях, которые, оставаясь на родине, сумели сохранить верность ей и веру в нее; и в тех, которые выпивают до дна всю унизительность своих компромиссов и накапливают в сердце патриотический гнев; и в тех, которые своими гнусными делами протирают насквозь, до дыры, до предпогибельного, сатанинского провала злодейское начало, заложенное в терроре, в коммунистической пошлости и в тоталитарной лжи.

Медленно зреет обновление. Это созревание состоит в том, что колеблющиеся и отпавшие возвращаются на нашу стезю — на путь патриотизма, свободы, верности и национальной государственности, с тем, чтобы мы могли найти в них своих братьев. Не знаем, когда пробьет этот час, но знаем, что он пробьет и что это будет праздник нашего всенародного оправдания.

Таковы два великих утешения, укрепляющие нашу стойкость и дающие нам великую бодрость: это великое благо жизни — сознавать свою правоту; это великая отрада — уверенно ждать того часа, когда Россия воспрянет, освободится и возобновит свой величавый исторический ход.

●

ЧТО ТАКОЕ «ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД ЛЮДЕЙ» НА ЗЕМЛЕ И ПОЧЕМУ НИЩАЮТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ?

А. КУЗЬМИЧ,
кандидат юридических наук

РОССИЯ И РЫНОК

В СВЕТЕ СОВЕТСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА *

Обособленный анализ нормативных актов СССР о переходе к рыночным отношениям не дает ответа на главный вопрос: почему руководство партии и правительства взяло курс на развитие капиталистических отношений взамен планово-централизованной экономики так называемого социализма. Корни кроются в международной экономике и международных правовых актах.

Наша перестройка — часть всемирной перестройки. Первый этап мировой перестройки начался после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам с рыночной экономикой, какую опасность несет мировая нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает (при оптимальном использовании) только на 1 млрд. человек. На 1 января 1990 года на Земле проживало уже более 5,5 млрд., к 2000 году ожидается более В млрд. Не случайно, что в золотой фонд «одного миллиарда» входят только такие страны, как США, Япония, страны ЕЭС, и т. д., в то время как $^4/_5$ населения Земли из Азии, Африки, СССР, Латинской Америки, обладающие основной массой сырья и энергии, вытеснены с «места под солнцем» и, по существу, являются сырьевыми колониями вышеназванных стран. Мы восхищаемся высоким уровнем жизни западных стран с так называемой развитой рыночной экономикой, но забываем о том, что в мире единый энергосырьевой сосуд, и наполнить его сверх того, что в нем, никак нельзя, а делить «по-братски» на 160 государств мира — пустая затея: каждый, получив по капле, будет ни сыт, ни пьян. И если бы в Африке или СССР каждая семья имела

* Статья перепечатывается из русской независимой газеты «Воскресение» (№ 4, 1990 г.) и входит в «обойму» публикаций, печатающихся в нашем журнале под рубрикой «Концептуальная власть: миф или реальность».

всего вдоволь, то этого не было бы на Западе и в Японии или Сингапуре. Персидский кризис сентября 1990 года наглядно это показывает: развитые страны в шоке от угроз Ирака установить контроль над нефтью Кувейта и других стран региона.

Западные специалисты справедливо считают, что удержать в узде 7 млрд. населения в 2000 году практически невозможно: «голодные» съедят «сытых» вместе с ядерным оружием. Не помогут даже догмы идеологий «о светлом будущем» в концепциях Маркса, Ленина, Мао Цзэдуна, Хомейни, Каддафи и прочее. Раскрытие корней идеологии есть первый признак гибели идеологии. Вот почему в 90-х годах XX века появилась и укрепляется новая теория так называемой «интернационализации и взаимозависимости» государств, суть которой в создании единого мирового центра с единым централизованным распределением капиталов, товаров и рабочей силы, в конечном счете — сырья, где железная гвардия международных вооруженных сил ТНК (транснациональных корпораций) будет создавать «мировой правопорядок и стабильность» (док. ООН). В этом свете следует рассматривать этапы разоружения, конверсии, сокращения национальных вооруженных сил и т. д. Далеко идущая цель: сохранение контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руках промышленно-финансовой элиты мира. Не случайно, что Программа ООН по экономическому и социальному развитию на 1990-е годы не содержит бывших в 60-е и 70-е годы установок на неотъемлемый суверенитет народов над их естественными и природными богатствами (см. док. ООН). Как говорят дипломаты, следует избежать риска «разбазаривания» сырья по национальным «квартирам».

Введение новых технологий по обработке вторичного сырья, так называемого безотходного производства и энергосберегающих установок, позволит к 2000 году увеличить насыщаемость населения до 2 млрд. человек. Это предельный рост, считает ЮНЕСКО. На повестке дня искусственное сокращение населения в Азии, Африке и СССР. В документах ООН (комитеты по народонаселению и сырьевым ресурам) все население Земли делится на основное (обеспечиваемое сырьем, 1 млрд.), полуосновное (около 1 млрд.) и вспомогательное народонаселение, нерентабельное в условиях индустриализации, оно не окупает вложенных в него средств для производства и для жизни. В странах, где население в основном вспомогательное, вводятся нормы потребительского ограничения на питание, жилье, ширпотреб, обучение, медицину и т. д. Существует практика талонов, карточек, пайков на минимальное выживание, ставятся «железные занавесы» для выезда людей этого сорта, деньги не кочвертируются — они только символ пайка на выживание. Заработная плата искусственно урезывается до нормы минимального пайка. Секрет прост: больше денег — больше дай товара, больше товара — больше расход сырья, в котором нуждаются люди основной категории в развитых странах.

В России с 1918 года по инициативе Л. Троцкого и Н. Бухарина была введена десятиступенчатая система пайков — в зависимости от служебного поста или физически выполняемой работы. Во всех новых законах СССР, там, где касается заработка, вводятся жесткие нормативы, за исключением лиц иностранного происхождения (работа в СП и инофирмах). По данным ФАО (организации ООН по продовольствию), СССР в 1985—1990 годах занимал третье место в мире по производству сельскохозяйственной продукции (после США и Китая), способен обеспечить 14,5 процента населения Земли питанием по научно обоснованным нормам, но не может прокормить себя с населением 5,4 процента от общего количества. По одним данным, все в СССР гниет, портится, идет на свалку (см. официальную печать), по другим данным — успешно продается в другие страны. По точным сведениям ЮНИДО (организации ООН по промышленности), СССР в последнее десятилетие прочно занимает первое место по добыче нефти, угля, руд, выработке стали, проката, чугуна, стройматериалов и т. д. Но предприятия стонут от скудных фондов, кооперация на спекулятивном голодном пайке, жители годами стоят в очереди на жилье, автомашины, дачи...

Возникает вопрос, почему Россия, $^1/_6$ часть Земли, обладающая самыми богатыми ресурсами сырья и энергии, оказалась в положении сырьевой колонии наряду с Южной Африкой, а ее население — рабами стран с развитой рыночной экономикой?

Корень вопроса слишком глубок и тянется аж в XIX век. В конце XIX века в связи с развитием промышленного производства проблема сырья стала срочно на повестку дня. В 1884 году в Берлине ведущими странами мира был принят «Акт Берлинской конференции», в котором закреплялся принцип эффективной оккупации, суть которого сводилась к тому, что каждая страна обязана была эффективно добывать сырье на своих территориях и пускать его в оборот, а если не позволяли технические средства, то допускать к эксплуатации другие страны и картели. Так Россия стала объектом совместной эксплуатации международных концернов. К концу XIX века Россия превратилась в банкрота. Таможенная война, объявленная ею, к 1905 году вывела ее из тупика. Введена была золотая валюта. Стабилизироввлась обстановка. Но революция 1905 года, финансируемая иностранным капиталом, явилась как бы «митингом», предупреждением русскому правительству. Царь Николай II не внял угрозам, и был издан указ, в соответствии с которым иностранному капиталу позволялось свободно размещаться в России, но вывоз сырья и прибыли ограничивался до 12,8 процента. «Орусивайтесь», — был брошен клич. Началось энергичное вытеснение иностранного капитала из горного дела Урала и Сибири, торгово-промышленной деятельности на Дальнем Востоке. Русские промышленники «отвоевали» 80 процентов нефтяного бизнеса, 100 процентов олова, половина передовой электротехнической промышленности германских трестов перешла в руки россиян. Многие иностранные предприниматели переходили сами в русское подданство и переносили свои капиталы в Россию. В 1911 году США объявили России дипломатический бойкот, международные финансовые круги начали невиданную травлю. Но Россия к 1913 году из «ситцевой империи», по образному выражению В. И. Ленина, превратилась в индустриальную державу и прочно заняла четвертое место в мире. Темпы роста производства составляли 19 процентов в год, за 10 лет население возросло почти на $^1/_3$. Энергично развивались химическая, энергетическая промышленность. В 1913 году Россия на 56 процентов удовлетворяла свои потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства. Из архивов России, при пересчете цен и зарплаты к стоимости товаров и услуг на 1985 год, видно, что профессиональный рабочий (электрик, слесарь) получал ежемесячно около

2000 рублей, а чернорабочий — 600, 700 рублей, специалисты-инженеры — до 20 000 рублей. Это было в 1913 году.

Англичанин Э. Тори в своей работе «Россия в 1914 году» писал, что если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников, и Европа и США окажутся на коленях у сырьевого гиганта. Интересное письмо императора Вильгельма к царю Николаю обнаружено недавно в германских архивах, но тщательно скрываемо гласностью: «Социалисты занимаются подстрекательством войны, этого терпеть нельзя, теперь в особенности. Если это опять повторится, то я введу осадное положение и прикажу всех их подряд посадить за решетку... Мы больше не можем терпеть никакой социалистической пропаганды». Письмо датировано 29 июля 1914 года. Первая мировая война явилась попыткой поставить Россию на колени и заставить выполнять договоренности 1884 года. Поджигателями войны, как отмечал сам кайзер, оказывается, были... социал-демократы. Это заставляет пересмотреть многие установившиеся догмы. Тот факт, что и российские социал-демократы также подталкивали Россию к войне с Германией, сегодня также ни у кого не вызывает сомнения. Резвал Российской империи, ее армии, развязывание гражданской войны — все это было делом рук международных коррумпированных элементов. Поэт тех лет М. Волошин с болью писал: «Вослед героям и вождям крадется хищник стаей жадной, чтоб мощь России неоглядной размыкать и продать врагам! Сгноить ее пшеницы груды, ее бесчестить небеса, пожрать богатства, сжечь леса и высосать моря и руды...»

Положение России после братоубийственной гражданской войны было таково, что она напоминала тяжело избитого человека, валявшегося на международной дороге. Как сейчас стало известно, ее убытки во много раз превышали даже убытки во вторую мировую войну. Естественно, что ничем иным, кроме как сырьевой колонией других стран, она быть не могла. Декрет СНК от 23 ноября 1920 года, предоставивший западным картелям на 70 лет все основные источники сырья и энергии с правом неограниченной эксплуатации русских, одобренный X съездом РКП(б) под лозунгом «милитаризации труда», — живое свидетельство этому. Нэп, проводившийся якобы для соревнования «разных видов собственности», являлся ширмой для дурачков с улицы, как говорят дипломаты. К 1929 году все, что можно было продать, было продано. Частный бизнес сам выдохся из-за отсутствия скудного сырья, которого не хватало даже на государственные предприятия. Вывозилось до 90 процентов. Об этом свидетельствует такой факт. Американская фирма «Форд» собиралась производить автомобили на территории СССР за счет его сырья, но с продажей в России за золотые русские червонцы. Отказали. Сырья не хватало, не вкладывалось это в кредит русского «пайка».

Тот факт, что после 1945 года Россия сумела за 10 лет полностью восстановить свое хозяйство, выйти на передовые рубежи мира — это следствие той временной передышки, которую она получила после войны, и права использовать свое сырье на собственные нужды. Курице, несущей золотые яйца, позволили подышать воздухом свободы и встать на ноги.

Но уже в 50-х годах в жизнь стал активно проводиться план «Закона США от 10 октября 1951 года о взаимном обеспечении безопасности» западного блока и входящих в него стран. В разделе 514 намечалось: «Сократить истощение ресурсов США и обеспечить соответствующие поступления важного сырья странам блока...» за счет стран сырьедобывающих, то есть СССР, Китая, ЮАР, Индии и т. д. Так закладывались правовые основы «золотого миллиарда населения под солнцем благосостояния».

В данной статье автор не будет раскрывать те перипетии сложной борьбы за выживание, которая разворачивалась в 60-е и 70-е годы (правление Хрущева, Брежнева, Андропова), хотя здесь много тайных мест и довольно любопытных, это в другой раз, а сейчас перейдем к дням нашим, к так называемой «перестройке».

Сразу же оговоримся: перестройка — не советское и не русское слово. Оно перешло в наш лексикон и стало политическим термином из международного права, а практически было разработано в кулуарах Всемирного Банка и МВФ (Международный валютный фонд). Об этом говорится, в частности, в докладе МВФ «Социальные аспекты структурной перестройки». Развернутое определение перестройки можно впервые найти в документе № 276 (XXVII) от 20 октября 1983 года в рамках Совета по торговле и развитию ООН, затем идут решения № 297 от 21 сентября 1984 года, № 310 от 29 марта 1985 года и т. д. Интерес представляет доклад ЮНИДО (организация ООН по промышленному развитию) № 339 от 1985 года «Перестройка мирового промышленного производства и перемещение промышленных мощностей в страны Восточной Европы». Документов на этот счет много, но главные их идеи сводятся к следующему.

1. Возросло загрязнение окружающей среды в развитых странах, вывоз сырья себя не оправдывает, малая окупаемость.

2. Необходимость вывода за пределы стран с развитой рыночной экономикой не только добывающих, но и многих перерабатывающих предприятий. Научно-информационные общества, как США, Япония, Западная Европа, ввиду завершения своей структурной перестройки, начавшейся с 1973 года, отказываются от традиционной политики «консервирования» СССР и ряда других стран в качестве аграрно-сырьевой колонии и переводят их в разряд промышленных колоний, так называемый «нижний этаж» мировой цивилизации, вынося на территорию этих стран все материалоемкие, трудоемкие, экологически грязные производства. Намечается с 1995 года полностью вывозить к ним сырье и там перерабатывать.

3. Ввиду нестабильности в странах Африки и Азии предпочтение отдать территории СССР. Джон Скиннер, президент ТНК «Бизнес интернэшионал», так сказал: «Наша задача — проникнуть на советский рынок, овладеть дешевым сырьем и там же его переработать в условиях самой дешевой рабочей силы».

Перестройка в СССР проходит по этапам: 1985—1987 гг., 1987—1990 гг., 1991—1992 гг., 1992—1995 гг., 1995—2005 гг. Последний срок предполагает создание мирового правительства.

Существенной ошибкой наших теоретиков является то, что они предполагают, что переход к рынку есть переход к частной собственности отдельных лиц, как это было в XIX веке. Как при нэпе заглохли все частники из-за сырья, так и теперь сырье предназначается для мировых корпораций, а не для них. Это второй величайший эксперимент в мире на базе русской земли и с применением русского живого труда, пота и крови. Первый — большевистский в 1917—1921 годах, когда намечалось с территории

России зажечь мировой пожар коммунизма во всем мире. Костер погас. Второй — сейчас, когда с территории России ТНК в условной операции «прыжок тигра» установят свое мировое господство, заменив границы географические границами функциональными (см. книгу Р. Вернон «Суверенитет смотрит в гроб». Рим, 1985).

Первый этап перестройки можно назвать периодом первоначального накопления капиталов. Когда корабль тонет, с него тащат все, что попадет под руку, и чем подороже, тем лучше. В январе 1987 года по решению ЦК КПСС и Совмина СССР было частично отменено ограничение во внешней торговле и без ДВК (дифференцированных валютных коэффициентов) разрешено предприятиям и лицам продавать за рубеж все дефицитные товары: продовольствие, ширпотреб, сырье, энергию, золото, химтовары... Даже «мясные лошади» попали в этот злополучный список! Постановлениями ЦК КПСС и Совмина СССР от сентября и октября 1987 года предприятиям давались уже «обязательные директивные указания» о продаже дефицитов за рубеж. Это создало незаинтересованность во внутреннем рынке, началось вымывание товаров, обесценивание рубля, а после постановлений 1987 года о совместных с иностранцами предприятий и Закона о кооперации 1988 года началось повальное опустение наших магазинных полок, международная спекуляция приняла невиданные размеры.

Второй этап перестройки начался с 1989 года и характеризуется захватом земли и производства. Появились законодательные акты о собственности, об аренде, о земле, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о неправительственных (якобы) международных топливно-энергетических ассоциациях, о концернах, валютных и прочих фондах и т. д.

Третий этап намечается с 1992 года — этап, очевидно, сращивания ТНК и совпроизводства. По данным нашей печати, в зарубежных банках уже хранятся сотни млрд. в золоте и твердой валюте, готовые осчастливить Россию. Одно забываем, что эти сотни миллиардов — отнятое у нас с потом и кровью... Проходивший в августе 1990 года VIII Международный конгресс по борьбе с преступностью особо обратил внимание государств на то, что в 90-е годы ожидается мощное наступление международной мафии на государства, особенно пострадают слабо защищенные в экономическом и правовом отношении. «Уже сегодня, — отмечалось в документе конгресса, — доход международной мафии составляет почти $^2/_3$ ВНП всех стран мира». Начнется спекуляция предприятиями, людьми, ресурсами, активное внедрение «спрутов» в органы власти и управления этих стран, шантаж населения голодом, вооруженными конфликтами, эпидемиями и т. д. Надо быть готовыми к суровой борьбе, считают специалисты ООН.

Особой обработке, сказано в документах, будут подвергнуты молодежь и дети. Стоит задача: разрушить семью и превратить ее в послушное стадо. Задача осуществляться должна через ТВ, печать и сексуальную эксплуатацию детей. Популяризируется гомосексуализм и лесбиянство, половая связь детей и родителей...

Теперь перейдем к более конкретной сфере нашей жизни, а именно к созданию правового государства, и рассмотрим некоторые законы СССР, недавно принятые Верховным Советом.

Главный и основной закон — это Закон о собственности, вступивший в силу с 1 июля 1990 года.

Закон о собственности в СССР закрепляет три вида собственности: частную, коллективную и государственную. Красной нитью через все виды собственности проходит идея акционерного вложения в неограниченных размерах (ст. 7, п. 3). Социальное положение определяется толщиной кармана. Если сравнить сотни миллиардов зарубежной и нашей «теневой» мафии с заработной платой работника СССР, то станет вполне ясно, для кого раскрывает объятия положение ст. 1 п. 2, где говорится о свободе «любой хозяйственной или иной деятельности» любых лиц и организаций, в том числе и зарубежных. Как и в декрете СНК от упомянутого 23 ноября 1920 года, разрешается беспрепятственный наем рабочей силы зарубежными фирмами, но вывоз прибыли и сырья ограничен пока с 95 процентов, как ранее, до 80. Как писал Фазиль Искандер, «прогресс — это когда тебя убивают, но уже не отрезают уши». В трудовые доходы записываются суммы акций, дивиденды, наследство, ценные бумаги, «иные источники» (прибыль от ловкости рук, как говорил Остап Бендер). Рассчитывая, очевидно, на дебилов, ст. 6 (в п. 2) объясняет «иные источники» «личными способностями». У кого много денег — тот способный. Всем остальным закон позволяет гнуть спину на «способных».

Широко дано понятие объекта собственности. Ими становятся дома, земли, недра, транспорт, средства производства, ценные бумаги, предметы материального и духовного производства и даже... растительный и животный мир.

Коллективная собственность так замаскирована в законе, что трудно догадаться, для кого она предназначена в конечном итоге. По тексту статей — это якобы содружество «лис» советских, «волков» зарубежных и «зайцев-производителей». Этакий совместный ужин.

Однако в ст. 12 четко оговорено, что положение «коллективного собственника» определяется его денежным вкладом в предприятие. Если вклад 100 рублей, то соответствующий и социальный вес работника, а если 3 миллиарда — и вес как положено. В кооперативном предприятии социальное положение определяется «вкладом и доходами» (ст. 13), наемный работник (служащий) — человек второго сорта, он на основе Закона о кооперации просто раб и прибылью не распоряжается. В акционерном обществе положение зависит от суммы акций (ст. 15). Как видим, основное — это деньги, неважно, как добытые, а труд — это привесок для «неспособных» (как справедливо отмечено в названной выше ст. 6, п. 2). По расчетам наших «прорабов перестройки» (Минфин, Госплан, Госкомстат и прочее), ожидается более 25 миллионов безработных, десятки миллионов беженцев, миллионы репрессированных, и все называется «платой за перестройку», для того, чтобы «способные» могли успешно нанимать для труда «неспособных», то есть 280 млн. россиян. Но главный корень фарисейства кроется в том, что этих же людей будут обирать за их же труд путем так называемого добровольно-принудительного отчисления в фонды предприятия от скудной их заработной платы. За счет этого «фонда» хозяин будет реконструировать свое предприятие, для работника строить жилье, выдавать пособие, пенсии, но представляется все это как «дарственная», милосердие хозяина.

Любые попытки изменить условия закона сурово наказываются (ст. 33, 34). Однако в законе нет правовой защиты лиц наемного труда.

Так, по общепринятому международному стандарту (МОТ)

70 процентов от полученной прибыли идет на оплату производителя, 20 процентов — в фонд развития предприятия, 10 процентов — местные и центральные налоги государству. Не случайно, что в США зарплата составляет 3—4 тысячи долларов в месяц, а у нас — 300 рублей в лучшем случае: на зарплату выдается только... пять-семь процентов, а $^{9}/_{10}$ уходит в так называемые общественные фонды, целевое направление которых за 70 лет никто так и не выяснил, ибо, по точным подсчетам наших и даже зарубежных экономистов, каждый человек в СССР окупает общественные фонды за два года работы. Если вы получаете 300 рублей, то ежемесячно у вас изымают 2700 рублей плюс подоходные и косвенные налоги. Чингисхан с его десятипроцентным ясаком (данью) сегодня выглядит благодетелем русского народа в сравнении с ханами XX века.

Или другая тайна. Министр финансов не мог ответить депутатам, каков реальный прожиточный минимум в СССР. В США это — 12 тысяч долларов. В Швейцарии — 16 тысяч. Даже для слаборазвитых стран Африки и Азии ООН установила (на 1 января 1990 г.) прожиточный уровень в 1000 долларов в год, ниже которого не должна опускаться ни одна семья. В случае, если правительство по объективным причинам не может обеспечить такие семьи, то ООН оказывает ему помощь через свои общественные фонды. Объективными причинами в международном праве считаются войны, эпидемии, стихийные бедствия. Если объективных причин нет, то виновато правительство, и оно несет полную международную ответственность. Ему могут отказать в международном доверии, обвинить в нарушении прав человека, объявить бойкот.

В СССР, по данным Госкомстата, семья получает 9,6 тысячи долларов в год. Эту туфту «варят» так. Берут «средних» мужа и жену, умножают их средний доход в 250 рублей на два человека — 500 рублей. Затем умножают сумму на 12 месяцев — 6 тысяч — и переводят на долларовый коэффициент 0,6 и получают таким образом в среднем 9 тысяч долларов в год на семью. Фактически же, в реальном долларовом исчислении по рыночным ценам, средний человек в СССР получает: 300 рублей — 15—20 долларов или в год 15 долларов × 12 = 180 долларов. 98 процентов населения СССР живет за чертой бедности, равной 1000 долларов в год.

В тесной связи с законом о собственности находятся и нормативные акты о приватизации государственной собственности (Законы об аренде, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о совместных предприятиях), а также законы о едином налогообложении граждан и предприятий, акты о землепользовании и др. Их нельзя рассматривать изолированно. Главной сутью этих законов является право создавать на территории СССР иностранные консорциумы, союзы, концерны и другие объединения с целью долгосрочной аренды земли, естественных и природных ресурсов, предприятий, зданий, сооружений (ст. 5, 12 закона об аренде). По закону о собственности арендованные объекты могут быть предоставлены затем во владение и собственность арендаторов. В соответствии с разделом XIV Основ земельного законодательства СССР правительство может заключить международные соглашения в обход закона о земле, запрещающего продавать землю иностранцам напрямую. Такое право закреплено в Законе СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 года (ст. 6, 12, 13, 15). Короче, через международные соглашения без санкции Верховных Советов можно обойти с тыла закон о земле и прочие и открыть широкую дорогу для бесконтрольного расхищения естественных и природных богатств российского народа. Этакое международное акционерное общество по эксплуатации богатств России... Уже в обход парламентов СССР и РСФСР заключены крупные сделки по передаче земель и богатств Восточной и Западной Сибири, по изъятию золота и алмазов Якутии и Дальнего Востока. Не случайно в определенных кругах муссируется идея «несправедливой» принадлежности русскому народу сибирских и северных земель. Вот, мол, на Японских островах скучено 100 млн., а в СССР пустуют огромные площади земли. Общечеловеческие ценности, говорят, выше ценностей национальных! Европа и Азия — наш общий дом. Но какую часть общего дома собираются отвести русскому народу общечеловеческие интернационалисты? В любом доме ведь есть не только гостиная, но и сортир.

В этой связи настораживает и так называемый национальный и региональный суверенитет в РСФСР. Не связан ли он с целью указанных законов? Вспоминается секретный документ, подписанный лордом Берти 6 декабря 1918 года в Париже: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных госудврств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку». Хуже, если сегодня и «остальному» не дадут даже «вариться в собственном соку», а проварят в соку экологического опустошения и людского вымирания на территории уже бывшей так называемой России...

●

Очерк и публицистика

Николай ШИПИЛОВ,
писатель

КТО ДАЛ ПРАВО БЫТЬ РАВНОДУШНЫМ К СУДЬБЕ ОТЧИЗНЫ?

Страшный век... Полная утрата смысла человеческого проживания на планете. Бойни не утихают, и есть нечто сатанинское в том, как, не теряя чувства юмора, люди наблюдают за происходящим: что в нашей власти? что от нас зависит? Кому мы нужны-то, хи-хи-хи... Гори оно все синим огнем.

Кто дал нам право быть равнодушными к судьбе отчей земли? Ведь наказание будет жестоким. Наши дети проклянут отеческий прах, очутившись безродными на исконной своей земле, чужими в собственном историческом доме. Пора очнуться от пьяных снов и понять, что живем мы в комендантском веке и на территории огромного концлагеря, что пора называть вещи своими именами, что подлог и подмены сыграют роковую для нас, россиян, роль, а пути назад не будет.

Почему юный американец любит и уважает свой флаг и гимн? Почему это не ставится в укор канадцу, шведу, китайцу? Почему цивилизованный японец не выбросил кимоно на свалку истории и, храня национальную культуру своего маленького островка, тем не менее уважает культуру мировую, достоинство каждого народа и его право жить по законам предков? Это ставится в вину только нашему народу. Только российские народы и русские, в частности, лишены права отстаивать свой уклад, являются предметом насмешек со стороны воинствующих «интернационалистов», не видят впереди света, а оглянувшись назад, осознают, что вот уже восьмой десяток лет на пустырях свищут ветры да катают российские судьбы, как перекати-поле в пустынных степях... Не являемся ли мы всего-навсего расконвоированными заключенными, спецпоселенцами при иллюзии конституционных свобод, выбора жизненного пути, при так называемой гражданской позиции каждого или отсутствии таковой?

Я родился на острове Сахалин при военном коменданте.

Позже жил в поселке каменного карьера в Сибири тоже при коменданте. В его саду я впервые увидел немецкую овчарку, цепную, охрипшую от лая. А жили мы на самострое — отец выстроил времянку у леса. Из этой времянки его вынесли на кладбище. Из нее же вынесли маму, а медаль ее «Материнской славы» осиротевшие дети не смогли даже и в ломбард сдать: кому она нужна, безделица? Кому были нужны эти «славные матери»? их дети?

Когда я шел получать паспорт гражданина Советского Союза, то в моем сознании он был неотделим от России. Наоборот: монолитом, гордостью, твердью, осиянной славой. Тогда я еще не знал, что вся моя последующая жизнь до сей поры пройдет под игом общежитских комендантов, но надеждой на лучшее жив человек.

Тогда я еще не знал, что мы, русские — оккупанты, поскольку поселок наш сибирский состоял из пестрого люда: тут были и корейцы, и немцы, и украинцы, и латыши, и даже старик-австриец — бывший военнопленный. В бывшем спецпоселении картошка звалась «сибирскими яблоками», а вороны — «сибирскими соловьями». Здесь от одной коровенки кормилось с десяток семей без различия национальной принадлежности. С этим молоком впитывался в нас дух не только луговых трав, но и братства, взаимовыручки, умения довольствоваться малым, не выставляя свои приоритеты, не требуя с родителей больше того, что они могли дать каждому из пяти моих сестер и братьев. Может быть, это умение довольствоваться малым и вызывает теперь насмешки коммерческого меньшинства над бесштанным большинством? Однако это особая тема — тема умения сосуществовать без надругательства над естественным правом каждого на жизнь не худшую, чем твоя собственная.

Возвращаясь к теме паспортного режима, скажу, что задал он мне мороки! Вместе с побратимом своим — военным билетом, они лишили меня возможности выполнять пятилетки в три года; выбили из седла, сделали человеком второго сорта. А предыстория проста, как бумажный рубль выпуска шестьдесят первого года. Вот она вкратце: я оставил в троллейбусе портфель, во чреве которого, помимо прочего, находился и военный билет. Некоторое время спустя я понял, что случилось непоправимое и, теперь уже забегая вперед, скажу, что ни разу в жизни не голосовал, не участвовал в праздничных демонстрациях, не проходил ни по одному документу переписи населения, разве что в глубоком детстве, потому, что пошел работать несовершеннолетним и все время жил не по месту прописки, а снимая жилье или в общагах. Про общаги скажу отдельно. С утерей же военного билета жизнь моя осложнилась сугубо.

Выждав, набравшись духу, сходил в военкомат, ибо гена/ли знал: без бумажки — ты букашка и всяк суслик для тебя — агроном. Объясняю капитану, что к армии отношусь хорошо, что не годен к строевой службе из-за оскольчатого перелома обеих пяточных костей, что устраиваюсь на другую работу, а военного билета уже не жду от милостивых государей, нашедших мой старенький портфель. Служивые потребовали справку с места жительства, а места такового у меня, как известно, нет. Я в милицию по старому месту прописки: начальник порылся в бумагах особой какой-то важности и сообщил мне, что мачеха давным-

давно выписала меня с отцовского ковчега, а саму эту хибару продала. Как же быть? — думаю. Признаюсь, что с мачехой, пустившей моих младших по миру, я со дня смерти отца не виделся. Снова иду в военкомат: так и так... И стали меня гонять по замкнутому кругу: милиция — военкомат — милиция. Но не таков я был парень, чтобы валять ваньку. И решил жить без унизительных попыток доказать, что я — это действительно я, пусть и утерявший военный билет, но Шипилов Николай Александрович, сын собственных родителей. И пошел я в дальний и трудный поход, и иду до сего дня. В период «застоя» и в период «перестройки» — одним цветом. То Новосибирское телевиденье даввло мне, беспачпортному, подработать — я писал песни для телепередач и всего выдал их около сотни, то «шабашил» с весны до поздней с морозцами осени, чтоб зимой писать прозу. Человеком я был энергичным, жить хотел очень, ночлежки и шалманы меня не пугали, жил: докажу, думал, что человек — это звучит гордо! Увы! человек — это звучит горько: в этих каторжных, как я теперь понимаю, скитаниях погибла моя жена Ольга Поплавская, погибла, словно желая облегчить мне участь, грешному...

И тут мои прозаические опыты благословила первой публикацией сама Москва, а было мне уже тридцать шесть, и чистая моя сила грозила обернуться нечистой погибелью от безнадеги и крысиного мрака тех подвалов, где я зимовал свои зимы. Для уездного благословение Москвы тогда значило немало — я и обмяк слегка: самое трудное, думаю, позади! Выжили, босота! гнулись, да не сломались... но ошибочка вышла. Меня вызвали в обком партии, выказав тем самым огромное доверие к беспартийному писаке с непонятным образом жизни. Там, на самом высоком уровне мне бережно показали письмо из Москвы. Письмо это содержало просьбу посодействовать мне с пропиской, с военным билетом. Далее один из секретарей обкома партии передал меня инструктору, тот — еще одному инструктору, который долго объяснял мне, отупевшему от абсурдности происходящего, что я должен где-то работать, как всякий советский гражданин, и что жить без прописки не есть хорошо. Разве я говорил ему, что жить мне хорошо? А если уж на то пошло, говорю я ему, то почему всякий советский гражданин должен иметь прописку? Разве я рецидивист? Разве я опасен для общества? Разве я не хочу выполнять пятилетки в три года? Разве мои родители не заслужили честным трудом право их чад на свободу перемещений внутри страны и право на работу там, где в них нуждаются как в профессионалах, а не как в «бичах»? Ведь кто-то уничтожил моих деда с бабкой во времена гражданской войны: красные ли, белые ли, и мой отец жил сиротой, работая с малолетства за то, чтоб оставить на земле после себя лишь могильный холмик? Вот и мне уже пятый десяток пошел, и я точно знаю, что хороший-то хозяин прежде, чем запрячь коня, накормит его и напоит, осмотрит копыта его, а уж никак не заставит пахать истощенное животное... Инструктор, говорю, или это не так? Или вы плохие хозяева, самозванные? Однако под благовидным предлогом я был спущен по иерархической лестнице до коменданта одного из городских общежитий.

Комендант очень удивился, когда узнал, что у меня нет военного билета и увидел штамп о прописке «внутри города», которому было уже много годков. Он отказался от такого клиента, от

такого посягательства на койко-место. Нет тебе, жалкому, койко-места. Не положено.

Звоню в обком некой Антонине Тимофеевне, если мне не изменяет память. «Как это? — удивлена и она. — Да вас же судить надо за такое отношение к документам!?» Какое же отношение? — не успел спросить я: на меня напал смех, который она не захотела слушать. Позже и бывший секретарь по идеологии товарищ... Колесников-товарищ топал на меня ногами публично, на писательском собрании и кричал со вращением негодующих очей, что таких, как Шипилов, надо «за ушко да на солнышко». Но я уже смотрел на все это, как на клоунаду: то скушно, то смешно — ничего более: я перестал ждать, и стало легче. «Так вы меня хотите в Сочи прописать?» — спросил я у Колесникова-товарища. Простодушно так спросил. В Сочи, дескать, упечь меня хотите, подальше от солнечной моей Сибирюшки, а? Пошутил напоследок. Уж очень мне нравилось, как он топал ногами и президиум смотрел на него благоговейно — на меня со страхом и ужасом: как же ты смеешь?

Смею. Потому что жил, когда не вы договаривались с крысами о мирном сосуществовании, а я договаривался и договорился: стал ставить им на ночь пищу, и они прекратили свои ночные обходы, когда невозможно погасить свет, чтоб уснуть. Я ставил на них обкуренные капканы — в капканы они не шли. Я подранил одну из «воздушки» — она ушла под пол и стала там разлагаться: это не для слабонервных. И когда я поставил им еду — они оставили меня в покое.

Я уже не рассчитывал на вас, и один человек из моих верных друзей сказал:

«У меня есть знакомый комендант. Он пишет стихи, любит их... Спой ему свои песни...»

Песни коменданту понравились.

В течение недели я стал обладателем новехонького военного злополучного билета, прописки в общежитии, и теперь наконец-то мог покинуть город, который люблю до сей поры. Ведь раньше я не мог это произвести: нет штампа о прописке — нет и открепительного талона. А куда же поедешь в милом отечестве без бумажки от коменданта?..

Писательская организация проулюлюкала мне вслед статьей в одном из центральных журналов. Помню, она называлась: «Как стать известным писателем...» В ней все было подано так, что я специально десятилетиями жил без крова, мне так нравилось, это привлекало якобы ко мне внимание... Возможно, что и привлекало. Но внимание неимущих, которые делили со мной и хлеб, и ночлег, открывали мне окна новосибирских университетских общежитий в зимние ночи, слушали мои песни и не понимали: что же происходит в стране? куда мы идем? кто мы у себя на родине? кто нас ограбил и лишил надежды на ясное будущее наших уже детей?.. И не понимали: как я выживаю и почему еще не валяюсь пьяный в сточной канаве?

А это мой поселок, мой карьер давал мне силы, пусть и невеликие.

Он давал мне силу презрения к ворам, действующим от имени народа, только кто этот народ, если не мы, — неясно. Он давал мне волю к жизни, потому что в детские годы я жил не лучше, чем сейчас, в отношении хлеба насущного, но на зависть мне, сегодняшнему, вольно. А сейчас привет вам, братья по соцлагерю

и по соцзоне! Складывается впечатление, что существующий у нас порядок вещей принуждает человека не жить по закону, а нарушать его потому, что сметены и поросли словесами нравственные национальные законы. Нигде, как у нас, наверное, человек так легко не превращается в бродягу и отшельника, лишаясь своих прав. Бесправного же человека легко эксплуатировать, и труд его дешев. Только психологией лагерников можно объяснить низкую производительность труда на наших предприятиях, ведь нигде так, как в лагерях, не умеют имитировать трудовую деятельность. И глупо было бы думать, что с приходом в наш ад рыночного рая мы дружно станем счастливы и богаты. Ведь живем мы в оккупации, которая все реже заигрывает с туземцами, а все чаще и грубей навязывает нам бумажное счастье, иллюзию, что все не так уж плохо. Меняется тон радиопередач. Имидж газет и журналов. Вот прочел я недавно в одной из них, этих газет:

«...презентация фильма... Ждем вас! Рекомендуем вечерние платья и бабочки...» Ну что, казалось бы, дурного, если вас ждут в вечерних платьях, в шимми, дудочках или бабочках, в туфлях на микропорке или голышом? Но много печальных русских картин встает перед глазами. Яснее ясного я вижу за окном транссибирского экспресса женщин в оранжевых жилетах. Это чьи-то матери с совковыми лопатами в руках чистят железнодорожные пути. Я вижу согбенных старух в старых же телогрейках, копающих спасительницу-картошку в зиму. Стариков с орденскими планками, умоляюще протягивающих руки к поезду в надежде выклянчить табачку.. Озверевшие очереди, панику и хаос в ожидании наступающей полной босоты и голоты, криминализации городской жизни и торговли рабынями любви в зарубежье — то-то и презентация в вечерних платьях.

А пресса оголтело судит известного Джугашвили и небезызвестного Осташвили. Шельмование обывателя идет под торжествующий рык хит-парадов. Нам, безъязыким, некуда отступать. Бессловесные, потерявшие надежду россияне, как с обочины магистрали, глядят на слегка подмарафеченный поезд с названьем «Россия», который, набирая пары, уходит от них на Европу. Сбросьте же оцепенение Семьдесят лет потрясений многовато для двух поколений, но для древней нашей истории — это не срок. Нам некуда отступать — уже и Москвы за нами не видно: в ней идут уличные бои. Никто и нигде не ждет нас в этом комендантском веке. И никакие радетели не должны ввести нас в заблуждение относительно своих истинных намерений. Смена вывесок — не смена сути, а суть прежняя: пользуясь недовольством, озлобленностью населения страны, придут к власти новые дельцы, молодые, борзые, богатые и без наших крох. И там, где пахали российские земледе́льцы, воцарятся земледельцы́. Комендантский век еще не окончен.

Наше национальное дело сейчас — не разрушать старое, это уже было. Исправить старое, объединяясь вокруг идеи народного труда, народного счастья, воротить народу ему принадлежащее по праву этого труда, а народ русский воротить в православие и православную нравственность, — только так мы сохраним государственность, армию, а значит, и будущее наших детей, будущих граждан России.

●

Юрий Калабухов — не историк. Обыкновенный читатель «Молодой гвардии», инженер по образованию, он, человек пытливого ума, наделенный наблюдательностью и склонностью к анализу, а равно и чувством высокой гражданской ответственности за судьбу страны, ее прошлое и настоящее, взял на себя нелегкий труд сопоставления и самостоятельного прочтения тех фактов и мифов нашей истории, которые плотной вуалью окутывают самые спорные страницы давнего прошлого, те страницы, вокруг которых и по сей день идет жаркая полемика, затеняется или выясняется истина.

Ю. Калабухов не претендует на утверждение исторической истины — это хлеб честных ученых, их профессиональное дело и долг. Заметки Ю. Калабухова интересны и важны именно как взгляд неравнодушного нашего современника на прошлое страны; их моральная и нравственная значимость ненавязчиво выявляется в самоценной для духовного здоровья народа, нации преемственности поколений. Если молодые потомки будут с ожесточением и без разбора отвергать деяния отцов и дедов, смысл и цели их жизни, само общественное развитие прервется, общество погрязнет в социальных стоках и амбициях, наступит саморазрушение, распад...

Юрий КАЛАБУХОВ

БЕЛЫЕ ПЯТНА И МИФЫ ИСТОРИИ

(Гипотезы, факты, размышления)

ТРОЦКИЗМ И ПЕРЕРОЖДЕНИЕ «СТАРОЙ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ»

Статья первая

Середина и вторая половина 20-х годов XX столетия были отмечены решительной борьбой нашей партии с троцкизмом.

После гражданской войны страна вышла серьезно ослабленной. Нужно было восстанавливать разрушенное, налаживать мирную жизнь, хозяйство. Народ, отстоявший свою революцию, должен был строить новую жизнь, строить и укреплять новое общество: общество без эксплуататорских классов. Он должен был показать всему миру, на что способен человек, свободный от рабства и эксплуатации; на что способно общество, не имеющее антагонистических классов.

Партии нужно было вести народ по пути, никем не изведанному. Вести в окружении империалистических держав, страстно мечтавших как можно быстрее задушить это молодое государство, так больно стукнувшее по носу всех интервентов в гражданской войне 1918—1920 годов и представлявшее для них (по их мнению) в про-

пагандистском плане серьезную опасность в мирном соревновании разных общественных систем.

В своем «Письме к съезду» В. И. Ленин назвал «выдающимися вождями современного ЦК» Сталина и Троцкого. Между этими лидерами партии и развернулась борьба за определение дальнейшего пути развития нашей страны «среди враждебных государств».

Чтобы понять суть этой борьбы, надо знать, что отстаивал каждый из этих лидеров партии.

В работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», декабрь 1924 года (см.: Сталин И. В. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1945 г.), Сталин приводит высказывания Троцкого в разные годы о перспективах социалистической революции в одной, отдельно взятой стране.

Высказывание первое. 1906 год, брошюра Троцкого «Наша революция»: «Без государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

Высказывание второе. 1917 год, брошюра «Программа мира» (появилась в свет перед Октябрьской революцией и была переиздана в 1924 году): «...Ни одна страна не должна дожидаться других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствует и опыт истории, и теоретические соображения — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».

Высказывание третье. 1922 год, «Предисловие» Троцкого к книге «1905 год»: «Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции». Мудреное это название выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не может, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Высказывание четвертое. 1922 год, «Послесловие» Троцкого к

новому изданию брошюры «Программа мира»: «Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром, в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Следует также к высказываниям Троцкого добавить его лозунг: «Без царя, а правительство рабочее», — то есть лозунг о революции без крестьянства, этот лозунг был выдвинут Троцким в 1905 году.

О чем говорят все эти высказывания Троцкого? О его неверии в победу социалистической революции в одной стране, да еще такой отсталой, какой была в то время Россия. О бесперспективности строительства социализма в России и его вере в возможность победы социалистической революции «только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата», «только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». О его неверии в революционные возможности крестьянства, силы и способности российского пролетариата.

Приводя в своей работе перечисленные высказывания Троцкого, И. В. Сталин говорит, что Троцкий для России фактически предлагает выбор: «Либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство».

Что говорил Сталин о победе социализма в одной стране?

Высказывание первое. 1925 год, брошюра «К итогам работы XIV партконференции»: «Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идет здесь о построении социализма в одной стране). Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идет здесь об окончательной победе социализма)... Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист.

...Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством под руководством рабочего класса... ибо при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходи-

мые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами.

...Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма».

Высказывание второе. 1926 год, брошюра «К вопросам ленинизма»: «Что такое возможность победы социализма в одной стране? Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах...

Что такое невозможность полной окончательной победы социализма в одной стране без победы революции в других странах?

Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма».

Далее И. В. Сталин в этой же брошюре приводит выдержку из «Ответа» Московского комитета ВКП(б) на письмо ленинградской губпартконференции: «Не так давно Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет идти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем идти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской политики».

Приведя эту выдержку, И. В. Сталин пишет: «Характерно, что у Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них Московским комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Зиновьев и Каменев «ответили» на это обвинение молчанием потому, что нечем было его «крыть».

Таким образом, сравнивая высказывания Сталина и Троцкого, можно сделать вывод о существовании диаметрально противоположных взглядов этих лидеров партии на перспективу строительства социализма в нашей стране.

Какой фон мировой истории сопровождал борьбу Сталина и Троцкого? Что значительное произошло и происходило в мировой истории в то время?

В журнале «Проблемы мира и социализма» № 10, 1988, в статье «Выбор истории и история альтернатив», в частности, сказано: «С развернутой критикой Троцкого выступил Бухарин... он с самого начала дискуссии признает, что к 1924 году в стране (и в мире) сложилась принципиально новая ситуация...

...Троцкий и его единомышленники... утверждают, что... историческая ситуация к 1924 году существенно отличалась не только от той, которая в свое время была перед глазами Маркса, но даже от той, которую анализировал Ленин перед Октябрем и непосредственно после него: началась стабилизация капитализма, революционные ситуации не вылились в революции. СССР оказался единственной социалистической страной в мире, причем страной, где в результате первой мировой и гражданской войн промышленность была разрушена и рабочий класс стал малочисленным и ослабленным».

Но все эти причины могли только существенно замедлить путь нашего социалистического развития. В данной сложившейся ситуации внутри страны, как она представлена Троцким и его единомышленниками, вовсе не обязательно было предлагать (что они предлагали) в экономике командно-принудительную систему при построении социализма. Такое предложение могло последовать, только исходя из необходимости очень быстрого строительства социализма. Но с чем это было связано? Что настраивало ЦК ВКП(б) на самый серьезный разговор о перспективах, темпах и выборе пути развития нашей страны? **Рождение фашизма в Европе** и **приход его к власти в 1922 году в Италии** — вот что настраивало на такой разговор. В лице фашизма ЦК увидел будущую ударную силу империализма в борьбе с нами за уничтожение социалистической революции. ЦК помнил о фразе В. И. Ленина из «Письма к съезду», касающейся политической реформы в партии: «Такая реформа... облегчила бы для нее (партии. — **Ю. К.**) борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы».

Фашизм в Италии в 20-е годы быстро набирал силу, подкармливаемый американским и английским капиталом. Этот модельный фашизм проходил в Италии обкатку, шлифовку и доводку, когда выявлялись слабые и сильные стороны **новой формы диктатуры буржуазии**, ее перспективность для будущей борьбы с нами.

Но тогда еще невозможно было представить размеры и силу этого страшного огромного чудовища, которое в будущем, в 30-е годы, смогло вырасти в лице германского фашизма!

И тогда, в 20-е годы, «старая ленинская гвардия» в лице прежде всего Бухарина и Рыкова еще поддерживала Сталина в его борьбе с Троцким, выискивая пути максимально быстрого и в то же время реально возможного темпа развития нашей страны, перевода ее с рельсов «крестьянской лошади» на рельсы «машинной индустрии». Тогда эта «гвардия» еще верила в возможность укрепления революции с тем, чтобы в будущем при необходимости встать на ее защиту в битве с империализмом. Тогда эта «гвардия» о силе империализма судила по развитию итальянского фашизма, не предполагая, сколь быстро пойдет развитие германского фашизма.

И если вновь вернуться к борьбе Сталина с Троцким, то надо констатировать, что вторая половина 20-х годов ознаменовалась сокрушительным идейным разгромом троцкизма нашей партией. Партия боролась с троцкистами политическими методами (дискуссии на съездах, партконференциях и т. д.). В те годы троцкисты еще

не создавали подпольные контрреволюционные организации по стране и сражались со своими противниками в открытом бою политическими методами. Но это было в 20-е годы...

На судебном процессе в 1938 году по делу антисоветского право-троцкистского блока Бухарин в своем последнем слове подсудимого, в частности, сказал: «Я уже указывал при даче основных показаний на судебном следствии, что не голая логика борьбы погнала нас, контрреволюционных заговорщиков, в то зловонное подполье, которое в своей наготе раскрылось за время прохождения этого процесса. **Эта голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей.** ...У нас было перерождение, которое привело нас в лагерь, очень близкий по своим установкам, по своеобразию к кулацкому преторианскому фашизму».

Бухарин мог не говорить всех этих предложений или мог сказать их по-другому, не высвечивая четко мысль о «перерождении». Но он хотел сказать именно так, как сказал. **Он хотел говорить правду**, так как ясно понимал, что этот процесс — конец его жизни в буквальном смысле слова. А завершить свой жизненный путь Бухарин хотел честно и достойно, как должен был завершить этот путь представитель «старой ленинской гвардии», каким он себя всегда считал.

Когда же и почему началось это «перерождение», о котором говорил на суде Бухарин?

Разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым и другими будущими правыми оппозиционерами, с другой, следует относить на 1928—1929 годы. До этого, в частности, Бухарин поддерживал Сталина в его политике.

В речи Сталина «О правой опасности в ВКП(б)», произнесенной им на Пленуме МК и МКК 19 октября 1928 года, рассматривались особенности правого и левого уклонов, примиренчества, имевшие место в партии и серьезно мешавшие делу строительства социализма в нашей стране. Сталин в этой речи призывал партию к решительной борьбе с этими отклонениями в ее деятельности. Но в этой речи не назывались конкретные фамилии руководящих деятелей партии, которые занимали уклонистские или примиренческие позиции.

И только в речи «О правом уклоне в ВКП(б)», произнесенной Сталиным в апреле 1929 года на Пленуме ЦК ВКП(б), уже четко были названы фамилии Бухарина, Рыкова и Томского как главных правых уклонистов в партии. Особенно резко Сталин критиковал в этой речи Бухарина и как теоретика, и как практика строительства социализма. Здесь же было сказано о недоверчивом отношении Бухарина к колхозам, что сказалось в речи Бухарина на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года и в его тезисах перед этим Пленумом.

Главным в споре Сталина и Бухарина было определение стратегии линии партии на годы строительства социализма. Резко разошлись Сталин и Бухарин в вопросе реконструкции сельского хозяйства. По Сталину, «ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития индустрии», по Бухарину, «ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства». Под индивидуальным крестьянским хозяйством Бухарин имел в виду прежде всего кулаков. Во второй половине 20-х годов кулацкие хозяйства

составляли 15—20% от всех крестьянских хозяйств, общее количество которых составляло 25 миллионов дворов. Значит, кулацкие хозяйства насчитывали 3—5 миллионов дворов. Это была большая масса крестьянства, которая давала значительное количество зерна в государственные закрома и тем самым помогала советскому народу, строящему социализм, в трудные для нашей страны 20-е годы.

Бухарин, как теоретик, считал возможным построение социализма с постепенным «врастанием кулака в социализм». Сталин, говоря о немарксистском подходе Бухарина к вопросу о классовой борьбе в стране, о его непонимании механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата, заключает:

«...Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна **погаснуть и ликвидироваться** для того, чтобы получилось уничтожение классов. Ленин же, наоборот, учит, что классы могут быть уничтожены лишь путем упорной классовой борьбы, становящейся в условиях диктатуры пролетариата **еще более ожесточенной**, чем до диктатуры пролетариата. Ленин говорит: «Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной **классовой борьбы**, которая **после** свержения власти капитала, **после** разрушения власти буржуазного государства, **после** установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (Ленин. «Привет венгерским рабочим»).

На что надеялись Бухарин, Рыков и Томский, становясь на защиту кулака? Тогда, в 20-е годы, кулак представлял значительную силу, и с ним серьезно нужно было считаться партии, проводя политику коллективизации в деревне. И именно на эти массы крестьянства и сделали ставку лидеры правой оппозиции. Они, с одной стороны, считали, что политика темпового наступления на кулака может серьезно сказаться на внутреннем положении в стране, а с другой стороны, защищая кулака, надеялись на поддержку этими массами крестьянства своей политики в партии.

Но... 1928 и 1929 годы явились той границей, когда империализм понял, что обкатка, шлифовка и доводка модельного фашизма кончилась и пришло время решительно повести вперед, к власти, фашизм германский: фашизм глобальный, которому предстояло в недалеком будущем (как оказалось, через 12 лет) начать великую битву с социализмом и предпринять еще одну попытку (как надеялся империализм, последнюю) сокрушить социализм и социалистическую революцию в нашей стране.

По сравнению с 1928 годом, когда национал-социалистическая партия Германии имела в рейхстаге всего 12 мандатов, в 1930 году она уже имела 107 мандатов, став в своей стране второй по значимости партией (первой была социал-демократическая партия). Это событие, происшедшее в Германии, прозвучало для нас сигнальным колоколом, призывом к решительным действиям, прежде всего, по отношению к нэпманам и кулакам. Империализм начал решительный поход в подготовке своей ударной силы против нас, и мы в ответ на эти действия должны были предпринимать самые решительные меры по защите и укреплению нашей революции. Сталин и Бухарин разошлись после того, как партия начала готовиться к решительной борьбе с пережитками капитализма в стране.

Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года («К вопросам аграрной политики в СССР»), в частности, сказал: «Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что он введен навсегда». Это было обоснованием, исходя из складывающихся внешних условий, для начала ликвидации кулака как класса.

Так начался разрыв «старой ленинской гвардии» в лице Бухарина, Рыкова и других выходцев из интеллигенции со Сталиным и поддерживающим его новым, молодым поколением руководителей партии, в основном выходцев из рабочих и крестьянских (некулацких) семей.

30 января 1933 года Гитлер по указу президента Гинденбурга становится рейхсканцлером Германии. В марте 1933 года национал-социалистическая партия Германии приходит к власти. К началу 1934 года она безраздельно господствует в стране.

В 1936 году фашистская Германия начинает войну с республиканцами в Испании, помогая фашистскому режиму Франко и обкатывая свою милитаристскую машину. Из связанной по рукам и ногам Версальским договором Германия фантастически быстро превращается в одну из самых развитых и сильных капиталистических стран не только Европы, но и мира. Американский и английский капитал делал свое дело. Империализм чрезвычайно серьезно готовился к разгрому Октябрьской революции и уничтожению социализма как общественной формации на Земле.

Такое стремительное развитие германского фашизма вынуждало и нас действовать самым решительным образом в стране. Какое там «медленное врастание кулака в социализм», когда Стране Советов угрожала гибель, когда социалистической революции угрожала смертельная опасность!

Родина... Для каждого человека это слово наполнено очень глубоким содержанием. Если говорить общим определением, то Родина — это исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным и государственным строем, особенностями языка, культуры, быта и нравов. Слово «Родина» неразрывно связано со словом «патриотизм». Что написано в Большой Советской Энциклопедии о слове «патриотизм»? «Патриотизм — это любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам.

...**В классовом обществе содержание патриотизма становится классовым, ибо каждый класс выражает свое отношение к отечеству через присущие ему специфические интересы.** В ходе социалистической революции меняется социальная сущность отечества, главным содержанием этого понятия становится социализм — объект национальной гордости и подлинное отечество трудящихся, формируется социалистический всенародный патриотизм...» (БСЭ, 3-е изд., 1975, т. 19, стр. 282).

Таким образом, в содержание слов «патриотизм», «родина» вкладывается классовая сущность, если эти слова применяются к классовому обществу. Разберем несколько примеров.

Пример первый. На капиталистическую страну нападает другая капиталистическая страна. Здесь интересы и угнетателей и угнетенных совпадают: они защищают суверенитет и независимость своей Родины. И будут сражаться под одними знаменами до полного разгрома врага.

Пример второй. На капиталистическую страну нападает страна социалистическая, которая провозглашает принцип «Свободу угнетенным народам!». В данном случае в капиталистической стране произойдет четкое разделение правящего класса и угнетенных классов.

Пример третий. На социалистическую страну нападает страна (страны) капиталистическая. В данном случае все классы социалистической страны встанут на защиту социалистической Родины.

И если какие-то группы людей в социалистической стране, не веря в возможность победы страны социализма в битве с врагом, начнут искать пути спасения своей Родины от порабощения в сговоре с этим врагом, думая, что они спасают Родину от кабалы на многие столетия, то своими действиями эти группы людей предают свой народ, предают идеалы социализма, предают **социалистическую** Родину. Не **Родину вообще** (ведь они хотят предотвратить закабаление Родины, хотят сохранить ее суверенитет и независимость для себя и будущих поколений, но ценой изменения общественного строя), а **Родину социалистическую.** В этом вся суть измены.

Возвратимся к событиям отечественной истории. В начале 30-х годов в частоколе преобразований дрогнули нервы у «старой ленинской гвардии». Не поверила она в силу своего народа, взвалившего на свои плечи громаднейший груз преобразований.

А когда фантастически быстрым темпом вперед рванулся германский фашизм (с 1933 года), правая оппозиция поняла: «Вот оно, предвидение Троцкого! Вот когда становится совершенно очевидным будущее страны: если ударная сила империализма — фашизм — так разрастается и если вместе с этой силой Америка, Англия и другие капиталистические страны навалятся на нас, то ни за что не устоять стране, погрязшей в своих преобразованиях. Ей грозит рабство на многие столетия. Не только погибнут революция, социализм — погибнет страна как независимое суверенное государство для многих поколений».

Но совсем по-другому на такую перспективу смотрели рабочий класс и крестьянство. Испытав на себе все страшное ярмо кабалы капитализма и сбросив это ярмо, испытав счастье свободного созидательного труда, эти два класса отказывая себе во многом, работали, не покладая рук, для **социалистической** революции, для **социалистического** строя, для дела **социализма.** «Родина социалистическая или смерть!» — вот каков был девиз этих двух классов. С ними была и «красная интеллигенция».

«Родина социалистическая» для одних и «Родина вообще» (хоть и капиталистическая, но только не рабство) для других — вот тот четкий раздел между пониманием этих слов рабочими, крестьянами, «красной интеллигенцией», которых вела за собой ВКП(б), и троцкистами, которых вело за собой знамя Троцкого.

Для тех, кто встал под знамена ВКП(б), троцкисты, допускавшие возвращение в нашу страну капитализма, были предателями дела социализма, изменниками социалистической Родины.

Понимая, что в открытом бою невозможно сражаться политическими методами за идею возвращения капитализма, троцкисты к середине 30-х годов начали организовывать в нашей стране под-

польные контрреволюционные организации, делая ставку сначала на «дворцовый» переворот, а затем, с середины 1934 года, — на «пораженческую ориентацию».

Бухарин на суде сказал следующее о пораженческой ориентации: «Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в право-троцкистском блоке, хотя я утверждаю:

а) лично я на этой позиции не стоял;

б) фраза об открытии фронта принадлежала не мне, а это был отзвук моего разговора с Томским;

в) если Рыков впервые услыхал эту фразу от меня, то это, повторяю, был отзвук моего разговора с Томским».

В чем состояла «пораженческая ориентация»? Пытаясь договориться с руководителями фашистской Германии и предотвратить (как считали троцкисты) по отношению к России «татаро-монгольское нашествие в квадрате» в лице фашизма, в частности, и империализма в целом, Троцкий и его единомышленники в нашей стране готовили в будущей войне (после ее начала) открытие фронта, быстрый проход германских войск по нашей территории, совершение «дворцового» переворота с обвинением «в предательстве» руководителей партии и правительства и заключение мира с Германией на условиях расчленения СССР на Россию и отдельные регионы, которые должны были затем попасть под протекторат Германии, Америки, Англии, Японии и т. д. В Россию должен был вернуться капитализм. А чтобы этот план удался, надо было настраивать советский народ против партии и правительства, совершая в стране террористические акты, диверсии, вредительство.

Вот слова Бухарина на суде 1938 года (последнее слово подсудимого): «Я обязан здесь указать, что в параллелограмме сил, из которых складывалась контрреволюционная тактика, Троцкий был главным мотором движения. И наиболее резкие установки — террор, разведка, расчленение СССР, вредительство — шли в первую очередь из этого источника».

Троцкий и правотроцкистская оппозиция были твердо уверены, что они спасают Родину от рабства для себя. Но советскому народу, который выстрадал для себя свободу, завоевал и отстоял ее в тяжелейших битвах на фронтах гражданской войны и в мирном труде, совсем не нужна была просто Родина. Ему нужна была СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РОДИНА. В этом и была измена правотроцкистов по отношению к своему народу.

В этом была измена и тех военных бывших дворянских фамилий или военных, вышедших из среды «старой интеллигенции», корнями своим уходившими в царскую Россию.

Настало время раскрыть подлинную суть и подлинную историю «дела Тухачевского», так много будоражившего умы в 30-е годы, затем — в 50-е и вновь освещаемого уже нынешними средствами массовой информации. В чем суть этого «дела», как оно сейчас описывается? Об этом лучше других сказано в еженедельнике «За рубежом». Вот выдержка из этого еженедельника:

«16 декабря (1936 года. — **В. К.**) в Париже бывший царский генерал Скоблин передал представителю немецкой разведывательной службы два сообщения. Первое: командование Красной Армии готовит заговор против Сталина. Во главе заговора стоит маршал Тухачевский. Второе: Тухачевский и его ближайшие сторонники находятся в контакте с ведущими генералами немецкого верховного

командования и немецкой разведывательной службы» (выдержка приведена из рассказа западногерманского историка Пауля Карелла).

Далее говорится, что руководитель РСХА Гейдрих, желая обезглавить Красную Армию перед будущей войной Германии с СССР, якобы с помощью своих сотрудников сфабриковал «досье» на маршала Тухачевского. Затем было сделано так, чтобы о заговоре военных узнал чехословацкий президент Бенеш, а о «досье» — советские представители в Париже. Бенеш в феврале 1937 года сообщил о готовящемся заговоре военных Сталину. По второму каналу (парижскому) операция протекала так, что после предварительной встречи в Берлине представителя советского посольства Израиловича с представителем Гейдриха Беренсом в Берлин приехал представитель наркома НКВД СССР Ежова и выкупил у немецкой разведки за 3 миллиона рублей «досье» на Тухачевского.

В середине мая 1937 года это «досье» попало к Сталину. Через несколько дней Тухачевский был арестован. 11 июня 1937 года был военный суд и на следующий день Тухачевский и другие военные, проходившие по этому «делу», по приговору суда были расстреляны. Затем по руководящему составу Красной Армии прокатилась волна репрессий, уничтожившая многих военачальников и нанесшая серьезный урон Красной Армии.

Эта версия вот уже несколько десятилетий преспокойно живет и здравствует в нашей стране и за ее пределами. Кто автор внедрения этой версии в нашей стране? Хрущев. В той же статье еженедельника «За рубежом» от имени немецкого историка Пауля Карелла сказано следующее: «На XXII съезде... Хрущев заявил: «Здесь с чувством боли говорили о многих видных партийных и государственных деятелях, которые безвинно погибли.

Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Егоров и другие... А позже были репрессированы Блюхер и другие военачальники.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Тухачевский, Якир и другие являются агентами немецкого генерального штаба. «Этот «документ», якобы секретный, попал в руки президенту Бенешу и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены.

Было уничтожено много замечательных командиров и политических работников Красной Армии».

Хотя (продолжает немецкий историк) как премьер и партийный лидер Хрущев в своем распоряжении имел все архивы и документы, он не привел никаких доказательств в поддержку своего заявления, сославшись лишь на зарубежную печать».

Действительно, Хрущев не использовал в подтверждение этой версии о «деле Тухачевского» ни одного документа из архивов НКВД СССР или ЦК КПСС. В чем дело? На этот вопрос должны ответить историки.

А теперь следует раскрыть «дело Тухачевского», идя совсем другим путем по отношению к тому, какой выбрал Хрущев.

Для этого требуется некоторая информация о... Вальтере Шеллен-

берге, начальника VI отдела РСХА (Главного имперского ведомства безопасности).

В книге советских историков-литераторов Д. Мельникова и Л. Черной «Империя смерти», выпущенной в 1987 году Политиздатом, Москва (глава «Крах», раздел «Странное спасение Шелленберга»), можно прочесть следующее: «В книге «Мафия СС» Виктора Александрова (француз русского происхождения) говорится: «Шелленберг умер от рака в английской тюрьме, написав мемуары, обличающие его и его сообщников...»

Утверждение о смерти Шелленберга в тюрьме (продолжают советские историки) звучит весьма странно в устах публициста, повествующего о судьбе нацистских палачей в послевоенном мире.

Вальтер Шелленберг умер от рака, но не в английской тюрьме, а в итальянском пансионе на Лаго Маджоре... Он жил у всех на виду в респектабельном пансионе-клинике, его пользовали хорошие врачи. Умер шеф СД-заграница в 1952 году, то есть через семь лет после окончания войны.

Его послевоенная судьба поистине удивительна. Сразу же после краха нацистской Германии этот супершпион и суперкаратель был опознан и посажен в тюрьму. Некоторое время он пребывал в одной камере с Герингом в Нюрнберге. Выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. Казалось, подошла и его очередь. Но вдруг появляется «акт о помиловании», сочиненный американцами, и Шелленберга отпустили на все четыре стороны. Основание — операция. Бывший начальник VI отдела едет в Швейцарию. Однако швейцарская полиция не соглашается на длительное пребывание этой одиозной личности в стране. Шелленберг перебирается в Италию, где он спокойно лечится. Его даже посещают журналисты... Шелленберг не проявлял особой бережливости и не ограничивал себя ни в чем в пансионе-клинике...»

В чем дело? Почему вдруг рожден в отношении Шелленберга «акт о помиловании»? Почему Шелленберга после войны не преследуют как нацистского преступника? Почему, наконец, Советское правительство не предприняло никаких усилий для свершения суда над одним из главных руководителей фашистской Германии? Вылавливать предателей, изменников Родины, судить их суровым судом народа, а в данном случае молчать — как это объяснить?

Объяснение можно дать простое. Вальтер Шелленберг должен был серьезно помогать нам в чем-то. В чем? Когда? Во время войны это было невозможно: чрезвычайные условия были и в СССР, и в Германии. Значит, остается «до войны». В чем нам мог помочь Шелленберг до войны с Германией? Кажется фантастикой, но должно оказаться подлинной правдой истории, и это должны подтвердить историки: начиная приблизительно с 1933—1934 годов существовал совершенно секретный (особой важности) канал «немецкая разведка (Шелленберг) — английская разведка — советские разведчики по линии Берии — Берия, Сталин, Менжинский». По этому каналу вся абсолютно достоверная информация о деятельности контрреволюционного троцкистского подполья в СССР и за рубежом попадала к Сталину, а затем — в ОГПУ для рассмотрения и передачи в судебные органы.

После смерти Менжинского конечным пунктом информации этого канала был один Сталин. Именно этот канал и помог в 30-е годы разгромить контрреволюционное троцкистское подполье в СССР и за рубежом, тем самым уничтожить ту «пятую колонну» (троцки-

стов), на которую так надеялись фашистские руководители в будущей войне Германии с СССР. Именно в результате блистательной работы этого канала (который был великолепно организован английской разведкой для мощного подъема авторитета Берии — резидента империализма в нашей стране) Сталин чрезвычайно верил Берии, и именно эта глубокая вера и привела к тому, что в 1938 году по настоятельной рекомендации Сталина, считавшего Берию крупным будущим руководителем правоохранительных органов, Берия был назначен наркомом НКВД СССР.

Вальтер Шелленберг работал на английскую разведку, которая должна была вывести своего резидента Берию на самый высокий уровень правоохранительных органов СССР, чтобы в случае разгрома фашизма и нашей победы Берия, создав мощнейший репрессивный аппарат, с помощью чудовищных репрессий по отношению к советскому народу держал бы наш народ в сильном напряжении и способствовал решению главной задачи империализма: возвращению капитализма в Россию.

Взлет Берии начался в 1931 году после блистательно сфабрикованного покушения на Сталина. Главной фигурой, предотвратившей покушение, был Берия. Можно сделать предположение (которое требует неопровержимых доказательств), что в этом событии якобы были раскрыты английские шпионы, которые якобы согласились работать на нашу разведку (Берия с 1921 по 1931 год работал заместителем председателя Азербайджанской Чрезвычайной комиссии, председателем грузинского ГПУ, председателем Закавказского ГПУ и полномочным представителем ОГПУ в ЗСФСР, состоял членом коллегии ОГПУ СССР). Все поверили в блистательную фабрикацию: Сталин, Менжинский, Ягода, Политбюро ЦК, ЦК и т. д.

И вот через некоторое время с этого момента и начал свою работу этот совершенно засекреченный канал.

Сделав вывод о существовании этого канала, можно более достоверно объяснить «дело Тухачевского».

Троцкисты готовились к реализации той самой «пораженческой ориентации», о которой говорил Бухарин на суде. Но без поддержки военных нельзя было ее осуществить. Тухачевский был выходцем из дворянской семьи, его убедили в том, что Сталин не вытянет страну из трясины преобразований и тогда произойдет самое страшное: кабала России на долгие столетия после нового, еще более страшного «татаро-монгольского нашествия». Убедили, что линия Троцкого оказалась абсолютно верной: надо вернуться к буржуазному государству и ждать новой социалистической революции в России только после победы пролетариата в нескольких крупных капиталистических странах. Похоже было на правду. Ситуация для нашей страны, исходя из развития фашизма в Европе, складывалась критическая. И Тухачевский, а с ним и его близкие помощники (тоже выходцы не из рабочих семей и бедных крестьян, кроме Примакова) дрогнули: да, надо спасать Родину. Пусть она будет не социалистической, но будет свободной от иноземного рабства.

Вот почему на суде 11 июня 1937 года Тухачевский и другие военные признали свою вину. Прекрасно раскрыл суть измены Примаков, который в своем последнем слове подсудимого сказал (см. «Правду» от 29 апреля 1988 года): «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции,

ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства себе выбрал этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию более 70 человек-заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая Родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Когда информация о заговоре военных попала к Шелленбергу, работавшему в разведке, он ее передал в английскую разведку. И эта информация, переданная бывшим царским генералом Скоблиным, разумеется, была не просто устным разговором, а была представлена в виде конкретных документов. Каких — это должны расшифровывать историки. Далее по секретному каналу эта информация попала к Сталину (Менжинского уже не было в живых). Но судить Тухачевского — значит сразу насторожить руководство немецкой разведки: как попала информация в СССР? Значит, раскрыть Шелленберга. Поэтому либо самим Шелленбергом, либо английской разведкой (подсказавшей Шелленбергу) создается «версия», по которой Шелленберг якобы советует Гейдриху сфабриковать на основании полученной информации «досье» на Тухачевского и подбросить его Сталину, возможно, хорошо продав.

Сталин, получив по секретному каналу информацию о заговоре и понимая, что надо «закрыть» от немецкого руководства Шелленберга, дает по «открытому каналу» указание представителю НКВД ознакомиться с «досье» на Тухачевского и после ознакомления этого представителя с «досье» последний выкупает его у немецкой разведки за три миллиона рублей. После получения «досье» Сталин дает указание арестовать Тухачевского. И фашисты после суда над Тухачевским и другими советскими военачальниками поверили, что они обманули самого Сталина! И эта версия о сфабрикованном «досье» вот уже сколько десятилетий морочит голову миллионам советских людей и многим миллионам людей за рубежом! Секретный канал — неизвестен, а открытый — для простаков. Вот почему Советское правительство не тронуло Шелленберга, и он спокойно доживал свои годы в Италии. Кстати, в той же книге советских историков «Империя смерти» сказано, что в 1937 году Шелленберг стал фаворитом Гейдриха.

Шелленберг был одаренным разведчиком. Он понимал еще до войны, что фашизм проиграет войну. Поэтому и стремился (очень аккуратно, потому и избежал виселицы гестапо) привить своим

руководителям мысль о переговорах с Западом, чтобы в случае провала исчезнуть на Западе или в Южной Америке.

Как же можно по отношению к людям, изменившим своей социалистической Родине, писать следующие строки (см. «Советскую Россию» от 18 сентября 1988 г.): «Имена маршала Михаила Николаевича Тухачевского, его сподвижников история очистила от наветов лжи и клеветы, они заняли подобающее им место в шеренге первостроителей армии, вклад их в оборону страны велик и неоспорим, облик коммунистов-ленинцев (??? — **Ю. К.**) чист и светел»?

Да, Тухачевский стоял за Родину, но за капиталистическую, потеряв, как и все правотроцкисты, веру в возможность победы советского народа в будущей войне с империализмом.

Откуда им всем было знать, что Германия будет воевать с нами одна, без Америки и Англии, без Франции и Японии! Откуда им было знать, что фашизм в замыслах империализма всегда был всего лишь смертником, запрограммированным на гибель на наших просторах!

В заключение хочется отметить и собрать по своим действиям в строгую логическую линию ряд событий 1936 и 1937 годов, связанных с получением органами НКВД именно в тот период информации о подпольной контрреволюционной деятельности троцкистов всех мастей.

Прежде чем описать и объяснить эти события, следует сказать, что для Запада в лице Америки и Англии в 1936 году Бухарин, Рыков и другие как политические деятели не представляли ни малейшего интереса, так как они не представляли никакой политической силы в нашей стране.

Немецкий историк Пауль Карелл называл дату «16 декабря 1936 г.». Видимо, в это же время в немецкую или английскую разведку попала информация об участии в заговоре против Сталина и различных политических деятелей, находившихся в оппозиции по отношению к Сталину.

В газете «Правда» от 9 октября 1988 года в статье «Возвращение к правде» в отношении Бухарина сказано следующее: «На декабрьском (1936 год) и февральско-мартовском (1937 год) Пленумах ЦК ВКП(б) Бухарин был обвинен в контрреволюционной деятельности. Февральско-мартовский Пленум по докладу Ежова принял решение об исключении Бухарина Н. И., а также А. И. Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и из ВКП(б). По предложению Сталина их дела были переданы следственным органам НКВД».

Складывается следующая картина. Сталину через секретный канал по «бериевской» линии попадает информация о подпольной контрреволюционной деятельности троцкистов. Собирается закрытый Пленум ЦК ВКП(б) в декабре 1936 года (материалы этого Пленума в открытых документах отсутствуют). Далее колесо расследования деятельности Бухарина, Рыкова и других раскручивается, и 23 февраля 1937 года собирается вновь Пленум ЦК ВКП(б), который проходит до 6 марта 1937 года и рассматривает вопрос о контрреволюционной деятельности Бухарина и Рыкова.

До 23 февраля 1937 года в жизни партии произошло еще очень важное событие: 18 февраля 1937 года покончил с собой Орджоникидзе. Этому предшествовал, как утверждают историки, резкий эмоциональный разговор Орджоникидзе со Сталиным. Сталин, видимо, обвинил Орджоникидзе в плохом подборе кадров, которые по полученной советской разведкой информации оказались либо

троцкистами, либо замешанными в преступных, изменнических связях с троцкистами.

Для Орджоникидзе эта информация была страшным, потрясающим ударом. Раз о ней говорил Сталин, а он полностью доверял Сталину, то это была правда, чудовищная правда о существовании контрреволюционного троцкистского подполья в стране, участниками которого были люди, за которых он, Орджоникидзе, поручался перед партией, перед советским народом. И он принял решение, которое ему в тот момент подсказывала совесть коммуниста...

В газете «Комсомольская правда» от 14 мая 1988 года в статье «Отцы и дети» рассказывается о Я. Б. Гамарнике, заместителе председателя Реввоенсовета СССР и первом заместителе наркома обороны по военным и морским делам.

В этой статье сказано, что Гамарник 31 мая 1937 года застрелился (причина не указана). Если это событие сопоставлять с «делом Тухачевского», то Тухачевский был доставлен под конвоем в Москву 20 мая 1937 года. Гамарник, скорее всего замешанный в заговоре военных, понял, что заговор раскрыт и его ждет та же участь, что и Тухачевского. Не желая проходить живым через муки позора и презрения, Гамарник принял решение покончить с собой.

В этой же статье дочь Гамарника, В. Я. Гамарник в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» сказала: «Из окон Дома на Набережной каждую ночь люди выбрасывались...»

Можно назвать еще серию самоубийств или расстрелов (например, Томский, Енукидзе), связанных с раскрытием контрреволюционной деятельности отдельных высокопоставленных лиц.

Если проанализировать все перечисленные события, то складывается впечатление, что в конце 1936 года — начале 1937 года органами НКВД была получена по каналам советской разведки такая обширная информация, которая привела к раскрытию во всем объеме существовавшего в нашей стране контрреволюционного троцкистского подполья.

Это и повлекло за собой многочисленные аресты виновных в этой деятельности и вынесение в отношении этих лиц суровых судебных приговоров. Троцкисты были предателями советского народа, изменниками социалистической Родины и заслуживали самой суровой кары за предательство и измену.

И сколько бы нынешние средства массовой информации ни пытались представить троцкистов разных мастей «жертвами сталинского произвола и беззакония», подлинная правда истории заключается совершенно в другом. Она в том, что советский народ, несмотря ни на какие лишения и испытания, готов был насмерть стоять за свою социалистическую Родину и избавлялся от нечисти, которая фактически в своих замыслах предала его, встав на путь соглашения с фашистами.

●

Николай СЕМЕНОВ

МЫ СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО

Большой мастер в делах международных отношений Арбатов уговаривает со страниц «Московских новостей» советских людей помочь американским парням, посланным Президентом США защищать кувейтскую нефть, принадлежавшую до недавнего времени всякого рода хаммерам, а другими словами — насмерть стоять за интересы Америки на Ближнем Востоке. И нашего «гроссмейстера» в этом поддерживают авторы «Литературной газеты», «Известий», «Комсомольской правды», «Московского комсомольца», телевидение... И было бы странно, если б они не дули в одну дуду. Ведь сам Шеварднадзе, выступая в Верховном Совете, заявил, что СССР готов послать в район Персидского залива войска, если на то будет воля ООН.

Создается впечатление, что и названные издания, и сам министр иностранных дел СССР напрочь забыли трагедию советского «присутствия» в Афганистане и не отдают себе отчета в кровавых последствиях подобных намерений, если они осуществятся.

Записки Н. Семенова, давая нам возможность вновь прикоснуться «к подвигу и славе» наших солдат в Афганистане, предупреждают об этом.

* * *

Минуло уже больше десяти лет, как наши войска вошли в Афганистан. Теперь те события встают передо мною как в тумане, перевернутой страницей жизни; все это недавнее — давно прошедшее, все это уже исторический опыт нашего государства, достояние народное. Кстати, именно о народном значении у нас еще мало, почти совсем не говорилось, даже вроде как стыдились говорить. А между тем, хотя экстремальные боевые условия и дали нам военный и политический опыт, хотя нам есть из чего извлекать уроки, но, помимо опыта и уроков, для нас, может быть, еще дороже другое — то, что не так осязаемо, не так уловимо с первого взгляда, как опыт и уроки. Это традиции, дух и характер народа нашего, которые с новой силой проявились в новом поколении. Пора уже сказать, что каковы бы ни были действия политиков, народ наш и тут, через сегодняшних своих сынов обнаружил всю широту своего могучего, общечеловеческого духа. Да иначе и быть не могло.

Но я заговорил об экстремальных условиях — что они собою представляют? Понятие это до сих пор еще как-то висит в воздухе и трактуется на разные лады, а вернее никак не трактуется. Иные затертые, общепринятые выражения существуют у нас как бы сами по себе, над ними уже и не задумываются, до того приняли на веру. Тут еще, конечно, сыграло роль то, что война в Афгани-

стане решительно никого не оставила равнодушным; общество будоражили страсти, таинственные слухи, все воспринималось широко раскрытыми глазами, — где уж тут задумываться и анализировать факты, не до того. Да и фактов почти не было. Писались взволнованные, страстные репортажи, которые еще больше поддавали жару. Все точно в оцепенении ждали чего-то. Вообще без ажиотажа, без преувеличений и сенсационности в таких случаях даже, кажется, невозможно обойтись: гибли тысячи людей, ломались сотни тысяч судеб, — где уж тут оставаться хладнокровным! Смятение доходило до того, что иные факты, действительно значительные и важные, в горячечной спешке упускались из виду, в то время как рядовые, ничего собою не представляющие явления раздувались до сансаций. С самого начала, едва заговорили об экстремальных условиях в Афганистане, тотчас стали вкладывать в это понятие что-то отвлеченное, кабинетное. Освещалась незначительная, поверхностная часть вопроса; за главное, за высшее испытание принимались, собственно, бои с душманами да лишения военной жизни.

Но даже, например, о лишениях до сих пор еще нет достаточного представления. Особенно неустроенным был кочевой быт первых месяцев в Афганистане. Мы входили спешно, осваивались на ходу, приживались буквально на голой земле. Беспокойные переезды со стоянки на стоянку, разбивка палаток, хлопоты о провианте и самых насущных вопросах требовали неустанного, нередко тяжелого труда. Помню, весь первый месяц я не только не мылся в бане (походная баня из двух палаток появилась у нас позже), но даже ни разу, ни на секунду не снимал с себя полевую форму, а так и спал в ней, постелив матрас на землю и укрывшись шинелью. С наступлением весны стал давать о себе знать непривычно жаркий субтропический климат. В мае, вернувшись из многодневного рейда по горам, где было прохладней, я почти задыхался с непривычки душным сухим воздухом. Днем почти в шестидесятиградусную жару у нас продолжались учебные занятия и бивачные работы, тогда как даже местные жители предпочитали отлеживаться в тени своих жилищ... Впрочем, как ни тяжелы были нужда и условия, они все-таки менее всего нас тяготили. Все находились в подавленном состоянии духа и мало беспокоились неудобствами; совершенно ошибочно было бы в самом деле принимать их за какое-то «испытание на прочность». Особенно для солдата. Я знаю, на обычных полевых учениях в Союзе наши солдаты также живут в палатках, нередко почти в таких же условиях, как жили мы, вся разница у нас с ними была, так сказать, психологическая: мы остро сознавали, что родная земля далеко, что вокруг все чужое; мораль, люди, быт, природа, даже сам воздух казались нам не такими, как дома. Главное же, все время, буквально каждую минуту мы жили с мучительным вопросом в душе: вернемся ли назад или нет. Этот вопрос зловещим роком висел над нами. Не выдерживали и ломались единственно только от страшной неизвестности, даже ни разу не побывав в бою.

Конечно, боевые действия тоже являлись огромным испытанием. Война вообще самое страшное несчастье, высшее напряжение моральных и физических сил. В бою за одну секунду проявляется вся суть, вся изнанка человека, — казалось бы, более экстремальные условия трудно и представить. И однако же в боевых походах, в непосредственной близости от опасности мы даже как-то свободнее, как-то менее угнетенно себя чувствовали, чем в более безопасной обстановке постоянного расположения нашей части. В этом, может быть, одно из самых странных проявлений человеческой натуры. Помню, первые месяца три лагерной жизни тянулись до того монотонно, до того муторно и медлительно, что когда представился случай участвовать в деле, все наше подразделение точно от сна очнулось. Тотчас всех охватило лихорадочное, чуть ли даже не радостное возбуждение; почти все, по крайней мере многие просились в добровольцы; отобрали только около трети желающих, которые чувствовали себя так, словно вытянули счастливый билет. Общая приподнятость передавалась самому последнему солдату; никто и близко не представлял, что будет, но этого и не нужно было, важен был сам факт события, сама перемена, вносившая свежую струю. Намеченную операцию вскоре отменили, и надо было видеть, какое жестокое разочарование постигло каждого! Возбуждение прошло, лица поскучнели, опять потянулись унылые, нескончаемые будни... Прошел еще где-то месяц. Вся наша бригада готовилась к первому длительному, какому-то особенному рейду. За день было объявлено о выступлении — опять у нас несколько ожили, хотя первоначального энтузиазма уже не было. Отчасти оживление носило даже тревожный характер, все видели, что дело затевается нешуточное. Обычные повседневные отношения отодвинулись пока в сторону; обсуждений, каких-нибудь мечтаний и угадываний подробностей предстоящего дела не было, все молча, про себя, сосредоточенно переживали событие.

Уже при завершении рейда я испытывал странное чувство — да и многие чувствовали то же самое: что возвращение нас не так радует, как должно было бы радовать, что, даже напротив, мы возвращаемся как бы без охоты, точно втайне желали бы продолжения похода. Происходило это, разумеется, вовсе не от какого-то геройства, вовсе не оттого, что мы опять рвались в бой. Не рейд сам по себе привлекал, а возможность находиться подольше вне опостылевшего лагеря. Поход, дорога разнообразили жизнь, вносили успокоение в умы, главное же, в рейдах сильно ослабевал казарменный режим. Солдат любил почувствовать себя свободным и хоть на время, хоть чуть-чуть ослабить лямку казенной жизни. При возвращении в лагерь иные как-то незаметно мрачнели, в настроениях замечалась хандра, даже упадок духа... точно какая неволя ждала нас дома!

Тогда же мы приняли крещение боем. Но странное дело! — сколько я ни пробовал вспоминать свое впечатление именно самого боя, у меня ничего не получалось. Я помню, что накануне мы ощущали только лишь привычную усталость после изматывающей дороги, — до того, что даже вряд ли кто в самом деле любопытствовал о завтрашнем дне. Вечер и ночь прошли тоже буднично: после ужина прямо в бронетранспортере все начали размещаться на лавках и почти тотчас уснули, — в походе мы вообще засыпали почти мгновенно. Рано утром начались обычные приготовления. Двое моих товарищей (они в этот день погибли) не торопясь открыли банку гречневой каши и так же лениво, как бы даже нарочно игнорируя присутствие сержанта (личность вполне исподлившуюся и державшую в угнетении многих молодых солдат), позавтракали тут же, не выходя из бронетранспор-

тера. Завтракали, впрочем, очень немногие, — чтобы не идти под пули с полным желудком. Скоро нас построили и объявили боевую задачу. Расположенные на передовых позициях батареи и поднятые в воздух вертолеты начали огневую подготовку, эхо залпов отдавалось в горах. Нечто величественное было во всей картине, что передавалось всем и настраивало на особенно торжественный лад; тайное волнение, а вместе с тем и какое-то недоумение, какой-то мучительный неразрешимый вопрос владел всеми. Я уверен, никто не воспринимал предстоящий бой всерьез и никто по-настоящему не верил, что будут убитые и раненые, — то есть мысль эта, конечно, допускалась, но только так, в виде отвлеченного рассуждения. Хорошо помню, что после боя я испытывал страшную, ни на что не похожую усталость, какую-то нравственную тошноту и разбитость, точно тебя живьем вывернули наизнанку. Я даже до мельчайших подробностей помню сам бой — и даже это-то особенно ярко, как вспышка молнии, отпечаталось в памяти. Но все это прошло точно во сне, стороной, точно с кем-то другим. Отчасти, разумеется, я испытывал какие-то отрывочные проблески чувств, — но целостного впечатления не осталось никакого. Запомнилось еще, например, как в один особенно опасный момент внутри шевельнулся жуткий, липкий страх, но и его я не успел сколько-нибудь прочувствовать, а инстинктивно тотчас начал делать то, что надо было, чтобы не погибнуть. В бою вообще все обычные чувства притупляются. Ни один солдат после боя (особенно первого) не сможет связно рассказать именно о своих впечатлениях и переживаниях не потому, что он плохой рассказчик, а потому, что все его переживания были оттеснены на задний план как лишние и ненужные; они оживают уже потом, задним числом. Человек действует скорее автоматически; тут, между прочим, вся выучка солдатская сказывается, все то, что он усвоил и отработал на учениях. Здесь-то очень многое может ему пригодиться даже из того, что в обычное время кажется бестолковым и консервативным, даже случается часто так, что иная «бестолковость» спасает немало жизней... Я думаю, на войне человека более всего угнетает не столько сама война, то есть не свист пуль, разрывы снарядов, бой, сколько обычная проза жизни — разруха, голод, одним словом, косвенное проявление войны. Для нас обернулось прежде всего нервными, напряженными буднями лагерного существования, какой-то тяжелой внутривойсковой атмосферой, мучительным ожиданием и неясностью своего положения. Надо, наконец, сказать, какую дурную услугу нашим войскам оказало замалчивание событий в Афганистане. Мы точно находились в подполье, точно делали что-то такое, чего надо стыдиться и скрывать. Подобные действия вообще не в характере русского народа. Ложное положение потом было исправлено, но поначалу оно создавало в войсках путаную, нездоровую атмосферу. Без этой-то атмосферы всякое представление об экстремальных условиях в Афганистане будет механическим, мертвым, а то и просто спекулятивным.

Кстати, даже сам бой многие представляют именно вот так механически: в виде стрельбы, трупов, горящей техники (как показывают по телевизору), то есть как повышенную опасность для жизни при соответствующих декорациях — и только. Да если так, то ведь не меньшему риску можно подвергнуться и просто, например, выбежав на оживленную автостраду. Уберите декорации — где же разница? А разница огромная. В первом случае главное испытание для солдата — в чрезмерной психологической нагрузке: прямая опасность, бой — лишь ее внешнее выражение. Во втором случае наоборот: опасность выставляется как самоцель, а психологической нагрузки никакой нет, есть одна бравада и щекотание нервов.

Представьте себе гражданское лицо, которое решило получить непосредственное представление о боевых действиях и специально приехало в Афганистан. Это лицо не испытывает тягот солдатской службы, не связано уставными и неуставными отношениями, оно поступает по своей воле (замечу в скобках, что именно свобода поступков чаще всего и толкает человека на самые рискованные предприятия, он как бы воодушевляется одним уже сознанием своей свободы); это лицо, наконец, всегда может успокоить себя мыслью, что в каком-нибудь крайнем случае всегда вольно отступить, что оно вообще здесь ненадолго, на самое короткое время, а там и назад, домой, — все дело, стало быть, в одном наскоке. Разумеется, что в действительности гражданское лицо идет не только по своей прихоти и потому просто так отступить не может — прежде всего самолюбие не позволит, — но свобода-то выбора остается, а это великое утешение! У солдата его нет. Вообще утешения окружают гражданского человека в войсках на каждом шагу. На солдат он невольно смотрит со стороны, как бы через некую условную перегородку, с законным превосходством своей свободы, с некоторым даже покровительством; ему льстит собственная независимость. Тут еще примешивается честолюбие. Он уже наперед видит себя дома, в кругу знакомых, которые, разумеется, будут смотреть на него во все глаза, как на героя. Он уже заранее начинает представлять, как поразит их какими-нибудь подробностями, экзотикой. Все это мечтания естественные, невинные и приятные. Его поэтому хоть и берут страх и дрожь при мысли о шальной пуле, но еще больше не терпится побыстрее в дело, побыстрее испытать все леденящие кровь подробности, о которых он после будет рассказывать... Заметьте себе, что он собирается идти не именно в дело, а только для того, чтобы посмотреть и описать потом это дело. То есть задача у него совсем другая, чем у солдата; психологически он не связан с боем, больше того, именно отвлеченность задачи делает его психологически защищеннее (припомните еще честолюбие!); вся моральная нагрузка, которая ложится на солдата, по-прежнему для него за некой условной перегородкой... Подобные нюансы в бою очень много значат, да почти все... Коротко говоря, эта поездка будет лишь поиском острых ощущений, щекотанием нервов, почти тем же самым, что и выбеганием на оживленную автостраду, но только благородно драпированное в романтику войны и экзотику Востока...

Не то у солдата.

Солдаты гибли тысячами, — на войне потери неизбежны: почти сплошь это безвестные имена, безвестные трагедии. Обстановка в Афганистане вообще была морально тяжелой, часто жестокой. Оторванные от привычной мирной жизни, отрезанные от своей среды и почти от самой цивилизации, мы должны были с ходу сживаться с новым своим положением, что уже само по себе немалая драма. Мне рассказывали, как входили в Афганистан самые первые наши воинские подразделения, поднятые и брошенные

туда по тревоге. В Кушке их провожали толпы растерянных, придавленных горем людей; еще никто ничего не знал, многие с ужасом ждали новой войны, женщины плакали. Колонна военных машин двигалась в сторону границы; танки, бронетранспортеры, молчаливые, сумрачные солдаты с автоматами — все смотрелось как сон, как тяжелый кошмар. Когда колонна приостановилась, одна сморщенная, вся в черном старушка бросилась к сержанту, который мне это рассказывал, обняла и со словами: «Храни тебя бог, сынок!» — перекрестила дрожащими руками. Всю дорогу потом у него ком стоял в горле. Я думаю, и эта старушка, и ее благословение долго еще будут ему памятны... Чувство какой-то большой общей беды, нравственной отрезанности от всего живого владело каждым. Мы вошли следом на две или три недели позже, первое потрясение уже улеглось, однако чувство это не только не потеряло силы, но даже, кажется, только-только начало давать о себе знать по-настоящему. Помню, меня особенно угнетало сознание того, что моя судьба, вся моя будущность теперь совершенно подчинены каким-то чуждым, стихийным обстоятельствам и что мне отведена только роль песчинки в водовороте. Мне кажется, нет ничего более угнетающего, чем это ощущение. В армии вообще подневольная казарменная жизнь психологически тяжело дается, к ней надо привыкнуть. Но если на обычной службе процесс привыкания хоть через силу, хоть болезненно протекает, да все-таки каждый к нему отчасти наперед подготовлен, каждый в конце концов утешается мыслью, что и до него служили, что и он отслужит же когда-нибудь свой срок, — то в Афганистане было по-другому. Помню, на третий или четвертый месяц в лагере установили громкоговоритель, и по радио передавали песню: «Вы служите, мы вас подождем...» — наша рота как раз отдыхала после обеда, многие мои товарищи не только хорошо ее слышали, а и, я уверен, прислушивались с особым напряжением, однако не было обронено ни звука, ни одного самого беглого замечания. Никто не высказал даже признаков внимания, словно песни и вовсе не было... Тогда мы уже понесли первые потери. Никто не знал, останется он жив или нет, будущее окутывал непроницаемый мрак, со всех сторон грозила смертельная опасность, вспыхивали очаги забытых у нас болезней, угарная, тупая тоска наполняла лагерные будни. И кого-то вдруг охватит отчаяние, оглянется он, увидит своих угрюмых товарищей, увидит знакомую насыпь за палатками, а дальше все те же безжизненные, унылые горы, вспомнит, что ведь служить еще долго, много месяцев, — вздохнет и... и затихнет. Находились и слабые характером. Иные согласны были на втрое, вчетверо больший срок, на тюрьму даже, лишь бы вернуться в Союз. Надо только представить себе всю бесконечно-томительную череду дней, иссушающих ум своей монотонностью и одновременно наполненных самой напряженной борьбой за существование; представить изнурительные учебные занятия, многокилометровые марш-броски в клубах пыли и при нещадно палящем солнце, самые прозаические отношения людей, вынужденных бок о бок делить каждую минуту; представить (если уж говорить всю правду), какую подавленность вносили иные ложные идеи, которые отдельные командиры с растерянности, с непривычки к боевым условиям внушали своим солдатам, — на первых порах многое делалось впопыхах, наугад, часто боязнь сделать себя оторванным от дома, — да нет, нельзя даже и вообразить, как недосягаема казалась нам родная земля, с какой тоской подумаешь, бывало, лежа в полутемной душной палатке, как далеко до нее! Все это надо было пережить, смирить себя, набраться терпения ждать и надеяться. Русский характер, может быть, оттого и крепок, что приучен к терпению. В Афганистане иначе и нельзя было. Самые заносчивые, самые горячие здесь слишком хорошо понимали, что показное геройство ничего не стоит, что одним наскоком, битьем головой об стенку ничего не сделаешь, разве только шею сломаешь. И порывы смирялись, все личное отодвигалось до времени, а надежда хоронилась глубоко в сердцах; иные как бы и не надеялись ни на что, а так молчком, точно согнувшись под тяжестью, и прослужили все два года. Вообще замкнутость, какая-то мрачная самоуглубленность были очень характерны... Надо сказать, наконец, и самое главное: что это пересиливание себя, подчинение внешним, фатальным обстоятельствам и было самым тяжелым испытанием, высшим подвигом, который-то как раз и проглядели в газетах. Вся извечная солдатская судьба, вся история российского народа в этом безвестном подвиге. Всегда народ наш умел покоряться судьбе как-то по-особому, как-то так, что не только не ломался и не терял себя, а напротив, возносился еще выше, как бы даже смеясь над покорившими его обстоятельствами.

Могут спросить, почему я говорю только об одном русском народе, хотя в Афганистане наравне исполняли свой долг и украинцы, и грузины, и туркмены, и многие другие представители наших национальностей. Вопрос актуальный. Замечу сначала, что за границей вообще всех советских людей называют русскими, — и это без какой-то цели, а непроизвольно, точно молчаливо признавая за нами одно присущее всем свойство, одну общность. Такая общность признается и нами самими, она сложилась исторически. «Я счастлив, предводительствуя русскими! — писал к калужским патриотам М. И. Кутузов (в армии которого, конечно, были и другие национальности)... — Благодарите бога, что вы русские; гордитесь сим преимуществом и знайте, чтоб быть храбрым и быть победителем, достаточно быть только русским». Подчеркну еще, что великий полководец говорил о гордости именно преимуществом, а не национальностью... Русскими считали себя Гоголь, Багратион, Куприн; я знаю, мои армейские товарищи из казахов, узбеков тоже называли себя русскими. В Афганистане среди местного населения мы встречали и узбеков, и туркменов, и таджиков, — но эти были уже нерусскими. Мне очень памятен один характерный случай, происшедший на моих глазах уже в Союзе, когда я летел домой: два пассажира, грузин и русский, поспорили из-за места в самолете. Формально прав был грузин (он поэтому особенно горячился и негодовал). Русский пассажир летел с семьей, но купил билеты на раздельные места, и чтобы сидеть с женой и сыном, занял место грузина. Если бы он не поторопился, а дождался настоящего владельца места и попросил у него разрешения, я уверен, тот с готовностью уступил бы, — он и возмущался только из-за чувства обиды и совершившейся несправедливости. Дело пошло на принцип. «Русский бы так не поступил!» — воскликнул разгневанный грузин (любопытное же, однако, понимание русской справедливости!). И ведь это он русского же и укорял! Остальные пассажиры хоть и сочувствовали отцу семейства, однако в душе, как мне показалось, все-таки приняли сторо-

ну грузина, — действительно, бесцеремонность и несправедливость как-то не в русском духе. Ясно, что здесь не национальность, а только дух подразумевался.

Там русский дух... Там Русью пахнет!

Это-то нас и объединяло в Афганистане. Да в иные минуты беспросветного отчаяния нас только и поддерживало то, что мы русские!

Я начал с того, что экстремальные условия, главный подвиг солдат-интернационалистов многие понимают превратно, по крайней мере наивно.

Вот мнение об «афганцах», которое я услышал в одном из горкомов комсомола:

— Контингент сложный, работать с ребятами тяжело. В каком смысле? Дело в том, что ценности у них не в том направлении складываются. Ребята максималисты, но их максимализм носит порой эгоистический характер, для себя. Сейчас в газетах стало модно писать об ущемлении прав бывших воинов-интернационалистов, об их столкновениях с чиновничьим бездушием, в частности, со стороны комсомола. Все это неправильно ориентирует ребят, подстегивает в сторону личной материальной выгоды. Газеты нам не помогают, а наоборот, вносят раздор, представляя в образе бюрократов.

Тут ругаются и газеты, и «афганцы»; отвечу за последних. Отмечу предварительно, что заявление сделано именно в духе нетерпеливого деятеля, то есть с напором, с наскоком и категоричностью, с желанием разом, одним махом покончить со всеми проблемами. Как это неискренне и неумно. Во-первых, искажение ценностей происходит во всем обществе, упадок духовности и возрастание голого материального интереса — наша общая беда. Зачем же нарочно сужать проблему, зачем лукавить? Во-вторых, как раз воинов-интернационалистов искажение ценностей коснулось меньше других. Кто, как не они, переносил лишения? Кто бескорыстно делился своим скудным солдатским пайком с простым народом Афганистана? На чьих глазах мучительно истекали кровью боевые товарищи, вечная память о которых очищает и облагораживает сердце? Кто и сам не раз смотрел смерти в глаза и научился ценить жизнь не за ее материальные блага, не за один только комфорт? Что же — получается, что в Афганистане они были мужественными и великодушными, а в своей родной стране оказались мещанами и эгоистами? Но через подобную нелепость разогнавшийся деятель перескакивает не задумываясь.

Конечно, контингент сложный. Даже ветераны Великой Отечественной войны говорили мне, что кое в чем «афганцам» было труднее. В ту войну, по крайней мере, всех объединяло могучее сознание того, что вся армия, весь народ поднялись на защиту своего Отечества. А взять то долгое, почти шестилетнее молчание? Каково было после войны со всеми ее ужасами и несправедливостями натыкаться на глухую стену? Каково было видеть чиновничье бездушие тем, кто с особой тоской мечтал о далекой Отчизне, с особой нежностью идеализировал ее в своих грезах? Все это должно еще устояться, заживиться в иных ожесточившихся, надломленных душах. Мы и в бою не бросали раненых, и в мирной жизни не станем от них открещиваться, а подставим плечо и окружим дружеским своим участием.

ПРАВДА ПОД ОБСТРЕЛОМ

Из писем в редакцию

ЧИТАТЕЛИ О ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ КУЗЬМИНА «ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ»

* * *

«От войны до войны» все мы прочли на одном дыхании. После прочтения я не спала всю ночь. Низкий Вам поклон от меня и всех, кто читает «Молодую гвардию». Так держать! Люди начинают понимать, кто есть кто. Представляю, как они обрушатся на Вас. Мужества Вам, здоровья и еще много статей, которых мы ждем...»

Ю. С. СМАГИНА, г. Челябинск

* * *

«Прочитала «От войны до войны». Написано от души. Такого правдивого произведения я не читала давно. В наше время Вы просто герой, ведь Вы этим произведением вызвали огонь на себя. Вас ожидает месть коротичей и баклановых, т. к. им покровительствует «мохнатая рука»... Жаль, что Союз писателей не может отстаивать свое мнение, а поддается нажиму. Обидно за Отечество. Выражаясь по-старому — газеты, телевидение, радио коротичи и баклановы взяли в свои руки. Следующий объект у них — армия».

СЕМЕНОВА, г. Ленинград

* * *

«Здравствуйте, Николай Павлович! Хотелось бы верить, что Вы действительно в добром здравии и хорошем настроении. Небось нажили себе врагов, не приведи Господи, сколько... Только появились у Вас и друзья. Их много больше, чем Вы думаете. Но они поддерживают Вас молча. Они не такие напористые и наглые, как те... Отчасти и пишу за тех, кто молчит...»

В. УСЛАНОВ, г. Кемерово

* * *

«Прочитала Ваши «Ночные беседы» в журнале «Молодая гвардия» и прихожу в восторг. Они поразили меня своей откровенностью и правдивостью. Наконец-то я услыхала правду. Вы высказали мои мысли и мою боль за все происходящее вокруг нас в нашей стране. Огромное Вам спасибо. Только вот теперь эти «прорабы» и «рыцари» пустят град стрел на Вас, но Вы держитесь и знайте: большинство именно с Вами и такими, как Вы».

Е. П. КОЦЕНЮК, г. Уссурийск, Приморский край

* * *

«Давно ничего подобного не читал. Николай Павлович, но ведь после этих публикаций у Вас, наверное, кончилась спокойная жизнь. Ведь Вы затронули это «гадючье гнездо», как правильно назвал их В. С. Пикуль, нечистую силу».

В. М. ТАМАЕВ, Томская обл.

* * *

«Я читатель с огромным стажем, но как-то так получилось, что не стал постоянным читателем журнала «Молодая гвардия». Прочитал «От войны до войны» и стал подписчиком и пропагандистом журнала. Огромное Вам спасибо!»

П. КАРТАШЕВ, г. Липецк

* * *

«Много лет выписываю Ваш журнал. Люблю его читать от корки до корки... Очень тронули нас «Ночные беседы» Николая Кузьмина. Дай Бог здоровья этому замечательному человеку. Я переплела его повесть в книгу, берегу для своих будущих внуков, а сама прочитала уже 6 раз. Чувствуется, что писал настоящий человек, который много пережил и всегда делал добро. Было бы больше таких людей!»

Ю. С. ШМАКОВА, г. Донецк

* * *

«Уважаемый товарищ редактор! Примите искреннюю благодарность за «От войны до войны» Ник. Кузьмина. Это — честное и мужественное откровение, которого давно ждали. № 7 и 8 «Молодой гвардии» люди буквально рвут из рук, возбужденные и ободренные. Прекрасно, что наконец сказано веское, правдивое слово в защиту чести и достоинства русского человека, дана отповедь русофобам, антисоветчикам».

М. ДМИТРИЕВА, г. Нальчик

* * *

«Оговорюсь, я метис. Мать русская, а отец адыгеец. Но мне обидно за русскую нацию... «От войны до войны» читают мои коллеги по работе. Идет чуть ли не запись очередности. Считайте, что в полку ваших подписчиков прибавилось. Впечатление такое, что тов. Кузьмин высказал вслух наши мысли. Спасибо ему и Вам, уважаемая редакция, за то, что Вы держите правильный курс в столь бурном море идеологической борьбы».

Г. Д. ИНДУХО, г. Краснодар

* * *

«Очень сильно меня взволновала повесть Николая Кузьмина «От войны до войны». Наверное, я с ним одного возраста, т. к. тоже с 1942 года 14-летней девчонкой встала к токарному станку в г. Пензе, а с 1944 года стала жить и работать в Ленинграде... Учиться без отрыва от работы на заводе пришлось целых девять лет. Но вера была и есть в Родину, в ее лучшие и умнейшие силы, в непобедимое упорство, настойчивость, несгибаемость!»

П. Н. МИЧКОВА, г. Нижневартовск

* * *

«Ваши «Ночные беседы» читала вслух детям (сыновьям 20 и 12 лет). К счастью, они у меня серьезные, думающие. С самого рожденья я объясняю им всю правду, что хорошо и что плохо. А вам спасибо, что заступились за ребят-«афганцев». Это наша боль и наша надежда. Сохранить Россию могут только те, кто проникся чужой болью и испытал свою. А дети беспутного Арбата в конце концов получат то, что заслужили».

Е. В. ФОКИНА, г. Хабаровск

* * *

«Патриотизма и правды, как любви и веры, не может быть много. Не оскудевают они в сердцах тех, кому дорого свое Отечество. Хочется, как занемогшее дитя, прижать его к груди и спасти от отравленных стрел злорадного ехидства... Жаль, что не знала Н. Кузьмина раньше. Заглянуть бы ему в глаза и поклониться до самой земли».

ВОЛКОВА, г. Ленинград

* * *

«Читали, переживали, плакали. Ваши «Ночные беседы» — это и наши повседневные, ежечасные, ежеминутные думы и, без сомнения, — большинства простых советских людей. До чего ж все верно! Хотелось бы, чтобы пресса донесла до наших людей все это в более широком масштабе. Всей душой и сердцем мы с Вами и полностью разделяем Ваши мысли, чувства и взгляды. Очень переживаем за нашу страну, ее будущее и наших детей. Трудно нашей молодежи, души которой растлевают так называемые сред-

ства массовой информации. И еще труднее приходится нам, матерям и отцам, видя, что перед нами стоит пропасть... Надеемся, что встретимся еще с Вами на страницах печати... Желаем Вам, Вашим друзьям и единомышленникам выстоять и победить. Мы с Вами!»

Семьи КОТОВЫХ, БОРЕЙКО, г. Винница

* * *

«Спасибо вам всем, что вы есть! Вы настоящие, те самые краснодонцы — наша слава и наша гордость... Знаете, если бы не «Огонек» и не «Юность», я бы так и не знала вашего журнала. Где-то спасибо им за это. Начитавшись этих журналов до рвоты, я отчаялась вообще. Но потом мне захотелось узнать, за что же так усердно бьют «Молодую гвардию» и «Наш современник» и сразу же поняла, за что. За правду! За смелость и мужество! За честность! И вот, прочитав Н. Кузьмина «От войны до войны», я была настолько потрясена, что у меня появилось желание закричать на всю страну: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!» Я теперь вам самый активный пропагандист». Абсолютно уверена, что «Молодая гвардия» всегда будет молодой гвардией!»

Л. С. КУПЦОВА, г. Москва

* * *

«Да хранит Вас Бог!»

Без подписи, г. Уральск

* * *

Телеграмма:

«Восхищен и потрясен публикацией «От войны до войны». Абсолютно с Вами согласен. Очень хотелось бы лично встретиться и поговорить, т. к. мы работаем с молодежью. Было бы хорошо, если бы Вам дали время на ТВ».

ВОРОБЬЕВ, профессор Семипалатинского технологического института

ЗА ПРАВДУ — НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

От редакции

Читатели оказались совершенно правы: после публикации документальной повести «От войны до войны» («М. Г.» № 7, 8, 1989 г.) ее автору, писателю Николаю Павловичу Кузьмину спокойной жизни не стало, его уже больше года таскают по судам.

Кто же таскает и за что?

В своей повести Николай Кузьмин рассказал о неблаговидном поступке некоего В. Г. Дмитриева, который в 1942 году был арестован за крупные хищения, приравненные в то тяжкое военное время к вредительству. В. Г. Дмитриев из-под стражи бежал в оккупированный фашистами Краснодар, а затем вообще оказался за рубежом нашей Родины. За все это писатель назвал во второй своей публикации на эту тему под названием «Иск к совести и закону» («М. Г.» № 5, 1990 г.) вышеупомянутого В. Г. Дмитриева изменником Родины.

Все это сильно не понравилось сыну вышеупомянутого В. Г. Дмитриева — Ю. В. Дмитриеву, ныне работающему специальным корреспондентом газеты «Труд». Разгневанный сын подал на писателя Николая Кузьмина в суд, требуя привлечь его к уголовной ответственности, мотивируя свое требование тем, что суда над его отцом не было, следовательно, называть его изменником никто не имеет права, что это, мол, клевета.

Да, суда над В. Г. Дмитриевым не было, ибо он убежал к фашистам, скрылся там от справедливого возмездия за свое тяжкое уголовное преступление. Но факты-то ведь очевидны. Они есть и в персональном партийном деле любвеобильного сына, ныне, повторим, спецкора газеты «Труд» Ю. В. Дмитриева, который был привлечен к строгой партийной ответственности за скрытие сведений о своем отце при вступлении в ряды КПСС, и хранятся в партархиве Московского горкома. Что же, и на этом может сейчас поспекулировать журналист Ю. В. Дмитриев — теперь, мол, видите, что такое компартия, каков ее авторитет и пр.

Да, ныне коммунистическую партию всячески оскорбляют и дискредитируют (кстати, в основном такие, как Ю. В. Дмитриев), но у советских людей, еще не забывших всех тягот жесточайшей войны с фашизмом, своя моральная шкала по всем аспектам жизни и истории. Как же им относиться к человеку, к вышеупомянутому В. Г. Дмитриеву, который не только не «ковал» нашу великую Победу над Гитлером, а совсем наоборот, страшился этой Победы и кинулся в бега за рубеж, как только Победа стала фактом. Может быть, несмотря на это, назвать его народным героем? Советским патриотом? Может быть, снять какой-нибудь орден с маршала Жукова и отдать его Дмитриеву?

Ныне реалии нашей действительности, к сожалению, таковы, что можно поливать грязью Ленина и ленинизм, можно с упоением таскать по улицам лозунги «КПСС — враг народа» или «КПСС — чума XX века», можно печатно называть писательскую организацию России сборищем фашистов, можно осквернять могилы павших в боях за Родину солдат, разрушать памятники Героям и устанавливать монументы националистам и палачам народа типа С. Бандеры, но боже вас упаси высказывать свое мнение, свои убеждения о поведении тех, кто в годы войны спасал свою шкуру у ненавистного врага.

Мир глохнет от воплей о правах человека. В этом году в наших газетах вновь напечатана «Всеобщая декларация прав человека». Недавно в Париже наш Президент вместе с главами других государств подписал «Парижскую хартию». А в наш великий праздник 7 Ноября он же, Президент и Генеральный секретарь, заявил с трибуны Мавзолея:

«Воздаем должное нашим дедам, отцам и матерям, миллионам советских людей, чьим самоотверженным трудом и беззаветным мужеством жила и строилась Отчизна. Тем, кто насмерть встал против фашизма, победил в самой кровавой войне, отстоял независимость своей страны и других государств».

И — далее:
«Мы не можем позволить себе унизить их забвением, тем более — неправедным судом».
Что и говорить, прекрасные слова. Но вот издеваться и сажать на скамью подсудимых тех, кто обличает трусов, преступников и предателей народа и Родины, ныне, оказывается можно; что и говорить: настоящее правовое государство мы строим.
Короче, уголовное дело на писателя Николая Кузьмина по факту якобы клеветы на вышеупомянутого В. Г. Дмитриева по иску его сына Ю. В. Дмитриева заведено. За слово правды писателю грозит тюремное заключение. Так «торжествует» у нас гласность, в криках за которую совсем исхудали многие наши демократы, оседлавшие ныне все виды власти, в том числе и судебную.
Публикуя читательские оценки (небольшую их часть) повести Николая Кузьмина «От войны до войны», мы просим наших читателей высказать свое отношение к тому позорному делу, которое собирается осуществить советская Фемида над писателем, посмевшим обнародовать позорные деяния отца одного из нынешних демократов и сотрудника одной из известнейших в стране газет. Как журналисты газеты «Труд» к такому своему сослуживцу относятся? Подают ли после этого ему руку?
Если это позорное судилище состоится, мы, естественно, расскажем о нем. Судилище такое, увы, может произойти, ведь были же мы недавно свидетелями циничной и незаконной судебной расправы над человеком, не совершившим никакого противозаконного действия. Но, может быть, люди, мы еще обладаем остатками здравого смысла и не допустим больше подобных судебных расправ, все явственнее и явственнее грозящих каждому из нас в связи с приходом к власти «демократов»?!

* * *

ТЕЛЕГРАММА
В два адреса:
103973, Москва, Пушкинская ул., д. 15 а
Прокуратура СССР
Исполняющему обязанности Генерального прокурора товарищу Васильеву Алексею Дмитриевичу
103030, Москва, Институтский пер., д. 8
Прокуратура Кировского района
Прокурору товарищу Казакову Виктору Васильевичу
От имени сотен тысяч читателей журнала «Молодая гвардия», от широких кругов советской и мировой общественности требуем прекратить преследование талантливого писателя, нашего автора Николая Кузьмина прокуратурой Кировского района города Москвы. Налицо попытка осудить писателя за мужество говорить в своих книгах правду о нашей истории и нашем суровом времени, за его убеждения: извращение нравственности в обществе, против чего выступает в своих книгах Николай Кузьмин, дошло до такой степени, что уже и предателя Родины, изменника нельзя назвать предателем и изменником. Извращенцами морали и права это истолковывается как уголовное преступление. Заведенное на Кузьмина уголовное дело прокуратурой Кировского района Москвы является грубейшим нарушением международного и советского конституционного права писателя говорить в своих произведениях правду, отражать жизнь во всех ее сложностях и противоречиях. Тем более недопустимо уголовное преследование писателя, как и всякого советского гражданина, за его убеждения. Еще раз требуем прекратить уголовное дело и преследование члена Союза писателей СССР беспартийного Николая Кузьмина.

Партийная организация, редколлегия, коллектив редакции журнала «Молодая гвардия»

СТРИПТИЗ «ДЕМОКРАТА»

Где бы и в чем бы ни появлялся «демократ-перестройщик» — жди обнажения. Одежды, самые модные — от «Бурды», да и выпувки отечественного пошива слетают со чресл, словно на конкурсах московских красавцев, и «демократ» фланирует под чарующей вуалью слов, не замечая своей наготы. Наивный зритель покажет на это дело пальцем и откроет рот, да сказать ничего не успеет. Рот этот быстро прихлопнут иные «сторонники демократии» возгласами о необразованности наивного зрителя, о вечной запуганности его и приверженности к «сталинизму»: сапогам, френчу, фуражке-сталинке, фуфайке-гулаговке и так далее к тому подобному.
Но дайте же сказать.
Вот вышел в вечернем туалете, то бишь в шуршащих одеждах газеты «Вечерняя Москва», «демократ» по имени Андрей Насонов, и с места галопом стал раздеваться с лозунгами: «Вместо хлеба — лозунги» — надзаголовок. «Ответ сторонникам социализма» — заголовок. А под заголовком — жирным шрифтом:
«22 сентября в «Вечерней Москве» был опубликован мой отклик на письмо читателя, пожелавшего остаться неизвестным». Это начало стриптиза: «демократ» снял свой брючный ремешок и отстегал гипотетического «неизвестного». Причины ясны: вызвать читательские отклики по поводу учиненного акта — вэкзекуции над «неизвестным». То есть Насонов, воодушевленный подвигами Норинского, сотворил провокацию.
Раздевание продолжается: «Позиция анонимного автора не могла не вызвать определенной реакции, так как, на мой взгляд, она идет вразрез с происходящими в стране преобразованиями. Можно сравнить ее с позицией наших шумных защитников социалистической системы, таких, как Нина Андреева, Иван Полозков, и других».
Суду все ясно, но читателю не до выяснения позиций «анонимных авторов» и известных Андреевой и Полозкова в условиях «с происходящими в стране преобразованиями». Ведь «демократ» себя показывает сторонником этих «преобразований»! А народ против. Хлеба ведь нет! «Демократ» знает, что его нет. Причина надвигающегося голода в «демократических преобразованиях», а не в том, что полозковцы и нинаандреевцы хлеб припрятали. Однако Насонов рвет в конце концов на груди рубаху, скидывает и топчет, горестно выговаривая в сторону «сторонников социализма»:
«Вновь и вновь перечитываю письма своих «противников». И ис-

пытываю чувство жалости к этим людям. С таким жизненным опытом, пройдя через тернии тоталитарного режима, они, к сожалению, глухи к тому, что несут в себе демократия и свобода».

Он уже полностью обнажился. Только на лице — вуаль «демократии». Ниже и много ниже! — фиговый листок «свободы». А «тернии» происходящих преобразований, видимо, на нем не оставляют кровавых следов?! Весь народ воет от боли и ужаса. Люди мечутся в поисках пропитания. И уже они не «глухи к тому, что несут в себе демократия и свобода» — пишут письма и подписываются своими именами: В. Костенко, Л. Кузьмина, В. Петров. Их приводит в своей статье А. Насонов, нежно оглаживая своим ремешком кровоточащие стигмы* от пяти лет «перестройки».

Спровоцировав в этих условиях читателей, «демократ» рисует себя пострадавшим: «Автор письма В. Петров... считает себя человеком культурным, но позволяет себе ругаться чуть ли не нецензурной бранью, обзывая меня «мерзавцем», «околополитическим мошенником», «фашиствующим демократом».

Тонко! Но рвется. Насонов спровоцировал Петрова. Надо Петрова за «оскорбления» отдать под суд как «сторонника социализма» и... хулигана, а то и хуже! До этого, конечно, дело не дойдет, и это всего лишь одна сторона его. Дело в том, что «сторонник свободы и демократии» дал «ответ», заодно потянувшись со вселенской смазью к марксизму-ленинизму, коммунизму как «светлому будущему», сказав обо всем с намеком:

«Ну что же, первые уроки этой программы мы уже усвоили. Мы все, по сути дела, нищие, несчастные, но равные».

Увы! Нищим и несчастным я себя лично ощутил недавно, усвоив «первые уроки» «демократии и свободы». Мое будущее непредсказуемо: при дальнейшей «демократизации» и «освобождении» меня ждет трагедия, ибо спекулировать, лгать и продавать свою честь и совесть не умею! А «демократ» делает это очень ловко. Тасуя слова «читательского письма» так, что в пасьянсе выкладывается рядышком «самодурство Столыпиных и Распутиных», теми же грязными ременными словами сечет и коммунистическую партию, и автора письма, женщину. А, какая вы глупенькая, говорит он и наставляет: «Петр Аркадьевич Столыпин — крупнейший деятель России — был инициатором «перестройки». А «индивидуальность Распутина развивалась на генетическом древе рода Романовых».

Какой же умник наш «демократ»!

Перестройку Столыпина заключает в кавычки, но ничего не говорит о том, что после убийства П. А. Столыпина в России началась «демократическая перестройка», и Гриша Распутин был внедрен к царскому двору радетелями «свободы», противниками монархии. На «генетическом древе рода Романовых» Распутин появился как паразит. При Столыпине такое внедрение было невозможно. И какие только «партии» не ползут за воротник нашей «перестройки»! «Демократы» в их числе. А лезут они — потому что свобода! Идут «платформами», клиньями, фашинами: «демплатформа» внутри, «демплатформа» вне компартии, слева, справа, сбоку, спереди, сзади. Рой! И все — «демократы».

До «перестройки» я был почти антикоммунистом, антимарксистом, антиленинцем. Непосаженным в ГУЛАГ кухонным диссидентом. Всем же было видно, что наша идеологическая система больна! Не будем сегодня закрывать глаза на свое прошлое «инакомыслие». Не будем. Видели.

За годы «перестройки» я стал анти-«демократом». Перестроился. Тернии «свободы и демократии» изнурили народ за пять лет этой «перестройки» больше, чем за все времена «сталинизма» и «застоя».

Ложь «демократа» так же обнажена, на виду лежит. Говоря о «программе» партии, защищаемой читателем В. Костенко, его «противник» А. Насонов делает неожиданное заявление, что в результате этой программы построения социализма и светлого будущего: «Мы все, по сути дела, нищие, несчастные, но равные».

«Мы все нищие...» Вдумайтесь, так ли это? И пять лет тому назад мы ВСЕ знали уже, что не все НИЩИЕ! Есть, были уже среди нас миллионеры! Счастливы ли они, я не знаю, но это уже говорит, что НЕ РАВНЫ. По поводу «равенства» можно сказать, что еще в 1918 году по настоянию Троцкого и Бухарина была введена десятистепенная система пайков. О каком «равенстве» и «нищенстве» ВСЕХ говорит бедненький «демократ»! Уравниловки тоже никогда не было. Так что лгать не надо. Никогда люди все равны не были и не будут.

Слова о свободе и равенстве всех и о демократии — о народовластии — это риторика как революционеров, так и контрреволюционеров, всех «великих потрясателей» основ государства, о которых говорил еще Столыпин. Его фраза: «Господа! Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия» — именно сегодня приобретает самую жгучую потребность осмысления.

Чего хотят люди, называющие себя «демократами»?

Они хотят не просто великих, но величайших потрясений, вуалируя свои желания словами о «свободе». Та «свобода», к которой нас подвели именно «демократы», попирает все права человеческие. Корреспондент «Вечерней Москвы», называющей себя «независимой народной газетой», и не только один Насонов, и не только этой газеты, безнаказанно занимается провокацией с целью вызвать «отклики» на эту провокацию и продолжить издевательство над читателями. А это же и есть НАРОД московский, читатели «народной» газеты.

Не так уж трудно определить лицо выступающего против «сторонников социализма». По методу полярности. Но я не думаю, что это лицо «демократического капиталиста». Это лицо человека, желающего стать «свободным предпринимателем». Но и это меня не пугает. Можно быть и капиталистом, и предпринимателем, являясь в то же время демократом. Для этого нужен долгий путь развития и самого капитализма, и самой демократии.

В данном случае «противник» социализма является, кроме того, что он провокатор, экстремистом, потрясателем основ, одним махом предлагающим народу разрушить строй, многих не устраивающий, и создать на его руинах систему свободного предпринимательства.

Он манит нас словами о свободе и демократии, но разве не ясно, что произойдет в результате такого «перестроения».

На обломках социализма, каков бы ни был у нас он и десять, и пять лет тому назад, или — теперь, мы не сможем войти ни

* Стигмы — метки или клейма на теле рабов или преступников.

в капитализм, ни в феодализм. Даже в родненькое российское крепостничество вернуться нельзя.

Рухнет наш строй, и завтра же наша страна станет прозаической ареной для игр мировой колониальной системы. Мы будем развиваться только как КОЛОНИЯ со всеми вытекающими из этого понятия «свободами» и «демократиями». В награду за это «демократы» надеются лично для себя устроить жизнь по американскому образцу. Если им разрешат это колонизаторы. Но куда денутся? Вон, как писала «Советская Россия», главный московский «интеллигент-демократ» Г. Х. Попов уже владеет дачей стоимостью по госрасценкам в 400 тысяч рублей. Немало, надо полагать, имеет он, в таком случае, и иных ценностей. Это что же, «мэр» нашей Москвы — миллионер? Так что колонизаторы с такими людьми вынуждены будут считаться. А вот простому народу надеяться не на что. Он получит полную свободу на вымирание, ибо, несмотря на все издевательские утверждения, народы Российской империи — и Советского Союза! — рабами никогда не были. Мы очень плохие рабы, от этого так долго длятся наши мучения.

Сторонник колонизации бывшего оплота социализма иностранными ТНК, Андрей Насонов лишь о себе и своих единомышленниках должен говорить: «Мы бедны чувством собственного достоинства». По-моему, этого достоинства у них вообще нет. Такое «самоуничижение» — не гордыня! В его словах другое. В них презрение к народу. Он, видите ли, испытывает «чувство жалости к этим людям». Отхлестал авторов писем словами — журналист! — и цедит цинично: жалко их. Не жалость мучит «демократа», а презрение и скрытая ненависть к народу, мучительно переживающему происходящие в стране столь дорогие сердцу «демократа» преобразования: рост страха за свою жизнь в нарастающем потоке бандитизма, инфляции, спекуляции, экстремального национализма. Это только часть «преобразований». И в основном это очень мерзкие «преобразования». Так почему человека нельзя назвать мерзавцем, если ему нравятся эти мерзости! Самое время сказать, кто есть кто.

«Демократы» во всех наших мерзостях обвиняют Сталина. А почему не Горбачева? Он теперь и Генсек, и Президент. А потому молчат, что он пошел на их поводу, и зашли мы незнамо куда. А будет дальше их слушать, то и заведет страну в колониализм. Уж как потешатся над нами потомки! Из социализма прямо в колониальное рабство.

Неужели даже теперь московский народ не разобрался, кому он отдавал свои голоса сначала на митингах, а потом на выборах?

Большую роль в этом сыграла пресса, которая вдруг «демократизировалась», как по мановению, и стала «независимой» и «народной».

Вы хоть народ настоящий видели, господа демократы? Кроме того, который ходит по Арбату и в Сокольниках? Уверен, что А. Насонов видел митинговый арбатско-сокольнический народ. Тогда слова его: «Несчастны даже тем, что свалилась на нас свобода с демократией, а пользоваться мы ими не умеем», — очень точно характеризуют этот виденный им народ.

Большое видится на расстоянии, а Москва велика. Иногда мне кажется, что «демократы» Моссовета лишь в речах оперируют лозунгами Троцкого (Ленина они терпеть не могут!), а дело не делают. Троцкий хоть «дело» делал. Палач гражданской войны. Может, «демократам» этого звания тоже хочется? Но они идут к нему своим путем.

«Демократы перестройки»! Проклянут вас всех потомки, ваши потомки в том числе. Это делать история никогда не забывала.

Только «демократы» способны называть изобретателя изуверского термоядерного оружия А. Сахарова «великим гуманистом». Причем делается это все без стыда. Стриптиз откровеннейший. А у нас говорят: голому стыдиться — ночь коротка. Очень торопятся господа «демократы», на ходу подметки режут. А при этом еще и кричат: «Держи вора!» Было же: Гдлян у Лигачева дубинку украл. Куда дел — неизвестно. А как махали демократы дубиной Гдляна.

Все было. И смуты в Московском царстве-государстве не раз бывали. Дай Бог, чтобы это — последняя.

Сейчас народу во много раз тяжелее ее переживать: пресса, телевидение схватили дубинки и по всей стране дубасят — моментально доносят удары по цели. А цель — народ. Это слово — «народ» — и повторяю, потому что газета, например, «Вечерняя Москва» — «народная». По народу и бьют. Полозков, Андреева, Лигачев — это лишь мишени, расстреливаемые на фоне народа.

В. ЗАРУБИН.
г. Феодосия

ПОД ОГНЕМ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

Очень хорошо, что «МГ» дала возможность заочно встретиться с генералом-полковником А. М. Макашовым. Его выступление на Учредительном съезде Компартии РСФСР является примером того, как надо бороться с «пятой колонной», за идеалы патриотизма.

А. М. Макашов знал, что по нему, вставшему во весь рост в атаку за честь Армии и Державы, будет открыт огонь из всех «окопов-редакций» продажной прессы самыми разными «калибрами» — от газетенок самиздата до толстых журналов, радио и телевидения. Знал, но, как он сам выразился, «сознательно вызвал огонь на себя». Этим мужественным поступком он вскрыл всю систему огня «пятой колонны». Надо признать, что организация «комплексного огневого поражения» у нее на высоте. Что ж, многовековой опыт мастеров провокаций используется вовсю: здесь и обман, и подтасовки, и скрытые угрозы, и ложь, и дезинформация... А если одним словом, — предательство.

Пресса «пятой колонны» уже совершила — под прикрытием борьбы с «дедовщиной» — не одно преступление перед государством: сорвала как минимум два призыва в ряды Вооруженных Сил СССР. И, естественно, не понесла никакого наказания. Разгул антигосударственных и антинациональных сил продолжается. Единственное препятствие на их пути — армия! Вот почему ее пытаются ошельмовать, морально разоружить, сделать небоеспособной.

Но вышла осечка — пока есть в армии такие сражающиеся генералы, как А. М. Макашов, И. Н. Родионов, Б. В. Громов, В. И. Филатов, Г. В. Короленко, будут и воюющие офицеры и солдаты! Именно бывшие солдаты, а сегодня — рабочие и крестьяне, выступили на съездах Компартии РСФСР и КПСС в поддержку ге-

нерала А. М. Макашова. Все, кто чувствует свою причастность к Родине, кто живет ее радостями и горестями, болеет за ее судьбу, не могут поступить иначе. Ну а остальное «воинствующее подавляющее меньшинство», занявшее выгодные господствующие высоты, включая Останкинскую телебашню, и овладевшее средствами массовой информации, и должно было выступить против. Ведь это — люди «плюралистического гражданства», без Отечества. Поэтому они марают и топчут историю страны, ибо не считают СССР своей Родиной, Родина для них там, где сытнее и богаче, откуда заказывают им музыку.

Все разрушить, вытравить в душе народа патриотизм, лишить советских людей светлого чувства Родины — вот их цель и всех тех, кто «издалека» ненавидит нашу страну и наш народ.

Цитадель патриотизма — армия, поэтому главный удар наносится по ней. Вооруженные Силы — это система, в которой есть не только ее элементы — виды и рода войск, объединения, соединения, части и подразделения, то есть люди, но и связи между ними. И если троцкизм и бериевщина уничтожали военных людей физически, то нынешние наследники «Иудушки Троцкого» хотят уничтожить их морально, бьют по животворным связям солдат и офицеров, офицеров и генералов, в целом армии и народа. Воистину, коварству нет предела. Как говорят в таких случаях в народе, это — бесстыжие и бессовестные люди.

И если в «желтой прессе» появляются провокационно-порочащие ярлыки типа «консерваторы», «правые», «антиперестройщики», «черносотенцы», «псевдопатриоты» с фамилиями настоящих защитников Родины, то в патриотических изданиях надо в ответ ввести такие колонки, как «предатели», «продавшиеся», «перерожденцы», «сионисты», «пятая колонна», «всадники на троянских конях», «иуды», «неотроцкисты».

Народ должен знать как своих героев, так и предателей. Он всегда поддержит и пойдет за такими генералами и патриотами, как А. М. Макашов, и раздавит предательскую гидру.

В. КРУГЛОВ,
подполковник,
г. Москва

КОЛЬ У НАС НАСАЖДАЕТСЯ КАПИТАЛИЗМ — НАРОД ДОЛЖЕН ПОЗАБОТИТЬСЯ О СЕБЕ САМ

Руководство страны, не посоветовавшись с народом, начало претворять в жизнь программу «500 дней» — программу реставрации капитализма в стране под видом приватизации государственной собственности. Таким образом дана неограниченная свобода спекулянтам, жуликам, иностранным дельцам, и все более ухудшается жизнь простого труженика. Для маскировки закабаления честных людей при этом напускается демократический туман о происках аппаратчиков, фамилии которых не называются. Но подобные ухищрения уже не могут прикрыть открывшуюся перед нами бездну, в которую нас призвали прыгнуть.

У многих возникает естественный вопрос: почему, отдав или отдавая все свои силы и знания государству, человек труда дол-

жен теперь оказаться один на один, без гроша в кармане, со всякого рода дельцами, с внутренними и международными мафиози?

Долгое время люди рассчитывали, что их интересы будет защищать партия коммунистов. Но теперь стало ясно, руководители КПСС пекутся за возврат капитализма, демонстрируют свою идеологическую и организационную несостоятельность. Что ж, в таком случае народ должен позаботиться о себе сам. Но каким образом?

Общество русской культуры «Отечество» предлагает ознакомиться с экономической программой, выдвинутой Русским Общинным Союзом. На наш взгляд, осуществление ее гарантирует достойное будущее каждому трудовому человеку. В основе программы: требования у государства для всех тружеников «возвратного пая».

Юридической основой этого являются следующие факты: в социалистическом государстве мы получали в виде зарплаты 15—20 процентов от прибыли предприятия, а в капиталистических государствах, одним из которых мы становимся, заработная плата составляет 60—80 процентов от прибыли. Недоплата (назовем ее долей отчуждения, приблизительно равна 50 процентам) шла у нас на создание основных фондов государства, и поэтому каждый из тех, кто работал в учреждениях и на предприятиях при объявленной программе возврата к капитализму, имеет право потребовать созданную его трудом долю. «Возвратный пай» составляет часть общинной, коллективной собственности, принадлежит каждому труженику и является долгом государства за насильственное отчуждение результатов прошлого труда граждан.

Оценка его средней величины может быть сделана на основе данных усредненной стоимости одного рабочего места, которая по стране составляет около 20 тысяч рублей.

«Возвратный пай» можно рассчитать в виде произведения зарплаты труженика за отработанное на предприятии время на долю возврата, которая должна быть равной доле отчуждения, в нашем случае — 50 процентам. При стаже работы 15 лет, например, и зарплате 260 рублей в месяц «возвратный пай» труженика равен:

$$15 \times 12 \times 260 \times 50\% = 23\,400 \text{ руб.}$$

«Возвратный пай» следует востребовать не в виде акций и денежных выплат, а в виде паевой доли (части) собственности труженика в стоимости предприятия. В нашем случае труженик имеет право собственности в основных фондах предприятия на 23 400 рублей, деленных на стоимость основных фондов предприятия.

Примем стоимость основных и оборотных фондов предприятия за 35 миллионов рублей. Тогда паевая доля (часть) труженика будет равна:

$$23\,400 : 35\,000\,000 = 0.0007.$$

Условие реализации «возвратного пая» в виде гарантированных ежемесячных выплат доли прибыли предприятия (дивиденда) отличает программу Русского Общинного Союза от программ так называемых «левых» радикалов, демократов, которые предлагают сразу осуществить эти выплаты деньгами и акциями. При этом мы исходим из того, что при выплате долга ценными бумагами простой труженик оказывается беззащитным перед финансовыми

махинаторами. Манипулируя ценами и создавая искусственный дефицит, можно обесценить акции и деньги и легко собрать их у населения. Гарантий, что так не произойдет, нет. Ведь еще на заре Советской власти все золото России было скуплено за кусок хлеба через магазины Торгсин с помощью искусственно организованного голода.

«Возвратный пай» Русский Общинный Союз предлагает реализовать в виде доли прибыли (дивиденда) предприятия, рассчитанной пропорционально паевой доли труженика. Если, скажем, годовая прибыль предприятия равна 20 миллионам рублей, то месячный дивиденд труженика будет равен

$$1 \times 50\% \times 20 \text{ млн.} \times 0.0007 = 580 \text{ руб.}$$

Такова суть экономической программы Русского Общинного Союза. На наш взгляд, она защищает интересы трудового человека от всякого рода спекулянтов и жуликов, так как не дает последним овладеть средствами производства, которые в их руках превращаются в средства эксплуатации. Больше того, «возвратный пай» позволит заинтересовать труженика в результатах своего труда. Это, в свою очередь, неизбежно приведет к контролю и подотчетности руководства предприятия, что в конечном итоге поможет поднять эффективность производства.

Другое дело, как вернуть труженикам то, что им принадлежит по праву, то, что сейчас присваивается новоявленными эксплуататорами, своими и зарубежными? Мы предлагаем такую программу действий.

Трудовым коллективам следует вначале потребовать публичного отчета администрации о финансовой деятельности предприятия, одновременно организовать комитет по реализации «возвратного пая», выбрав в него наиболее уважаемых и доказавших свою честность, принципиальность, деловые качества не на словах, а на деле товарищей по работе. Поручить этому комитету совместно с экономическими службами предприятия или учреждения выработать систему расчета «возвратного пая», паевой доли и дивиденда каждого труженика и довести эти сведения до каждого члена трудового коллектива, а также утвердить и юридически оформить разработанную систему расчета.

Разумеется, те, кто присваивает сейчас добро простого народа, кто зарится на него у нас в стране и за рубежом, кто поддерживает их с больших и малых «демократических» трибун, будут делать все, чтобы фабрики, заводы, земля, институты не принадлежали только тем, кто на них работает, тем, кто их по праву хозяин. Однако что смогут поделать они против воли трудового народа?

Русский Общинный Союз,
Москва

НАЙТИ СВОЮ ДОРОГУ

Прежде всего хочу поблагодарить «МГ» за интересные и смелые публикации и самое главное за то, что в подборе материалов вы по-настоящему демократичны. Я имею в виду, что на страницах журнала высказываются самые разные точки зрения, и это замечательно. Я считаю, что это и есть истинная демократия и гласность.

Хочу подробнее остановиться на статье из № 9 «Своя суть», которую написал Сергей Жариков.

Необычайно интересная и глубокая статья! На мой взгляд, сейчас нет ничего более своевременного, чем те мысли, которые я увидел в статье Сергея. Сейчас, когда большинство нашей молодежи начинает свои духовные поиски почти с нуля, очень важно не ошибиться и, самое главное, не повторить ошибок, сделанных когда-то нашими предками. Именно сейчас важно найти именно свою сущность и пойти именно по своей дороге. В противном случае ошибка может привести к духовному порабощению на сотни, тысячи, а может, и более лет.

Я уже много лет размышляю о том, что та духовная и культурная традиция, которую мы всегда связывали с русским христианством, а точнее — с православием, имеет несравненно более глубокие и уходящие в древность корни, чем это может показаться на первый взгляд или со слов священнослужителей. Короче говоря, срок в 1000 лет — это не есть, на мой взгляд, история Русской Духовной традиции, а это всего лишь ее фрагмент. Причем чем древнее прослеживаешь корни этой традиции, тем больше понимаешь, что во многом с течением времени она проиграла от привнесенных изменений. Прошу понять меня правильно, я не антихристианин, но я за то, чтобы рассматривать нашу Духовную традицию во всей ее широте, во всем ее многообразии. Поэтому мне кажутся странными и противоестественными мысли о том, что до крещения Русь была темная и ничего хорошего в ней не было до тех пор, пока мы не приняли крещение.

Это чудовищное противопоставление и разъединение того, что по сути своей должно быть единым и едино на самом деле (то есть как бы одно продолжает другое), есть не что иное, как очередная попытка разрушения этой традиции. К сожалению, подобное довольно часто можно услышать с экранов ТВ от историков и служителей нынешней церкви. Если проанализировать кадровый состав и тех, и других, то многое, конечно, станет понятным. Но я в своем письме не хотел бы тратить время на описание козней тех, кто мечтает разрушить и предать забвению нашу Духовную традицию. Я хотел бы обратить внимание на самое главное, не размениваясь по мелочам.

Итак, повторяю, что сейчас время, когда большинство нашей молодежи ищет направление своих духовных устремлений. Возможно, сейчас самое ответственное время. Ошибиться нельзя!

Но что ждет молодого, неопытного человека, попавшего в адское месиво, состоящее из кришнаитов (извращающих ведическое учение) или новоиспеченных «батюшек», которые возводят чуть ли не в цель жизни поехать и поклониться иерусалимской земле. Чем наша земля менее святая? Почему нынешние служители церкви (или по крайней мере большинство из них) называют священной историей историю только одного народа? А другие народы по их учению пребывали во мраке, пока наконец не соприкоснулись якобы с Библией. А если к описанной картине добавить еще огромное количество всяких сект оккультного характера, то станет ясно, что найти Свою Суть, Свою Сущность сейчас очень трудно.

Итак... вот что я предлагаю (извините, если мой тон выглядит не совсем скромно).

Сейчас идет борьба, противоборство. И самая жаркая битва идет на тонком уровне, борьба между духовными и культурными традициями, носящая глобальный, космический характер. А так как журнал «М. Г.» играет во всем этом не последнюю роль, то и напечатанное в нем должно быть именно самое главное.

В своей статье Сергей Жариков правильно заметил, что такие книги, как Ригведа, Аавеста, до сих пор не напечатаны на русском языке. А ведь эти книги были написаны в долинах рек Волга и Днепр, то есть на территории нынешней России. И эти книги самые древние в мире. Многие ученые считают, что последующие религии своей теоретической базой во многом обязаны этим книгам. Выходит, что эти книги и есть тот первоисточник, к которому тянется наша Духовная традиция.

Так почему мы не знаем этих книг? Ведь многие журналы практикуют печатать на своих страницах «Священное писание» (Библию), так почему же «М. Г.» не познакомить читателей с текстами этих древнейших книг?

Для русского человека Духовная жизнь — это самое главное, это смысл жизни. А сейчас, как никогда, Космос предоставляет возможность вдохнуть полной грудью, увидеть и почувствовать свою Суть во всей ее глубине, со всем ее прошлым, настоящим и будущим. И так хочется это сделать. Хочется ощутить полноту и многообразие, а не замыкаться на образе Иешуа Га-Ноцри.

А что касается такого интересного человека, как Сергей Жариков, то увидеть его очередную статью в разделе публицистики журнала было бы большим подарком (и я думаю, не только для меня).

Сергей КОРШУНОВ,
Москва

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО, ИЛИ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЛЕЙБОЙ БРОНШТЕЙНОМ

ТАСС сообщил: «Троцкий (Бронштейн) — один из вождей мирового пролетариата, один из творцов Великой Октябрьской социалистической революции, первый нарком Красной Армии, человек, которого уважал и саркастически-ласково называл «Иудушкой» Ленин» (Ежемесячный бюллетень молодежной информации «Ориентиры», № 10, 1990).

В связи с воскрешением на политической арене Бронштейна (вернем Троцкому его родную фамилию, хватит, наверно, скрываться под псевдонимом) и в связи с тем, что дело перестройки он взял в свои руки, наш корреспондент обратился к Бронштейну с рядом вопросов.

Корреспондент: Лейба! Откуда ты свалился на шею русского народа?

Лейба: Родился в деревне Яновка Елизаветградского уезда Херсонской губернии и до 9 лет жил в небольшом имении отца, херсонского колониста, который, кстати, к 1917 году сколотил миллионное состояние. После Октябрьского переворота 1917 года я пристроил его в Петрограде к хлебному делу (он активно участвовал в изъятии хлеба у крестьян). После окончания Николаевского реального училища я сразу начал «мутить воду» — вступил в ряды социал-демократической организации просионистского толка.

Корреспондент: Говорят, что ты бывал в Базеле на международных сионистских сборищах.

Лейба: Да, это было давно. Наша сионистская организация в России была самая мощная, имела свои филиалы во многих городах. На международных сионистских съездах делегация российских сионистов была самая представительная. Ее сначала возглавлял Нордау, затем Членов.

Корреспондент: Какую цель ставила ваша организация?

Лейба: Свержение монархии и захват власти в России — на первом этапе. На втором, имея Россию в качестве плацдарма, — разжечь пожар всемирной революции, начав с разжигания гражданской войны в каждой отдельно взятой стране. А затем создать Всемирную республику с национал-социалистским строем (еврейским фашизмом).

Корреспондент: И с этой целью ты проник в большевистскую фракцию РСДРП?

Лейба: А почему бы и нет? По заданию зарубежного сионистского центра я был переброшен в Россию. За два месяца до Октябрьского переворота меня заочно сделали большевиком и сразу ввели в состав ЦК, я стал вторым лицом после Ленина. Затем, 25 сентября 1917 года, мы захватили власть в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Кстати, хочу подчеркнуть, ни одного рабочего в Совете не было. Для проформы и создания видимости мы ввели в Совет 2—3 рабочих, но они никакой роли в Совете не играли.

Корреспондент: Ну а потом что было?

Лейба: Потом? Потом мы совершили государственный переворот, свергли Временное правительство и установили нашу диктатуру, которую назвали «диктатурой пролетариата». Организовали гражданскую войну. Это было необходимо, иначе мы бы не выдержали и не смогли удержать власть в своих руках. Русских мы заставили воевать против русских.

Корреспондент: Что же ты не поделил со Сталиным?

Лейба: Да, Сталина мы по-настоящему не разглядели, упустили момент с ним расправиться. А возможность такая была еще в 1919 году. Думали, что он наш человек. Да, ловко он нас всех объегорил, и этого я ему до сих пор простить не могу. Зато теперь сионисты, не стесняясь, разоблачают Сталина на страницах НАШЕЙ советской печати. Главное, создать из Сталина образ врага. А дальше все пойдет как по маслу.

Корреспондент: Выходит, перестройку, как и переворот в октябре 1917 года, возглавляют твои люди?

Лейба: А разве могло быть иначе, если мы контролировали ход всей советской истории.

Корреспондент: Странное дело, почему же многие твои пропагандисты носят русские или украинские фамилии?

Лейба: Система проникновения сионистов в другие нации — это наша тайна. Ее разгадал Сталин, который во все анкеты ввел пятый пункт (национальная принадлежность). После моего изгнания из России в 1929 году и разгрома моих сторонников в 1938 году оставшиеся в России сионисты стали срочно менять свои фамилии на русские, украинские, латышские, армянские, грузинские. А их нынешние потомки ярко выраженных еврейских фамилий своих отцов и дедов уже не носят. В анкетах они теперь значатся русскими, украинцами и т. д. Принадлежность к сионизму теперь выдает не национальность, а русофобия — ненависть к русскому народу.

Корреспондент: Захват средств пропаганды всегда стоял на первом месте у вас. А как обстоит дело в других сферах?

Лейба: В экономике тоже наши люди. В политике — везде есть наши люди. Есть даже мои родственники, например, известный сейчас всем Ю. Афанасьев — он и демократ, и народный депутат СССР. Он и мой внучатый племянник.

Не только моего племянника Ю. Афанасьева мы сделали «ученым» — это верно, у него нет ни одной научной работы. И многих из «демократов» мы сделали академиками и докторами наук. Затем с помощью так называемых «демократических выборов» провели их в депутаты, дали министерские портфели.

Верные продолжатели моего учения делают все так, как я их учил и как учили мои люди. Хорошую подготовку прошли наши кадры и при Брежневе. Мы сумели сохранить их после сталинского разгрома. Наши кадры так же, как и в 1917 году, малограмотны, некомпетентны. Но это не мешает им занимать ключевые посты.

Корреспондент: Но революции начинаются и кончаются. Когда кончится ваша очередная революция?

Лейба: Никогда. Для нас, сионистов, надо, чтобы она продолжалась бесконечно. Нам легче в суматохе жить. Лозунг — «грабь награбленное» — наш лозунг. Его бросил в массы Зиновьев. Лозунг перманентности мы не снимем никогда.

Корреспондент: Что же, Ильич не понимал, с кем он имеет дело?

Лейба: Судите сами: в первом советском правительстве я по предложению Свердлова занял пост наркома по иностранным делам. А после того, как я отказался вопреки директиве Ленина подписать мирный договор в Брест-Литовске и спровоцировал новое германское наступление в 1918-м, я стал наркомом по военным и морским делам, а затем и председателем РВС. Потом некоторое время занимал пост наркома путей сообщения.

Ленин очень редко ставил мне в вину мои прежние ошибки и уклоны. Всегда, хотя в послеоктябрьский период Ленин практически и не использовал термин «троцкизм», он активно разоблачал мою политику и идеологию, но сделать ничего не мог. Его плотно опекали мои люди.

Корреспондент: В прошлом году наша пресса широко отметила 50-летие со дня твоей смерти и даже поведала, что героями гражданской войны на самом деле были не Ворошилов и Буденный, не Щорс и Чапаев, а ты. Это что, новое веяние в нашей истории?

Лейба: Я, конечно, в военном деле полный профан, зря мои подхалимы приписывают мне полководческие дарования. У меня в подчинении было много русских офицеров и в заложниках их жены. Под страхом смерти они и воевали против своих же русских. После того как русские офицеры добыли нам победу, мы их расстреляли. Заградотряды — это была моя идея, а не Сталина. Чтобы победить белых, мы ограбили всю Россию. Ну а победу в гражданской войне, конечно, приписали мне. Ведь историю тоже пишут мои люди.

Корреспондент: Говорят, что бюрократизм и троцкизм неотделимы. Не потому ли у нас исчезает борьба с бюрократизмом, что троцкисты легализовали свою деятельность в стране?

Лейба: Всеобщая некомпетентность породила новую советскую бюрократию. Ведь русскую интеллигенцию, знающих людей мы вышвырнули из России в первые годы нашей власти. Да, мне принадлежит идея бюрократизации государственного и общественного строя страны, за что я тогда получил прозвище «патриарха бюрократов». Этот факт не отрицает даже такой плюралистический орган, как «АиФ».

Только уничтожив троцкизм, как это сделал Сталин в 1937 году, вы сможете ликвидировать бюрократизм на всех уровнях. А чтобы уничтожить троцкизм, вы должны очистить партийный и государственный аппараты от моих людей и ликвидировать многопартийность. Ведь во главе почти всех партий, которые растут сейчас у вас как грибы, стоят преданные моим идеям люди.

Корреспондент: Давай, Лейба, вернемся к сообщению ТАСС, где утверждается, что Ленин уважал тебя и «саркастически-ласково называл «Иудушкой».

Известно, что Ленин не скупился на характеристики своих «любимцев». Так, например, Рыкова он как-то назвал ничтожеством, Ларина — мечущимся интеллигентом, ляпалой первосортным, нахалом и даже врагом. О зяте Ларина — Бухарине — Ленин писал, что он «дьявольски неустойчив в политике», «лоялен, но зарвался в левоглупизм до чертиков» и т. д.

Ты не можешь припомнить, а как Ильич относился к тебе, какие ярлыки он тебе приклеивал?

Лейба: «Саркастически-ласково» Иудушкой он назвал меня еще в 1911 году в небольшой заметке «О краске стыда у Иудушки Троцкого» (т. 20, с. 96). Но там не было ласкового и уважительного отношения ко мне, ТАСС дал искаженную информацию: в заметке,

состоящей всего из 19 строк, он 6 раз по отношению ко мне употребил слово «Иудушка», он просто смешал меня с грязью.

В полемике со мной, когда я систематически искажал историю борьбы большевиков с меньшевиками, Ильич еще «ласковее» меня называл. Его любовь ко мне не знала границ. Например, в одной из работ, касающейся, кажется, критики августовского блока, он несколько раз обозвал меня авантюристом. В другой, где речь шла о ликвидаторах, он связал меня с бундовцами и назвал «политическим нолем». Хорошо помню и такое: «Троцкий в России — ноль».

Ну а если вы внимательно почитаете Ленина, то найдете и такие «саркастически-ласковые» выражения (процитирую): «Троцкий и ликвидаторы — это паразиты на организме социал-демократии», «шантажист и клеветник», «Троцкий — наш завзятый враг», «хвастун», «сатана» и т. д.

Ленин еще раньше Сталина раскусил меня, потому он именно его назначил генсеком, а не меня — второго человека в партии. Вот смотрите, что пишет обо мне Ильич: «Троцкий бесстыдно разрушает остатки партии извне и помогает разлагать ее изнутри... Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами о РСДРП, являются ныне «болезнью времени»; «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих»; «Троцкий обманывал рабочих самым беспринципным и бессовестным образом».

А вот еще одна довольно точная характеристика моей персоны: «Троцкий всегда «пролезал в щель» в тех или иных разногласиях, перебегая от одной стороны в другую. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну а эти господа с партией не церемонятся».

Уже после взятия власти я заявил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы люди партии». Редкий случай: Ленин меня тогда поддержал, но отметил, что он со мной расходился.

Вы удовлетворены моими ответами?

Корреспондент: Да, вполне. Теперь мне стали понятны цели, которые в очередной раз ставят твои выкормыши: в полностью дестабилизированной стране прийти к власти и установить свою диктатуру, диктатуру «демократов». Но я не уверен, получится ли это у вас сейчас. Народ-то начинает понимать, что скрывается под напыщенными фразами о гласности, свободе и демократии. Нынешнюю гвардию демократов ленинской не назовешь. Это твоя гвардия, гвардия рвачей, ворюг, обокравших трудовой народ, а теперь отнимающих у народа фабрики, заводы. В 1917 году свой грабеж твои люди объясняли тем, что богачи ограбили народ и надо, мол, богатства отдать народу. А сейчас-то твои внучата кого грабят, народ?

Лейба, ты знаешь, не мне тебя учить, и ты уже обжегся на своей собственной демагогии. Ведь казненные в 1937—1938 годах Бухарин, Зиновьев, Каменев, Тухачевский, Фельдман, Якир и прочие с ними сами признали, что были врагами народа. Не кажется ли тебе, что 1937 год вновь может повториться?

Лейба: Сталин не придет. Мы и на том свете не даем ему покоя.

Интервью взял Герман НАЗАРОВ

Виталий КАНАШКИН

О НАЦИОНАЛЬНОМ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ

Понятие «национальное предательство», помимо своего непосредственного смысла, имеет и подспудный, указывающий на внутреннюю извращенность того, что заключает в себе это начало. В «Страницах из скорбного листа Г. И. Успенского» врач-психиатр О. Аптекман, наблюдавший за Глебом Ивановичем с 1890 по 1895 год, рассказывает, что сердцевиной «недуга» его «высокого пациента» была «дума о России» и тревога о «российской душе», которые ни на миг не отпускали писателя и потому казались «наваждением». Так, однажды, когда он, Аптекман, вступил в спор с Глебом Ивановичем по поводу «борьбы классов» и стал ему доказывать, что не любовь правит миром, а верховные классовые принципы, которые и обеспечат «сносную жизнь» людям, Успенский «яростно» отпарировал: «Не жизнь, а смерть...» И, входя в состояние «серьезной аффектации», пояснил: «Борьба превратит жизнь в кровавую распрю, и будут управлять всеми святыми душами скотобои, национальные изменники и предатели».

А что же Аптекман? Привычно усмотрев в этой «философско-социологической вспышке» Глеба Ивановича очередное «психомоторное заблуждение», он тут же назначил ему серию успокоительных процедур: хорошо подогретую ванну, «профилактическую» стрижку, медленную прогулку по «желтому дому» с длительной остановкой в «беспокойном отделении»... И Глеб Иванович, как явствует из дальнейшего повествования О. Аптекмана, «пришел в норму»: притих, попросил извинения у санитаров, которых грубо обозвал «иудиными прислужниками», потянулся на «старое пепелище» — в свою каморку в «слабом отделении»...

«Все, что могла сделать наука для Глеба Ивановича, было сделано», — писал вскоре после смерти Успенского В. Короленко. Это можно считать близким к истине и одновременно исключительно далеким от нее, ибо наука в лице «гуманистов-врачевателей» не столько нейтрализовала «небесное» миросозерцание писателя, сколько деформировала его. «Панпсихический бред» Г. Успенского, в котором «русская душа» выступала носительницей «живого разума», постепенно трансформировался в «испорченные галлюцинации», в которых уже не было никакой души, и вылился в помрачение, связанное с предчувствием грядущего всеобщего душегубства.

Знакомясь сегодня с публикацией О. Аптекмана, увидевшей

свет в июле 1909 года на страницах «Русского богатства», нельзя не поразиться «слуховому», «зрительному» и «мыслительному» предощущению вещего затворника, уловившего приближающийся «стон-плач русских людей» и узревшего «под бесконечными рогожами трупы, трупы, трупы», да все «россиян, ангелов господних».

«Кому это нужно?.. О, Иуды-предатели!» — этот сдавленный стон Глеба Ивановича, насмешливо воспроизведенный О. Аптекманом, десятилетие спустя стал «гласом всей России», превращенной кланом реформаторов-победителей в сплошной концентрационный лагерь. «Приедешь в село или в станицу, и охватывает жуть, — писал в книге «Россия после четырех лет революции» С. Маслов, видный член Учредительного собрания, унаследовавший либерально-народнические воззрения Г. Успенского — В. Короленко и столкнувшийся с безоглядным «изведением» массового россиянина новой сверхполитикой недавних «друзей народных низов».

В данном уникальном труде целесообразнее всего, представляется, выделить его главную мысль. А она в том, что С. Маслов, переживший с народом весь трагизм разлома, принесенного «рыцарями революции», определяет как *национальное отпадение*. «Многие причины привели Россию к тому состоянию, в котором она находится сейчас, — размышляет он, обозревая 1918—1922 годы, — но основной, которая объясняет, почему с такой легкостью рассыпалась великая храмина земли Русской, надо считать убывание национального самосознания».

Напомнив о том, что русская интеллигенция была единственной в мире, исповедующей идею «пораженчества», автор «Послереволюционной хроники» дает возможность заглянуть в самую глубину «нового мышления» комиссаров-интернационалистов, принудивших народ переступить через свой национальный разум, а вместе с ним и через судьбу близких, через судьбу собственную. Среди множества «историй», рисующих трагедию «отпадения», в книге С. Маслова особенно выразительна история одного молодого чекиста, убившего отца по постановлению комячейки и захворавшего «катаром дыхательных путей».

«На что жалуюсь? — отрешенно переспрашивает он всех, кто вступает с ним в разговор. — Да вот дыхать по временам не могу. Схватывает что-то и душит... А началось после того, как батьку положил из нагана и мать об этом узнала. И в сильный сурьез вошла: то плачет, то проклинает, то ляжет и лежит, как мертвая... Уехал в Москву. В ревраспределителе сказали, что если отца-кулака прикончил, то и над другими вершить классовый суд сумею. И приставили к расстрелам. Годик побыл на этом деле. А потом глотку стало теснить. Да и мать вспомнилась. И теперь хочу уехать домой. Тоской изошел весь. Пособите, чтобы выпустили из госпиталя...»

Любопытно отметить, что молодой чекист, тяжко постигающий весь ужас своего существования, в книге С. Маслова скорее исключение, нежели правило, ибо другие уже не люди, а «потерянные существа», исступленно отвергающие то, чем жили ранее.

«Я Малюта Скуратов большевистской власти», — представляется председатель иркутской «чрезвычайки» Гержот, присланный на Кубань для наведения порядка. Десятки тысяч станичан в результате его «кровавой работы» стронулись с мест, а он не думает униматься. Прибыв в очередную станицу с продотрядом, зажигает наудачу два-три двора, и — добивается выполнения «зерновой повинности на сто процентов». Не уступает ему, а может быть, и превосходит другая присланная, Ревинна Пластинина, умеющая и произносить пламенные речи о «братстве-равенстве», и приводить в исполнение «справедливые приговоры». «Сегодня у нас тридцать... — ведет она учет расстрелов в своем дневнике. — Подали автомобиль, и мы поехали. Из своего браунинга продырявила три затылка: два удачно, из третьего брызнул мозг и замазал кофточку. Пришлось тут же замывать...»

В 1920 году «Архив русской революции» (выпуск 2) признал, что «коммунистами становятся многие», а остаются ими «избранные». Что это означало? А то, что в партийно-административном слое закреплялся только тот тип активиста-интернационалиста, который был наделен «стальной волей» и «бронированным сердцем». В результате многие людишки-выродки, овладевшие революционной фразеологией и противостоявшие прежде всего «национальной органике» россиян, выступили «учредителями» новых жизнеоснов...

Газета «Русская воля», проанализировав несколько «общественно-политических» изданий начала 20-х годов, пришла к выводу: психология левого крыла переустроителей по отношению к «великорусскому племени» не просто наступательна, а предельно агрессивна. Внушая населению азы марксистско-троцкистских классовых догм, «левофланговые» не столько говорили, сколько — вещали, не столько рекомендовали, сколько — требовали. Военные обороты речи, непререкаемый тон, «боевая» лексика составили, по наблюдениям обозревателя «Русской воли», отличительную особенность их приемов воздействия на народную массу. Скажем, те же медики, присланные в разоренные сыпнотифозные деревни, ими именовались не иначе, как «бойцами эпидемического фронта», политические брошюрки — «просветительными бомбами», хозяйственные распоряжения — «стратегическими указами», всякого рода межеумки и люмпены — «армейцами коллективного труда». Даже обыкновенная вошь, названная в народе «тифозницей-семашкой», на «левом» жаргоне получила титул «кулацкой лазутчицы, штурмующей твердыни Октябрьской революции».

И впрямь эта магия классового первородства и неприязненное, довольно-таки милитаризированное восприятие крестьянской «раздолбанной» деревни обусловили появление особого «архитипа зла», который нашел выражение и психологической несовместимости застрельщиков-обновленцев и Расеюшки, «хлебающей лаптями щи». Просматривая сегодня комплекты газеты «Голос России», еженедельника «Революционная Россия», «Известий ВЦИКа», с горечью убеждаешься, что не было таких форм принуждения, которые не использовались бы радикальным авангардом для приведения «малосознательных» крестьян-мирян к «социалистическому нормативу». Самым ходовым видом наказания оставались, разумеется, расстрелы. Расстреливали за сокрытие «хлебных излишков» и за «справное хозяйство», за «дремучие настроения» и за «возможные враждебные вылазки», за уклоны от «трудмобилизации» и во имя того, «чтобы другим неповадно было». Однако наряду с расстрелами практиковались и другие способы народоистребления. Если бегло, то ими были «пытки стужей», когда

морозной зимой в хатах обнищавших крестьян за недопоставленные продукты выдавливали окна и вырывали двери; «упредительные живозахоронения», когда неплательщиков заставляли отрывать семейные могилы, укладываться в них и выслушивать «приговоры с отсрочкой исполнения», «отрезвляющие купели», когда хозяина подворья привязывали под мышки веревкой и до полусмерти окунали в глубокий колодец с требованием выполнить продповинность по всем правилам революционного долга.

Народоотступничество имеет много специфических проявлений. Но есть у него и общая черта: это стремление свою взвинченную неприязнь к родовому, кровному облечь в рамки «законности». Вот, например, строки из официального сообщения тех, давних лет: «10 марта 1919 года в 10 часов утра рабочие заводов «Вулкан», «Кавказ» и «Меркурий» по тревожному гудку прекратили работы и начали митингование. На требование властей разойтись ответили отказом. Тогда был исполнен революционный долг и применено оружие».

Ни наши журналисты, ни наши литераторы никогда не поднимали завесу над сообщениями такого рода. А перед нами типичная «правовая перверсия», обессмысливающая смысл содеянного, представляющая собой надругательство над жертвой, коей явился «единоприродный» народ. В газете «Голос России» от 21 марта 1921 года эта трагедия, имевшая место на российском юге, была воспроизведена как трагедия «национального одичания», и ее описание есть резон повторить, чтобы прочувствовать и узреть недуг *национального отпадения* без всякого флера. «Десятитысячный митинг был оцеплен, — читаем в статье В. Чернова «Кровавое дело», явившейся миру как репортаж очевидца. — Лицом к лицу с собой митингующие увидели вооруженных винтовками красноармейцев, гранатчиков, пулеметчиков. В ответ на отказ разойтись был дан залп прямо в густую толпу. Завязалась свалка... По чьему-то истерическому злобному порыву был дан знак, и в гущу людей полетели рвущиеся гранаты, а за ними заработали пулеметы... Тысячи людей распластались на земле и жутко затихли. За пулеметной трескотней не слышно было ни стонов раненых, ни криков умирающих... Но вот по невообразимой толпе пробежала искра. Люди поднялись и в одном неудержимом порыве прорвали смертельный кордон «усмирителей»... В городском центре вокруг одной из церквей собрались снова многотысячной сходкой. Прогремели артиллерийские выстрелы. Купол церкви обрушился — и толпа, превратившись в безумное скопище, понеслась прочь, сама не зная куда. В Москву полетели запросы... В ответ пришла лаконичная телеграмма за подписью Председателя Реввоенсовета Л. Троцкого: «Расправиться беспощадно». И тут же начался второй, еще более кровавый акт драмы. У «победителей» оказались «плененные», которых разместили в комендатурах, в общественных зданиях, на пристани. «Плененных» стали пристреливать в подвалах комендатур, во дворах. На пристани, жалея пуль, людей связывали по рукам и ногам, привязывали тяжести на шею и сбрасывали в воду...».

Следуя установке В. И. Ленина «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость» (ПСС, т. 45, с. 190), национальные перерожденцы, как видим, до предела раздвинули толкование этого тезиса.

И все же его внедрение в массовое сознание было бы исключительно затруднено, если бы на помощь интерактивистам не пришли советские прозаики, поэты, публицисты. Д. Бедный, заявив о себе: «И прав, кто скажет мне в укор, что я сплошною красной краскою пишу и небо и забор», — внес поистине неоцененный вклад в постыдное дело «очищения мужика» от слишком плотного «российского быта, его ограниченности и бескультурия». Ненамного отстали от него и другие, в частности, Н. Тихонов, провозгласивший «ломку расейского» ремеслом, а «все, что против, — все на слом...». Не устоял от соблазна выставить попрание национального как благое деяние на «фронте могучего наступления на деревню» и М. Горький. В письме Е. К. Кусковой от 22 января 1929 года он писал: «У вас есть привычка не молчать о явлениях, которые вас возмущают, я же не только могу молчать о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это аморально? Пусть будет так». Прекрасно знавший Горького К. Федин исчерпывающим образом охарактеризовал «народоборчество» своего учителя и его «поклоны» вненациональной социокультуре: «Горький отдал (в 30-е годы) все преимущество программе... над моралью, утвердив этот акт своей новой моралью: раз «должно», значит, «существует».

Сделав ставку на аморальность, умолчание, пересмотр русского народно-исторического начала, и последователи Горького, и «инженеры человеческих душ», находившиеся вне поля его притяжения, способствовали насаждению философии «саморазрушения жизни». Это особенно видно при знакомстве с устно-поэтическим творчеством первых послереволюционных лет, когда творческие силы авторов «непрофессиональных» еще не были расщеплены, и каждый из них являл собой индивида, не бегущего вдогонку за кучкой повелителей.

«Вставай, Зиновьевым надутый, весь мир голодных и рабов...» — именно так «низовой» рабочий и крестьянский люд переиначил свой партийный гимн сразу же после переворота, и, как мы можем убедиться сегодня, не случайно. По данным такого «сдержанного» послереволюционного издания, как «Последние новости», председатель III Интернационала Зиновьев уже в те дни «ходил» в ранге одного из «главных обладателей главных бриллиантов страны». И обязан этим своим рангом он оказался собственной жене, С. М. Лилиной, которая при досмотре багажа в Ковно совершила промашку: «вынуждена была предъявить таможенникам драгоценности на несколько десятков миллионов рублей». Не уступал Зиновьеву и «правая рука Троцкого по Реввоенсовету» Склянский, «национализировавший» в собственное пользование, по словам тех же «Последних новостей», наиболее «ценные столичные драгоценности».

Нет спору, о новых финансовых воротилах и разного рода теневых высокопоставленных дельцах народ узнавал не столько из официальных источников, сколько из тех, которые называют «косвенными», но он пронзительно угадывал обличье «пирующих во время чумы» и «простодушно» выворачивал их наизнанку. В частушках, побасках, анекдотах, веселых куплетах во весь рост встают «перевертыши», под революционную сурдинку взгромоздившиеся на народную шею. В оперетке «Заседание Совнаркома» Троцкий с его торжественной арией «Я всем известный Троцкий, и Красной Армии кумир...» предстает как «ряженый», собравший

вокруг себя то, что было в нашем Отечестве безродного, неприличного, остаточного. Кремлевский автомобиль, окрещенный в народе «хамовозом», электрификация, названная «электрофикцией», комячейка — «комищейкой», также являли собой выражение «перевернутого» национального мировосприятия, в котором без труда просматривалось печальное и даже страшное действительное.

История содержит немало примеров, говорящих о том, что наши отечественные либералы-гуманисты служили, как правило, двум идолам: революционно-космополитизированной будущей России и прогрессивному человечеству. И только русский народ, мягко говоря, оставляли без учета. Пестель в случае удачного переворота без колебаний готов был пол-России отдать Польше. Нынешние авгуры и преторианцы «перестройки» имеют твердое намерение перекроить всю Россию, только, естественно, при условии, если народ российский проявит свое извечное «понимающее терпение».

«Будет день: мы предъявим ордер на мир...» — продекламировал в начале 20-х А. Безыменский, ощущавший приступы отчаянной тоски при мысли о том, что «российская дурная неподвижность» долго будет довлеть над «вселенской пролетарской новостройкой». Дело, конечно, заключалось не в нем, Безыменском, а в том, что его устремления выражали тенденцию времени, чаяния тех «коммунизаторов», которые поставили целью российские головы, оказавшиеся «выше установленной отметки, — удалить, а оказавшиеся ниже — вытянуть» (выражение Г. Нивельсона, начальника административного Отдела в Комиссариате просвещения).

«Съел я сивку, хлеб с корою. Сошником могилу рою», — именно эту крестьянскую «слезную» исполнило в декабре 1920 года собрание московских профессоров, 14 раз поднимавшееся для того, чтобы почтить память своих умерших коллег только за текущий месяц. Г. Уэллс, посетивший «Дом ученых» в Петрограде, заметил, что это посещение оставило в нем самое гнетущее впечатление за время его пребывания в России, ибо красноречиво поведало о трагедии «разлада и национальном омертвении». «Тяжело было видеть, — писал он, — изможденные, измученные и прямо жалкие лица людей, которые являлись пережитком некогда известных ученых. Здесь были такие лица, как геолог Карпинский, получивший Нобелевскую премию Павлов...»

Допуская, что слова Г. Уэллса о «национальном омертвении» не более чем объективизированно-образное выражение, не будет излишним, наверное, припомнить и другие общеизвестные факты, которые нам не позволят уйти от пылающего ядра нашей проблемы — механизма этого самого «омертвения». В журнале «Работник просвещения» за 1920 год (№ 3—5) можно прочитать весьма многоговорящее документальное повествование о перевоспитании юных преступников, занимавшихся грабежами, разбоями, карманными кражами и т. п. Так вот этих нарушителей, согласно повествованию, на Кубани, в Ростове, Таганроге вылавливали по два-три человека и возили каждый день по улицам городов и пригородов с тем, чтобы они опознавали самых «отъявленных». Одни опознавали, другие — нет, и тогда их крепко наказывали, то есть избивали. И дело сдвинулось: подростки начали «выдавать своих», причем всех подряд — и виновных, и невиновных, и тех, которых видели однажды, и тех, кого никогда не видели...

Протестуя против «изведения нравов» и лозунга «Все дозволено», по которому совесть, честь, верность, отеческая забота и другие исторически сложившиеся понятия отбрасывались как «революционно невыверенные», «Всероссийский союз писателей» в одной из докладных записок, поданных в конце 1920 года Луначарскому, не просто обозначил границы катастрофы, вызванной политикой «национального разъема», а и с предельной тревогой обратил внимание на неизбежность ее разрастания. «Заранее заданная революционность во всех сферах бытия, — говорилось в записке, — круто развернула жизнь в сторону, нужную не народу, а тем, кто водворился у российского руля. Всевозможные «пасынки» и «отбросы», на которых сделали ставку самочинные учредители «нового курса», подключились к легализованному произволу и способствуют замене строя русской жизни анархией и диктатом. «Дни Октябрьской революции», введенные Зиновьевым и повторяющие разбойный клич «Сарынь на кичку. Грабь награбленное!», вряд ли могут быть внутренней политикой: ведь они в состоянии держаться только до той поры, пока существует объект грабежа... Грубость и грязь новых общественных нравов, в которых на первом месте филерство и доносительство, создали предпосылки для дальнейшего падения старой, но проверенной российской морали... Корпуса подростков-осведомителей, сформированные по тому же принципу, что и корпуса проституток-осведомительниц, которым платят, между прочим, продовольственно-конфетными пайками, говорят о сомнительном будущем не только этих несчастных, а и всех, кто находится под управлением новых законодателей... Удушается и русское слово, воюющее с распущенностью, предательством, извращенностью и публичным отправлением всевозможных естественных потребностей... Отбирают наши последние запасы бумаги, прекращают набор рукописей. Русская книга — художественная, критическая и философская — окончательно замуровывается... Мы с негодованием видим, что невольное стеснение литературы превращается в ее сознательное умерщвление...»

Обращение писателей России осталось без ответа *. Да и что мог ответить русским литераторам Луначарский, принадлежащий к тому «верху», в чьи сокровенные помыслы как раз входило это самое национальное нивелирование. Российские беспризорники, исполняющие в присутственных местах «Интернационал», чтобы получить подаяние-пайку, и российские писатели, пытающиеся изо всех сил вписаться в «историю марксистской революции», победившей «в одной, отдельно взятой стране», — вот что на поверку явило собой символ нового российского времени, его веденье-неведенье и творческую муку. Или то, что Михаил Лобанов назвал позже «зловещей паутинной безвременья».

---

* До чего же та ситуация в стране похожа на нынешнюю! И как символично данное письмо российских писателей перекликается с нынешним письмом писателей России (см. «МГ», 1990, № 5)! И вновь, как и тогда, это письмо осталось без ответа руководителей нашей страны. — **Ред.**

Владислав ШАПОВАЛОВ

КТО НАС УЧИТ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Находясь проездом в Киеве, я приобрел «Словарь русского литературного словоупотребления», изданный в 1987 году Академией наук Украинской ССР и Институтом языковедения имени А. А. Потебни. Словарь предназначен, как сказано в аннотации, «для языковедов-исследователей, преподавателей и студентов вузов, учителей, учащихся, работников издательств, радио и телевидения, широкого круга читателей». Тираж — 76 тысяч экземпляров, не малый для республики.

Не берусь давать научно-качественную оценку этому изданию, где, как говорится в той же аннотации, «представлены языковые факты», которые должны обучать правильности и уместности «употребления в определенной речевой ситуации» тех или иных слов. Тут необходим глубокий анализ ученых-специалистов. Обратим внимание лишь на одну сторону работы — подбор иллюстративных материалов из литературных источников, где одни писательские имена тенденциозно подавлены другими.

Ничего, казалось бы, в этом криминального нет, тексты и следует выбирать, ориентируясь на большую «русскость» — из тех коренных источников, «откуда есть пошла» русская речь, и, естественно, по художественному уровню произведений, их языка. Так что одни имена приходится обходить, другие — поощрять. И здесь составители словаря (а их более десяти, и весь текст они разделили между собой для работы по буквам*) оказались на удивление единодушны в подборе цитат, показывающих, как следует говорить по-русски на Украине.

Предпочтение отдается поэтам, что, видимо, и правильно.

Читатель вправе подумать, что сразу и прежде всего встретит дорогие ему имена: А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, Н. Некрасова, А. Блока, С. Есенина...

Вот и ошибется!

Всех классиков, вместе взятых, перекрыл своими «оборотами» один-единственный сверхпоэт Евгений Евтушенко, носивший до 1944 года фамилию Гангнус. В словаре он представлен 289 раз против 159 вышеуказанных классиков (Пушкин — 71, Лермонтов — 6, Кольцов — 1, Некрасов — 8, Блок — 55, Есенин — 18).

Но, может, дружный коллектив путеводителей по русскому языку задался целью как-то осовременить свой труд, приблизить его к дню нынешнему, подав нам образцы речи еще здравствующих среди нас поэтов?

И тут вы попадете впросак, потому что заметите какое-то странное не «представление», а «противопоставление»:

* Л. П. Безрук, В. М. Брицын, Л. П. Дидковская, Г. П. Ижакевич, В. И. Кононенко, В. М. Негомедзянов, Н. Г. Озерова, Т. Г. Софина, Л. М. Стояи, Т. А. Чебурко, Н. П. Шумарова. Ответственный редактор редакционной коллегии Г. П. Ижакевич.

119 примеров Андрея Вознесенского против 18 Владимира Солоухина;

47 примеров Рождественского против 6 Кузнецова;

46 примеров Вадима Шефнера против 5 Станислава Куняева...

Евтушенковско-вознесенское засилье затмило не только своих сверстников, но и подавило самые блистательные имена русской классики, имена, золотыми буквами высеченные на скрижалях нашей культуры.

При внимательном рассмотрении данной коллективной, а точнее — компанейской работы приходишь к выводу, что представители от Академии наук в подборе иллюстративного материала подошли не с научных позиций, а по капризной прихоти детской присказки: этому дала, этому дала, а этому не дала — он в лес не ходил, дров не рубил, кашу не варил...

В этом еще больше убеждаешься, если посмотришь на имена и количество их цитат по убывающей. Тут больше других «повезло» Л. Мартынову, М. Исаковскому, П. Антокольскому. Чуть меньше — Н. Заболоцкому (60), А. Тарковскому (45), В. Инбер (35), Р. Казаковой (33), С. Маршаку (31), Б. Пастернаку (30). И на этом ярком фоне громких имен уж совсем побледнели и оказались на литературных задворках П. Комаров (13), С. Орлов (6), Павел Васильев (6), О. Фокина (3), А. Прасолов (1)...

За лаврами следует становиться, как теперь везде принято у нас, в очередь, вслед за более «гениальными». Не случайно поэтому, что среди мастеров поэтического слова пальму первенства одержал наш блистательнейший из блистательнейших, энергичнейший из всех энергичнейших, эстрадно-выэкранившийся а-ля стихослагатель Гангнус — то бишь Евтушенко: на 278 страницах словаря он уместился 289 раз, то есть в среднем чаще, чем один раз на каждой странице. Потрясающий поэтический марафон.

Радиотелевизионный глашатай, во время посещения Израиля примеривший на свое плечо, как сообщалось в печати, военную форму израильского полковника и фрондировавший в ней перед несчастными и обездоленными палестинцами, благодаря усердным академическим мужам и дамам выступает в нашем Отечестве в роли законодателя русской речи. Отдельные страницы напрочь охмурены этим именем: на стр. 243 приведено 6 примеров из стихотворений гросс-поэта, на 241-й — 7, на 100-й — 10... Видимо, никто, нигде, никогда ни в одном словаре мира не удостаивался такого внимания!

Некоторые страницы словаря (скажем, к примеру, — 243) как бы расцвечены целыми букетами славных имен: Е. Евтушенко (6 раз), Я. Смеляков (4 раза), Б. Пастернак, С. Маршак, В. Шефнер, В. Коротич, Н. Доризо — по разу, так что остальные четыре известные нам фамилии (А. Твардовский, Н. Рубцов, Л. Мартынов, В. Боков) просто блекнут на этом ярком поэтическом небосклоне.

Перевернем эту страницу и прочтем на следующей (244-й) всех авторов подряд: Л. Мартынов, Л. Мартынов, В. Злотников, Е. Евтушенко, Е. Евтушенко, Л. Мартынов, Е. Ефремов, А. Тарковский, А. Векслер, А. Векслер, А. Вознесенский, О. Берггольц, Е. Евтушенко, В. Казанцев, Б. Пастернак, Б. Ахмадулина, С. Кузнецов, Н. Заболоцкий, М. Светлов, А. Лядов, Б. Пастернак..

Таким образом, можно листать словарь от начала до конца, на каждой странице вы встретите почти одно и то же.

Бог с ними, поэтами, может, прозаикам «повезло» больше?

И тут опять же перед дорогим нашим читателем сразу вроде бы должны всплыть имена Н. Гоголя, С. Аксакова, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Островского, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Лескова, А. Чехова, А. Куприна, В. Короленко, И. Бунина, А. Горького, М. Шолохова...

Наивный наш читатель...

Всех их, вместе взятых, перекрыл один-единый «мастер» русского слова Константин Симонов: 135 раз против 58 вышеуказанных (Н. Гоголь — 9, С. Аксаков — 0, И. Тургенев — 4, И. Гончаров — 1, А. Островский — 2, Л. Толстой — 4, Ф. Достоевский — 0, Н. Лесков — 1, А. Чехов — 6, А. Куприн — 3, В. Короленко — 2, И. Бунин — 3, А. Горький — 19, М. Шолохов — 4).

Опять же порядочная мысль читателя скользит мимо «недоразумения» в защиту старательных словареслагателей: может, они и тут хотели «осовременить», «приблизить», а мы так плохо о них подумали.

Посмотрим, как, отбросив классику прошлого и начала нынешнего века, «осовременивают» и «приближают» словари:

К. Паустовский — 39 примеров
А. Ананьев — 30
Д. Гранин — 26
В. Катаев — 25
С. Баруздин — 17
А. Адамович — 17
Б. Полевой — 15
В. Коротич — 15
В. Панова — 12
Бор. Васильев — 11
К. Федин — 13 примеров
В. Астафьев — 13
Ю. Бондарев — 11
А. Фадеев — 10
М. Алексеев — 10
Ф. Абрамов — 4
В. Белов — 4
М. Пришвин — 3
В. Шукшин — 2
С. Залыгин — 1

Фамилию Валентина Распутина так же, как Федора Достоевского, в словаре я, как ни старался, найти не смог... Наверное, «плохо» старался. Не в пример слововершителям. Зато нашел уйму других «мастеров» русского слова, неизвестно зачем попавших в академическое издание; имя им — легион.

А. Адамов, Г. Гампер, Ю. Крелин (Крейдлин Юлий Зусманович), Елена Моисеевна Ржевская, Г. Остер, К. Войткевич, А. Файнберг, Л. Рейснер, И. Гордон, Л. Гинзбург, М. Беркович, И. Штемлер, П. Арский, В. Кетлинская, Я. Хелемский, Б. Львов, Л. Друскин, Ю. Галкин, В. Радкевич, Р. Ольшевский, М. Лисянский, Н. Браун, В. Гофман, Ю. Паркаль, А. Нощен, В. Лаврипович, Д. Блынский, В. Британишский, В. Лившиц, Л. Наппельбаум, Ю. Лотман, М. Львов, Е. Ширман, В. Шенталинский, Даниил Маркович Долинский, Г. Кублицкий, М. Хабинский, И. Плоткин, Г. Фалькович, Е. Лучковский, Т. Жирмунская, А. Арканов, С. Шервинский, В. Игельницкая, Л. Кудрявская, А. Троицкий, Г. Ижакевич, С. Славич, В. Бейлькин, Я. Козловский, П. Коган, Меттер (Израиль Моисеевич), Н. Альтовская, А. Боске, Л. Лавлинский, В. Пальман, Лазарь Карелин, В. Резник, Б. Слуцкий, Т. Гуттари, С. Липкин (Семен Израилевич), Яков Львович Белинский, Э. Барух, Аркадий Исаакович Рывлин, А. Аграновский, Л. Озеров, А. Кушнер...

...уже не говоря об известных:

К. Чуковский, А. Безыменский, Ю. Нагибин, О. Мандельштам,

Ф. Искандер, Э. Багрицкий, Л. Лиходеев, А. Амлинский, И. Грекова, Ю. Герман, Эльдар Рязанов, И. Уткин, Р. Зеленая, А. Бек, М. Матусовский, А. Алексин, В. Розов, Т. Тэсс, А. Чаковский, Ю. Мориц, Э. Успенский, И. Эренбург, Д. Самойлов, В. Каверин, М. Соболь, Г. Горбовский, Б. Горбатов, Ю. Трифонов, Э. Казакевич, М. Зощенко, Л. Ошанин и т. д., и т. д., ... всех не перечесть.

И все это в небольшой, менее 300 страниц, книжице!

Пусть читатель простит меня за то, что я утомил его длинным списком фамилий. Но без этого нам не обойтись и потому, что дальнейшая наша мысль может показаться и ошибочной, и бездоказательной. И пусть меня никто не заподозрит в той же предвзятости, с которой подошли к своей работе компиляторы от языковых наук: в словаре есть и другие имена, и нет никакой возможности привести их все — перечень занял бы слишком много и так лимитированного у нас места. Еще один уговор: я не производил сортировку имен по фамилиям, и здесь дело не в национальности, где мне сразу могут припечатать какой-нибудь ярлык наши деятели с «активными генами» — да ее, национальность, трудно сейчас и определить: все смешалось в нашем доме. Дело, повторяю, не в крови, что часто инкриминируют нам, а в идеологии, которая закладывается в основу отечественной культуры: замена более талантливого менее талантливым и литературно бездарным. Нельзя не спросить у составителей: почему в словаре 10 примеров Г. Левина и тут же другого однофамильца, но уже Р. Левина? Какая необходимость приводить 10 «образцов» из писаний А. Векслера, 26 из А. Кронгауза по сравнению, скажем, с Михаилом Булгаковым или В. Крупиным, которых «одарили» по одной цитате? Встает законный вопрос: почему такие «стилисты», как Ананьев или С. Баруздин, в десятки раз перекрывают И. Бунина или Н. Лескова, С. Залыгина или В. Шукшина?

Конечно, скажут мне достопочтенные, шибко ученые оппоненты, там, где речь идет об искусстве, численные сравнения могут показаться чистой формалистикой. Дело не в арифметике и цифре, не в подсчетах (хотя и в них! сейчас нас учат все считать!), а в тенденции, где отбор иллюстрированного материала для словарей ведется не по научному, а по клановому принципу, и, как бы мы тут ни хотели, четкое разделение авторов по национальному признаку бросается само по себе в глаза, чем и выдают себя с головой составители.

Пора все называть своими именами: в одной и той же национальной культуре произошло страшное размежевание по национальным признакам. Произошел великий раскол и произошел давно, это лишь сейчас он получил огласку. Ныне и пресса разделилась как по внешним приметам, так и по своему внутреннему наполнению — на разрушительную и созидательную.

И если раньше все это делалось более скрыто и «прилично», не так наглядно, вроде бы с «совестью», а точнее — более хитро и тонко, тихой сапой, но теперь — агрессивно и нагло. Методами предельной сплоченности, захвата ключевых издательско-редакторских позиций, проникновения любыми путями в высшие эшелоны власти осуществляется величайшее за всю историю преступление: идеологический террор, к которому обещают нам прибавить и террор экономический, идеологический, ведущий к

духовному геноциду нации. Реализуется библейская вечная мечта «государства в государстве», «правительства над правительством».

Подобное разделение случилось и в самом Союзе писателей. Это самое нездоровое и опасное явление в обществе, ведущее к непредсказуемой конфронтации, способной закончиться катастрофой для всех. Любое преимущество представителей одной национальности перед другой называют национализмом, а мы знаем, что всякая националистическая акция не может не иметь под собой идеологической основы, и в данном случае мы имеем дело с самой отъявленной «формой расизма и расовой дискриминации», как определила сионизм резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Говоря открыто, как требует наше время, речь идет о подмене культуры псевдокультурой путем внедрения в нее. О вытеснении имен одной национальности другою, а конкретно: русских евреями... Мне, «со стороны», украинцу по происхождению, говорить об этом легче, потому что сионистам от литературы и прочим лжедемократам — «апрелевцам» разных мастей и дутых авторитетов труднее навесить известные ярлыки, в чем они, следует признать, сверхмастаки, больше, чем в литературе.

Но, может быть, в других регионах нет подобного противостояния на страницах печати?

Я тридцать лет проработал в школе. Все время наблюдал, как в программах по русскому языку и литературе из года в год шло то же самое вытеснение «пассивных» «энергичными», и наши руководители, дорвавшиеся к научной и методической власти, нагло и незаконно присваивая себе право лидировать в процессах обучения и корректировать его содержание, довели учебники наших бедных и обделенных детишек до того, что с первых же шагов овладения литературной речью они получают суррогат языка новоявленных «классиков», эрзац-язык, лишенный глубинных русско-национальных корней.

Возьмем, к примеру, книгу для чтения в первом классе «Родное слово». Здесь также широкий диапазон имен, большей частью неизвестных широкому кругу читателей. Но если посмотреть на распределение «площадей» — количества текстов по авторам, то они идут по такой убывающей: С. Баруздин — 9 текстов, С. Маршак — 6, А. Барто — 6, З. Александрова — 6, С. Михалков — 6, Л. Толстой — 5, Б. Житков — 3, А. Пушкин — 3, М. Лермонтов — 1... Из классиков больше никто в главный учебник перваков не попал. Зато у Б. Житкова, А. Ивича (Ивич-Бронштейн), О. Высотской, Г. Скребицкого — по три текста. Не забыты составителями учебника и Лев Моисеевич Квитко (2 текста), и Лев Абрамович Кассиль (2 текста), а также А. Митта, К. Чуковский, Б. Заходер, Н. Ходза, В. Лившиц, Марк Самойлович Лисянский... И многие-многие другие — малоизвестные и малоодаренные литераторы.

Примеры подобной подтасовки имен можно привести и в учебниках последующих классов, где уже появляется новая «научная» форма подачи классиков:

Рассказ о Пушкине (из книги Н. Шер «Рассказы о русских писателях»).

Ганс Андерсен. Сказочник (из очерка К. Паустовского).

Н. Некрасов. О детстве поэта (из книги Н. Шер «Рассказы о русских писателях»).

И. Тургенев. Рассказ о Тургеневе (из книги Н. Шер «Рассказы о русских писателях»).

М. Лермонтов. Знаменитое стихотворение (из статьи И. Андроникова).

В. Катаев. О повести «Сын полка» (из статьи С. Баруздина).

А. Гайдар. Из воспоминаний писателя Р. И. Фраермана...

Первое имя, которое встречает четырехклассник после каникул, — Самуил Маршак (стихотворение «Пожелание друзьям»). Еще наш ученик встретится в той же «Родной литературе» с Самуилом Яковлевичем во второй раз — стихотворение «Ленин» и в третий раз — сказка «Двенадцать месяцев» (по мотивам словацкой народной сказки).

Там же он будет корпеть, попутно усваивая «родной» язык, над образцами К. Паустовского, К. Симонова, В. Инбер...

Тираж учебников?

До четырех миллионов!

Миллионные тиражи, более десятка одних и тех же изданий... Из года в год... Из класса в класс...

Можно лишь приблизительно представить, каким прессом весь этот груз «кривых зеркал» ложится на святые неповинные, неискушенные головы ребят!

Я уже выступал в прессе по поводу факсимильного издания «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля. В первом томе этого словаря 541-я страница отличается от всех остальных более крупными буквами, разреженностью строк.

Оказывается, во всех советских переизданиях выброшен целый куст слов, находящихся в подлиннике. Сохранены «ХОХОЛ» с набором поговорок типа: «Хохол глупее вороны, а хитрее чорта» и так далее: «МОСКАЛЬ» («Кто идет? Чорт! Ладно, абы не москаль») и так далее; «КАЦАП», а слова «ЖИД» — нет!

Во вступительной статье к словарю сказано:

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля — явление исключительное и в некотором роде единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного труда лексикография не знает».

Нет никакой необходимости приводить здесь множество других высочайших оценок этому уникальному памятнику русской словесности. Возникает законный вопрос: кому в нашей стране дозволено так безнаказанно пастись на ниве бесценного наследия русской да и вообще всякой иной культуры, вытаптывая-вымарывая траву-мураву народной мудрости?! Кому дано так самовластно обращаться с достоянием нашего славного прошлого! Уверен, отнюдь же не русским людям.

Третье факсимильное издание 1989 года вышло в том же исполнении (видимо, под руководством тех же дирижеров) со словами «кацап», «москаль», «хохол», но без слова «ЖИД»!

Значит, подчеркиваю, «там», «наверху», до сих пор сидят все те же мастера фальсификации и подделки оригиналов, извратители истории. Эти самозваные, ненужные народу «законодатели» русского языка без зазрения совести действуют все теми же старыми, испытанными способами: важно не то, что нам говорят, а то, что мы делаем. Плевать они хотели на справедливость, порядочность, равенство между нациями, законы, мораль!

Вот так сказывается до сих пор принятый в 20—30-х годах закон (об антисемитизме) для отдельно взятой нации, поставивший

одну среди равных наций в распорядительно-привилегированное положение по сравнению с другими, «менее полноценными» народами, закон, который и сейчас отдельные сиониствующие круги требуют у Верховного Совета СССР обновить — мало им старых!

Подобные «вольности» можно встретить и в других словарях. Скажем, в словарях, выпущенных за последние годы, убрано слово «русофобия», а понятие «антисемитизм» оставлено, что по логике все тех же матерых поддельщиков должно обозначать: «русофобии» нет, «антисемитизм» остался. Или такое нововведение: понятие «совестно» причислено в разряд «устаревших наречий» («Словарь русского языка», т. 4, изд. 1984 г.).

Система «кривых зеркал» приоткрывает завесу еще над одной идеологической диверсией.

Я имею в виду факт «упрятывания» бумаги на государственном уровне путем космических тиражей: трехтомник Симонова «Живые и мертвые» недавно выпущен в шести миллионах экземпляров. Один такой «выброс» съел лимит бумаги, которая отводится почти на три пятилетки такому, как наше, Центрально-Черноземное книжное издательство, рассчитанному на пять областей с более чем сотней членов Союза писателей в регионе, где проживает до 10 миллионов человек, что равняется среднеевропейскому государству. Тут я беру в расчет оригинальную прозу и поэзию, без детской литературы и специальных серий типа «Ратная слава», куда нам, простым смертным, ход наглухо закрыт и где опять же пасутся искусственные звезды столиц. Только за последние три года у нас, в Воронеже, ухитрились издаться такие «светила», как Георгий Бакланов, Борис Васильев, Даниил Гранин (Герман), поднаторевшие больше на издательском бизнесе, чем в литературном мастерстве. И все это опять же за счет нашей периферийной бумаги стотысячными тиражами, которые нам и не снились, — нашу прозу издают 10-, в лучшем случае — 20—30-тысячными тиражами, а поэзию и вовсе двухтысячными...

На всю эту макулатуру, на все эти пухляки, набитые сомнительными опилками, бумага в государстве находится. На провокационную полемику: оплевывать Пушкина или не оплевывать — сводятся тысячи гектаров русского леса, уж не говоря о хлынувшей ныне порнографии и прочей коммерческой халтуре, а на духовное развитие целого крупного региона страны, как Черноземье, урезали в этом году чуть ли наполовину планы поставки бумаги, которые были определены еще в застойные времена. Такова политика государства в лице тех представителей, кому доверена власть над народом.

А мы, наивные, думаем, для чего ликвидированы областные издательства? Гадаем, почему умирает духовная культура? Никак не поймем, для чего проводится тотальная мобилизация полиграфических мощностей на одни и те же издания? Цель все та же: увести печатные площади от национальных талантов — и концы в воду! Иначе как духовно-экономическим вредительством это не назовешь.

Природа не распределяет способности по национальностям, она и в этом случае рациональна. Природа всех одарила скупо-богато: щепотку англичанину, щепотку русскому, щепотку, может, в последнюю очередь, еврею. И стоит лишь сопоставить имена, а они у меня уже сопоставлены выше, чтобы еще раз убедиться, что «избранные короли» голые. Да и вообще эти ряды несопоставимы хотя бы потому, что ни один представитель из «богом избранной нации» не поднялся на достоевско-толстовскую или шекспиро-гётевскую высоту — ни Гейне, ни Золя. Никто из них не поднялся и на булгаковско-шолоховскую высоту — ни Эренбург, ни Гроссман. Тем более никто из рыбаковых, чаковских, граниных, адамовичей не поднялся по уровню художественного воплощения жизни на высоту Юрия Бондарева, Федора Абрамова, Василия Белова... «Богом избранный народ» не дал даже подобия Пушкина или Чайковского.

В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба» ясно говорит о «конкурентоспособности» одних, имея в виду, без сомнения, евреев, и «неконкурентности» остальных, понятно, что в первую очередь — русских, о «неспособности последних победить в равноправной жизненной борьбе», и определяет, в чем: в интеллекте — «в науке, в торговле, в ремесле, в живописи». То есть, будучи представителем одной нации, «бросает вызов» остальным.

Да, действительно, здесь мы наблюдаем «успехи» представителей одной нации и «отставание» других. Но причина — опять же! — не в одаренности нации, а в условиях, в которые поставлены одни и другие «конкурирующие» стороны. В разных жизненных условиях.

Живя в своей национальной среде, человеку нет необходимости вырабатывать особые иммунные «средства защиты», не надо приспосабливаться в этой среде. Нет необходимости в родовом сплочении, круговой поруке, землячестве, что мы наблюдаем у людей, попадающих в среду иной национальности. Далее, славянские гены в большей степени носят созидательный, а не разрушительный, эволюционный, а не революционный характер. Нашему брату больше по душе вкалывать, а не стоять над вкалывающим. Больше по душе производить, чем манипулировать произведенным кем-то. Отличительнейшая черта наших народов состоит в том, что в подавляющем своем большинстве они не претендуют на элитарное положение в обществе, не стремятся руководить другими народами, пассивны к власти, считая эту отрасль деятельности не своей.

Другая сторона также общеизвестна: талант скромен, бездарность нагла. Как сказал поэт:

Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

В нашей стране элитарными группировками созданы такие условия, при которых талантам никто не помогает, их топят, а бездарностям открываются все пути выхода в свет. Не «сконкурируем» мы здесь и потому, что наш «конкурентоспособный» оппонент будет брать не горбом и даром, а начнет ловчить, изворачиваться, хитрить, выгадывать, искать ходы и выходы, выдавать одно за другое, в общем, «химичить», как принято сейчас говорить.

Не «сконкурируем» мы и на стезе гешефтмахерства, делячества, прохиндейного ростовщичества и банкирства. Тут мы явно проиграем. И в торговле, как говорит В. Гроссман. Тут он прав.

Но вот что подло скрывает Гроссман, рисуя обманчивую, для затуманивания глаз идиллию соперничества конкурентов на равных в открытой борьбе, будто в самом деле мы все стоим у одной стартовой черты, где вот-вот прозвучит сигналь-

ный хлопок и все ринутся в марафон, где только по силам займет каждый свое законное место. Все это далеко не так. Такого не было и нет в нашей жизни сейчас. Было и есть другое. Здесь В. Гроссман умалчивает, какая грозная и чудовищная сила стоит за спинами его «конкурентоспособных», расчищая дорогу на гору «избранным», помогая им «завоевывать» высоты. Делает вид, будто этого оружия нет на свете и в помине, оружия, которого мы по своим моральным, прирожденным качествам иметь не можем, — ТЕРРОР!

Кто-кто, а мы уже хорошенько знаем эту «конкурентоспособность», испытали ее вовсю на собственной шкуре: если у меня кулаки и у моего «оппонирующего конкурента» кулаки, он в «конкуренцию» не вступит. Не станет «конкурировать», если у меня в руках пистолет и у него в руках пистолет. А вот если у меня окажутся кулаки да сцепленные зубы, а у него пистолет, тогда он «законкурирует»! Тут он окажется и героем, и богом, что доказали нам репрессии и расстрелы украинского, русского и других народов, ибо это была самая настоящая конкуренция «конкурентоспособных» с «неконкурентоспособными», где из 59 руководителей ОГПУ — 53 были евреями, а в карательных органах ЧК 98—99 процентов палачей были люди с нерусскими фамилиями. Сейчас это называют геноцидом. А еще более очковтирательно — сталинизмом.

В прошлом да и теперь мы не имеем предельно отлаженной, тщательнейше законспирированной, опутавшей весь мир системы тайных карательных органов, осуществляющих террор там, где «конкурентоспособные» не могут пройти. Где им просто мешают не по их силам авторитеты. Эта чудовищно жестокая мафия без войны, тихой сапой убирает лучших сынов нации по заветам талмуда.

Умерщвление, изгнание за рубеж русской интеллигенции, снижение интеллекта нации путем государственного спаивания народа, преимущество в получении высшего образования другими национальностями за счет русских — все это звенья одной цепи. И, конечно, в силу всех этих причин при устранении величин, начиная с Пушкина и Лермонтова, продолжая Гумилевым и Есениным, заблистают на обескровленном, потерявшем яркие цвета фоне отечественной литературы гроссманы и эренбурги, чаковские и рыбаковы...

Сегодня мы вправе спросить, кто продолжает конкретно линию устранения «неконкурентоспособных» путем скрытого террора? Привлечь к ответственности тех, кто шельмует святые для нас имена умерших и живых. Кто загнал на тот свет уже в последние, перестроечные годы ученого-патриота В. Бегуна, посмевшего прикоснуться к «неприкасаемым»? Кто убил и кто скрыл это умышленное, предательское убийство в 1990 году крупнейшего эксперта по сионизму, старшего научного сотрудника Института философии АН СССР Е. Евсеева?..

Цепочку можно продолжить.

Прав поборник нашего национального достояния и чести А. Романенко: назрела крайняя необходимость в ограждении от индивидуального террора исследователей сионизма. **«Стыд и позор, — пишет он, — что менее полутора процентов населения страны нагло хозяйничают в СССР, не встречая никакого серьезного сопротивления!»**

Добавим: **при полном попустительстве, а может, и поощрении отдельных кругов в правительстве.**

С преступной мафией не «конкурируют», ее уничтожают. Прав М. С. Горбачев, говоря: «Вытеснение одних наций другими, призывы и действия подобного рода могут привести к всеобщей беде».

А какая это беда, мы уже знаем на примере некоторых наших регионов. Фактически идет духовная оккупация славянских народов все той же методой завоевания элитного положения менее талантливыми и подавления более одаренных, но не обладающих «живучестью» «избранных». И если говорить более точно, без эмоциональных всплесков с национальным привкусом, то все эти акции в большей степени носят идеологический, нежели национальный, характер. **Мы наблюдаем агрессивное проникновение сионизма во все сферы нашей интеллектуальной и управленческой жизни, наглое вмешательство в экономические, социальные, политические институты общества.** По сути, сравнительно небольшая по отношению ко всему населению страны, сбитая в блок группа людей с националистическо-имперским душком, изображая на лице приятнейшую мину, будто на земле ничего не происходит, нагло рвется к власти над всем народом любыми путями. Такая оголтелая нахрапистость, беспрецедентная открытость была бы невозможна, повторяю, без усиленной подпитки мощных сил «из-за бугра». Всякие межрегиональщики, левофронтовцы, лжедемократы заручились поддержкой хороших дядей из-за морей и океанов, чувствуя за своей спиной надежную поддержку. Если раньше, в так называемые застойные времена, подобные кланы действовали масонски прикрыто (и мы на сегодня имеем налицо результаты этой «деятельности»), то сейчас они пошли нагло, в открытую, уже предвкушая полный, обещанный им к двухтысячному году царем Соломоном, триумф господства над «всеми царствами, народами и племенами».

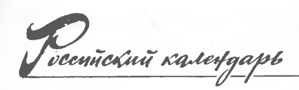
Законно встает вопрос: в какой стране мы находимся? За что мы воевали полвека назад и за что десятки миллионов наших соотечественников сложили головы? Чье у нас правительство? Не из потомков ли тех, кто верховодил в революцию и встал во главе молодой страны?

Если часто слышишь о необходимости принятия закона об «антисемитизме», а не закона, запрещающего деятельность расизма в облике сионизма, то как ответить по-другому? Мы понимаем, для чего определенно просионистские круги требуют себе защитительный закон, они и при наличии закона, пресекающего межнациональную рознь, пользуются этим законом, как никто другой.

Я, находясь более двух лет на захваченной гитлеровцами территории, испытал, что такое фашистская оккупация. Теперь из одной оккупации — коричневой — я попал в другую — желтую.

Впору призвать к действию Закон Союза Советских Социалистических Республик, принятый в этом году, «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», где черным по белому сказано:

«Деятельность... направленная на... применение насилия на национальной основе... подлежит запрету».

МЕСЯЦ ФЕВРАЛЬ

1(19 января)

1593: «пошел с Москвы Трифон Коробейников» — начало второго путешествия думного дьяка в Царьград, совершенного в 1593—1594 гг. по поручению царя Феодора Ивановича.

1652: обретение мощей преподобного Саввы Сторожевского, основателя Саввина-Сторожевского монастыря близ Звенигорода Московской епархии на горе Стороже, прозванной так по причине бывшей на ней при князе Георгии Звенигородском сторожки для предостережения от неприятеля. Преподобный Савва — один из учеников святителя земли Русской Сергия Радонежского.

2(20 января)

473: преподобного Евфимия Великого, во имя которого в 1714 г. выстроена церковь в Донском монастыре в Москве.

1605: поражение войск Лжедмитрия I под Добрыничами.

1918: Совнарком принял декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

3(21 января)

1556: кончина преподобного Максима Грека, монаха-аскета и учителя иноческого жития. «Инок» означает монах, чернец. Название имеет оттого, что ИНАЧЕ должен вести жизнь свою от мирского поведения.

1526: женитьба Василия III на Елене Васильевне Глинской, после развода (в ноябре 1525) с бездетной Соломонией Сабуровой. Отец Елены Глинской — князь Василий Львович Слепой в 1508 г. перешел из подданства Литвы на службу к великому князю Московскому. Женитьба эта имела весьма печальные последствия по воздействию на православных.

1877: переход русской армии через Балканы.

4(22 января)

96: св. апостола Тимофея. Его имени в Москве церковь на Чудовском подворье, что у Харитония в Огородниках, построена в 1760 г. Тимофеем, митрополитом Московским, а в 1793 г. переименована в Петропавловскую.

1671: женитьба царя Алексея Михайловича на Нарышкиной.

1676: взятие Соловецкого монастыря стрелецким отрядом майора Келина. Конец восьмилетней (1668—1676) военной осады монастыря, братия которого, обороняя Соловки, обороняла старую веру, противясь Никоновым реформам. Почти все захваченные монастырские «сидельцы» были казнены, опустевший монастырь заселен иноками, набранными по разным русским монастырям.

1719: указ Петра I об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взысканиях за утайку душ: через год в ревизские сказки стали заносить и дворовых людей, и церковных причетчиков.

1724: утверждение Петром I проекта об Академии наук.

5(23 января)

1786: св. Феоктиста, архиепископа Новгородского.

6(24 января)

1529: мученика Иоанна Казанского.

Память блаженной Ксении Петербургской (XVIII — нач. XIX в.), бывшей юродивой, почитавшейся еще при жизни и на протяжении всего XIX и XX веков скорой помощницей и чудотворицей.

7(25 января)

389: св. Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В Москве его имени церковь на Полянке.

Празднество образу Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали». Чествование св. икон утверждено на VII 8селенском соборе. В первенствующей церкви вместо икон были изображения символические, как-то: пастырь, агнец, рыба, корабль.

1721: отмена Петром I патриаршества и учреждение Синода.

8(26 января)

V—VI вв.: преподобного Ксенофонта и супруги его Марии и сыновей их Аркадия и Иоанна. Ксенофонтов придел — в Симоновом монастыре при церкви Сергия Преподобного в трапезе, построенный иждивением московского купца Долгова в 1799 году.

1125: Благоверного Давида III, Возобновителя, царя Иверии и Абхазии.

1589: константинопольский патриарх Иеремия, отказавшись от предложенного патриаршества всероссийского, посвятил с великою торжественностью в патриархи митрополита московского Иова. За три года до того царь Феодор Иоаннович на созванном им соборе и боярском совещании сказал: «По воле Божией на востоке патриархи только по имени называются святителями, а власти почти вовсе лишены. Наша же страна, как видите, на многорасширение приходит, а потому хочу, если Богу угодно и Писания Божественные не противоречат этому, да устроится превысочайший престол патриаршеской в царствующем граде Москве». В мае 1591 года грамота об утверждении патриаршества на Руси пришла из Константинополя. Русский патриарх занял пятое место в ряду других патриархов вселенских: константинопольского, александрийского, антиохийского, иерусалимского и всероссийского.

9(27 января)

438: перенесение мощей св. Иоанна Златоуста. Вселенская родительская (мясопустная) суббота (ближайшая к сему числу). Память всех от века усопших православных христиан, отец и братий наших.

1834: у директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева и его жены Марии Дмитриевны родился последний, семнадцатый, ребенок — Дмитрий, будущий величайший русский ученый.

1857: указ Сенату о железнодорожном строительстве.

1904: без объявления войны в ночь на 27 января японские миноносцы напали на русскую эскадру в Порт-Артуре; выведены из строя броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». В бухте Чемульпо — геройский бой «Варяга» и «Корейца» против японской эскадры. Начало русской Голгофы.

10(28 января)

Иконы Богоматери Тотемской.

1643: рождение императрицы Анны Иоанновны.

1676: кончина царя Алексея Михайловича.

1725: смерть Петра I. От жестоких припадков болезни император

стонал в этот день так, что слышно было на улице, где ему отвечали рыдания толпы.

1881: кончина Федора Михайловича Достоевского. За месяц до смерти он писал: «Я за народ стою прежде всего; в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величине их, — как в святыню верую».

1897: всеобщая перепись населения в России, итогам которой посвящена работа Д. И. Менделеева «К познанию России» — державы, стоящей на пороге величайших достижений, с населением в 128 миллионов человек. Бюджет России притом с 1837 по 1897 год увеличился более чем в девять раз в то время, как бюджет Англии, например, возрос лишь в 2,5 раза (с 1831 по 1897), Франции — в 2,75 раза (с 1840). Если даже принять во внимание, что рубль в это время утратил треть своей ценности, то возрастание бюджета в России шло более чем вдвое быстрее, чем во Франции, и почти втрое быстрее, чем в Англии.

Число жителей по 11 народоисчислениям определялось следующими цифрами: 1722 год — 14 миллионов жителей, 1742 — 16, 1762 — 19, 1782 — 28, 1796 — 36, 1812 — 41, 1815 — 45, 1835 — 60, 1851 — 69, 1858 — 74 (данные 1—10 ревизий).

1918: смерть генерала А. М. Каледина.

11(29 января)

XII в.: преподобного Лаврентия, затворника Печерского, епископа Туровского.

1649: Земским собором утверждено «Уложение» царя Алексея Михайловича, отражавшее коренные проблемы русской жизни того времени. Статья 1 главы 1 гласила: «Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русский человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождьщую его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь».

1762: Петр III указом сенату разрешает раскольникам, бежавшим в Польшу и другие страны, возвратиться в Россию, причем им не дано делать никакого препятствия в содержании закона по их обыкновению и старопечатным книгам, ибо «внутри Всероссийской империи и иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники-христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что обращать должно не принуждением или огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно».

1783: родился Василий Андреевич Жуковский, автор слов русского гимна: «Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй на славу, на славу нам! Царствуй на страх врагам, Царь православный! Боже, царя храни...»

12(30 января)

Собор вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В Москве их имени церковь у Красных Ворот на Мясницкой (1699).

1829: возмущение в Тегеране против русского посольства; перебита вся миссия, в том числе убит А. С. Грибоедов.

13(31 января)

311: св. чудотворцев и бессребреников Кира и Иоанна и с ними мучениц Афанасии и дочерей ее Феодотии, Феоктисты и Евдокии.

В Москве их имени церковь на Солянке, построенная по указу Екатерины II и освященная в присутствии государыни архиепископом Амвросием в 1768 г.

1108: св. Никиты, затворника Печерского, святителя Никиты, епископа Новгородского.

1724: Петр I подписал указ, которым предполагалось перестроить монашество, а монастырям дать назначение, «сообразное с пользой государства», — одно из деяний, поколебавших религиозно-нравственные устои русской жизни.

1823: родился драматург Александр Николаевич Островский (умер 2 июля 1886). По поручению великого князя Константина Николаевича совершил путешествие по Волге для собирания сведений о местном быте, что пробудило в нем живой интерес к русской истории. С 1885 г. — начальник репертуара императорского Московского театра, директор театрального училища.

1833: император Николай I явился в Государственный совет. Здесь на столе лежали 15 томов «Свода законов Российской империи». Положено было Свод законов обнародовать. В нем были собраны М. М. Сперанским все известные ему правительственные распоряжения с 1649 по 1825 год и извлечены такие, которые не утратили своего значения к тому времени и расположены в системе.

1915: умер граф С. Ю. Витте, много сделавший для блага Америки за счет интересов России в бытность министром финансов и премьер-министром.

14(1)

1720: учреждение зеркальных заводов в Киеве.

15(2)

Сретение. Праздник, установленный в память того, как Господь наш Иисус Христос в 40-й день по неизреченном от Пречистой Девы Марии плотском рождении принесен был в храм Матерью Своею и сретен от Семеона праведного и пророчицы Анны.

В Москве — церковь в Старых Толмачах (1693), в Санкт-Петербурге — в Зимнем дворце (освящена в 1762) и церковь близ Волкова кладбища для старообрядцев (освящена в 1816).

1654: первое русское посольство в Китай.

1769: в Москве в семье армейского офицера родился русский баснописец Иван Андреевич Крылов (умер 9 сентября 1844). Басни начал писать с 1805 года. 50-летний юбилей литературной деятельности отмечался в 1838 году с небывалой торжественностью, поздравлениями от высочайших особ, речами и стихами — это был первый литературный юбилей в России, принявший размеры общественного события.

1784: родился Николай Иванович Гнедич, переводчик «Илиады». В детстве он перенес оспу, обезобразившую его, лишившую глаза, но многими трудами он не только создал полноценность своей жизни, но и им благодаря увековечил свое имя. Умер 49 лет 3 февраля 1833 года.

1813: родился композитор Александр Сергеевич Даргомыжский. Говорить начал с пяти лет — родители думали, ребенок останется немым...

1916: взятие русскими войсками крепости Эрзерум.

16(3)

1238: сожжение Москвы татарами.

1285: память благоверного князя Романа Угличского.

1547: женитьба Ивана IV на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой.

славным, как скоро его пастыри будут православны», — писал Иосиф Семашко.

1856: скончался Николай Иванович Лобачевский, «Коперник» и «Колумб» геометрии (родился в 1793 году в Нижегородской губернии). Цель университета, писал он, «не только обогатить ум познаниями, но и наставить в добродетели, вдохнуть желание славы, чувство благородства, справедливости и чести, этой строгой, неприкосновенной честности, которая бы устояла против соблазнительных примеров злоупотреблений, недосягаемых наказанием».

26(13)

Иконы Богоматери «Долинская».

1608: кончина Константина Константиновича Острожского, воеводы киевского, защитника православия в Западной Руси (родился в 1526).

1799: учреждение в Москве Медико-хирургической академии.

27(14)

869: равноапостольного Кирилла, учителя Словенского.

XII в.: преп. Иссакия, затворника Печерского.

1578: пренесение мощей мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора.

1598: избрание на царство Бориса Годунова.

28 февраля:

Иконы Богоматери Венской и Далматской.

1712: основание Тульского оружейного завода.

1732: открытие 1-го Кадетского корпуса.

1716: экспедиция капитана гвардии Беловича-Черкасского на Каспий. Экспедицией составлена первая карта Каспийского моря. Через год экспедиция была истреблена хивинцами.

Составил Игорь ДЬЯКОВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 13.12.90. Подп. в печ. 22.01.91.
Формат 84Х108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 422 000 экз. Заказ 2266. Цена 1 руб. 25 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21